

Н. П. УЛАЦИК

ОЧЕРКИ ПО АРХЕОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ

ФЕОДАЛЬНОГО
ПЕРИОДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Н. Н. УЛАЩИК

ОЧЕРКИ ПО АРХЕОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ
ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1973

В монографии дан обзор публикаций, преимущественно актового характера, по истории Белоруссии, отчасти Литвы и Украины, помещенных в археографических сборниках с 1824 по 1940 г. Автор подробно останавливается на принципе отбора и публикации документов, прослеживает историю создания и деятельность археографических учреждений, приводит сведения о людях, занимавшихся изданием документов, дает источниковедческую оценку опубликованным источникам.

*Ад прадзядаў спагон вякоў
Мне засталася спадчына;
Сярод сваіх і чужакоў
Яна мне ласкай матчынай.*

Янка Купала

ВВЕДЕНИЕ

Исторические исследования создаются на основании источников, главным образом письменных. Никакая литературная работа не может заменить источник, и Маркс, по свидетельству современника, «не довольствовался сообщениями из вторых рук; сам он всегда добирался до первоисточника, какие бы трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта спешил он в Британский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт»¹.

Обращаясь к источникам, исследователь обычно начинает с опубликованных, чтобы позже перейти к рукописным (если они имеются). При таком положении источниковедческое исследование теснейшим образом переплетается с археографическим, потому что исследователю необходимо уяснить, откуда (из каких хранилищ) заимствованы опубликованные источники, исходя из каких требований производился отбор документов для печати, каких правил публикации придерживался редактор, как производилась археографическая обработка и т. д.

Дореволюционные археографы при отборе материалов для издания главное внимание уделяли наиболее древним (и самым редким), а чем «моложе» был источник, тем меньший он представлял для них интерес. В результате этого источники, включая XIV столетие, опубликованы почти полностью; за XV столетие — большинство, начиная же с XVI в. (при наличии очень большого числа публикаций) основную массу составляют документы неизданные. Что касается последующих столетий, то за XVIII в. их издано намного меньше, чем за XVII, а за XIX в. — меньше, чем за XVIII. Чем ближе к нашему времени, тем меньше документов напечатано; период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы отражен в публикациях совсем слабо.

По истории Белоруссии феодального периода к настоящему времени издано больше сотни томов разного рода документов, не говоря о том, что масса их помещена в газетах (губернских и епархиальных ведомостях), журналах и в виде приложений к монографиям. Понимая, что охватить все публикации по истории

¹ П. Лафарг. Воспоминания о Марксе. М., 1958, стр. 14.

Белоруссии в одной работе невозможно, ограничимся частью их. Представилось наиболее целесообразным дать в первую очередь обзор источников, имеющих главным образом актовый характер и притом помещенных в археографических сборниках. Исходя из этого в данной работе мы не касаемся изданий такого рода, как летописи, мемуары, статуты, сеймовые конституции, дневники, записки путешественников и т. д., а также и актовых материалов, помещенных не в археографических сборниках. Конкретно: в «Очерки» включен обзор изданий, начиная с «Белорусского архива» (М., 1824) как первого археографического сборника, целиком посвященного Белоруссии, и кончая теми, которые вышли накануне войны, в 1940 г.

Однако правило это (ограничение объектов изучения документами актового характера) не могло быть в полной мере осуществлено, так как в серийных изданиях («Акты Виленской комиссии», «Археографический сборник документов» и т. д.) помещены самые разнообразные источники, включая летописи, мемуары, не говоря уже о том, что в этих сериях находятся документы не только по истории Белоруссии, но также Литвы, Украины, России, Польши, Латвии.

Из массы серийных изданий лишь «Историко-юридические материалы» (за небольшим исключением) заполнены источниками, относящимися почти целиком к Белоруссии; в «Археографическом сборнике документов» и в «Актах Виленской комиссии» подобные материалы преобладают, в «Актах Западной России» их большинство, тогда как в остальных («Русская историческая библиотека», «Акты Южной и Западной России», «Сборник Русского исторического общества») ² документы, касающиеся Белоруссии, занимают небольшое место. При таком положении серии, в которых белорусский материал преобладает, рассмотрены в полном составе, во всех же остальных случаях взяты лишь тома, содержащие источники, относящиеся к Белоруссии. Что касается несерийных изданий, то в них (кроме работ А. П. Сапунова) находятся материалы не только по Белоруссии, но также по Литве и Украине.

Говоря об источниках по истории Белоруссии, необходимо точно определить, что под этим следует понимать (или хотя бы, что понимает под ними автор), поскольку до 1919 г. Белоруссии как политической и даже административной единицы не существовало. В течение почти пяти столетий (с XIV по конец XVIII в.) Белоруссия (а до 1569 г. и большая часть Украины) находилась в составе Великого княжества Литовского, причем ни одна из составных частей этого государства (Белоруссия, Литва, Украина) не были отделены друг от друга определенной гранью. Областные привилегии, т. е. особенные права, имели земли Полоцкая,

² Названия изданий даются в сокращенном виде; полностью они приведены ниже, в разделах, посвященных этим публикациям.

Витебская, Волынь, Жемайтия и т. д., но каждая из них составляла лишь часть Белоруссии, Литвы, Украины. Поэтому в настоящее время выделить из массы источников те, которые касаются одной из трех (а после Люблинской унии двух) частей государства, трудно, а часто и невозможно; нередко также трудно установить, написан тот или иной документ на белорусском или на украинском языке.

В источниках периода феодализма, как и во всей дореволюционной литературе, выражения «Белоруссия», «белорусский народ» встречаются очень редко. В большой мере это зависело от того, что ранее эти понятия были недостаточно определенными. В течение столетий Белоруссией называли лишь современное Белорусское Подвинье и Поднепровье (во времена Речи Посполитой воеводства Полоцкое, Витебское и Мстиславское, а с начала XIX в. — губернии Витебская и Могилевская). Но еще чаще Белоруссию называли Литвой, потому что во времена существования Великого княжества Литовского Литвой называли все это государство, включая Белоруссию, большую часть Украины и ряд русских областей.

После присоединения к России Белоруссия тоже не рассматривалась как отдельная исторически сложившаяся этническая единица, а как часть более широкого района, именовавшегося: «Губернии, от Польши возвращенные», «Западный край», «Западная Россия», «Западная Русь», «Северо-Западный край» и, наконец, «Литва» и «Литовско-Русское государство».

Выражение «Губернии, от Польши возвращенные» применялось к восьми, а с 1843 г. (после создания Ковенской губ.) — к девяти губерниям (Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, Виленской, Ковенской, Киевской, Волынской и Подольской), т. е. к той территории, которая отошла к России после трех разделов Речи Посполитой и которая (в самых общих чертах) территориально занимает сейчас современные Белорусскую и Литовскую ССР и Правобережье Украинской ССР. Название «Губернии, от Польши возвращенные» употреблялось только в правительственных актах и не получило широкого распространения, да и из официальных документов к середине XIX в. оно тоже исчезает.

Несравнимо более живучими оказались термины «Западная Русь», «Западные губернии», «Западный край», под которыми понимались названные девять губерний, «от Польши возвращенных», однако в середине XIX в. в них вкладывалось нередко гораздо более пространное содержание. В этом отношении особенно характерны взгляды И. И. Григоровича, составителя и издателя «Белорусского архива», и профессора Петербургской духовной академии М. О. Кояловича.

И. И. Григорович изложил свои взгляды в «Записке», поданной 7 ноября 1847 г. в Отделение языка и словесности Академии наук. В этом документе высказаны соображения Григоровича

относительно ареала белорусского языка, что было неотделимо от района расселения белорусского народа. «Наречие западнорусское, — писал Григорович, — называемое иначе «белорусским», употребляется жителями Белой России, Литвы, Волыни, Подолии, Полесья, Покутья и в областях нынешней Австрийской Галиции, начиная от Западной Двины и Днепра, по Висле, Бугу, Днестру и за горами Карпатскими. Во всех сих местах русский народ говорит на нем, разумеется, с большею или меньшею примесью языка польского или малороссийского наречия и притом с различными отменами как в формах грамматических, так и в самом выговоре слов»³.

Спустя 17 лет М. О. Коялович «в небольшом обществе лиц высшего круга, пожелавших ознакомиться с историей этой страны, в которой тогда умиралась польская смута и которая вызвала к себе всеобщее русское внимание», читал лекции, в которых пояснял своим слушателям, что такое Западная Россия (слово «западная» Коялович писал со строчной буквы).

По словам Кояловича, «под именем западной России нужно разуметь Белоруссию, западную Малороссию, или так называемую Украину и Литву в собственном, племенном смысле, т. е. вообще под именем западной России нужно разуметь всю ту страну, которая лежит на запад от Днепра и юго-запад от областей верхней Двины до границ Пруссии, далее до Польши, или так называемых привисленских губерний, и, наконец, до границ австрийского государства. Если же иметь в виду, какую западная Россия была прежде и где еще живет такой же народ, как в Белоруссии или в Украине, или в Литве, то нужно будет раздвинуть указанные выше границы этой страны и на восток за Днепр, где живет немало белоруссов и особенно малороссов, и на запад в пределы Пруссии, где живет часть литвинов; далее нужно их раздвинуть в пределы Польши, почти до Вислы, где живут на севере часть литвинов, в середине часть белоруссов и на юге часть малороссов; наконец, нужно передвинуть эти границы за Восточную Галицию к Краковской области и за Угорье Венгрии, где живут тоже малороссы»⁴.

Следовательно, в обоих случаях (Коялович оговорил: «была прежде») Западная Россия заходила довольно далеко за пределы Русского государства XIX в. В официальных документах такого не допускалось, и Западной Россией называли только те области, которые входили в состав России. Однако и в официальных документах в понятие «Западный край» вкладывалось временем содержание весьма неожиданное. В 1862 г., когда виленский генерал-губернатор В. И. Назимов подал «Записку», в которой обосновывал необходимость учреждения в Вильно Археографической ко-

³ Н. И. Григорович. Очерк жизни протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича. «Странник», 1861, № 6, стр. 333.

⁴ М. О. Коялович. Лекции по истории западной России. СПб., 1884, стр. 1, 2.

миссии, и «Проект», содержащий программу деятельности той же Комиссии, то в параграфе втором «Проекта», где говорилось, какие документы будет необходимо печатать, сказано, что следует обратить прежде всего внимание на «книги, так называемые декретовые и процессовые, или книги судебных определений и процессов, в которых преимущественно выражается политический быт, характер и жизнь Западного края, именованного Великим княжеством Литовским». Эта же мысль проводится и в «Записке», в которой говорится о цели создания Комиссии и сказано, что «при современном стремлении польской партии к насильному подавлению *русской национальности* в Литве и к присвоению себе прав на этот край они (документы.— Н. У.) могут служить живым свидетелем минувших веков о самобытности политической, административной и законодательной жизни *литовского народа*» (подчеркнуто мной.— Н. У.)⁵.

Следовательно, в этом документе «русская национальность» (в современном нам понятии — белорусский народ) и «литовский народ» являются понятиями идентичными.

Почти буквально с этим совпадают слова автора первой истории Белоруссии В. О. Турчиновича, который писал, что «малопомалу Западная Русь образовала новое самостоятельное государство — княжество Литовское». Однако несколькими страницами ниже он утверждал, что Литва выросла путем захвата русских земель «во дни внутреннего неурядиства России». Еще спустя несколько страниц Турчинович сообщает, что во время войны между Великим княжеством Литовским и Русским государством в 1534 г. «от границ Смоленска запылали села и города литовские: Дубровна, Орша, Друцк, Борисов»⁶. Все названные города расположены в Восточной Белоруссии, далеко от литовской территории. Таким образом, путаница понятий у Турчиновича выражена всего сильнее.

~~Если же взять не только серийные издания, где отдельные тома часто укомплектованы документами определенной местности, а обратиться ко всем видам источников, то их (в общем плане) можно разделить на те, которые касаются территории, входящей в настоящее время в состав Белорусской ССР, и те, что относятся ко всему государству (Великому княжеству Литовскому, Речи Посполитой и Российской империи). В первом случае это будут главным образом документы социально-экономического характера (привилеи отдельным землям, городам и частным лицам, инвентари, книги магистратов и т. п.), во втором — источники общегосударственного значения, летописи, хроники, статуты, сборники законов, дипломатические акты и пр. Однако~~

⁵ А. Турцевич. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864—1906. Вильна, 1906, стр. 11—13.

⁶ О. В. Турчинович. Обзорные истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857, стр. 89, 117, 118, 135.

в ряде случаев ограничение источников территорией современной БССР не обеспечивает охват всего материала. Например, Вильно (Вильнюс) и в XIV—XVIII вв., и в наше время был и является столицей Литовского государства, но ранее в составе этого государства, кроме собственно Литвы, находилась и вся Белоруссия, тогда как сейчас — лишь литовские земли. В течение 400 лет этот город был столицей не только для литовцев, но и для белорусов. Эти традиции настолько сильны, что когда в 1905 г. было разрешено печатать книги и газеты на белорусском языке, то их главным образом издавали в Вильно. Если вообще исключить из белорусских источников все, что касается Вильно, то придется обойти молчанием деятельность Франциска Скорино, Мамоничей, православного братства, самого многочисленного и богатого в Литовском государстве (членами братства были почти исключительно белорусы).

Проще, чем при изучении культурной и политической истории, установить пределы в экономической, однако и здесь не всегда можно придерживаться современных границ. Самыми крупными землевладельцами в Белоруссии были Радзивиллы. Однако до сего времени нет полных данных о размерах их владений в разные эпохи, и если пользоваться материалами лишь одной республики, то подсчет вообще невозможен, так как у Радзивиллов были имения (кроме Белоруссии) еще в Литве, на Украине и в Польше. То же и с другими магнатскими фамилиями. Поэтому, занимаясь историей Белоруссии (а также Литвы, Украины, Польши), приходится переходить современные границы республик, тем более это необходимо, когда дело касается источников общественного значения (Литовского статута, например), в одинаковой мере относящегося к Литве, Белоруссии и Украине.

Огромное большинство публикаций по истории Белоруссии феодального периода до революции было издано правительственными организациями. Естественно поэтому, что подборка материалов и археографическая обработка их (предисловия, заголовки, примечания и даже указатели) сделаны в духе, соответствующем требованиям правительства.

Главной задачей правительственных публикаций было доказать, что в прошлом Белоруссия, Правобережная Украина и Литва были краем «искони русским» и православным и что различия между ними и собственно Россией никогда не было. Публикуя свои издания, редакторы правительственных учреждений прямо или скрытно вели полемику с польскими националистами, старавшимися доказать, что все бывшее Великое княжество Литовское было и является краем чисто польским. Интересы народов, населявших этот район, — белорусов, литовцев и украинцев не только не учитывались, но и прилагались все усилия к тому, чтобы доказать, что они вообще не существуют. Для выполнения задач, ставившихся правительством, требовались лица, имеющие клерикально-монархические настроения. Для уяснения вопроса,

что представляли собой составители и редакторы сборников, т. е. кем они были по происхождению, где учились, как складывались их взгляды и пр., в работе приведены краткие биографии, если это оказывалось возможным по состоянию источников.

Слабым местом дореволюционной археографии является по-мерно большое внимание, уделявшееся в них церковно-религиозному вопросу, а также «правка» редакторами текстов и в целом низкий уровень археографической обработки большинства опубликованных сборников. Бичом изданий того времени является наличие огромного числа опечаток, что вместе с разного рода «правкой» местами делают печатный текст значительно отличающимся от оригинала. В то же время следует отметить очень высокую интенсивность издательской работы, в особенности в конце XIX в., когда за один год выходило 3—4 тома документов, относящихся к истории Белоруссии и Литвы.

Все дореволюционные публикации очень индивидуальны: нет ни одного издания, серийного или отдельного, похожего (по принципам археографической обработки и содержанию) на другое. При отсутствии общих правил изданий даже тома одной и той же серии, редактированные разными (и даже одними и теми же) лицами, значительно разнятся между собой.

По археографии и источниковедению Белоруссии имеется небольшая литература. Автором первого очерка, посвященного опубликованным источникам, был А. А. Миловидов (для него не существовало ни Белоруссии, ни Литвы, а был Северо-Западный край) — преподаватель православной духовной семинарии в Вильно (она называлась Литовской духовной семинарией)⁷. Статья эта, вышедшая в связи с 40-летием Виленской археографической комиссии, содержит в самом сжатом виде историю создания последней, обзор ее изданий, а также других археографических изданий, вышедших до 1904 г. в г. Вильно и отчасти за его пределами.

А. А. Миловидов начал свой очерк с «Белорусского архива» Григоровича и даже упомянул издание 1788 г., содержащее основные документы по истории города Вильно⁸, но больше всего внимания он уделил «Актам Виленской комиссии». Этой серии Миловидов дал высокую оценку. По его мнению, документы, помещенные в Актах, «рисуют яркую картину общественного и домашнего быта литовско-русского общества XVI—XVIII вв., его нравы, обычаи, верования, юридические и отчасти экономические отношения»⁹. Очень лестно отзывался Миловидов и о работниках,

⁷ А. А. Миловидов. Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае. «Журнал министерства народного просвещения» (далее: ЖМНП), 1904, № 9, стр. 1—20.

⁸ P. Dubiński. Zbiór praw i przywileiów miastu stolecznemu WXL nadanych. Wilno, 1788.

⁹ А. А. Миловидов. Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае, стр. 11.

готовивших к изданию другую серию виленских публикаций — «Археографический сборник документов», сказав, что «сборники» были изданы необычайно быстро и умело¹⁰. Совсем уже бегло отмечена им серия, издававшаяся в Витебске, под названием «Историко-юридические материалы».

Однако Миловидов понял свою задачу слишком прямолинейно и, сообщив о наличии «Белорусского архива», изданного в Москве, обошел молчанием не только археографические сборники М. В. Довнар-Запольского и Ф. И. Леонтовича, вышедшие в Москве и Варшаве, но и издания Петербургской археографической комиссии, и даже публикации А. П. Сапунова (Витебск). Отбор материалов, о которых Миловидов упомянул и о которых умолчал, непонятен.

В ином плане построена работа В. И. Пичета. В начале статьи автор изложил историю организации археографической работы в России в целом с конца XVIII и до XX в., а затем перечислил археографические издания, содержащие материалы по истории Белоруссии, и дал им краткую характеристику. Эта работа имеет характер скорее библиографического обзора, чем историко-ведческого исследования, но и в таком виде она представляет большой интерес¹¹.

Характеристику основных видов источников по истории Великого княжества Литовского одним из первых дал Станислав Кутшеба, который в своем курсе «История источников древнего польского права»¹² отвел этому вопросу небольшой раздел, названный им «Право литовское» (стр. 41—82). В этом разделе содержится обзор литературы предмета и дается краткая характеристика таких источников, как инвентари, акты, привилеи, уставы, статуты. Особенно много внимания Кутшеба уделил инвентарям. Кутшеба рассматривал Великое княжество Литовское как единое целое, без выделения тех частей, которые входили в его состав, т. е. Литвы, Белоруссии и Украины, и поэтому под выражением «право литовское» понимается право, существовавшее на всей территории Великого княжества Литовского, т. е. литовцев, белорусов и украинцев.

В другой своей работе «Очерки истории государственного и общественного строя Польши»¹³, т. II которой отведен истории Великого княжества Литовского, Кутшеба дает обзор судебных

¹⁰ А. А. Миловидов. Указ. соч., стр. 12.

¹¹ Статья В. И. Пичета называется «Разработка истории литовско-белорусского права в историографии», но в основном она посвящена истории права белорусского. Первоначально эта работа была напечатана в журнале «Польмя» (см.: *У. Пичета. Распрацоўка гісторыі літоўска-беларускага права у гістарыяграфіі. «Польмя», 1926, № 8; 1927, № 2*). В переводе на русский язык статья перепечатана в сб.: «В. И. Пичета. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв.» М., 1961, стр. 413—455.

¹² S. Kutrzeba. Historia źródeł dawnego prawa polskiego. Lwów — Warszawa — Kraków, 1926.

¹³ S. Kutrzeba. Historia ustroju Polski w zarysie. t. II, wyd. II. Lwów, 1921.

учреждений этого государства (суд великого князя, суды комиссарские, ассессорские, маршалковские, земские, замковые или городские, панов-рады Великого княжества). Поскольку среди источников феодального периода огромную массу документов составляют акты, находящиеся в делах различных судов, знакомство с системой этих учреждений и их делопроизводством для исследователей истории Белоруссии является необходимым. Как уже говорят сами названия работ Кутшебы, Великое княжество Литовское он рассматривал как часть Польши, а право, существовавшее в этом государстве, как часть права польского.

Появление специальной работы по общему источниковедению Белоруссии связано с созданием в Минске университета (открыт осенью 1921 г.), где впервые было начато чтение такого курса. Читал его в 20-е годы Д. И. Довгялло. Студенческие записки этих лекций, оставшиеся в рукописи, очень кратки (37 машинописных страниц). В свой курс Д. И. Довгялло включил (кроме письменных памятников) обзор археологических материалов и устного народного творчества. При очень небольшом объеме работы все это освещено предельно кратко¹⁴.

Из тех вопросов, которые затронуты в «Источниковедении», Довгялло всего больше внимания уделил Литовской метрике: истории образования этого архива, содержанию, характеристике находящихся в нем документов, источниковедческой значимости и публикации материалов Метрики. Отдельный параграф курса отведен летописям, помещенным в томе XVII Полного собрания русских летописей и Барколабовской.

Конец курса Довгялло посвящен польским хроникам: Длугоша, Ваповского, Кромера, Стрыйковского, Бельских, Меховского. Здесь Довгялло особенное внимание обращал на известия, которые касаются Белоруссии. В заключительных параграфах изложено содержание «Русской правды», торговых договоров Смоленска и Полоцка с Ригой, различных привилеев, судебного великого князя Казимира, литовских статуты всех трех редакций, дневника Люблинского сейма и некоторых других. Совершенно новым в источниковедении был тот раздел, в котором говорится об археологической работе, проводившейся в 20-е годы нашего века в Белоруссии.

¹⁴ Рукопись курса Довгялло, которая имеется у меня и которую мне подарил покойный директор Белорусской государственной библиотеки И. Б. Симановский, не имеет титульного листа, и текст ее не правлен после напечатания. В ней такое число опечаток, что правильно прочитать может лишь тот, кому знакомы как упоминаемые в курсе фамилии, так и географические названия (например, на стр. 7 вместо «Палікарповіч» — известный белорусский археолог — напечатано «Налінарскіч»). Поскольку этот курс печатался по запискам студентов и записей, очевидно, было несколько, то можно думать, что отдельные «издания» его весьма значительно разнятся друг от друга. Судя по тексту, запись моего экземпляра была сделана в 1926/27 учебном году.

Курс Довгялло очень краткий и довольно примитивный. Некоторые разделы его (в частности тот, который касается археологических работ в Белоруссии) совершенно устарели, так как исследования последующих 40 лет коренным образом изменили представление о бесписьменном периоде истории Белоруссии, другие же, в особенности разделы о Литовской метрике, представляют некоторый интерес и в наше время. Значение курса Д. И. Довгялло заключается в том, что в нем впервые изложен в систематическом виде материал, который ранее никем не был оформлен и нигде не читался. Задачей его было дать студентам хотя бы самое общее представление о той массе источников, с которыми им пришлось позже встретиться, занимаясь исследовательской работой.

В 1965 г. в Минске в издании Белорусского государственного университета вышла книга А. П. Игнатенко¹⁵. Эта небольшая работа (2,6 печатных листа) состоит из двух разделов, один из которых озаглавлен «Общая характеристика источников по истории Белоруссии», а второй — «Главные направления в развитии историографии Белоруссии».

Источниковедению в книге Игнатенко отведено 18 страниц (8—26), т. е. меньше, чем у Довгялло, но так как у Игнатенко вопросы источниковедения рассматриваются за три эпохи — феодализма, капитализма и социализма, а у Довгялло почти исключительно феодализма, то феодальный период освещен у Довгялло более основательно. Впрочем, поскольку текст, касающийся эпохи социализма, у Игнатенко занимает три страницы, то включение этого параграфа имеет характер чисто формальный.

Как видно из предыдущего, наша работа не является первым опытом изучения археографии и источниковедения Белоруссии, но предыдущие исследователи или просто отмечали наличие определенных публикаций, или давали обзоры отдельных видов источников, или, наконец, работы их настолько кратки, что имеют характер конспектов.

В данном исследовании автор тоже охватил далеко не все публикации даже в тех ограниченных рамках, на которые указывалось выше, надеясь, что работа в том же направлении будет им продолжена. Высказывая такие надежды, понимаю, что одному подобная работа не по силам, что здесь необходима систематическая деятельность целого ряда лиц, у которых работа над источниками должна быть основной.

Для Белоруссии вопрос о полноте использованных источников стоит особенно остро, так как работ, посвященных вопросам археографии и источниковедения, имеется катастрофически мало. Очевидно, из-за этого на некоторые виды источников (мемуары,

¹⁵ А. П. Игнатенко. Введение в историю БССР. Периодизация, источники, историография. Минск, 1965.

записки путешественников, сеймовые конституции и ряд других) ссылки почти не встречаются.

В своем исследовании автор старался показать, что основная масса источников по истории Белоруссии была издана специально созданными для этого учреждениями и что эти учреждения отбирали материалы для публикации по определенной программе, усиливая значение издаваемых источников всеми теми средствами, которыми располагает археография, т. е., что публикаторская работа имела весьма определенный политический характер.

Вместе с тем автор хотел обратить внимание и на то, что при всей тенденциозности публикаторов результатом их деятельности было издание массы разнообразнейших источников, представляющих огромное культурное богатство. Изданные документы живут сами по себе, нередко утверждая совсем не то, что хотели доказать составители и редакторы, готовя том к печати.

«БЕЛОРУССКИЙ АРХИВ ДРЕВНИХ ГРАМОТ»

Первым археографическим изданием, в котором помещены материалы, касающиеся только Белоруссии, является «Белорусский архив древних грамот», составителем и редактором которого был И. И. Григорович. Работа над Архивом велась при постоянной поддержке Н. П. Румянцева, основателя Румянцевского музея.

Иван Иванович Григорович (1792—1852 гг.) родился в местечке Пропойске (теперь город Славгород в Могилевской обл.) в семье священника¹. Некоторое время отец его преподавал в Могилевской духовной семинарии, но с 1809 г. обосновался навсегда в Гомеле, принадлежавшем тогда с окрестными землями графу Н. П. Румянцеву.

Отец И. И. Григоровича был по тем временам человеком образованным, он окончил Киевскую духовную академию, хорошо знал латинский и греческий языки. Очевидно, он рано и очень серьезно стал заниматься со своими сыновьями этими языками, так как Иван Григорович, учившийся в Могилевской духовной семинарии, при выпуске свободно говорил на латинском и греческом, чему едва ли могли научить в семинарии; кроме того, будучи семинаристом, он основательно изучил польский язык.

Выросший в Белоруссии, И. И. Григорович прекрасно знал язык народа, впоследствии он составил словарь белорусского язы-

¹ Биографические данные об И. И. Григоровиче в основном заимствованы из работ его сына Н. И. Григоровича, одна из которых опубликована в журнале «Странник» (1861, июнь) и озаглавлена: «Очерки жизни протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича», а вторая — в «Чтениях общества истории и древностей российских», 1864 г., кн. II (далее: ЧОИДР) и называется «Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Румянцевым». Как сам журнал — «Странник» («Духовный учено-литературный», на обложке которого изображен ангел, указывающий путь страннику, осеняющему себя крестом), так и заглавие статьи, подчеркивающей, что Григорович назывался не Иваном, а Иоанном и что он был протоиереем, а не археографом или историком, говорит о направленности биографа. И действительно, в «Очерке» главное внимание уделено христианским добродетелям протоиерея, но очень мало сказано о его научных работах. Несравнимо более ценным является публикация в ЧОИДР писем, полученных Григоровичем от Н. П. Румянцева, К. Ф. Калайдовича, митрополита Евгения и в особенности от И. Н. Лобойко; значительно менее интересны письма самого Григоровича.

ка, вернее его начало, так как неожиданная смерть прервала эту работу (об этом см. ниже).

После окончания семинарии (1811 г.) Григорович стал преподавателем духовного училища в Могилеве, а на летние каникулы, как и ранее, приезжал к отцу в Гомель, где и встретился с Румянцевым.

Находясь в семинарии, Григорович так изучил опубликованные к тому времени летописи, что при встрече с Румянцевым удивил последнего объемом своих познаний, и меценат решил привлечь его к своим работам по разысканию и изучению рукописей.

Чтобы повысить квалификацию своего помощника, Румянцев направил его учиться за свой счет в Петербургскую духовную академию, в которой Григорович пробыл с 1815 по 1819 г., чрезвычайно интенсивно занимаясь летописями и другими источниками, а также изучением древних и средневековых авторов. В доме Румянцева Григорович встречался со светилами того времени в области археографии².

Еще студентом Григорович написал исследование «Опыт о посадицах новгородских, из древних русских летописей»; предполагалось, что он останется в Петербурге, однако больной отец попросил его вернуться в Гомель. Несмотря на недовольство Румянцева, терявшего в его лице одаренного работника (который переводил для Румянцева латинские и польские тексты и выполнял различные другие работы), Григорович уехал в Гомель, стал там священником, а затем еще и ректором (заведующим) приходского училища.

В Гомеле древних рукописей, видимо, не было, во всяком случае в Архиве они не числились, но в губернском городе Могилеве, а также в уездном Мстиславле (бывшем центре Мстиславского княжества, а позже воеводства) имелись богатые собрания. Туда и направился Григорович, которому Румянцев выхлопотал от могилевского архиепископа разрешение на право занятий в могилевских и мстиславских хранилищах, духовных и светских.

По совету разных лиц, Григорович написал «Историю белорусских иерархов». Работа эта затерялась в Синоде, и Григорович, ознакомившись с массой архивных материалов, решил не писать больше работ по церковной истории, а создать сборник документов по истории Белоруссии. Идея эта была встречена Румянцевым с восторгом. Вполне возможно, что он с самого начала пообещал Григоровичу издать сборник за свой счет, а, кроме того, говоря о характере будущего сборника и соглашаясь с Григоровичем, что публикация должна «обнаруживать дух папизма», по-

² Уехав в 1820 г. в Гомель, Григорович вел отсюда оживленную переписку с митрополитом Евгением, Я. Бередниковым, К. Калайдовичем, П. Строевым, К. Оболенским, М. Коркуновым, И. Лобойко и некоторыми другими.

советовал делать это «без всякой желчи и той ненависти, которую часто являли наши духовные особы к католической религии»³.

Григорович запроектировал издание, которое он назвал «Белорусский архив древних грамот»⁴ в трех частях⁵. Первый том (который только и был издан) составитель подготовил в очень короткий срок. Учитывая, что «задел» был незначительным (когда Григорович готовил исследование о иерархах) и что многие архивы находились в беспорядке (документы Мстиславского архива «помещались в кулях»)⁶, эта работа была проделана действительно очень быстро⁷.

Часть I Архива Григорович укомплектовал исключительно документами, обнаруженными им самим, но для второго тома материалы присылали несколько человек и среди них Иван Николаевич Лобойко — преподаватель, а с 1825 г. профессор Виленского университета.

Лобойко — украинец, после окончания Харьковского университета приехал в 1822 г.⁸ в Вильно и, видимо, сразу отправился на изыскания в архивы. Количество источников, находившихся в хранилищах Вильно и в других городах Белоруссии и Литвы, его поразило, но самым удивительным было то, что большинство документов оказались написанными на белорусском языке. Лобойко был так поражен этим, что поспешил написать о своем «открытии» и Румянцеву, и Григоровичу.

3 ноября 1824 г. Лобойко писал Григоровичу следующее: «Когда я в 1822 г. приехал в Вильно, я весьма удивлен был письменными памятниками белорусского наречия, но мое удивле-

(Н. И. Григорович. Очерк жизни протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича, стр. 19). Знакомства эти в большей мере были завязаны в бытность Григоровича в Петербурге.

³ ЧОИДР, 1864, кн. II, стр. 37, 38.

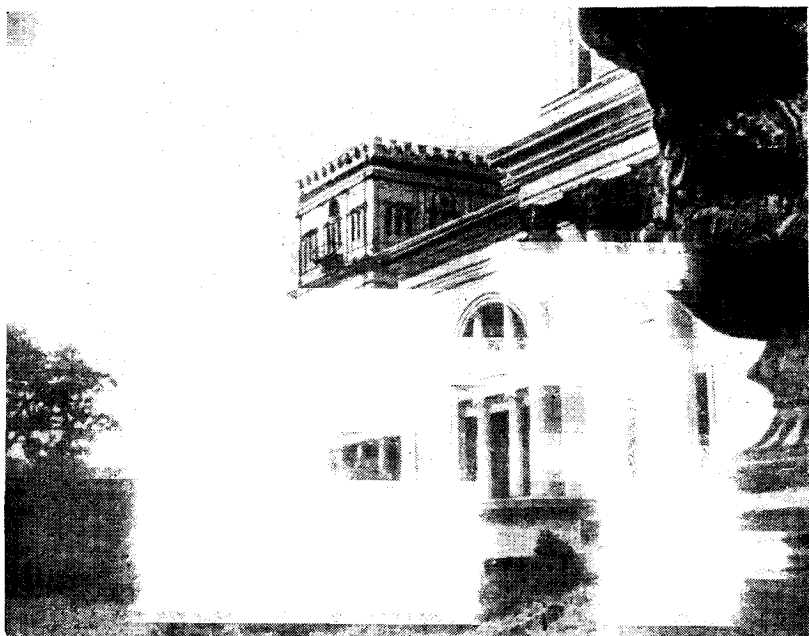
⁴ На титульном листе это издание называется «Белорусский архив», но на следующем листе дано более полное название: «Белорусский архив древних грамот»; как правило, при ссылках на этот источник употребляется первое название.

⁵ ЧОИДР, 1864, кн. II, стр. 91 (из письма митрополита Евгения Григоровичу в 1826 г.). О том же говорится в предисловии И. И. Григоровича ко второму тому Архива (Центральный государственный архив литературы и искусства БССР, ф. 796, оп. 1, д. 8763, л. 1).

⁶ ЧОИДР, 1864, кн. II, стр. 47.

⁷ Предисловие к Архиву помечено 15 августа 1823 г. Принимая во внимание, что Григорович приехал в Гомель в 1820 г., что первые месяцы должны были уйти на устройство там, что научные занятия и связанные с ними поездки в Могилев и Мстиславль происходили между делом, а также учитывая потерю времени на написание истории иерархов, можно думать, что к работе над Архивом он мог приступить не ранее начала весны 1822 г.

⁸ Краткие биографические сведения о Лобойко заимствованы из «Русского биографического словаря» (т. 10. СПб., 1914, стр. 568). В Словаре сказано, что Лобойко в Вильно приехал в 1821 г., но сам он утверждал, что это произошло в 1822 г.

Дворец Румянцева в Гомеле

ние еще более возросло, когда я увидел, что здешние архивы по большей части ими наполнены», а кроме того, «на сем же наречии» оказалось немало и печатных книг⁹. Далее Лобойко писал, что он «возымел желание, дабы все сие отделено было под именем белорусской словесности, будучи уверен теперь, что область ее чрезмерна и обширна и что только тогда приведет она к важным заключениям и открытиям, когда будет рассматриваться в собственных своих пределах и обнаружится через то удобнее взаимная связь между частями. Я осмелился сообщить сии мечты великому покровителю (Н. П. Румянцеву.— *Н. У.*)... и теперь не могу в полной мере изъяснить моего удовольствия, что белорусская словесность еще при жизни моей из мрака забвения с таким достоинством выступает на свет»¹⁰.

⁹ ЧОИДР, 1864, кн. II, стр. 45, 46. На самом деле огромное большинство документов, писанных по-белорусски, имеется только за XV и XVI вв., в XVII в. их несравнимо меньше, а в XVIII подобные рукописи встречаются крайне редко. Сокращение белорусской письменности происходило за счет роста польской.

¹⁰ ЧОИДР, 1864, кн. II, стр. 46.

О том, что «большая часть общественных и частных архивов» во всех «губерниях, от Польши присоединенных» наполнена писанными по-белорусски документами, он еще ранее писал Румянцеву и ему же переслал копии тех актов, которые показались особенно интересными¹¹ (некоторые из этих актов Румянцев отослал Григоровичу). Позже Лобойко стал посылать списки с документов Григоровичу непосредственно.

28 марта 1824 г. Лобойко послал Григоровичу списки с 17 пергаменных грамот, хранившихся в Вильно, при этом сообщал, что «подобных грамот в Литве... бесчисленное множество»¹². Тогда же он отправил и скопированные записи, сделанные на полях пергаменного евангелия, принадлежавшего князю Чарторыйскому¹³.

Не довольствуясь этим, Лобойко привлек к сотрудничеству с Григоровичем профессора Виленского университета, униатского ксендза Сосновского, который имел доступ ко всем церковным архивам и знал старославянский язык¹⁴. Лобойко просил Сосновского послать Григоровичу списки с 25 грамот¹⁵. В то же время в Полоцке штатный смотритель училищ Дорошкевич производил разыскания в архивах этого города и посылал свои находки Румянцеву, который потом часть их переслал Григоровичу. 2 апреля 1824 г. Румянцев писал Григоровичу, что Дорошкевич нашел в Полоцке много ценных документов, а 30 апреля того же года сообщал, что высылает в Гомель копии трех грамот, оригиналы которых им недавно приобретены: из них одна Свидригайлы, а две Ягайло¹⁶. Таким образом, находясь в местечке, Григорович не только переписывался с самыми крупными знатоками русской письменности, но и получал из разных мест материалы для комплектования последующих томов Архива. Ряд грамот, найденных Дорошкевичем в Полоцке, предназначался для Архива, но прежде чем передать Григоровичу, Румянцев послал их для просмотра митрополиту Евгению, который нашел, что грамоты списаны небрежно, и рекомендовал затребовать от Дорошкевича «списков точных и безошибочных». Те же документы просмотрел и Востоков, мнение которого совпало с мнением митрополита Евгения¹⁷. В общем Румянцев старался обеспечить предназначенные для публикации документы высококвалифицированной экспертизой.

¹¹ ЧОИДР, 1864, кн. II, стр. 40. В своем письме от 19.IV 1824 г. Румянцев просил Лобойко присоединить собранные им грамоты к Архиву Григоровича на условии, что это будет отмечено в предисловии (ЧОИДР, 1864, кн. II, стр. 38).

¹² ЧОИДР, 1864, кн. II, стр. 44.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 46.

¹⁵ Там же, стр. 48 (29.III 1825 г. Лобойко сообщал о высылке четырех грамот от Сосновского).

¹⁶ Там же, стр. 51.

¹⁷ Там же, стр. 61, 62.

Занимаясь белорусскими грамотами, Лобойко встречал много непонятных слов, что навело его на мысль просить Григоровича составить словарь белорусского языка (наречия — по терминологии того времени), причем он, очевидно, предполагал, что в словарь должны будут войти слова, встречаемые как в письменных памятниках, так и в живой речи. С этим предложением он обратился к Румянцеву. Лобойко считал, что Григорович, живя в Белоруссии и зная белорусский язык, должен «объяснение слов... произвести с совершенной точностью. Тогда сей словарь может оказать важную услугу не только при чтении белорусских грамот», но и при чтении летописей¹⁸. Мысль эта очень понравилась Румянцеву, и он написал Григоровичу, что целиком поддерживает идею Лобойко и что необходимо составить «словарь неудобопонятных для нас слов», дав им объяснение, а получив согласие Григоровича дополнить издание Архива опытом словаря белорусских слов, был очень доволен¹⁹.

Оплатил расходы на издание Архива Румянцев; он же помог пройти и через цензурные рогаки, что было делом нелегким²⁰.

Но по замыслам Румянцева Григорович должен был взять на себя еще одно ответственное дело. Пока шла подготовка к изданию Архива, в Вильно И. Данилович опубликовал Супрасльскую летопись польской графикой (летопись писана кириллицей). 19 марта 1824 г. Румянцев предложил Григоровичу издать эту

¹⁸ Там же, стр. 41.

¹⁹ Там же, стр. 51.

²⁰ Там же, стр. 50, 51; в своей статье «Литературная спадчына Івана Грыгаровіча» (см.: «Літаратура і мастацтва». Мінск, 1960, № 27) я высказал предположение, что т. II Архива, полностью подготовленный к печати, не был издан из-за того, что у Григоровича не хватило на это средств (Румянцев к тому времени умер). Не отрицая значения финансовой стороны дела, необходимо иметь в виду трудности прохождения рукописи через цензуру, потому что именно цензура чуть не загубила издание т. I. Присланный в Москву этот том был дан на отзыв профессору М. Т. Каченовскому, который «затруднился одобрить» три документа, помещенные в Архиве (две буллы папы Климента VIII и сообщение о Брестском соборе 1596 г.), в связи с чем цензурный комитет решил, «что в сих актах православному учению греко-восточной церкви лживо приписываются ереси и заблуждения и, поелику сии опасные мысли ничем не опровергнуты», возвратил рукопись издателю (ЧОИДР, 1882, кн. I, стр. 267, 268). Встревоженный Григорович был готов «написать опровержения на злоречия католические», но Румянцев сделал проще: документы, вызвавшие недовольство Каченовского и комитета, он приказал исключить из сборника. Наблюдением за печатанием, по просьбе Румянцева, ведал А. Ф. Малиновский. (И. А. Бессонов утверждал, что Архив издал Калайдович. См.: *И. А. Бессонов*. Константин Федорович Калайдович. ЧОИДР, 1862, кн. III, стр. 73. Однако Румянцев 23.IX 1823 г., сообщая Малиновскому, что рукопись Архива пересылает ему, добавлял: «Прошу приказать напечатать 600 экз. сих грамот». ЧОИДР, 1882, кн. I, стр. 266. Это письмо, а также и то обстоятельство, что Малиновский жил в Москве, а Калайдович в Петербурге, говорит, что изданием Архива ведал Малиновский). По мнению Иконникова, выход в свет т. II Архива затруднила цензура (см.: *В. С. Иконников*. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. (Киев, 1891, стр. 183).

летопись, «снабдив сие издание замечаниями и сличениями тех происшествий, которые несходны с извлечениями из наших летописцев», т. е., дав ее с вариантами, причем предоставлял Григоровичу право просить Лобойко от имени Румянцева «снять с летописи литовской самый верный список русскими буквами с приложением нескольких факсимиле»²¹. Очевидно, к тому времени Григорович уже получил список от Лобойко и тотчас же отослал его Румянцеву, так как последний 24 марта благодарил Григоровича «за приложенный список с литовского летописца»²².

В первом томе Архива помещено 57 актов и все они, за исключением двух (из архивов Мстиславского Пустынного и Оршанского мужского), заимствованы из хранилищ Могилева. Сборник имеет отчетливо выраженный региональный характер: в нем помещены документы, почти исключительно касающиеся или самого г. Могилева, или его ближайших окрестностей. 25 актов относятся непосредственно к г. Могилеву, а так как эти документы наиболее пространны, то они занимают большую часть книги. Среди актов находятся важнейшие документы, касающиеся истории Могилева феодального периода: «устава» о вольностях и повинностях жителей (№ 11), привилеи на магдебургское право (№ 12, 16), «лист» на право беспошлинной торговли с Россией (№ 30) и т. д.

Значительно меньше в Архиве документов, касающихся чисто церковных дел (№ 15), и даже если к ним прибавим фундушевые грамоты, касающиеся церквей и монастырей, а также актов о введении нового календаря, то их получится меньше, чем грамот, относящихся к делам города.

Хронологически документы, помещенные в сборнике, относятся к концу XV — концу XVIII в., но преимущественно к XVI—XVII вв. Архив укомплектован документами, написанными на белорусском, русском (грамоты Алексея Михайловича, Петра I и Стефана Яворского), польском и латинском языках; писанные на польском и латинском даны с переводом на русский, некоторые же из белорусских — с переводом на польский.

Ряд документов напечатан параллельно на белорусском и польском языках, причем из примечаний редактора следует, что первоначально акт был написан на белорусском, но затем, во второй половине XVIII в., его при внесении в актовые книги («актыковании») перевели на польский; в других случаях (№ 3) перевод на польский был сделан при издании сборника документов в 1767 г.²³ В ряде случаев оригинал (или список с него) и перевод находились вместе, в одном хранилище, но чаще были

²¹ ЦОИДР, 1864, кн. II, стр. 43, 49.

²² Там же, стр. 46.

²³ К док. № 3, который напечатан на белорусском и польском языках, дано такое примечание: «Сия грамота в списке старинного письма на русском языке, находится в Архиепископском архиве. Оный заимствован из Литов-

в разных местах. Григорович для своего издания использовал относительно немного оригиналов, в большинстве же это были копии более позднего времени.

В предисловии (чрезвычайно кратко) Григорович не сказал, каких он будет придерживаться правил при публикации документов, но, читая Архив, видно, что редактор старался передать тексты с предельной точностью. Судя по тому, что буква «Ѣ» встречается в Архиве очень редко (что являлось особенностью белорусского письма XV—XVI вв.), Григорович (не в пример редакторам более позднего времени) не ставил «Ѣ» вместо «е» во всех тех случаях, где это требовали правила русской грамматики. Григорович расставил в своем издании знаки препинания, чем облегчил читателю пользование текстом. В то же время, стараясь передать текст как можно ближе к оригиналу, он сохранил надстрочный знак (˘), обозначающий букву «й», и те значки, которые имелись в рукописи над согласными и которые, очевидно, должны означать твердость (например, в слове «Семеньчыньскую» такие значки стоят над буквой «н», т. е. если бы вместо значка стояла буква, то слово бы имело такой вид: «Семеньчыньскую»). Григорович, видимо, добавлял в Архиве букву «ъ», если слово заканчивалось на твердую гласную, тогда как в белорусских рукописях XVI—XVII вв. этот знак в конце слов ставился не везде. Местами, хотя и очень редко, встречаются буквы ѿ и ѡ.

Издавая Архив, Григорович стремился не только к тому, чтобы текст был понятен читателю, не знающему польского и латинского языков, но также отмечал, был ли публикуемый документ оригиналом или копией, каким почерком и на каком материале он написан, где находился в то время, когда с него снимали список, а также не был ли напечатан ранее²⁴.

Из предисловия, легенд и примечаний в конце книги видно, как широко был знаком редактор с опубликованными в то время источниками и литературой предмета.

ской метрики (см.: «Историю об унии», стр. 61; имеется в виду работа Н. Н. Бантыш-Каменского. Историческое известие о возникновении в Польше унии... М., 1805.— Н. У.), а перевод по важности акта и для пояснения русского поддминистра присовокуплен сюда из книги под заглавием: «Prawa i wolności obywatelom Koron[y] i W[ielkiego] X[ryśc]i[ę]stwa L[itewskiego] religii greckiej orientalnej wyznawców służące», изданной архиепископом Георгием Конисским в 1767 г., в которой находится подтверждающая грамота Станислава-Августа (последнего польского короля.— Н. У.), данная в 1766 г. К док. № 24 сказано, что грамота эта «вписана была на русском языке в Литовскую метрику, потом в переводе в подтверждательную грамоту Станислава-Августа, данную в 1765 г. 15 октября. Сия Августова привилегия напечатана в книге...» (называется то же издание, что и в предыдущем случае).

²⁴ В легенде к док. № 10 сказано, что «грамота писана на бумаге; к ней приложена малая королевская печать, под кустодиею, едва приметная в оттиске. Знак на бумаге: под короною в щите два креста, один ниже другого». Подлинник находится в Архиерейском архиве под № 115.

По сравнению с последующими археографическими изданиями по истории Белоруссии Архив выглядит лучше и со стороны грамотного написания, т. е. в нем очень мало опечаток. Таким образом, это издание представляется весьма качественным, однако некоторые обстоятельства заставляют отнести к нему настороженно. Дело в том, что ряд документов, напечатанных в Архиве, были впоследствии помещены в «Актах Западной России», составителем и редактором которых был тот же Григорович. Так, док. № 2 Архива напечатан в т. I Актов под № 66, а док. № 7 Архива — в т. II Актов под № 104. В первом случае редактор отметил, что акт перепечатан из Архива, во втором оказалось, что содержание их одинаково, но взяты они из разных фондов.

Никаких пометок, что при перепечатке происходила новая сверка документа с оригиналом, нет, и поэтому можно было бы ждать, что между первой публикацией и второй док. № 2 разницы не должно быть; что же касается второго случая, то расхождения допустимы. В действительности разница, и притом значительная, оказалась в обоих случаях.

Сравнив несколько строк текста обоих изданий, получим следующее:

В Архиве документ № 2	В Актах, т. I документ № 66
божию	божьёю
милостию	милостью
Юрьевичь	Юрьевичъ
и з княгинею	и с княгинею
поставили есмо церковь	поставили есмо церковь
въ	во
до тые ж	до тоѣ жъ
кромъ	кромѣ
первый Воскресения господня	первый Воскресение господне
документ № 7	документ № 104
Божию	Божюю
Мстиславски	Мстиславский
з нашею	з нашою
княгинею	кнегинею
нашими	нашими
пустошцзну	пустошину
монастыра	монастыря
почотши	почавши
ручнем	ручьем
Еловцым	Еловцом
К Козленце рече	К Ослинце рѣчцѣ

Не имея перед собой оригиналов, нельзя сказать, где напечатано правильно, а где с ошибками, однако в некоторых случаях отчетливо видно, что правильно в Актах («поставили» церковь, а не «поставили»). При любом решении такое количество расхождений на пяти строках говорит о неточности.

Учитывая, однако, и это печальное обстоятельство, следует сказать, что «Белорусский архив древних грамот» представляет собой не только первый, но и один из лучших (с археографической точки зрения) образцов публикации источников по истории Белоруссии. Что же касается содержания, то оно небогато.

Часть II Архива длительное время считалась исчезнувшей, пока ее (вместе с другими бумагами И. И. Григоровича) не обнаружил в Юдинском собрании (Красноярск) А. А. Преображенский²⁵. Рукопись эта из Красноярска была передана в Москву, откуда попала в Центральный государственный архив литературы и искусства БССР, где и находится в настоящее время. Эта часть Архива была подготовлена к печати в Гомеле к концу 1825 г. (предисловие к ней помечено 26 декабря 1825 г.).

Часть II Архива представляет собой рукопись размером в лист, переплет картонный, истертый; на корешке вытиснуто: «Белорусский архив древних грамот. Часть» (цифра II стерлась). Рукопись писана на обеих сторонах листа, в связи с чем Григорович пронумеровал страницы, в настоящее же время сделана нумерация листов. При публикации «Актов Западной России», в которых помещено много документов из второй части Архива, ссылки даны не на листы Архива, а на страницы.

Содержание второй части следующее: стр. III—IV занимает предисловие; на стр. V—XIV — оглавление; на стр. 1—240 помещены акты; на стр. 241—259 — примечания; на стр. 260—261 — генеалогическая таблица князей Мстиславских (озаглавлено: «Родословие князей Мстиславских»). Всех документов во второй части 66 (пронумеровано 67, но № 42 нет); документы за время с 1252 по 1707 г. Все они даны на языках оригинала (бело-

*Белорусский
Архив
древних грамот.*
табл 2

Титульный лист рукописи:
«Белорусский архив древних грамот», ч. 2

²⁵ А. А. Преображенский. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края. «Археографический ежегодник на 1958 г.» М., 1960, стр. 272, 273.

русском, польском, русском, латинском и греческом), причем для польских, латинских и греческих есть перевод на русский; с двух греческих документов снята на кальку копия.

Предисловие к ч. II Архива не только «представляет» ее читателю, но и дает понятие о всей проделанной Григоровичем работе в области археографии к началу 1826 г., и поэтому считается необходимым привести его почти целиком, тем более что оно очень невелико по объему²⁶.

²⁶ «Издание первой части «Белорусского архива», — пишет Григорович, — было следствием предположения собрать материалы к объяснению истории и словесности белорусской. Если сначала успех не совсем соответствовал сему желанию, тому виною были многие обстоятельства. Не входя в подробное рассмотрение их, сказать, однако, должно, что в то время, когда первоначально собирался запас для сего издания, не все еще белорусские хранилища были доступны. Впрочем, появление в свет первой книжки Архива разрешило многие преграды и предубеждения, по крайней мере объяснило истину еще новую в здешнем (подчеркнуто Григоровичем. — Н. У.) крае, истину того, что собирание старинных документов имеет особенную цену и пользу для исследователя истории и языка.

Таким образом, в течение времени открылась возможность рассмотреть архивы почти во всех городах Белоруссии; в Полотском, Витебском и Мстиславском хранилищах найдены важные памятники старинной письменности, и через то составилась новая богатый запас, при котором удобно уже делать и выбор в актах. Между тем, и некоторые из ученых доставили от себя издателю многие любопытные грамоты. При таком улучшении средств можно было поместить во второй книге Архива большее число оных и отделить соразмерную часть для последующей. Излишним считается здесь объяснить, что меры сии и содействие оным зависели от щедрот... графа Румянцева, которому благоутодно было... войти в сношение с многими особами и на приобретение как подлинных актов, так и списков с оных назначить значительные издержки...

Поелику при богатстве нового запаса грамот открылась необходимость разделить оный на две части; то вторую книжку Архива надлежало начать снова помещением в пей древнейших актов, чтобы через то в следующей дать место и позднейшим. Таким образом, в сей второй части заключаются грамоты с половины XIV до окончания XVI. Они расположены в строгом хронологическом порядке. На основании прежних правил, как необходимых и общепринятых, документы списаны с возможною верностью и с соблюдением старинного правописания, отмена разницы списков, при сличении, замечены. Приложенным к ним печатям приличное описание сделано. Места архивов, в которых акты хранятся, означены. Впрочем, вместо рукоприкладств сочтено полезнейшим приложить несколько образцов старинного почерка. В конце книжки присовокуплены исторические и критические примечания.

Наконец, о содержании и достоинстве актов, помещенных в сей части Архива, сказать надобно, что многие из них могут служить к объяснению истории не только белорусской и литовской, но и российской. Некоторые заняли здесь место как памятники старобытных прав, судопроизводства, учреждений, обычаев. Одни носят отпечаток старинного белорусского языка, другие занимательны по обстоятельствам местным, в иных сохранились от конечного забвения знаменитые лица и память заслуг их.

В третьей части Архива будут заключаться грамоты XVII в. с начала оного. При помощи божией, уже положено тому начало... Гомель, 26 декабря 1825 г.»

Твердых правил передачи текста при составлении т. II установлено не было. В ряде случаев документы даны со всеми особенностями оригинала, т. е. с титлами, надстрочными знаками, с буквами *ω*, *ϛ*, *Α*, в других — упрощенно, без указанных букв, и не раскрывая титла.

Выше упоминалось, что, готовя к изданию т. II Архива, Григорович получил много документов со стороны, главным образом из Вильно, но в предисловии об этом сказано очень глухо и лишь в примечаниях упоминается о материалах Лобойко (стр. 127, 131, 132) и Сосновского (стр. 134). Поэтому можно думать, что Григорович или поместил лишь небольшую часть присланных со стороны документов, или же не счел нужным сказать о всех них. Судя по тому, откуда взяты помещенные в т. II материалы, следует, что акты из Вильно занимают очень немного места. Из легенд видно, что важнейшим хранилищем, откуда заимствованы документы для Архива, была Румянцевская библиотека, причем часть этих актов представляет собой списки с оригиналов, а другая — с копий документов, хранившихся в тайном архиве Кенигсберга, и из Литовской метрики. Второе хранилище, из которого Григорович взял много материалов, была Полоцкая униатская консистория.

Несколько меньше актов отобрано для тома непосредственно из Литовской метрики, а также из Могилевского архива, библиотеки Могилевской духовной семинарии, из архивов Полоцкого магистрата, Мстиславского поветового суда и Виленской капитулы.

Среди документов, помещенных в рукописи, находится привилей великого князя литовского Казимира 1447 г., привилей на магдебургское право Полоцку 1498 г. и два подтвердительных привилея тому же Полоцку на магдебургское право.

В части II Архива помещены с пространными комментариями и те документы 1596 г. (№ 59, 60), из-за которых было задержано печатание первой части.

Говоря о части II Архива, нельзя обойти молчанием вопрос о «грамоте» полоцкого князя Ярослава Изяславича, будто бы выданной им полоцкому Борисоглебскому монастырю, которому князь передавал берега р. Бельчицы для постройки там мельницы. Комплектуя сборник, Григорович имел два списка этой «грамоты», из которых, очевидно, один был получен от К. Ф. Калайдовича, а второй, «снятый с подлинника», — от Румянцева. Калайдович писал, что получил список этого документа из Полоцка от иезуита ксеендза Марцеловского «при письме от 31 декабря 1816 г., в котором о грамоте сказано следующее: «Господин профессор Залесской сообщил мне на сих днях довольно старинную пергаменную грамоту с привесью восковой вовсе неизвестной печати. Сию грамоту доставил нам униатского Борисоглебского монастыря архимандрит, который монастырь находится вблизи Полоцка. Я сообщаю Вам копию оной на прилагаемой при сем

бумаге равной же величины с подлинником. Мы надеемся доставить Вам более таковых древностей через некоторое время»²⁷.

Первоначально Григорович поместил эту «грамоту» в сборник и написал к ней примечание, в котором изложил историю «находки», ссылаясь не только на приведенное выше письмо Калайдовича, но и на П. И. Кеппена, который, по мнению Григоровича, «без сомнения видел подлинник» грамоты.

Однако позже Григорович пришел к выводу, что «грамота» подложная, поэтому он вырезал лист рукописи, на котором находился этот документ, вычеркнул примечание о нем, а в конце сообщения Калайдовича сделал приписку карандашом: «Явно подложная»²⁸. «Грамота» действительно представляет собой явную подделку, но неизвестно, был ли сделан только фальшивый список или же у монахов имелся также и фальшивый «оригинал» на пергамене.

«АКТЫ ЗАПАДНОЙ РОССИИ»²⁹

Придерживаясь хронологического принципа, после Архива Григоровича следовало рассмотреть «Сборник Муханова», но так как составителем и редактором «Актов Западной России» (за исключением т. V) был тот же И. И. Григорович, который издал «Белорусский архив древних грамот», то показалось более удобным дать обзор всех его работ, связанных с белорусской тематикой, хотя бы и в нарушение хронологии, тем более это было необходимым, так как значительная часть документов из т. II Архива помещена в Актах.

В 1829 г. Григорович был переведен из Гомеля в Витебск. Это было не только служебное повышение (в Витебске он стал ректором духовных училищ, законоучителем в гимназии и т. д.), но и перемещение из местечка в город с большим историческим прошлым, в котором тогда находилось огромное количество архивных материалов и, следовательно, была возможность продолжать в большем масштабе архивные изыскания³⁰. Однако в Витебске Григорович пробыл очень недолго, так как уже в 1831 г. он оказался в Петербурге, где и прожил до конца своей жизни³¹.

²⁷ Центральный государственный архив литературы и искусства БССР, ф. 796, оп. 1, л. 8752, л. 30.

²⁸ Там же, д. 8763, л. 127.

²⁹ Полное название этой серии следующее: «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и издаваемые Археографическою комиссиею» (далее: АЗР).

³⁰ Среди документов, помещенных в Актах, материалы из витебских архивов почти отсутствуют. Возможно, это следствие того, что в Витебске Григорович пробыл очень мало.

³¹ *И. И. Григорович. Очерк жизни протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича. «Странник», 1861, № 6 (далее: И. И. Григорович. Очерк...), стр. 326. По данным И. Григоровича, в 1830 г. Витебск посетил император Николай I, которого сопровождал протопресвитер Музовский. Оче-*

Еще до издания Архива, находясь в Гомеле, Григорович был известен как знающий археограф. После выхода Архива известность его возросла еще больше, и в 1837 г. он был избран членом «Археографической комиссии», а в 1839 г. назначен главным редактором издававшихся «Археографической комиссией» «Актów исторических» и «Актów Археографической экспедиции». Одновременно он проводил энергичную работу по подготовке к изданию «Актów Западной России» и продолжал начатую в Гомеле работу над белорусским словарем.

По мнению Григоровича, при создании словаря нельзя ограничиться только теми словами, которые в то время употреблялись в обиходе, а следовало обратиться к памятникам древней письменности, так как иначе ученые (у автора «писатели». — *Н. У.*) «западнорусские и польские при самой многосторонней своей учености, не изучившие местной старины (археография), не умели дать правильного истолкования многим старинным западнорусским словам, кои давно уже вышли из памяти людей, но уцелели в древних документах тамошней письменности»³². Поэтому Григорович считал, что надо обратиться к трудам Берынды, Боболинского, Будного, Галятовского, Гизеля, Зизания, Копыстенского, Коссова, Кривзы, Могилы, Смотрицкого³³.

Как раньше указывалось, по мнению И. И. Григоровича, область распространения белорусского (западнорусского) языка были, кроме Белоруссии, Правобережная Украина без Киевщины, Галиция, Покутье (область на пограничье Польши и Галиции), Закарпатье и Литва³⁴. Возникает вопрос: как мог быть представленным такой ареал белорусского языка, даже принимая во внимание, что этот язык назывался западнорусским (в то время нередко западнорусским называли языки белорусский и украинский вместе)?

Отчасти это можно объяснить тем, что в середине XIX в. (как об этом говорилось ранее) в некоторые термины вкладывалось совсем не то содержание, которое мы вкладываем сейчас. Поскольку Белоруссией в то время называли лишь Белорусское Поднепровье и Подвинье, а из этнографической Литвы выделяли Жемайтию (Жмудь), то в понятие «Литва» входили восток современной Литвы и большая часть Белоруссии. При таком распределении в «Литве» по-литовски говорила относительно небольшая часть населения, в связи с чем Григорович мог ошибиться

видно, Григорович произвел на Музовского сильное впечатление, так как перевод в столицу произошел при его помощи. Переведенный в Петербург Григорович был назначен протоиереем гвардейского Финляндского полка, а позже протоиереем Аничкова дворца (там же, стр. 328, 329).

³² Цит. по: *Н. И. Григорович. Очерк...*, стр. 334—335.

³³ *Н. И. Григорович. Очерк...*, стр. 336.

³⁴ При таком представлении Григорович, однако, Кобрин и даже Могилев называл городами литовскими (Центральный государственный архив литературы и искусства БССР, ф. 796, оп. 1, д. 8763, л. 126).

и отнести всю Литву к области распространения «западнорусского» языка.

Гораздо менее понятным кажется его отношение к Украине. Объединив в языковом отношении с Белоруссией Галицию, Закарпатье и часть Правобережья, он исключил все Левобережье и Киевщину с правого берега Днепра. Очевидно, первоначально Григорович намеревался в основу своего словаря положить не столько живой белорусский язык, сколько старинный книжный, притом, судя по списку авторов, преимущественно XVI в. Язык книг, выходявших в XVI—XVII вв. в Вильно, Несвиже, Заблудове, Львове, Киеве и т. д., т. е. в Белоруссии, Литве и на Украине, трудно различить, и поэтому он и казался единым «западнорусским». Но почему в таком случае из списка областей выпала Киевщина? Как бы то ни было, но, комплектуя Акты, Григорович внес в них документы из очень различных районов, не дав почти ничего с Левобережной Украины.

Со словарем И. И. Григоровича произошло недоразумение, выясненное лишь совсем недавно. В биографии своего отца Н. И. Григорович написал, что словарь белорусского языка И. И. Григоровича, включая букву «В», напечатан в «Известиях II отделения Академии наук»³⁵. Однако ни год, ни номер «Известий», в котором словарь был напечатан, не указан. Это сообщение было повторено в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. IX^a, стр. 720) и в других работах, посвященных И. И. Григоровичу. Однако просмотр всех номеров «Известий» (они выходили в 1852—1863 гг.) показывает, что словарь там напечатан не был. Очевидно, исходя из этого В. С. Иконников в 1891 г. высказал предположение, что словарь И. И. Григоровича в свет не вышел³⁶, но на это замечание не обратили внимания. Лишь в самое последнее время главный библиограф Белорусской государственной библиотеки им. Ленина Н. Б. Ватаца, проанализировав все имеющиеся данные относительно этого произведения, пришла к выводу, что словарь был набран (и, возможно, отпечатан.— *И. У.*), однако в свет не вышел³⁷. Предположение это подтверждается тем, что в архиве Григоровича действительно имеется рукопись словаря на буквы «А», «Б», «В», а также лист корректуры словаря, правленный рукой Григоровича³⁸. Возможно, что «Известия» решили напечатать начало словаря, надеясь, что автор будет продолжать эту работу, ввернее, что он доведет словарь до конца; когда же подобная возможность исчезла, редакция не захотела публиковать незначительную уже набранную часть его, хотя не исключена возможность,

³⁵ *И. И. Григорович. Очерк...*, стр. 333.

³⁶ *В. С. Иконников. Опыт русской историографии*, т. 1, вып. 1, стр. 130.

³⁷ «Літаратура і мастацтва», 1969, № 85, от 18.X.

³⁸ Центральный государственный архив литературы и искусства БССР, ф. 796, оп. 1, д. 8769.

что словарь не пропустила цензура. Во всей этой истории самым странным представляется то, что сын Григоровича, напечатавший биографию отца через 9 лет после его смерти, т. е. точно знавший о состоянии дела, нашел нужным сообщить, будто словарь вышел в свет.

Словарь Григоровича составлен исходя из тех принципов, которые были изложены им в «Записке» 1847 г., т. е. в него внесены слова, употреблявшиеся не только в Белоруссии, но и на Украине, в общем в той «Западной Руси», которая существовала в представлении Григоровича. Вместе с тем в основных положениях словарь очень мало похож на тот, который Григорович обещал составить. Судя по «Записке», можно было ждать, что Григорович создаст словарь, если не исключительно пользуясь произведениями белорусско-украинских авторов XVI—XVII вв., то в большей мере, на самом же деле он составлен почти только на основе живого языка Восточной Белоруссии. Правда, в эту работу попали слова из лексикона Берынды (баянье), универсалов Хмельницкого (благочестивой), инвентаря Киево-Печерской лавры 1593 г. («баран» вместо «баранья кожа»), «малороссийской летописи» (балка, байдак), литовского статута (беремено, т. е. тяжесть), актов Кричевской магдебургии XVIII в. (багра) и т. д., но все они составляют лишь самую незначительную часть общего состава, основой же являются термины, бытовавшие во времена Григоровича на Могилевщине.

В словаре Григоровича к каждому белорусскому слову дан перевод на русский, а затем показано, как это слово звучит в фразе. Нередко составитель словаря приводит пословицы, поговорки или отрывки из песен. Этой работой Григорович показал, что ему прекрасно был знаком живой белорусский язык.

Работа над словарем была для Григоровича побочным занятием, главное же его внимание сосредоточилось на подготовке к печати археографических изданий, в частности Актов.

Первую часть «Белорусского архива древних грамот» Григорович готовил к печати как лицо частное, и поэтому комплектование тома зависело от него одного. Акты издавало главное археографическое учреждение государства — «Археографическая комиссия» в Петербурге. Независимо от того, в какой мере это было обусловлено учредительными документами, Комиссия была обязана публиковать те материалы, которые оправдывали или восхваляли политику царизма, правящий класс страны, а также православную веру. В то время, когда Григорович стал членом Археографической комиссии, для правительства едва ли не самой острой проблемой в Западных губерниях был вопрос относительно отмены церковной унии (отмена ее и «воссоединение» униатов с православием произошли в 1839 г.). Григорович, издавая Акты, уделил унии и православной церкви очень много внимания. Из пяти томов Актов четвертый почти целиком посвящен Брестской унии 1596 г., в четырех остальных вопросы, касающиеся церкви,

занимают весьма заметное место. При всем том в заголовках, примечаниях, предисловии — вообще везде, где содержится текст редактора, нет того назойливого, непрерывного упоминания о православном характере края, чем так отличались редакторы более поздних археографических изданий.

Для первого тома Архива Григорович отбирал все материалы сам. Обстановка совершенно изменилась, когда он стал членом «Археографической комиссии» и главным редактором ее изданий. Будучи учреждением государственным, располагая значительными средствами, штатом квалифицированных сотрудников, сетью корреспондентов, в том числе и заграничных, Комиссия имела возможность привлечь для изданий такие материалы, которые для отдельных лиц и даже для постоянных и временных комиссий, позже действовавших в Вильно, Минске и Витебске, собрать было невозможно.

Археографические экспедиции в Белоруссии не работали, но Комиссия получила из самых разнообразных хранилищ этого края описи имеющихся там древних актов, и, если эти акты казались интересными, Комиссия брала их себе. В предисловии к т. I Актов Григорович писал, что Комиссия «немедленно по учреждении своем (была создана в 1834 г.— *Н. У.*) распорядилась о передаче ей старинных бумаг из западнорусских библиотек и архивов и успела приобрести огромные коллекции актов»³⁹.

Затем в целях выявления новых материалов были обследованы архивы и библиотеки обеих столиц, а также многих губернских и уездных городов Белоруссии, Литвы, Левобережной и отчасти Правобережной Украины⁴⁰. Корреспонденты Комиссии

³⁹ АЗР, т. I, стр. 1. На заседании Комиссии 5 июля 1837 г. Бередников сообщил, что ему было поручено рассмотреть реестр грамот, хранившихся в Могилевском архиерейском доме. По мнению Бередникова, эти грамоты «касаются вообще прав и привилегий православных монастырей и церкви Западной России, жалованных польскими королями, восточными патриархами и другими лицами. Судя по заглавиям, некоторые из них можно причислить к материалам для истории церкви западнорусской XVI—XVII вв.» (ЖМНП, 1837, № 9, стр. 556). На заседании 2 августа того же года Устрялов читал донесение относительно актов, хранившихся в архивах присутственных мест Белостокской обл. и в Бельской городской думе (там же, стр. 570). Тот же Устрялов сообщал в Комиссию о могилевских грамотах (там же, стр. 571).

⁴⁰ По сообщению редактора, материалы для Актов были доставлены в Комиссию из следующих хранилищ: епархиальных архивов Могилева, Полоцка и Минска; библиотек Киевской духовной академии, Могилевской семинарии и Виленского капитула; из архивов Белостокского областного управления (в 1843 г. область вошла в состав Гродненской губ.— *Н. У.*), бывшего Виленского трибунала; архивов губернских правлений: Черниговского, Харьковского, Подольского; казенных и гражданских палат губерний: Киевской, Черниговской и Витебской; уездных судов: Полтавского, Мглинского (Черниговская губ.), Мстиславского (Могилевская губ.), Волковысского, Слонимского (Гродненская губ.), Владимир-Волынского; магистратов: Брестского, Бельского (Гродненская губ.),

прислали массу ценнейших материалов из Львова⁴¹ и Варшавы. Были пересмотрены также изданные ранее сборники документов, откуда для повторного издания в Актах отбирались материалы, казавшиеся наиболее существенными. Наконѣц, И. И. Григорович передал в Комиссию неопубликованный второй том своего Архива, в котором находились материалы преимущественно из Восточной Белоруссии.

Сама идея необходимости издания особой серии документов, в которых бы помещались материалы одного определенного района, т. е. «Западной России», появилась в Комиссии не сразу; несколько раз изменялось предполагаемое название серии, а также и число томов в ней. Первоначально намеревались печатать материалы, относящиеся к истории Белоруссии, Литвы, Украины, в «Актах исторических», но позже, видимо в связи с притоком массы документов, решили издать отдельную серию. В предисловии к т. I «Актв исторических» (1841 г.) Григорович писал, что в Комиссию поступило много материалов «из Западных губерний... но как документы они относятся собственно к законодательству Литовской Руси, изменившемуся под влиянием Литвы и Польши, и притом писаны на западнорусском наречии, то из них предположено составить особое издание под заглавием «Акты, относящиеся к истории Западной России»⁴².

Велижского, Оршанского (Витебская губ.), Гродненского, Ковенского, Кременецкого, Лидского (Виленская губ.), Рославского (Смоленская губ.); дум и ратуш: Киевской, Черниговской, Могилевской, Олыкской (Вольны), Переяславской. Кроме того, из библиотек: Эрмитажной и Публичной (сейчас Гос. библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), архивов: министерства иностранных дел, греко-униатских митрополитов, Литовской метрики (в то время этот архив находился в архиве Сената, сейчас в ЦГАДА), департамента народного просвещения, а также приобретенных в Швеции Соловьевым. Сверх того, в Комиссию были присланы документы из архивов Львова, Галича, Белза и Перемышля (в то время эти города находились в Австрийской империи). Из предисловий к последующим томам видно, что позже были обследованы и другие хранилища (АЗР, т. I, стр. I, II).

⁴¹ Корреспондент Комиссии Зубрицкий прислал массу документов, многие из которых были напечатаны (см.: АЗР, т. I, № 3, 6, 29, 30, 31; т. IV, № 4, 5, 22, 24, 25 и др. Много документов прислал также известный славист П. Шафарик) (см.: АЗР, т. I, № 23).

⁴² «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1841, стр. II. 19 декабря 1844 г. Комиссия сообщала, что ею подготовлен «первый том Актв, относящихся к истории Западного края России, преимущественно на белорусском наречии, которые доставлены из присутственных мест Западных губерний и выписаны из Литовской метрики. Издание это, любопытное по отношению к областям, отторженным некогда от нашего отечества, будет служить важным пособием для средней его истории и составит два тома (подчеркнуто мной.— Н. У.) (ЖМНП, 1844, ч. 44, стр. 81). Позже было решено издать три тома (см.: АЗР, т. I, стр. III), а на самом деле их вышло пять: т. I — в 1846 г., II и III — в 1848, IV — в 1851 и V — в 1853 г. Однако если серия Актв так увеличилась, то предполагаемое в 1844 г. издание «Собрание юридических актов на западнорусском наречии» (см.: ЖМНП, 1844, т. 44, стр. 76) не было осуществлено.

Несмотря на наличие массы материалов, присылавшихся в Комиссию извне, Григорович много занимался в петербургских хранилищах, разыскивая новые. Судя по протоколам Комиссии и легендам в Актах, сам Григорович отбирал документы для серии из архива греко-униатских митрополитов и Литовской метрики⁴³. Помещенные в Актах материалы из Мстиславского архива и библиотеки Могилевской семинарии были отобраны и переписаны Григоровичем еще в бытность его в Белоруссии. Документы, помещенные в той же серии из Полоцких архивов, очевидно, присланы Дорошкевичем, а док. № 8 — Лобойко⁴⁴.

⁴³ На заседании Комиссии 12 сентября 1844 г. Григорович сказал, что ему поручено «осмотреть старинные акты бывших греко-униатских митрополитов», среди которых он и нашел массу «памятников исторического содержания», древнейшие из которых исходят к XV в. По мнению Григоровича, в этих документах «встречаются малоизвестные сведения о состоянии западнорусской православной церкви во время борьбы с внешними насилиями и гонением, стремившимися подавить и даже уничтожить ее самобытность» (ЖМНП, 1844, № 12, стр. 5). По сведениям П. А. Гильдебрандта, «книги Литовской метрики доставлялись из Сената в Археографическую комиссию и послужили главным содержанием для первых четырех томов АЗР» («Русская историческая библиотека», т. XX, стр. III).

⁴⁴ О док. № 8 в т. III Григорович сообщает, что список его был прислан Румянцеву И. Н. Лобойко (Акты, т. III, примечания, стр. 5).

Среди лиц, принимавших участие в подборке материалов для «Актов Западной России», видное место принадлежит Игнатию Онацевичу (1780—1845 гг.). Сын униатского священника из Западной Белоруссии, окончивший в 1804 г. университет в Кенигсберге, он в 1827 г. стал профессором Виленского университета, но вскоре был отчислен, так как пытался обвинить ректора университета Пеликана в казнокрадстве. Знакомство с Н. П. Румянцевым, у которого Онацевич некоторое время жил в Гомеле, дало ему возможность перебраться в Петербург, где он намеревался стать членом Археографической комиссии. Однако министр народного просвещения граф Уваров разрешил ему (25.X 1837 г.) лишь участвовать в подборке материалов. Министр написал: «Состоящего не у дел коллежского ассессора Онацевича занимать при Археографической комиссии по его усмотрению пригитовлением к печатанию актов, относящихся до дел Западной Руси и Ливонского ордена, на языках латинском, немецком, польском и французском, с поручением отыскивать для включения в это собрание подобные акты в Санкт-Петербургской библиотеке с оплатой в 125 руб.».

Онацевич работал очень интенсивно в Публичной библиотеке и в Румянцевском музее, где обнаружил материалы дипломатического и иного характера (среди них «пространное и любопытное наставление короля Сигизмунда-Августа, данное посланнику в Риме, дабы он всеми мерами старался препятствовать намерению Ивана Васильевича получить царский венец»). Затем он сообщал о найденном письме Самозванца, писанном Сигизмунду III и посланном через Афанасия Власьева; есть документ, которым польский король Сигизмунд III объявлял войну Карлу — герцогу Зюдерманландскому, и др.

Однако Онацевич считал, что наиболее богатые собрания документов, касающиеся взаимоотношений России с Речью Посполитой, находятся не в столичных библиотеках и архивах, а на местах, и поэтому он обратился с просьбой послать его на родину, дав для этого определенные полномочия. Онацевич писал, что «в Западных губерниях укрываются очень важные и многие материалы по истории русской, наипаче в архивах вель-

Хронологически документы, помещенные в Актах, относятся к 1340—1699 гг., но главным образом к XVI и XVII вв. (материалы за последние два столетия занимают четыре тома из пяти). Территориально, комплектуя серию, редактор далеко вышел за пределы того района, который он считал зоной распро-

мож, а именно: Радзивиллов, Мнишков, Ходкевичей, Любомирских, Хрептовичей, Сангушков, Потоцких и др., которые занимали от давних времен важнейшие в Польше должности и имели случаи умножить свои архивы важнейшими историческими документами»; масса материалов находится также в католических и базилианских монастырях и в городах Вильно, Гродно, Дрогичине, Бресте, Владимире-Волынском, Полоцке, Витебске.

Далее Онацевич писал, что русским чиновникам (очевидно, имеются в виду не только чиновники, но вообще все официальные лица, включая духовных) владельцы ничего не покажут, «наипаче по несчастным происшествиям 1831 г. (говорится о восстании 1830—1831 гг. — *И. У.*) и оного последствия для их. Да и прежде мудро было бы русскому иметь в таком предприятии успех для недоверчивости жителей Западных губерний». Поэтому, ссылаясь на свою известность «высшему сословию Западных губерний», предлагал послать его самого. 24 июня 1838 г. министр народного просвещения наложил на эту просьбу резолюцию: «иметь в виду», т. е. отказал.

После этого Комиссия обратилась к генерал-квартирмейстеру с просьбой разрешить Онацевичу заниматься в библиотеке Генерального штаба латинскими и польскими рукописями. В апреле 1839 г. разрешение было получено. По сообщению Онацевича, он начал там с разбора бумаг, принадлежавших ранее Чацкому, которые позже приобрел Чарторыйский. В той же коллекции находились бумаги, подаренные Чарторыйскому королем Станиславом-Августом. Онацевич писал, что «по известиям, до меня дошедшим из разных источников», в этой коллекции «должно было быть картонов числом 232, в коих было актов с лишком тысяч около 13, но их ниже не нахожу... не говоря о тех актах и рукописях, которые граф Чацкий целую жизнь собирал, где только мог, разными способами, правильными и неправильными. Картоны Порицко-Пулавские, здесь приведенные, повелением начальства переплетены, но порядок в них перепутан. В большинстве это не оригиналы, а засвидетельствованные копии.

Подводя итоги деятельности Онацевича за два с небольшим года, Григорович писал, что тот рассмотрел пять коллекций из Публичной библиотеки и четыре из Румянцевского музея, среди них т. II собрания Догеля на 633 листах, 200 списков актов из тайного Кенигсбергского архива и пр. Деятельность Онацевича прекратилась внезапно. 22 декабря 1839 г. министр народного просвещения, мотивируя тем, что в Комиссию для издания Актов на иностранных языках назначен специальный главный редактор, отстранил Онацевича от работы. Всего вероятнее, это было связано с раскрытием организации Шимона Конарского, следствием чего были массовые аресты и лица католического вероисповедания увольнялись с государственной службы (Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, ф. 276, оп. 1, д. 120, листы не нумерованы. На наличие этих материалов указала А. Л. Хорошкевич, за что выражаю ей благодарность). Нет сомнения, что значительная часть собранных Онацевичем бумаг вошла в Акты, но точно уяснить которые — невозможно. В биографии Онацевича, написанной Е. Лихоч («Русский биографический словарь», т. 12. СПб., 1905, стр. 262—264), откуда заимствованы некоторые данные относительно Онацевича до его прихода в Археографическую комиссию, написано, что Онацевич был в 1837—1839 гг. действительным членом Комиссии и что он каждое лето «совершал особые специальные археографические поездки по польско-литовскому и западнорусскому краю» и т. д. Эти данные, безусловно, фантастичны.

странения «западнорусского наречия». В Акты, например, оказались включенными не только документы, касавшиеся отношений Новгорода и Пскова с Великим княжеством Литовским, но также связей этих городов с дерптским архиепископом и Ливонским орденом (т. I, № 69, 75, 112), а также польские статуты (т. I, № 2, 27).

В серии имеется масса документов об отношениях Великого княжества Литовского с Русским государством, Крымом, Молдавией, Польшей, и поэтому Акты в сущности посвящены истории не только «Западной России», как бы широко ни толковалось это понятие, но всей Восточной Европы, хотя преимущество отдается событиям, происходившим в Великом княжестве Литовском.

Документы в серии расположены так, что каждый том, в котором материалы размещены в хронологическом порядке, является продолжением предыдущего, из чего следует, что комплектование производилось тогда, когда у редактора был подобран материал для всех пяти томов.

Какими правилами руководствовался редактор при издании Актов, Григорович не говорит, ссылаясь на правила, изложенные при печатании «Актов исторических» и «Актов Археографической экспедиции»^{44а}. Однако в указанных изданиях о правилах публикации сказано настолько кратко, что важнейшие вопросы остаются неясными. Для истории белорусского языка очень существенно знать — не заменял ли редактор букву «е» на «ѣ», букву «и» буквой «і» (перед гласной), ставил ли он «ъ» в конце слова (если этот знак отсутствовал в рукописи)⁴⁵.

Если брать документы, помещенные в Актах, по их значимости, то на первом месте следует поставить те, которые касаются политического положения Великого княжества Литовского, в первую очередь отношений (вернее многовековой борьбы) между Великим княжеством и Русским государством, затем взаимоотношений Великого княжества с Крымом, Новгородом, Псковом, Ливонским орденом, Польшей, Молдавией.

Для XV — начала XVI в. в т. I помещено большое число разнообразных документов о борьбе с Русским государством за пограничные земли — Северщину, Верховские княжества, Смо-

^{44а} АЗР, т. I, стр. III. В предисловии к «Актам историческим» об этом сказано, что с оригиналов были «сняты списки опытными в чтении хартий» чиновниками Комиссии и проверены главным редактором. Затем документы были разложены в хронологическом порядке «по царствованиям или историческим эпохам... В подстрочных выносках отмечены ошибки и пропуски, замеченные в тексте, также варианты, поправки и объяснения, сделанные при сличении одних и тех же мест в разных рукописях» («Акты исторические», т. I, стр. IV).

⁴⁵ Замена «ять» (ѣ) буквой «е» представляет одно из наиболее характерных явлений белорусской письменности с самых ранних времен. См.: А. I. Жураўскі. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. I. Мінск, 1967, стар. 62.

ленщину (т. I, № 17, 19, 20, 63, 133, 139, 157, 167, 180 и др.). Это присяжные грамоты князей Стародубских и Заславских Ягайле с обещанием сохранить ему верность после смерти Витовта; договорные грамоты князей Новосильских и Одоевских с великим князем литовским Казимиром; жалованная грамота великого князя литовского Александра князю Александру Можайскому на владение Черниговом, Стародубом, Гомелем и Карачевом и пр. В т. II имеется ряд документов о восстании Михаила Глинского (№ 36, 37, 40, 49 и др.). В т. III содержится масса материалов о Ливонской войне, вернее о ее начальном этапе. Среди них постановления 1563 г. о сборе серебщины (подати на ведение войны), сборе конного и пешего войска для борьбы с русскими за Полоцк (№ 33, 34), «устава» того же года о подвозе продуктов для солдат, направляющихся в Ливонию (№ 25). В т. IV имеется много материалов о периоде интервенции в Русское государство и среди них — такой пространный документ (№ 177), как «Ответные статьи литовских и польских королевских послов московским думным боярам» (1608 г.), в котором дается объяснение позиции Речи Посполитой относительно самозванца, а также док. № 182, озаглавленный «Имянная роспись московским послам, отправленная к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава, на московский царский престол». Ряд важнейших документов в этом томе относится также к войне 1634—1635 гг.

Документы о военных событиях и пограничных столкновениях дополняются массой дипломатических актов. Всего больше материалов такого рода находится в томах I и II, где помещены разнообразные «посольские речи», «опасные грамоты», огромные «статейные списки» посольских сношений между Великим княжеством Литовским и Русским государством за 1501—1505 гг. (т. I, № 192) и за 1533—1538 гг. (т. II, № 175).

Кроме того, в Актах помещено много документов дипломатического характера, направлявшихся великим князем литовским польскому королю (т. I, № 104, 135), псковичам (т. I, № 97), венгерскому королю (т. I, № 188), крымскому хану. Подобного же рода документы имеются и в других томах, но число их там невелико.

Среди общегосударственных документов одним из самых старых является Вислицкий статут 1347 г. (т. I, № 2). Этот статут представлял собой кодекс законов для Малой Польши. По каким же соображениям редактор поместил его в сборник документов, «относящихся к Западной России»? Тот же вопрос можно задать и в отношении Петровского статута 1420 г., выработанного для Великой Польши (т. I, № 27). В своем предисловии Григорович, поясняя, какого рода документы он отбирал для первого тома, говорит следующее: «В первом томе, объемлющем пространство времени от 1340 до 1506 г., собраны древнейшие памятники Западной и Южной Руси и Ливонии. В числе их довольно и

таких, которые прямо относятся к истории Великокороссийского государства. К примечательнейшим документам, вошедшим в состав сего тома, принадлежат: 1) статуты польских королей: Казимира III Вислицкий, 1347 г.; Владислава-Ягайла Краковский и Вартовский, 1420—1423 гг. и Казимира IV судебник, данный Литве в 1468 г.»⁴⁶.

Следовательно, для Григоровича статуты, изданные как для Великого княжества Литовского, так и для Польши, вполне укладывались в понятие «Западная и Южная Россия». А между тем причина, по которой Григорович поместил их в Акты, состояла в том, что они в свое время были переведены на «русский» язык и что действие их распространилось и на Западную Украину.

Вообще в Актах, кроме документов, писанных на белорусском, украинском и русском языках (по терминологии редактора «на западнорусском наречии»), ничего не печаталось, но в конце книги, в «примечаниях», содержащих иногда пространные выписки из различных документов, есть тексты и на латинском языке.

Упомянутый «Судебник» Казимира и помещенный в том же томе общеземский привилей Казимира 1457 г. являются документами первостепенной важности при изучении истории всех народов, населявших Великое княжество Литовское. Что касается статутов 1529, 1566 и 1588 гг., то о них в Актах почти ничего нет. Важнейшим из помещенных в серии документов относительно этого вопроса является указ о введении в действие статута 1529 г. (т. II, № 165).

К общегосударственным актам относятся также уставы 1529 г. (т. II, № 159) и «Устав на волоки» 1557 г. (т. III, № 19), которую редактор назвал «Уставом о управлении королевских волостей с дополнительными к ним статьями».

Том V (1633—1699 гг.) укомплектован в основном документами, относящимися к Южной Белоруссии и Украине, в частности универсалами гетманов Богдана Хмельницкого, Выговского, Юрия Хмельницкого, Брюховецкого, Дорощенко, Самойловича, Мазепы. Среди них очень много актов о дарениях монастырям земель; военным событиям, т. е. борьбе с татарами, турками и поляками, уделено много внимания лишь в актах за 1678—1681 гг.; за период до 1648 г. имеется ряд документов дипломатического характера. Для истории Белоруссии очень важен док. № 16 — инвентарь Гомельской волости за 1640 г.

Большую часть документов серии представляют акты, касающиеся православной церкви, ее положения в Великом княжестве Литовском. По своему содержанию они очень разнообразны. Здесь и послания константинопольского патриарха к православному духовенству и мирянам Речи Посполитой (т. IV, № 5, 17, 20, 21, 22 и др.), и грамоты киевского митрополита (№ 27, 32 и др.),

⁴⁶ АЗР, т. I, стр. III.

и привилей королей, касающиеся положения православной церкви в Речи Посполитой (привилей от 23 апреля 1589 г., предоставляющий православному духовенству те же права, что и католическому; привилей, выданный константинопольскому патриарху, по которому тому не возбранялось во время пребывания в Великом княжестве Литовском чинить суд и расправу над православным духовенством, — № 16 и др.). В т. I помещены документы об избрании митрополитом Григория Цамблака (№ 24, 25).

Кроме названных в серии, напечатана еще масса актов, относящихся к различным сторонам церковной жизни, в частности к дарению монастырям и церквям (почти исключительно православным) земель, населенных и ненаселенных, передаче духовным и светским лицам прав на управление церковными имениями, назначениям на должности епископов, священников и т. д. Даже в т. IV, основная часть которого заполнена гетманскими универсалами за годы национально-освободительной борьбы украинского народа, документы, касающиеся церкви, занимают видное место.

Все названные виды источников, хотя и имели прямое отношение к Белоруссии, однако лишь в том смысле, что это была часть государства — Великого княжества Литовского. Но в то же время в Актах имеется масса документов, относящихся непосредственно только к тому или иному городу, имению, монастырю, церкви и т. д. в Белоруссии.

К важнейшим из таких документов относятся привилей великих князей литовских и королей польских городам на магдебургское право, а так как это право отдельным городам выдавалось по нескольку раз (вследствие расширения прав, гибели оригинала и пр.), то в Актах для Полоцка и Могилева имеется ряд таких привилеев. Так, в т. I помещен привилей на магдебургское право Полоцку, выданный в 1498 г. (т. I, № 159; в Актах по ошибке отмечен 1499 г.), а в т. II за 1510 г. — подтверждающий привилей на то же право (№ 61). В т. I находятся привилей на магдебургское право Минску (1499 г., № 165), а во втором — Волковыску (1507 г., № 13), Новогрудку и Бресту (1510 г., № 71, 73). Брест получил магдебургское право в 1390 г., и, следовательно, в Актах помещен подтверждающий акт, хотя это и не отмечено редактором, в т. III — привилей 1561 г. на малое магдебургское право, а в 1577 г. — на большое магдебургское право (№ 28, 77), выданный Могилеву); в т. IV — привилей Витебску (№ 118).

Еще более важны уставные грамоты, дававшиеся правительством Великого княжества Литовского различным землям, бывшим ранее княжествами. Так, в т. II помещена «Уставная грамота Полоцкой земле» (№ 70), а в т. I — Витебской (№ 204). Кроме того, в т. I находится еще ряд документов XV в., имеющих первоклассное значение для изучения истории Полоцка (№ 147, 175, 185).

Наиболее массовым видом документов, касающихся отдельных мест Белоруссии, являются фундуши, т. е. пожертвования на различные монастыри и церкви. Самые ранние из них предельно кратки. Так, грамота киевского князя Александра Владимировича (внука Ольгерда) и его жены, выданная Лаврашевскому монастырю, содержит следующее: «Се яз князь Олександр Володимировичь и с своею княгинею Московкою и своими детми дал есмь десятину святей Богородицы у Лаврошев монастырь из Турца, у веку» (т. I, № 28). Более поздние обычно значительно пространнее.

Целая серия документов опубликована о дарениях Мстиславскому Онуфриевскому монастырю; очень много — о дарении Киево-Печерскому монастырю.

Поскольку Григорович, издавая Акты, широко использовал документы, содержащиеся во втором (неизданном) томе его «Белорусского архива», в котором материалы были почти исключительно из Восточной Белоруссии (в особенности много из архивов Мстиславля), то и в Актах среди документов, относящихся непосредственно к какой-либо местности Белоруссии, всего больше оказалось из восточной части.

Легенды написаны по-разному, но всегда очень обстоятельно, однако часто в них не указаны ни номер дела, из которого взят документ, ни листы, но для Актов, заимствованных из Литовской метрики, есть и то, и другое. Всего беднее легенды к документам, полученным из-за границы. В таком случае редактор ограничивался замечаниями — от какого заграничного корреспондента он получен.

Много лет спустя после выхода в свет «Актов Западной России» Г. А. Карпов отметил, что Григорович «иногда для ясности исправлял слог» публикуемых документов⁴⁷. Едва ли это является выдумкой. В таком случае — это один из существенных изъянов Актов.

«СБОРНИК МУХАНОВА»⁴⁸

В 1836 г. в Москве вышел том документов, подготовленный к печати и изданный П. А. Мухановым, озаглавленный «Сборник Муханова». Спустя много лет (в 1868 г.) М. О. Коялович писал, что появление этого сборника, а также «Собраний грамот виленских и минских» (о них см. ниже) было связано с восстанием 1831 г.⁴⁹ Поскольку при всех восстаниях польская шляхта

⁴⁷ «Сборник императорского Русского исторического общества», т. 71, СПб., 1892, стр. 1.

⁴⁸ «Сборник Муханова». М., 1836, стр. IX + 262 + XXX + 14.

⁴⁹ М. О. Коялович. Рецензия на издание: «Археографический сборник документов...». ЖМНП, 1868, № 10, стр. 223. Польское восстание происходило в 1830—1831 гг., но в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине оно началось и окончилось в 1831 г.

утверждала, что Белоруссия, Литва и Правобережная Украина являются краем польским, и требовала присоединения его к Польше, то задачей Муханова было доказать, что это был край русский⁵⁰. Однако это положение было высказано Мухановым не столько посредством подборки документов, сколько через предисловие, в котором он указывал, что в бывшем Великом княжестве Литовском господствовало русское население и русский язык.

В этом предисловии Муханов писал, что «несколько [грамот], почерпнутых из Литовской метрики, послужат к объяснению сношений России с Польшей и Литвой. Эти официальные акты, написанные все на *русском* (подчеркнуто Мухановым.— *Н. У.*) языке, будут служить лучшим доказательством, что западные наши провинции (которые поляки называют забранным краем, а русские недавно начали называть возвращенными губерниями) были населены русскими, исповедовавшими греко-русскую веру, что почти все жители говорили по-русски, судопроизводство с самого начала было на русском, дипломатические сношения велись на языке русском»⁵¹ (подчеркнуто Мухановым.— *Н. У.*). Это место предисловия было, однако, испорчено самим же Мухановым, который в заголовке к док. № 87 написал: «Выписка из литовской истории, писанной на литовско-русском наречии»⁵². Поскольку «Выписка» по языку ничем не отличается от документов, почерпнутых издателью из Литовской метрики, то читатель вправе подумать, что и они тоже написаны не на русском языке, а на «литовско-русском наречии».

Больше половины сборника (140 страниц из 262) занимают документы, заимствованные из тех книг Литовской метрики, которые находились в Варшаве и представляли собой копии. Местонахождение почти всех остальных документов остается для читателя неизвестным, но часть из них являлась собственностью издателя.

Павел Александрович Муханов (1797—1872 гг.) с 1815 г. начал службу в армии и в 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания. Оставшись в Варшаве, он деятельно начал собирать рукописи или же снимать с них копии. В то время в Варшаве находились копии ряда книг Метрики, ознакомившись с которыми Муханов решил напечатать некоторые из этих документов. Кроме того, в Радзивилловском архиве он обнаружил хронику, отрывок из которой, напечатанный в «Сборнике», занимает одну страницу,— он касается женитьбы короля Сигизмунда-Августа на Варваре Радзивилл. Трудно понять, почему

⁵⁰ Муханов утверждал, что в «возвращенных губерниях» литовцы составляли «не более 1/10 всего населения» (стр. 1). Непонятно, к какому времени относит это Муханов, так как в числе «возвращенных губерний» находилось и Правобережье, а в Великое княжество этот край не входил с 1569 г.

⁵¹ «Сборник Муханова», стр. 1.

⁵² Там же, стр. 140.

Муханов отобрал для издания именно этот кусок, но еще труднее уяснить, где хранилась та «история», откуда была сделана эта выписка. Архив Радзивиллов находился в Несвиже (сейчас запад Минской обл.), но «история», найденная Мухановым, всего вероятнее, была в Варшаве, поскольку упоминания Муханова о его поездке в Несвиж нет.

Рассказ о женитьбе Сигизмунда-Августа на Варваре Радзивилл имеется еще в «Летописце» Рачинского (Полное собрание русских летописей, т. XVII, стлб. 353, 354; далее: ПСРЛ), в связи с чем возникает вопрос о взаимоотношениях этих списков, вернее о том, не заимствовал ли Муханов свой отрывок из этого «Летописца».

Сравнивая оба списка, видим, что они действительно очень близки между собой. Те расхождения, которые у них имеются, нередко вполне возможно объяснить «правкой» текста Мухановым с целью приблизить его к русскому произношению. Так, в ряде случаев у Муханова после «р» и шипящих стоят мягкие гласные, тогда как в тех же словах в ПСРЛ находятся твердые. У Муханова, например, напечатано: «будучи», «чинил», «прирожоное», тогда как в ПСРЛ «будучы», «чынил», «прырожоное». У Муханова часто встречается буква «ѣ», тогда как в ПСРЛ в тех же словах стоит «е» (в первом случае «воеводѣ», «панѣ», во втором — «воеводе», «пане»).

Выйдя в 1834 г. в отставку, Муханов в том же году издал «Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши, преимущественно во время самозванцев», в 1835 г.— «Записки» Жолкевского (рукопись «Записок» он раздобыл, найдя ее в Польше), а в 1836 г.— «Сборник Муханова». Все это создало ему репутацию специалиста по польским делам, и в 1842 г. он был направлен в Польшу, где занимал ряд ответственных постов (был попечителем Варшавского учебного округа, директором Комиссии внутренних дел, т. е. в сущности министром внутренних дел), заслужил там всеобщую ненависть поляков и, наконец, в 1861 г. был отстранен. Последние три года своей жизни (с 1869 г.) Муханов был председателем Археографической комиссии⁵³. Публикуя массу документов из Литовской метрики, Муханов, естественно, захотел сообщить своим читателям, что она собой представляет.

По словам Муханова, он, посещая часто Варшавский коронный архив, «довольно ознакомился с огромными фолиантами Литовской метрики». По его сообщению, Метрикой «называется собрание нескольких десятков (ниже он говорит, что томов было 29.— Н. У.) рукописных книг, содержащих государственные акты Великого княжества Литовского с 1368 г. до той поры, когда Великое княжество совершенно слилось с Королевством Польшы».

⁵³ А. Д. Ивановский. Павел Александрович Муханов. СПб., 1872, стр. 5, 6, 9, 36, 45, 47 и др.; «История Польши», т. II, М., 1955, стр. 110.

ским»⁵⁴. Из сказанного следует, что Метрика в составе 29 томов в 30-х годах XIX в. находилась в коронном архиве, а между тем далее в том же примечании сказано, что это лишь копии, переписанные к тому же с кирилличного оригинала латиницей «с сохранением, впрочем, русского выговора», что переписаны они были не все и что оригиналы Метрики в 1795 г. перевезены в Петербург⁵⁵.

Следовательно, с некоторым напряжением можно уяснить, что, кроме переписанных латиницей копий, которыми пользовался Муханов, были и оригиналы, писанные кириллицей, однако Муханов не только печатал по копиям, но и произвел обратную переписку книг, писанных латиницей, т. е. переписал их кириллицей, о чем не сообщил в предисловии. Естественно, что, переписывая кириллические тексты латиницей, переписчики в какой-то мере исказили их. Пытаясь же передать их в первоизданном виде, документы калечили еще раз, а если учесть, что Муханов к началу своих занятий Метрикой никогда не читал подобного рода рукописей, то это означает, что ошибок в его издании должно быть более чем достаточно.

Издавая «Акты Западной России», Григорович часто отмечал, что такой-то акт уже напечатан у Муханова, причем, кажется, всегда с припиской, что у последнего это сделано с ошибками.

Среди документов, заимствованных не из Метрики, много на польском языке; все они даны только в переводе на русский. Документы Метрики содержат больше всего материалов дипломатического характера. Это перемирные грамоты великого князя Витовта с Борисом Александровичем Тверским, великого князя Казимира с Псковом, того же Казимира с великим князем московским Василием Васильевичем, очень много писем великих князей литовских к крымским ханам, а среди прочего — и письмо от грузинского царя Константина «к королеве гишпанской Изабеле» (№ 18). В общем разного рода договоры и посольские материалы занимают главное место среди публикаций «Сборника», но, кроме того, в нем есть ряд важных документов, касающихся отдельных городов Белоруссии, среди них привилей, выданные на магдебургское право городам Полоцку в 1498 г. (№ 57), Минску в 1499 г. (№ 68), привилей «всим бояром и мещаном витебским» 1503 г. (№ 83), «владыце, бояром и всим мещаном смоленским» в 1505 г. (№ 85); привилей на магдебургское право Киеву (№ 91) и второй привилей, выданный тому же городу в 1645 г., «о принятии приходящих людей под право мещан» (№ 145).

В целом материалов, которые касались бы непосредственно Белоруссии, мало. Гораздо больше тех, которые относились к Белоруссии как части Великого княжества.

⁵⁴ «Сборник Муханова», стр. XXVI.

⁵⁵ Там же.

Спустя немного времени после выхода в свет «Сборника Муханова» появилась новая публикация материалов Метрики, изданных несравнимо более квалифицированно и содержащих научную историю этого архива.

«КНИГИ ПОСОЛЬСКИЕ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ»⁵⁶

В 1843 г. появилось двухтомное издание, само название которого говорило, что помещенные в нем материалы заимствованы из Литовской метрики. Это издание связано с именами крупнейших специалистов в области археографии своего времени. Том I Книги был издан под редакцией М. А. Оболенского и И. Н. Даниловича, том II редактировали М. П. Погодин и Д. Дубенский. М. А. Оболенский (1805—1873 гг.) ко времени выхода в свет Книги был сотрудником (позже директором) архива министерства иностранных дел. Публикатор целой серии источников, М. А. Оболенский был крупным археографом; не меньшей величиной являлся и М. П. Погодин (1800—1875 гг.), автор ряда исследований по истории России и издатель многочисленных источников. Однако оба они не были специалистами по истории Великого княжества Литовского, а Погодин и Дубенский вообще едва ли когда занимались ранее Метрикой. Специалистом в обоих этих вопросах был Игнатий Данилович, и, можно думать, роль его в издании Книги всего заметнее⁵⁷.

Публикация Книг интересна во многих отношениях. Прежде всего это было первое издание, в котором книги Метрики печатались целиком; во-вторых, в предисловии к т. I изложена в кратком виде история Метрики, а в приложениях показан ее состав и приведен перечень книг, имевшихся в 1843 г. Эта часть работы оказалась, можно сказать, перевыполненной, так как автор (или авторы) дал историю Метрики не только Литовской, но и Коронной, т. е. Польской, а поскольку Коронная по размерам значительно превышала Литовскую, то главное место в этом труде занял материал о Коронной.

⁵⁶ «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения в государственное короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 г.)». Издана по поручению Московского об-ва истории и древностей российских князем М. Оболенским и проф. И. Даниловичем, т. I. М., 1843, стр. XX + 480 + 2 + 2 факсим. «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственное короля Стефана Батория (с 1575 по 1580 г.)». Издана по поручению Московского об-ва истории и древностей российских проф. М. Погодиным и Д. Дубенским, т. II. М., 1843, стр. II + 285 + V + факсим.

⁵⁷ Биографические данные о Даниловиче приведены в том параграфе нашей работы, где говорится о Скарбце — сборнике, составленном Даниловичем и вышедшем в свет после его смерти. Когда печаталась Книга, совершенно большого Даниловича не было в Москве; в том же году он умер.

Важнейшую часть приложений представляет «Подробный перечень» книг Метрики, составленный в 1817 г. В. Г. Анастасевичем «из реестра, по которому сданы были в 1798 г. в ведение Сената дела Метрик Коронных и Великого княжества Литовского». Отдельно приведен перечень книг посольских, поступивших из императорского кабинета в ведение коллегии иностранных дел; перечень картонов с подлинными грамотами Коронной метрики, переданными в Главный архив министерства иностранных дел; опись книг посольских Литовской метрики, переданных в Главный архив министерства иностранных дел, и выписка из книги, хранившейся в Метрике при канцелярии 3-го департамента Сената, под заголовком: «Опись делам, в картонах находящимся, составленная в 1808 г. по старым Варшавским регистрам, с отметками, какие пиесы по сличении с теми же регистрами не оказались, и какие остались в Метрике, и какие выданы в императорскую библиотеку под расписку кол. сов. Дубровского».

Эти опубликованные данные, т. е. ставшие известными широкому кругу читателей, имели очень большое значение при дальнейшем изучении судеб Метрики.

Общее число актов в т. I — 195; за крайне редким исключением, они имеют характер дипломатический⁵⁸. Больше половины помещенных в томе документов представляют собой переписку правительства Великого княжества Литовского с Крымом, Турцией и Московским государством; переписка с Пруссией и Валахией занимает незначительное место.

Документы, помещенные в томе, были созданы в то время, когда Русское государство завоевало ханства Казанское и Астраханское, а затем начало борьбу за Ливонию. Естественно поэтому, что политические интересы Великого княжества Литовского были сосредоточены на отношениях с Россией и Крымом — противником России и, следовательно, союзником Великого княжества. С конца 1561 г. в борьбу за Ливонию включилось Литовское государство и важнейшей его задачей стало натравливание Крыма на Россию. Хан Девлет Гирей в 1562 г. сообщал Сигизмунду-Августу, великому князю литовскому, что он взял и разорил ряд русских городов: Одоев, Белев, Болхов и др., но корил великого князя, что тот в благодарность за нападения на Россию прислал ему «вельми лихие и гнилые сукна». Сигизмунд-Август в начале следующего, 1563 г., просил, чтобы хан «сее зныи в землю того неприятеля, нашего и своего Московского з войском своим шол и шкоды чинил»⁵⁹. Татары делали это, но не раз сообщали Сигизмунду-Августу, что его «упоминки плохие и что если бы их не брать, а идти войной на Великое княжество, то они получили бы гораздо больше. В 1548 г. хан

⁵⁸ Док. № 17 представляет собой сеймовое постановление относительно оплаты таможенных сборов при вывозе лесных товаров за границу. Однако это очень редкое исключение.

⁵⁹ «Книга посольская», т. I, стр. 225, 226.

Сани Гирей писал: «Которые теж упоминки ты, брат наш, до нас присылаеш, ино я тым упоминком не вельми радуюся, бо впокою не маю от людей своих, што тым способом нарекають: «Ты малую реч береш, а большую заставиши и кгда б еси нам дозволил воевати и люди брати, тогда бы еси больший пожиток с того мел, а мы вжо не можем на чом ся выховати, бо Украинну Московскую уже есьмо всю выбрали»⁶⁰.

Переписка Сигизмунда-Августа с Иваном Грозным происходила по разным предметам. В 1558 г. Сигизмунд-Август писал царю, «абы еси на Инфлянтскую землю вальки не подносиш и на кровопролитие христианству не стоял», потому что «Инфлянтская земля здавна от цесарства христианского есть подана предкам нашим в оборону отчизному панству нашему Великому князьству Литовскому»⁶¹. В 1560 г. он же требовал, чтобы Иван IV «валчити на тую землю (т. е. Инфлянты.— Н. У.) перестал»⁶². Конец т. I почти целиком занят перепиской между правительствами Великого княжества Литовского и Русского государства о перемирии. Док. № 190 содержит описание границ, установленных между этими государствами в 1570 г.

По уверению редакторов, т. I напечатан «без малейшей перемены», т. е., что текст рукописи передан совершенно точно. Редакторы оставили «все неправильные обороты и грамматические формы, все архаизмы, польские и другие иностранные слова». «Редакторы считали обязанностью,— пишут они далее,— не делать значительных исправлений, потому что эти книги писаны с особенным тщанием людьми знающими и официально сверены с подлинными актами. Исправлены только явные ошибки писцов, там, где само содержание актов ясно указывало на описки, или, где можно было восстановить текст сличением с другими подобными местами той же книги. Сверх того, сокращения, сделанные большею частью по образцу латинской, у нас малоизвестной графики, дополнены и напечатаны складом. Буквы и цифры, недостающие в гражданском алфавите, заменены употребительными». Редакторы также расставили знаки препинания, отсутствовавшие в рукописи⁶³.

Предисловие к т. II очень краткое; важнейшей его частью является палеографическое описание той рукописи, которая напечатана в этом томе. Хотя на титульном листе значится, что в нем помещены документы с 1573 по 1580 г., в действительности разного рода «листы» находятся там с 1576 по 1583 г.

Том почти целиком заполнен перепиской дипломатического характера между Речью Посполитой и Русским государством, среди них «листы верущие», «клейт, або моцованый лист короля

⁶⁰ «Книга посольская», т. I, стр. 40.

⁶¹ Там же, стр. 176.

⁶² Там же, стр. 185.

⁶³ Там же, стр. XIX, XX.

послам нашим в Москву», «науки» гонцам и послам и пр. Часть «листов» писана Стефаном Баторием Ивану IV и обратно — Иваном IV Баторию со взаимными обвинениями и упреками. В одном из писем Баторий ссылается на «Летописец старый мест Поморских».

Между документами 70-х годов XVI в. встречаются и более ранние: «Перемирная грамота между Псковым и Юрьевом на 14 лет» за 1509 г. (№ 70) и «Перемирная грамота вел. кн. Василия Ивановича с Ливонией на 10 лет» за 1522 г. (№ 69). Обе они помещены между документами 1581 г.

В документах дипломатического порядка встречаются сведения иного рода. Например, на стр. 244 помещен «Реестр стрелбы, с которого Московскому замку макуть быти поступлены». В нем сказано, что в Невеле находилось «дел (орудий.— *Н. У.*) две медяных по полтора сажени... привезенные з Полоцка, куля в них з гусиное йцо». Еще два орудия были там «болш ніж по сажню, куля в них менш ейца гусиного». Для небольших орудий «кули» были «с курачье йцо».

Согласно сообщения редакторов, текст Книги Метрики был перепечатан слово в слово. Вместе с тем редакторы этого тома выразили свое удивление по поводу того, что писаны они «с таким отличием от великороссийского письма, что везде почти употреблены буквы «е» вместо «ь», также «ѿ» вместо «о» (в начале слов), «ѿ» вместо «ф». Значит, общие правила белорусского правописания XVI в. для Погодина были новостью, он плохо разбирался в этом: на факсимиле документа, помещенного в конце книги и писанного на белорусском языке, сделана надпись: «Снимок из литовской рукописи 1583 г. скорописью белорусской».

Следующая публикация книг Метрики в полном объеме была сделана только много лет спустя.

«СОБРАНИЕ ГРАМОТ И АКТОВ ГОРОДОВ: ВИЛЬНО, КОВНО, ТРОК»⁶⁴

Это издание (как видно из заголовка) территориально целиком относится к Литве, но в то же время оно имеет непосредственное отношение и к белорусской историографии, поскольку православное население названных городов состояло почти исключительно из белорусов, а Собрание в большой мере укомплектовано актами, касающимися православных церквей и монастырей. Большой интерес для белорусской историографии представляет также и предисловие к Собранию, потому что в нем сформулированы взгляды на развитие взаимоотношений восточнославян-

⁶⁴: «Собрание древних грамот городов: Вильно, Ковно, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам». Вильна, ч. I, 1843, стр. 94 + 194; ч. II, стр. 208.

ских народов с литовским, которые позже (хотя и с некоторыми изменениями) стали как бы официальными.

Мысль об издании подобного сборника возникла в 1838 г. у гражданского губернатора Вильно князя Долгорукова, который поднял вопрос о создании при Виленском статистическом комитете особой комиссии, обязанной дать описание материалов, находившихся в архивах как правительственных учреждений, так и монастырских и церковных. Идея эта была реализована при следующем губернаторе — А. В. Семенове. Комиссия (временная), созданная на один год при губернском статистическом комитете, получила на свои работы 1050 руб. В состав ее вошли бывший редактор газеты «Виленский вестник» Марциновский, помощник архивариуса архива Главного литовского трибунала Корбут, священник Корсакевич и производитель дел статистического комитета Яхимович. Позже в работе комиссии принял участие еще игумен виленского Свято-Троицкого монастыря Арсений⁶⁵.

Работа временной Виленской комиссии должна была проходить под руководством Петербургской археографической комиссии, в действительности, однако, дело, кажется, ограничилось присылкой из Петербурга инструкции (высланной 13 ноября 1842 г.), в которой Виленской комиссии рекомендовалось «извлекать из него (дел Главного литовского трибунала.— Н. У.) в списках для печатания все акты, которые касаются законодательства, управления и замечательнейших событий Литовского княжества. При списывании подлинника преимущественно обращать внимание на акты XV—XVI ст., как ближайшие ко времени, когда в Западном крае наиболее проявилась русская самобытность независимо от позднейшего влияния Польши». В качестве образца Петербургская комиссия рекомендовала Виленской взять «Акты Археографической экспедиции». По мере накопления материалы из Вильно должны были отсылаться в Петербург для просмотра⁶⁶.

Очевидно, указания Петербургской комиссии Виленской в большей мере были игнорированы. Во всяком случае, не видно, чтобы собранный материал когда-либо отсылался на апробацию в столицу. Затем Виленская комиссия сосредоточила внимание не столько на материалах законодательства и «замечательнейших событий», сколько на вопросах состояния православной церкви в Великом княжестве Литовском.

Комиссия провела большую работу, отбирая для своего издания материалы как из архива Главного трибунала, так и из архивов православных церквей и монастырей Вильно и Трок. Кроме того, ряд документов был заимствован из архивов Виленской и Ковенской городских дум, Трокской ратуши, уездных судов Бра-

⁶⁵ ЖМНП, 1842, № 11, стр. 10; *Ryszard Mienicki*. Wileńska komisja archeograficzna. Wilno, 1925, str. 3, 4.

⁶⁶ ЖМНП, 1842, ч. XXXVI, отд. III, стр. 10, 11.

славского и Россиенского поветов⁶⁷; несколько актов, касающихся города Вильно, было перепечатано из собрания, изданного в конце XVIII в. Дубинским⁶⁸, но так как у Дубинского акты, писанные кириллицей, переданы латиницей, то Комиссия произвела обратный перевод письма, т. е. напечатала их кириллицей. Вообще редакция стремилась к буквальной передаче текста: «...дабы сохранить всевозможную точность, соблюдено при издании сих древних актов самое правописание, с опущением токмо в печатании титл, помещенных в древнем письме, и тщательно сверяемы были печатные акты с подлинниками, а в конце каждого акта означено, что из подлинного или из списка таковой был заимствован»⁶⁹. Это обещание редакцией выполнено полностью. Тексты оригиналов, писанных кириллицей, в Собрании переданы в первоизданном виде: без заглавных букв, без знаков препинания и без заголовков (заголовки, номер документа и год написания акта есть лишь в оглавлении). Таким образом, напечатанный кирилловский текст действительно близок к оригиналу, что, однако, является не достоинством, а недостатком издания, ибо союзы и предлоги даются вместе с существительными и прилагательными, а это затрудняет пользование текстом и заставляет каждого прочитывать его по-своему. В соответствии с предисловием предельно кратки и бедны содержанием легенды. В них, правда, сообщается, оригинал ли это или копия, написано на бумаге или пергамене, в исправном или плачевном состоянии публикуемый документ, но не сказано, откуда этот акт заимствован, а палеографические примечания часто даны такие краткие, что их трудно понять.

Что касается документов, писанных латинским шрифтом, то в них есть и заглавные буквы, и знаки препинания, но не оговорено, сделано ли это редакторами или же в таком виде был оригинал. Во всяком случае, между актами, напечатанными кириллицей и латиницей, существует большая разница не в пользу кириллицы.

В части первой Собрания помещено 97 привилеев и других документов, выданных городу Вильно с 1387 (привилей на магдебургское право) и по 1713 г., а во второй — 94 акта, касающиеся православных монастырей, церквей и братств, находившихся в Вильно, Ковно, Троках и некоторых других городах Литвы. Следовательно, к истории Белоруссии отношение имеет главным образом часть вторая Собрания.

Как уже отмечалось, очень большой интерес представляет предисловие. К тому времени, когда оно писалось, работ по истории Литвы было очень мало. Из сводных работ (если не считать

⁶⁷ Там же, стр. 10.

⁶⁸ *P. Dubiński*. Zbiór praw i przywilejów miastu stołecznemu w XL Wilnowi nadanych. Wilno, 1788.

⁶⁹ «Собрание древних грамот и актов городов: Вильно, Ковно, Троки», стр. III.

древней хроники Стрыйковского, изданной в 1582 г.)⁷⁰ к этому времени вышла пространная «Древняя история литовского народа» Т. Нарбута⁷¹, и поэтому авторы предисловия, опираясь на труды названных авторов, а также на «Историю» Карамзина, должны были решать ряд очень сложных вопросов самостоятельно. Естественно, что Комиссия, выполнявшая правительственное задание, должна была и предисловие написать в духе, соответствующем требованиям правительства. Поскольку для того времени на всей территории, входившей ранее в состав Речи Посполитой, основным показателем разделения населения по национальностям была религия (всякий православный — русский, всякий католик — поляк), то и в предисловии именно на эту сторону было всего больше обращено внимания. Авторы предисловия постарались доказать, что значительное число литовцев первоначально приняли православие и лишь позже, после заключения унии с Польшей, они были наново окрещены по католическому обряду. Уже одно это обстоятельство должно было утвердить положение, что в этнографической Литве был очень силен русский элемент. Еще более должно было подтвердить это положение то обстоятельство, что в Великом княжестве Литовском длительное время государственным языком был русский (в действительности белорусский, но авторы предисловия этого термина не употребляли вовсе).

«Изложение сих грамот,— сказано в предисловии,— на русском языке свидетельствует о всеобщности русского языка в то уже время в Литве и тесную издавна существующую связь между Литвой и Русью»⁷². Далее отмечалось, что русский язык в судопроизводстве Великого княжества Литовского употреблялся до 1697 г., что Литовский статут 1529 г. был составлен на русском языке (в предисловии ошибочно сказано, будто статут 1529 г. был напечатан первый раз в Вильно в 1588 г.; этот статут спутали с третьим, действительно напечатанным в 1588 г.), что такие знаменитые фамилии, как Чарторыйские, Сангушки, Вишневецкие, Четвертинские и другие, ранее исповедовали православие и т. д. Со ссылкой на работу Ватсона сказано, будто бы в литовском языке $\frac{2}{3}$ слов славянских, а $\frac{1}{3}$ финских, готских, немецких, т. е. что литовского языка как такового вообще нет.

К предисловию даны приложения, в которых упомянутые положения даны в более развернутом виде со ссылкой на научную литературу. В параграфе первом, например, приложений приведено родословие литовских князей, в основу же его положены

⁷⁰ *Maciej Strykowski. Kronika polska, litewska, zmońska i wszystkiey Rusi. Królewiec, 1582.*

⁷¹ *T. Narbutt. Dzieje starożyte narodu litewskiego, t. I—IX. Wilno, 1835—1841.*

⁷² «Собрание древних грамот и актов городов: Вильно, Ковно, Трока», стр. IV.

данные Стрыйковского, однако тут же даны ссылки на труды Карамзина, который считал родословие Стрыйковского нелепостью. Во втором разделе, посвященном Ягайле, упор сделан на то, что первоначально Ягайло был крещен в православие, а лишь позже стал католиком. В последующем доказывается, что православные церкви в Литве существовали и до Ягайлы и т. д.

При всей шаткости построения этого предисловия оно было использовано спустя 15 лет, когда был поднят вопрос об организации Виленской археографической комиссии.

«СОБРАНИЕ ДРЕВНИХ ГРАМОТ И АКТОВ ГОРОДОВ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ»⁷³

Собрание минских грамот и актов вышло в 1848 г. и, таким образом, принадлежит к числу наиболее ранних археографических изданий Белоруссии. Инициатором его был А. В. Семенов, губернатор виленский, а позже минский. Семенов стремился повторить в Минске виленское издание настолько, что даже название и формат обоих Собраний совпадают.

Для подготовки публикации в 1845 г. была создана временная комиссия, которая и проделала всю необходимую работу. В ее состав вошли ректор Минской духовной семинарии Геласий, предводитель дворянства Борисовского у. Минской губ. и крупнейший помещик губернии граф Евстафий Тышкевич, бывший директор Архангельской гимназии Жуковский и чиновники Малафеев, Гласко и Масальский⁷⁴. Из всех них, очевидно, только один Тышкевич, автор этнографических и исторических работ⁷⁵, имел представление об археографии, и поэтому, можно думать, что он и был чем-то вроде главного редактора издания. Но в публикации (как это подчеркивается заглавием) важнейшее место заняли документы, касающиеся православных монастырей и церквей, поэтому можно предположить, что верховный надзор должен был принадлежать ректору семинарии как лицу духовному.

В Собрании находятся документы с начала XVI в. по 1748 г.; а так как в нем помещены материалы преимущественно о городах (и находящихся в городах монастырях и церквях), то естественно обратиться к вопросу, какие города имелись в губернии за указанный период. Минская губ. была образована в 1795 г. в составе 10 уездов, но по административной реформе 1843 г. Вилейский и Дисненский уезды отошли к Виленской губ.,

⁷³ «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам». Минск, 1848 (далее: Собрание), стр. XLVIII + 402.

⁷⁴ Собрание, стр. 1.

⁷⁵ *E. Tyszkiewicz. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.*

а Новогрудский у. из Гродненской губ. был переведен в Минскую. В результате этого в Минской губ. с 1843 г. стало девять уездов. В таком виде губерния, самая большая в Белоруссии и одна из крупнейших в европейской части России, существовала до осени 1915 г., когда западная ее часть была оккупирована немцами⁷⁶.

Начав комплектовать том, комиссия рассматривала территорию, с которой отбирались для сборника документы, в границах губернии 1843 г.

Административное деление Белоруссии, установленное после присоединения к России, не совпадало с тем, что было в Речи Посполитой. Во времена Речи Посполитой страна делилась на воеводства, и Минское воеводство состояло из поветов Минского и Речицкого, а в 1569 г., после Люблинской унии, к нему прибавили Мозырский. При создании губернии в 1795 г. к бывшему Минскому воеводству присоединили восточную часть расформированного Новогрудского воеводства, образовав из него Слуцкий⁷⁷ и Пинский уезды из расформированного Брестского воеводства, включив оставшуюся часть Новогрудского воеводства последовательно в Слонимскую, Литовскую и Гродненскую губернии.

В результате этого в Минской губ. с 1843 г. находились два бывших воеводских центра (Минск и Новогрудок) и три поветовых (Слуцк, Пинск, Мозырь). Слуцк с конца XIV по начало XVII в. принадлежал князьям Слуцким — Оленьковичам, являясь их столицей, а с начала XVII в. перешел к Радзивиллам, став самым многолюдным и богатым городом в их владениях. В богатом «столичном» Слуцке была собрана масса рукописей, печатных книг, произведений искусства, не только у самих князей Слуцких, но и в тех монастырях, которые находились в городе и около него. Пинск, находясь на перекрестке дорог, был значительным по тем временам городом, но уступал Слуцку; Мозырь и Речица были всегда маленькими городками.

К середине XIX в. Новогрудок пришел в упадок, однако архивы его были богаты, тем более что с 1581 г. в Новогрудке и Минске происходили сессии (каденции) Главного литовского трибунала, делопроизводство которых хранилось на месте, где происходили каденции.

Минск, хотя и принадлежал к числу лучших городов Великого княжества Литовского, никогда до самой революции не ит-

⁷⁶ Уезды губернии с 1843 г.: Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Минский, Мозырский, Новогрудский, Пинский, Речицкий и Слуцкий. (Речица в 1796 г. была назначена уездным городом Черниговского наместничества, а в 1797 г. присоединена к Минской губ. и с 1802 г. стала уездным городом).

⁷⁷ В 1791 г. Слуцк стал центром Слуцкорецкого повета. С 1793 г. до 1795 уездным городом был Несвиж, а с 1795 г. вновь стал Слуцк (А. П. Грицкевич. Слуцк. Минск, 1960, стр. 18; «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. IX. СПб., 1905, стр. 528).

рал в культурной истории Белоруссии видной роли. В нем не было сколько-нибудь примечательных собраний рукописей или печатных книг, учебные заведения (школы), существовавшие там с XVI в., ничем не выделялись из общего круга; как торговоремесленный центр он заметно уступал Могилеву или Витебску. В общем это был заурядный воеводский, а позже губернский город, и тем не менее в начале деятельности Комиссии, когда архивные фонды не были еще отосланы в Вильно, в архивах Минска находилась масса архивного материала, из которого можно было отобрать много актов, хотя требование отбирать документы о монастырях и церквях только православных резко сокращало такие возможности.

В Собрании не оговорено (в легендах), где находились публикуемые документы, но судя по содержанию их, всего больше материалов Комиссия отобрала из архивов минских монастырей, значительно меньше — из архивов Новогрудка и Слуцка, совсем мало — из Пинска, один акт — из Бобруйска и один — из Речицкого у.⁷⁸ Несколько актов (№ 17, 18 и др.), помещенных в Собрании, не имеют к Минской губ. отношения, а вместе с тем нет и пояснения редакторов, почему эти документы помещены там.

В предисловии (и вообще нигде) не сказано, каким путем производился отбор документов, т. е. посылались ли члены Комиссии в уездные города, или акты каким-то путем затребовывались оттуда, или, может быть, они к тому времени находились уже в минских хранилищах; также не сказано, кто из членов Комиссии и где отбирал документы в Минске, но оговорено, что сверка снятых списков с оригиналами производилась всеми членами Комиссии⁷⁹. Правила, которых придерживалась Комиссия при издании Собрания, были следующие: «Каждая грамота печатана на том языке и теми буквами, как писан подлинник, и, дабы сохранить всевозможную точность, соблюдаемо при издании сих древних актов самое правописание, с опущением токмо в печатании титл, помещенных в древнем письме»⁸⁰. Эти правила совсем не ясно показывают, что получилось в действительности. Строго придерживаясь написания оригинала, редакция напечатала по два и по три слова вместе, причем строчные и прописные буквы расставлены совершенно непонятно (например: «Отюря княжати Слуцкого», т. е. «от Юря княжати Слуцкого», стр. 12; «аждоречки», т. е. «аж до речки», стр. 218 и т. д.). Кро-

⁷⁸ В отдельных случаях в легенде сделана такая отметка: «Из книг монастырских» (стр. 15, 36, 37 и др.), а так как документы были из Слуцка, то можно быть уверенным, что дело шло об одном из слуцких монастырей. В самом конце сборника есть документы (№ 164—169), о которых помечено: «Из книг Пинского городского суда» или «из книг Минской ратуши» (стр. 383—385, 394, 398, 400).

⁷⁹ Собрание, стр. II.

⁸⁰ Там же, стр. I, II.

ме того, на целых страницах нет ни одной точки, ни запятой. Такая передача текста сочетается с другими, в такой же мере примитивными элементами издания: в Собрании нет заголовков документов, не указано (хотя бы на полях), к какому году относится публикуемый документ (вернее в том случае, если заголовок есть в оригинале, то он дается, если же не было, то публикация начинается с текста). Правда, заголовки документов, как и годы написания их, даны в оглавлении, но неудобство пользования сборником от этого изменяется мало. В общем это своего рода археографический полуфабрикат, и каждому читателю предоставляется возможность прочитывать тексты по-своему. Почему издатели, имея перед собой образец публикации Григоровича, не пошли за ним и издали такую примитивную работу — непонятно.

При всех своих недочетах, при всем примитивизме издания Собрание имеет по сравнению с другими свои преимущества. Огромное большинство опубликованных документов по истории Белоруссии изданы по позднейшим копиям или по записям в различных городских книгах⁸¹, тогда как в Собрании все документы напечатаны по оригиналам. При таком положении можно думать, что первоначальный текст документа передан в Собрании более достоверно, чем в других, изданных лучше, тем более что там редакторы очень часто «правили» язык актов.

Свои взгляды на историческое прошлое края Комиссия изложила в предисловии. В нем утверждается, что Минская губ. была краем издревле русским и православным. Особенный упор делался на то, что русскими и православными ранее была масса очень известных в крае фамилий, которые позже перешли в католицизм и полонизировались. «Акты, касающиеся монастырей и церквей,— сказано в предисловии,— свидетельствуют о ревности к православному исповеданию не только низшего сословия народа, но также и дворянства Западного края, находившегося в то время в составе Литовского княжества; в сем удостоверяют построение православных церквей, пожертвования и завещания в пользу их, сделанные дворянами из родов Тышкевича, Володковича, Ваньковича, Унеховского, Зеновича, Горвата и др»⁸². И далее: «Изложение сих древних грамот, писанных большею частью на русском языке, подтверждает о всеобщности языка русского в сем крае и о постоянном его употреблении в судопроизводстве даже до конца XVII ст.»⁸³. Отсутствие упоминания о суще-

⁸¹ По законам Великого княжества Литовского всякий акт приобретал законную силу лишь тогда, когда он был вписан (полагалось слово в слово) в городские книги своего повета или воеводства. Однако при вписывании, а тем более при обратном выписывании из них (если оригинал был утерян или по какой другой причине) расхождения с первоначальным текстом были неизбежны.

⁸² Собрание, стр. IX.

⁸³ Там же, стр. XV.

ствовании основной части населения губернии, т. е. белорусов, говорит о том, что редакторы отрицали его наличие вообще. Комиссия не называла белорусов даже западнорусами, а язык западнорусским, как это делал в «Актах Западной России» И. И. Григорович. Трудно решить, кто был автором или хотя бы редактором этого предисловия, но частое употребление таких слов, как «токмо», «сей», указывает, вероятнее, на ректора духовной семинарии.

В своей основе это предисловие походит на предисловия, писавшиеся в 60—70-е годы к «Актам Виленской археографической комиссии», но в Собрании как предисловие, так и оглавление напечатаны на языках русском и польском, а употребление польского языка деятели Виленской комиссии рассматривали как крамолу и никогда этого у себя не допускали.

Содержание сборника полностью соответствует предисловию. Комплектуя том, Комиссия прежде всего стремилась показать, что в XVI в. на территории, которая позже составила Минскую губ., господствовало православие и что знать края, а также и великие князья литовские заботились о православных церквях и монастырях, дарили им земельные участки, иногда с крестьянами, и вообще всячески выражали свою заботу о них. После введения унии униаты, нарушая права и законы и вообще все нормы человеческого поведения, громили православных, в защиту которых правительство Речи Посполитой издало не один указ. Комиссия проявила такое стремление к показу именно религиозной стороны жизни, что почти все последние 100 документов (всех их в сборнике 171) так или иначе касаются церковных дел. Особенно много актов, имеющих отношение к церкви, извлечено из минских архивов, так как кроме десятка грамот, относящихся непосредственно к делам Минского Вознесенского монастыря, имеется почти столько же, адресованных магистрату и мещанам города: правительство этими грамотами запрещало требовать с монастырских владений повинности, которые выполняли минские мещане. Почти все грамоты о Слуцке касаются назначения в слуцкие церкви священников или дарения слуцким церквям различных угодий. Даже учитывая, что религиозный вопрос в Белоруссии в XVII в. приобрел особую остроту, нужно признать, что эта тема заняла в сборнике непропорционально большое место, оставив очень мало места для всех прочих вопросов.

Исключением в этом смысле являются документы, касающиеся Новогрудка, так как все они освещают вопросы социально-экономические (подтвердительные привилегии, дающие городу магдебургское право, привилегии на учреждение ярмарок и т. д.).

Сообщения о спорах и побоищах с униатами, о назначении священников, о создании новых монастырей и других подобных событиях делает минское Собрание одним из самых бедных и скудных археографических изданий. Документы же, содержащие данные по экономике, топографии, культуре Минска, Новогрудка

и других городов, очень редки. Так, в «листе» Сигизмунда III, писанном в 1592 г., сообщается: «А иж теж мешчане менские от предков наших и от нас г[оспо]дара мають такое позволенье, же волно им млын на реце Свислочи на погожом местцу збудовати, а они за недостатком своим и до сего часу тому досыть учинити не могут и о то нас г[оспо]дара просили, абыхмо им вместо того млына, штобы на реце Свислочи будовати мели, на речце Переспе, которая идетъ с Коморова болота у Свислоч реку, став заняти и млын збудовати, и другой млын паперный, туде ж мучный на речце Крупцы, на грунте местском также заняти и властным накладом их збудовати им позволили (стр. 49). В док. № 54 (1616 г.) сообщается, что минчане имели привилей держать «для науки малых деток» — «бакалара». Однако документы такого рода составляют незначительное меньшинство сборника.

Для филологов же сборник представляет большой интерес, в особенности тексты, написанные по-белорусски, так как в минских актах середины XVII в. появляются (если это не опечатки) те особенности языка, которые были «узаконены» только в XIX в. К таким явлениям относится «дзеканье», т. е. переход мягкого «д» в «дз» («в великой громадзе», стр. 239), или замена «в» буквой «у» («писан у Бобруйску», стр. 249). Вообще же первый и единственный вышедший в XIX в. в Минске археографический сборник сделан на очень низком уровне.

«СОБРАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ АКТОВ»

В 1858 г. в Вильно вышло издание, вызвавшее вскоре гнев начальства и послужившее (хотя бы и формально) одной из причин закрытия Виленского археологического общества, музея в Вильно и ряда репрессивных мероприятий правительства. Книга эта называется: «Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с нею владений (1387—1710 гг.)». Издание Виленской археологической комиссии, под редакцией Маврикия Круповича (Вильна, 1858, ч. I, стр. VIII+164).

Изданный на очень высоком для того времени уровне, том укомплектован разнообразными по содержанию документами. Редактор в предисловии относительно этого писал, что «Комиссия не сочла нужным в своем настоящем издании держаться в размещении актов заранее принятого, основанного на содержании порядка. Сохраняя только необходимый хронологический порядок, она не могла принять раздела по предметам. Так, после жалованных грамот Ягайлы и Витовта, писем к ним от пап по делам вообще христианства и в частности христианства в Литве, после акта разделения Литвы от владений ордена меченосцев, следуют привилегии, данные частным лицам, обществам или, наконец, целым городам; вслед за ними договоры имущественные извест-

ных сановников, приговоры судебных мест по делам, возникавшим из предрассудков века (имеются, очевидно, в виду процессы о колдовстве.— Н. У.)... описи главнейших пограничных крепостей, списки дворянских отрядов в отдаленных воеводствах, постановления сеймов в делах оскорбления величества, тайные донесения политических агентов или отчеты послов». В конце предисловия сказано, что «щедроты, которыми осыпал король славного славянского филолога Франциска Скорину, юриста Августина Ротунда, доказывают глубокое уважение современников к науке». Если к этому добавить, что больше трети издания занимают материалы, касающиеся Смоленска в 1654—1655 гг., то можно получить отчетливое представление о характере документов, помещенных в Собрании.

Прочитав с некоторой долей удивления, что Скорина был осыпан милостями короля, обращаемся к документу, послужившему основой для такого утверждения, и видим, что он содержит привилей Сигизмунда I, освобождавший Франциска Скорину из-под власти обыкновенного суда, а также суда воевод, каштелянов и старост. Конечно, в те времена (1532 г.) и это было не мало, однако выражение «осыпан милостями» сильно преувеличивает суть меропрятия.

Документы, помещенные в Собрании, написаны на языках латинском, польском и белорусском. Перевода их на русский нет. В начале сборника находится ряд документов, адресованных папами Мартином V и Евгением IV королю Ягайлу и великому князю Витовту с призывом принять участие в крестовом походе против гуситов, а затем относящихся к различным церковным делам вообще. Со страницы 59 и 115 (всех страниц в сборнике 158) помещены материалы, касающиеся Смоленска 1654—1655 гг. (Инвентарь Смоленска и принадлежащих городу деревень, список шляхтичей Смоленского воеводства, находившихся со своими отрядами в крепости в начале войны, сеймовое решение относительно Ф. Обуховича, бывшего коменданта Смоленска, сдавшего эту крепость русским, и пр.). Там же помещен инвентарь замка в Ляховичах (Западная Белоруссия) с перечислением оружия, имевшегося в то время в замке (среди них орудия: Белорыб, Обезьяна, Перун, Баба, Негр, Сокол, Волк, Певец и др., стр. 116—117).

Помещая два документа о Скорине, редактор один раз (док. № 29) назвал этого гуманиста Юрием Франциском Скориной (Скорина везде называл себя только Франциском), а во второй — только Франциском (док. № 30), что в дальнейшем послужило поводом для многолетней дискуссии о том, каково настоящее имя Скорины — Франциск или Юрий (Георгий).

К документам, имеющим непосредственное отношение к Белоруссии, кроме названных о Скорине и инвентаря Ляховичского замка, принадлежат привилей Бресту на магдебургское право, акт о продаже в Гродно «девки» Васицей Инцовой мещанину

Роману Кудавичу и несколько актов о процессах, касающихся колдовства.

В предисловии редактор не только изложил содержание тома, но и сообщил о вышедших ранее археографических изданиях, причем дал им оценку. Так, он написал, что в «Акты Западной России» вошли «документы, собранные Догелем и касающиеся истории Литвы и русских провинций, принадлежавших прежде Речи Посполитой». Что касается изданных губернатором Семеновым Собраний в Вильно и Минске, то Крупович написал, что они «не лишены в некоторой степени научного интереса»⁸⁴.

В том же предисловии изложен план будущих изданий Комиссии. «В следующих частях настоящего собрания,— говорится там,— Комиссия снова представит древнейшие грамоты королей, великих князей, акты международные, а также заслуживающие быть изданными важнейшие из частных документов. Таким образом, со временем сделаются достоянием науки все рукописные памятники, которые в настоящее время в руках частных лиц не приносят никакой пользы». В конце предисловия сказано, что в последнем томе будет сделан общий указатель⁸⁵.

Весь редакторский текст издания (титульный лист, предисловие, заголовки, примечания, легенды) дан на русском и польском языках. Заголовки сделаны краткие и отчетливые. Легенды, местами чрезвычайно пространные, содержат также и палеографические данные⁸⁶, но в том случае, если документ, помещенный в Собрании, находился в частном владении, легенды давались гораздо более краткие⁸⁷. Весьма внимательно составлены также примечания. Здесь редактор стремился к тому, чтобы обеспечить читателя как можно более полной информацией⁸⁸.

⁸⁴ «Собрание государственных и частных актов», стр. VI.

⁸⁵ Там же, стр. VIII.

⁸⁶ Легенда к док. № 1 следующая: «Из паргаминовой книги, находящейся в архиве Виленского капитула и заключающей собрание привилегий, до кафедрального собора относящихся, и переписанных с подлинников в конце XVI в. Все копии, в этой книге заключающиеся, поверены с подлинниками и посвидетельствованы (в половине XVII в.) капитульным прокуратором, ксендзом каноником Моцарским. Подлинная привилегия до сих пор хранится в Капитульном архиве, но от времени повреждена, а через это многие места неразборчивы».

⁸⁷ Легенда к док. № 4 (грамота князя Дмитрия Ольгердовича); «С подлинника, находящегося в библиотеке Константина Свидзинского в Сульгастове, сообщено в копии Н. Малиновскому».

⁸⁸ К названию «Ляховичи» сделано следующее примечание: «Ляховичи, местечко над р. Даревь, в 21 версте от Клецка, в 84 верстах от Слуцка, в 126 верстах от Минска, с оборонительным замком, который в XVII в. известен был под названием Ляховицкой крепости и занимал первое место среди укрепленных мест в Польше. Ляховицкое графство переходило по наследству от Ходкевичей к Сапегам и Масальским. По силе сеймового постановления в 1775 г. Ляховичи перешли в собственность казны. В настоящее время существуют едва заметные следы замка» (стр. 112). Ссылка на работу: *M. Baliński. Starożytna Polska, t. IV, str. 530.*

В целом это содержательный, хорошо подготовленный сборник. Недовольство властей вызвало то, что в издании преобладали документы, писанные на латинском и польском языках, и не было материалов, восхваляющих деятельность православного духовенства.

«СОКРОВИЩНИЦА АКТОВ»

Последним сборником документов, вышедшим в Вильно до восстания 1863—1864 гг., был «Скарбец дипломатов», т. е. «Сокровищница актов», Игнатия Даниловича⁸⁹. Два тома этого сборника были изданы спустя много лет после смерти автора — в 1860—1862 гг. Сам Данилович не оставил предисловия, в котором объяснил бы, какую цель он ставил себе, проводя многолетнюю работу над Скарбцем (во всяком случае, его в издании нет); не объяснил этого также издатель сборника и автор предисловия — Ян Сидорович. Известно лишь, что Данилович, крупнейший специалист по истории права Великого княжества Литовского, нашедший и опубликовавший (в латинской транскрипции) Супрасльскую летопись, много поработавший над подготовкой к печати первого Литовского статута, автор ряда исследований по источниковедению, работал над Скарбцем много лет и, в частности, последние годы своей жизни (1787—1843)⁹⁰.

Сын беднейшего униатского священника из Бельского у. (в настоящее время находится в пределах Польши; в 1795—1807 гг. принадлежал Пруссии), десятилетний Данилович был отдан в пиарскую школу в Ломже. В этом маленьком городке, в небольшой школе среди учителей были Войтех Швейковский, позже ректор Варшавского университета, и Игнатий Олдаковский, позже профессор Кременецкого лицея и Виленского университета. Блестяще окончив ломжинскую школу (в которой он основательно познакомился с языками латинским, немецким и фран-

⁸⁹ «Skarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał narodowych postanowień różnych władz i urzędów, postugujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych jej krajów. Zebrał i w trzecim opisał Ignacy Daniłowicz», t. 1, 2. Wilno, 1860, 1862. Название «Скарбец» было дано сборнику Яном Сидоровичем, сам же составитель называл его «Собрание актов по истории Литвы» («Zbiór dyplomatów do historii Litwy»). См., *Tabesz Turowski*. Ignasy Daniłowicz. «Słownik biograficzny polski», t. IV/5, Zeszyt 20. Kraków, 1938, str. 414.

⁹⁰ Для биографического очерка о Даниловиче, кроме данных, содержащихся в предисловии к Скарбцу, использованы еще статьи Тадеуша Туровского (см. выше) и А. Черкаса («Русский биографический словарь», т. 5. СПб., 1905, стр. 72—76). Сидорович год рождения называет 1789, двое остальных — 1787. Учитывая некоторые хронологические неувязки у Сидоровича при изложении событий в школьные годы Даниловича, принята дата рождения, указанная последними авторами.

цузским), Данилович перешел в Белостокскую гимназию, а после ее окончания поступил в Виленский университет, из которого вышел в 1812 г. со званием магистра права. Профессор-пизанец Капелли, который преподавал в Виленском университете право, поручил Даниловичу вести занятия в университете «по краевому праву» (праву Великого княжества Литовского). С 1819 г. Данилович — адъюнкт, с 1822 г. — профессор Виленского университета.

Олдаковский, бывший в то время профессором права в Кременецком лицее, обратил внимание Даниловича на Литовский статут, найденный в Порицкой библиотеке (Польша), и «с того времени разыскание славяно-литовских рукописей стало главным занятием Даниловича»⁹¹. С 1822 г. он вместе с Иоахимом Лелевелем и другими сотрудниками университета начал работать в комиссии, готовившей к изданию Литовский статут 1529 г.⁹² Данилович не только сам напряженно работал в виленских хранилищах, но прививал любовь к этому виду занятий и своим ученикам, многие из которых, возвращаясь в Вильно с каникул, привозили с собой славянские рукописи, добытые в церквях, монастырях и у частных лиц⁹³.

Вся эта деятельность оборвалась в 1824 г., когда в Виленском университете начались массовые аресты в связи с делом филоматов. Данилович был отстранен от работы, а в 1825 г. назначен профессором Харьковского университета. В 1830 г. он, как выдающийся знаток права Великого княжества Литовского, был вызван в Петербург, чтобы выработать кодекс законов Западных губерний. В течение пяти лет Данилович, Франциск Малевский и ряд других юристов создали «Свод законов Западных губерний». Кодекс этот не ввели в действие, так как очень скоро (в 1840 г.) был отменен Литовский статут, еще действовавший в Центральной и Западной Белоруссии и Литве. В 1835 г. Данилович стал профессором Киевского университета, но в 1839 г. его отстранили от преподавания в связи с делом Конарского, а затем назначили в Московский университет, где он и закончил составление Скарбца⁹⁴. В 1842 г. совершенно больной Данилович вышел в отставку, уехал в Киев и вскоре умер.

Неопубликованные рукописи Даниловича приобрел Евстафий Тышкевич, доставивший их в Вильно, где они и были изданы⁹⁵.

Скарбец представляет собой не сборник документов, поскольку сами акты занимают в нем очень небольшое место, в основном же это — изложение различных видов источников. Сборник состоит из введения и основной части, причем во введении приводятся выдержки или дается пересказ работ древних и визан-

⁹¹ «Skarbiec dyplomatów», str. 111.

⁹² *T. Turowski*. Ignacy Daniłowicz, str. 412.

⁹³ «Skarbiec dyplomatów», str. IV.

⁹⁴ *T. Turowski*. Ignacy Daniłowicz, str. 413.

⁹⁵ «Skarbiec dyplomatów», str. 1.

тийских авторов, писавших не позже VI в., тогда как в основной части содержатся материалы о событиях, происшедших с 784 по 1569 г. Всего в сборнике изложено содержание 2383 актов (или же приведены сами акты).

Данилович старался отметить в своем сборнике все, что в его время было напечатано или найдено им в архивах и библиотеках, о «Литве и Литовской Руси», т. е. о Литве, Белоруссии и отчасти Украине. В сборнике изложены документы почти исключительно политического характера и отсутствуют материалы об экономическом развитии страны (нет ни одного инвентаря, завещания и т. д.). Начинается Скарбец с биографии (очень краткой) Геродота и небольших выдержек из его работ, которые, по мнению Даниловича, касались Литвы и отчасти славян.

Источник в Скарбце дается или в изложении (большинство) или в переводе и крайне редко с точной передачей. Если дается не изложение, а сам текст, то это обычно отрывки из летописей, но не по самим летописям, а по «Истории» Н. М. Карамзина, притом напечатанные латиницей. Латиницей даются и все остальные документы, писанные кириллицей на белорусском языке; значительная часть их помещена в переводе на польский. Почти всегда в изложении на польском языке даны документы, писанные по-немецки, и лишь небольшое количество латинских документов приведено в оригинале (остальные — в изложении на польском языке).

Почему в одном случае Данилович давал изложение акта, а в другом перевод — неясно.

Ко всем документам даны пространные легенды и ссылки на литературу. В легенде говорится где, на каком языке и в какое время был написан данный акт, а если он напечатан, то в каком издании, под строкой же приводится литература с указанием, где этот документ использован.

Во многих случаях язык, на каком написан тот или иной документ, не отмечен.

За XIII—XIV столетия использовано очень много документов, исходивших от пап и от тевтонского ордена, и гораздо меньше — из летописей и актов, созданных в Восточной Европе. За XV—XVI вв. все больше встречается материалов из Литовской метрики, часты также акты из тайного Кенигсбергского архива.

Данилович в начальной части сборника поместил документы, относящиеся почти исключительно к народу литовскому, в конце же есть ряд источников, касавшихся Белоруссии. Так, акт № 2104 представляет собой привилей 1498 г. Полоцку на магдебургское право, № 2106 — такой же привилей Минску, № 2363 — привилей на магдебургское право Могилеву 1561 г. и т. д.

Огромное большинство документов, собранных в Скарбце, было ранее опубликовано, многие в немецких изданиях, но в конце издания встречаются ссылки на такие публикации, как «Древняя русская вивлиофика», «Белорусский архив древних грамот».

Работа над Скарбцем была проделана Даниловичем колоссальная. Он отобрал, прокомментировал и расположил в хронологическом порядке почти 2,5 тыс. документов, а также отметил, кто из исследователей пользовался ими и что и где о них написано. Естественно, что в наше время никто не будет пользоваться теми отрывками из русских летописей, которые помещены в Скарбце, тем более что они даны в латинской транскрипции, не будет никто пользоваться и изложением привилеев, данных разным городам, так как сейчас все это издано гораздо лучше. Однако и теперь Скарбец имеет значение как свод источников по истории Литвы, тем более что, возможно, часть документов, на которые в сборнике даны ссылки, никогда не были изданы.

Как в Собрании Круповича, так и в Скарбце Даниловича проводилась идея, что Литва не была ни православным, ни русским краем. Это вызвало недовольство у правящих кругов и ускорило дело организации правительственной Комиссии, которая была обязана публиковать источники, соответствующие требованиям правительства.

ПУБЛИКАЦИИ,
ВЫШЕДШИЕ В СВЕТ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА
(1864—1915 гг.)

После 1862 г., вернее после подавления восстания 1863—1864 гг., публикация источников по истории Белоруссии и Литвы приняла несравнимо больший размах, чем это было ранее. Увеличение числа археографических изданий не было явлением местным, касающимся исключительно Белоруссии или Литвы, так как в это время публикаций стало выходить намного больше, чем ранее, и в других районах страны. В 1864 г. создается Кавказская археографическая комиссия, начавшая издавать материалы по истории Кавказа; значительно расширила свою деятельность Киевская археографическая комиссия, существовавшая с 1843 г.¹ Петербургская археографическая комиссия начала издание новой серии документов под названием «Русская историческая библиотека». В 1890 г. учреждается Русское историческое общество, сразу развившее энергичную издательскую деятельность. В 1863 г. начал выходить журнал «Русский архив», а в 1870 г.— «Русская старина», в которых печатались главным образом разного рода источники. Каждое из этих учреждений или редакций имело свою программу деятельности; особую программу имели и те археографические учреждения, которые были созданы в Белоруссии и Литве. Подавив восстание 1863—1864 гг., одной из задач которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., т. е. с ее включением в состав этого государства Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины, царизм решил, что одним из самых действенных доказательств необоснованности притязаний поляков на названные земли, а вместе с тем законности господства в этих землях царизма будет публикация источников. По официальному представлению, понятие «православный» было идентично понятию «русский», и поэтому важнейшей задачей, которая ставилась перед археографическими учреждениями Белоруссии и Литвы, было издание документов, показывающих наличие в Белоруссии и Литве православных церквей и монастырей. Для той же цели требовалось издание материалов, свидетельствующих, что многие из аристократических или просто

¹ И. И. Корнева, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. История археографии в дореволюционной России. М., 1969, 88—92, 141—143, стр. 146—148.

дворянских фамилий Белоруссии и Литвы, бывших в середине XIX в. католическими и польскими, в прошлом числились православными и, следовательно, русскими.

Основным учреждением, созданным для публикации подобного рода источников, была Виленская археографическая комиссия.

«АКТЫ ВИЛЕНСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ»²

Образование Виленской археографической комиссии

Виленская археографическая комиссия³, начавшая свою деятельность 17 апреля 1864 г., работала до лета 1915 г., когда ее сотрудники были эвакуированы из Вильно в связи с приближением немецкой армии. В течение 50 лет своей деятельности Комиссия напечатала 39 томов Актов⁴, семь несерьезных томов в

² Первые тома этой серии озаглавлены: «Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора и издания древних актов». С течением времени заглавия несколько изменялись, но в обиходе их обычно называли: «Акты Виленской комиссии», а сокращенно — АВК.

³ Официально это учреждение называлось: «Виленская комиссия, высочайше учрежденная для разбора и издания древних актов».

⁴ Заглавия томов следующие (в скобках показано количество страниц и год издания): 1. «Акты Городненского земского суда» (24 + 377; 1865). 2. «Акты Брестского земского суда» (X + 364; 1867). 3. «Акты Брестского гродского суда» (XX + 416; 1870). 4. «Акты Брестского гродского суда (LXIV + 615; 1870). 5. «Акты Брестского и Городненского гродских судов с присовокуплением привилегий на землевладение в Брестской и Кобринской экономиях» (XLI + 450; 1871). 6. «Акты Брестского гродского суда (поточные)»; «Акты Брестского подкоморского суда»; «Акты Брестской магдебургии»; «Акты Кобринской магдебургии»; «Акты Каменецкой магдебургии» (LXIX + 593 + 77; 1872). 7. «Акты Городненского гродского суда» (XVI + 614 + 80; 1874). 8. «Акты Виленского гродского суда» (XXV + 652 + 83; 1875). 9. «Акты Виленского земского суда» (XXI + 591 + 57; 1878). 10. «Акты Виленского магистрата и магдебургии» (XXXVIII + 592 + 48; 1879). 11. «Акты Главного литовского трибунала» (XLI + 545 + 69; 1880). 12. «Акты Главного литовского трибунала» (XL + 651 + 67; 1883). 13. «Акты Главного литовского трибунала» (XLI + 480; 1886). 14. «Ивентари имений XVI ст.» (XXIV + 702; 1887). 15. «Декреты Главного литовского трибунала» (XLIII + 552; 1888). 16. «Документы, относящиеся к истории церковной унии в России» (CXLI + 704; 1889). 17. «Акты Городненского земского суда» (LXXIII + 559; 1890). 18. «Акты о копных судах» (LXI + 577; 1891). 19. «Акты, относящиеся к истории бывшей Холмской епархии» (CLXXVI + 405; 1892). 20. «Акты, касающиеся города Вильно» (CCXXVI + 668; 1893). 21. «Акты Гродненского земского суда» (XLI + 418; 1894). 22. «Акты Слонимского земского суда» (LXIV + 471; 1895). 23. «Акты Холмского гродского суда» (CCXIV + 399; 1896). 24. «Акты о боярах» (XLIV + 547; 1897). 25. «Ивентари и разграничительные акты» (XXXII + 614; 1898). 26. «Акты Упитского гродского суда» (LII + 595; 1899). 27. «Акты Холмского гродского суда» (CXIX + 407; 1900). 28. «Акты о евреях» (LVI + 439; 1901). 29. «Акты о евреях» (L + 539; 1902). 30. «Акты Троцкого подкоморского суда за 1585—1613 гг.» (LXVII + 509; 1904). 31. «Акты о литовских татарах» (XL + 586; 1906). 32. «Акты

девяти книгах⁵, хронологические таблицы⁶, сборник палеографических снимков⁷, четыре отчета о деятельности Комиссии и несколько книг справочного характера (каталог изданий Комиссии и указатели к различным своим изданиям). Всего Комиссия издала 49 томов источников (не говоря о прочем), содержащих около 29 тыс. страниц большого формата, из которых 2400 страниц приходится на предисловия, 550 — на указатели, а остальное — на тексты самих документов⁸. Сверх указанного член Комиссии Н. И. Горбачевский в 1874 г. выпустил «Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского».

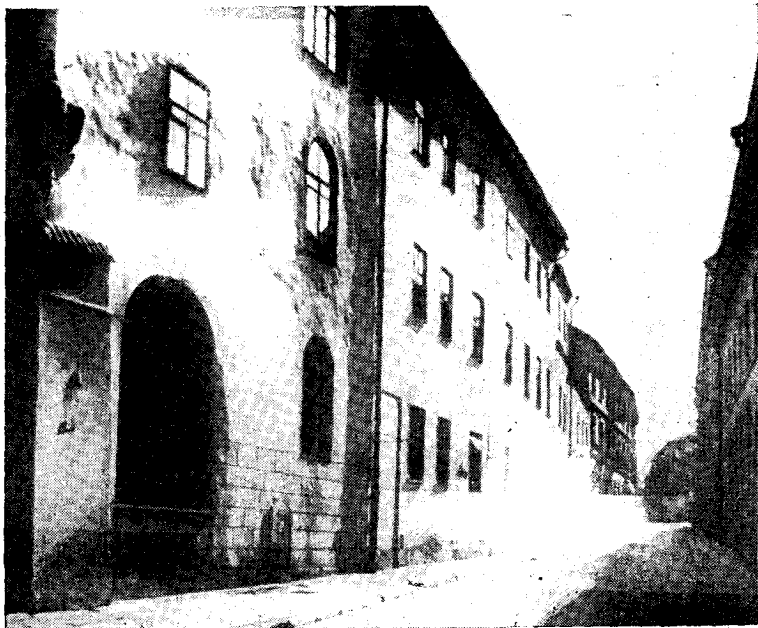
Вилькомирского городского суда» (XXVI + 506; 1907). 33. «Акты, относящиеся к истории западнорусской церкви» (LXXXIV + 567; 1908). 34. «Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию (1654—1667)» (LII + 588; 1909). 35. «Инвентари староств, имений, фольварков и деревень за вторую половину XVIII в.» (1751—1789) (XXXII + 624; 1910). 36. «Акты Минского городского суда 1582—1590 гг.» (XXII + 461; 1912). 37. «Документы и материалы, относящиеся к Отечественной войне 1812 г.» (L + 544; 1912). 38. «Инвентари староств, имений, фольварков и деревень XVIII в.» (1720—1798). (IX + 504; 1914). 39. «Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578—1580 гг.)». (VIII + 674; 1915). Том 40-й Актов, в котором находились документы, посвященные экономическому состоянию г. Вильно и Виленщины, не был полностью напечатан

⁵ Издания «Виленской археографической комиссии», вышедшие вне серии: 1. «Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, составленная старостою мстибовским Григорием Богдановичем Воловичем, в 1559 г.» (V + 381; 1867 г.). 2. «Ординация королевских пущ в лесничествах бывшего Великого княжества Литовского, составленная... Исаяковским и Белозором в 1641 г.» (XVIII + 325; 1871). 3. «Писцовая книга бывшего Пинского староста, составленная по повелению короля Сигизмунда-Августа в 1561—1566 гг. пинским и кобринским старостою Лаврином Войною», ч. 1, 2 (X + 421; 603 + 140, 1874). 4. «Ревизия Кобринской экономики, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Санегою» (XI + 387 + 56; 1876). 5. «Писцовая книга Гродненской экономики», ч. 1, 2 (XXIII + 592; 606; 1881, 1882). 6. «Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 гг.» (XXXII + 714; 1884). 7. «Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1792—1796 гг.)» (LXXXVIII + 350; 1903).

⁶ Н. Горбачевский. Краткие таблицы, необходимые для истории, хронологии, вообще для всякого рода археологических исследований и в частности для разбора древних актов и грамот Западного края России и Царства Польского. Вильна, 1867.

⁷ «Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленском центральном архиве и Виленской публичной библиотеке (1432—1548 гг.), вып. 1. Вильна, 1884; «Отчеты Виленской комиссии для разбора и издания древних актов за 1907—1910 гг.» Вильна, 1908—1911.

⁸ В докладе Д. И. Довгялло на торжественном заседании, посвященном 50-летию Комиссии, сказано, что только в 38 томах Актов содержится 34 588 страниц размером в четвертку и в них напечатано 12 тыс. актов («Торжественное собрание Виленской комиссии для разбора и издания древних актов». Вильно, 1914, стр. 12). Произведенный подсчет показывает, что у Довгялло число страниц значительно увеличено, число же актов достоверно.

Здание в Вильнюсе, в котором находился Виленский центральный архив

В те же годы, когда выходили в свет издания Комиссии, в Вильно было издано 14 томов «Археографического сборника документов»⁹ и еще несколько публикаций. При таком размахе издательской деятельности г. Вильно по числу публикаций вышел на одно из первых мест в государстве.

Причин, по которым Вильно стал мощным центром издания источников, было несколько. Прежде всего в этом городе, как бывшей столице большого государства, еще во времена существования Великого княжества Литовского скопилось огромное количество архивных материалов, а в XIX в. эти собрания намного увеличились¹⁰. Первоосновой Виленского центрального архива был

⁹ «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», т. I—XIV. Вильна, 1867—1904.

¹⁰ О создании и деятельности Виленского центрального архива имеется ряд работ. Первая из них была написана архивариусом Н. И. Горбачевским («О Центральном архиве древних актов книг губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской». «Вестник Западной России», 1869, кн. 5, т. 2; кн. 6, т. 2; имеется отдельный оттиск этой статьи: Вильна, 1869. В данной работе использован оттиск). В этой статье Н. И. Горбачевский затронул не только непосредственно дело организации архива, но и законодательство Великого княжества Литовского и Речи Посполитой относительно архивного дела, судов и делопроизвод-

архив Главного литовского трибунала, но так как часть трибунальских книг в начале XIX в. находилась в Минске (дела минских «каденций», т. е. сессий трибунала), то их в 1837 г. перевезли в Вильно, чтобы архив этого учреждения был весь в одном месте. В 1837 г. в архив поступили дела Скарбового трибунала Великого княжества Литовского, в 1840 г. — комплекс дел Трокского архива¹¹ и т. д. В 1852 г. последовал правительственный указ о создании в Вильно Центрального архива для губерний Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской¹², в связи с чем в Вильно должны были доставить все архивные ма-

ства в Великом княжестве Литовском и даже первый этап деятельности Виленской археографической комиссии. Спустя 9 лет после выхода в свет работы Горбачевского была напечатана статья В. Лялина («Виленский центральный архив». «Сборник Археологического института», т. 1. СПб., 1879). Самостоятельными в этой работе были только нападки шовинистического порядка на «Скарбец» Даниловича.

В 1902 г. в связи с 50-летием архива были изданы статьи И. Я. Спрогиса («Виленский центральный архив древних актов». «Памятная книжка Виленской губернии на 1902 год». Вильна, 1901, ч. III), А. А. Миловидова («Виленский центральный архив». ЖМНП, 1902, № 4, стр. 53—68) и брошюра В. К. Голуба («Пятидесятилетие Виленского центрального архива древних актов». Вильна, 1902). В своей статье Спрогис, изложив более простым и ясным языком те места работы Горбачевского, в которых говорилось относительно организации судов и делопроизводства в Великом княжестве Литовском, перешел к своей обычной теме — утверждению, что «весь Северо-Западный край России... есть искони древний, истинно русский край» (стр. 20). Значительно более полной и качественной представляется статья А. А. Миловидова, но самой обстоятельной является работа В. К. Голуба, сотрудника архива. Ряд замечаний о деятельности архива имеется в статьях М. О. Кояловича («Западнорусские археографические издания». ЖМНП, 1872, № 2) и А. А. Миловидова («Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае». ЖМНП, 1904, № 9).

Завершает серию работ об архиве книга польского ученого, сотрудника, а позже руководителя бывшего Виленского центрального архива того периода, когда г. Вильно принадлежал буржуазной Польше, Рышарда Меницкого (*R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Wilnie w okresie od 1795 do 1922 roku. Warszawa, 1923*). В этой книге Меницкого содержится как самый полный историографический обзор выпущенных ранее работ, так и наиболее полные данные относительно образования и комплектования архива. Как обычно, в работах Р. Меницкого, оценка предыдущих авторов дается главным образом исходя из их отношения к Польше. Называя (и совершенно справедливо) упомянутых выше авторов шовинистами, он сам считает Белоруссию и Литву землями безусловно польскими. Как было принято в польской буржуазной и шляхетской литературе, Меницкий Белоруссию и Литву (бывшее Великое княжество Литовское) называет только Литвой, считая при этом, что Литва была одной из трех провинций Польши (первые две — Великая и Малая Польша), причем третья провинция (Литва) ничем от остальных двух не отличалась.

¹¹ *R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Wilnie. Warszawa, 1923, str. 1, 2, 19, 20.*

¹² Там же, стр. 36, 37. Тем же указом центральные архивы были созданы в Киеве (для губерний Киевской, Волынской и Подольской) и в Витебске (для губерний Витебской, Могилевской и Смоленской). «Полное собрание законов Российской империи», т. XXVII, № 26126.

териалы по 1799 г. включительно как из губерньских, так и из остальных городов и из местечек названных губерний. Ввиду того, что во многих мелких городах и местечках специальных архивных помещений не имелось и архивные материалы хранились у частных лиц, им тоже было приказано сдать все находящиеся у них документы. Приказ этот с большим напряжением в конце концов был выполнен, и, таким образом, в Вильно сосредоточились основные материалы по истории феодальной эпохи как большей части Литвы, так и большей части Белоруссии¹³. Доставка материалов по указу 1852 г. была в основном закончена к 1863 г.; к этому времени в Виленский архив было свезено из четырех губерний 18 243 объемистые связки документов из 140 учреждений¹⁴.

В 1858 г. в Рукописный отдел Виленской публичной библиотеки перевезли архив Сапег («около 200 пудов»), который с момента конфискации в 1831 г. владений Сапег хранился в Гродненской палате государственных имуществ¹⁵. Кроме того, в Вильно доставлялись архивы упраздненных монастырей и костелов тех же четырех губерний. Во время и после восстания 1863—1864 гг. правительство конфисковало массу имений участников движения в Белоруссии и Литве, архивы и библиотеки, из которых тоже большинство попало в Вильно.

В 1887 г. в Вильно был перевезен архив Люблинской губ. — 4822 связки¹⁶. В конце XIX в. в Вильно был создан Муравьевский музей (в честь душеителя восстания 1863—1864 гг. М. Н. Муравьева), в связи с чем разыскивались и доставлялись в Вильно материалы о восстании, а также и другие документы, связанные с деятельностью в Белоруссии и Литве М. Н. Муравьева¹⁷. Наконец, в начале XX в. в Вильно поступили материалы ликвидированного Витебского центрального архива, содержащего документы о восточной части Белоруссии (1896 книг)¹⁸.

Для развития публикаторской работы в Вильно весьма су-

¹³ Из Минской губ. в этот период было доставлено в Центральный архив 1906 книг (всего больше дел уездных судов: Минского — 469 книг, Новогрудского — 468, Пинского — 336, Бобруйского — 130, Борисовского — 124). Из Гродненской губ., за исключением трех западных уездов, входящих сейчас в Польшу, доставили 1574 книги, из белорусских уездов Виленской — около 650 книг. Вместе с вывезенными ранее книгами Минской кассации трибунала это составляло около 6500 книг (*R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Wilnie*).

¹⁴ *В. К. Голуб. Пятидесятилетие Виленского центрального архива*, стр. 9.

¹⁵ *М. О. Колялович. Западнорусские археографические издания, ЖМНП, 1872, № 2, стр. 248.*

¹⁶ *В. К. Голуб. Пятидесятилетие Виленского центрального архива*, стр. 8, 9; *R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Wilnie...*, стр. 55.

¹⁷ *R. Mienicki. Archiwum Murawjowski w Wilnie. Warszawa, 1936.*

¹⁸ «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской», т. XXVII. Витебск, 1898, стр. VI; *R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Witebsku, Warszawa, 1939, str. 92.*

ществственным было и то, что в этом городе, как в центре генерал-губернаторства, было всего легче осуществить контроль за деятельностью Комиссии (тем более что она и официально действовала под руководством генерал-губернатора и попечителя Виленского учебного округа) и что там же имелись крупные и хорошо оборудованные по тому времени типографии, которые давали возможность быстро отпечатать большие и сложные, с точки зрения типографской техники того времени, издания.

* * *

О деятельности Комиссии имеется литература, хотя и не богатая¹⁹, есть работы, посвященные отдельным деятелям Комиссии²⁰, а также мемуары членов Комиссии²¹ и предисловия к изданным документам, авторы которых говорили о деятельности Комиссии.

Как уже упоминалось, первым историографом Комиссии был А. А. Миловидов, преподаватель духовной семинарии в Вильно. Находясь длительное время в этом городе и имея доступ в архивы, Миловидов написал массу работ по истории Белоруссии и Литвы, часть которых была посвящена археографии и архивному делу²².

О работе А. О. Турцевича, касающейся деятельности Комиссии, тоже было уже упомянуто²³. Из всех дореволюционных исследований, посвященных Комиссии, книга Турцевича является самой полной и содержательной. В 1914 г. в связи с 50-летием Комиссии была издана брошюра, в которой изложена история Комиссии, приведены краткие биографические данные о ее сотрудниках, помещены фотографии членов Комиссии (нет фото Бессонова)²⁴. «Юбилейная» по характеру, эта работа показывает

¹⁹ А. А. Миловидов. Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае. ЖМНП, 1904, № 9; А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864—1906. Вильна, 1906; «Пятидесятилетие Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864—1914». Вильна, 1914; R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna. Wilno, 1925.

²⁰ А. И. Шверубович. Братья Кукольники. Очерки их жизни. Вильна, 1885; В. К. Голуб. Юлиан Фомич Крачковский. Вильна, 1904.

²¹ И. А. Никотин. Из записок И. А. Никотина. СПб., 1905; И. Я. Спрогис. Из воспоминаний об И. П. Корнилове. «Записки Северо-Западного отдела императорского Русского географического общества», кн. 2. Вильна, 1911, стр. 263—276.

²² Среди работ А. А. Миловидова непосредственное отношение к архивному делу и археографии имеют следующие: «Архив упраздненного Пинского Лещинского монастыря». ЧОИДР, 1900, кн. 2; «Виленский центральный архив»; «Виленский календарь на 1903 г.». Вильна, 1902; «Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае». ЖМНП, 1904, № 9.

²³ А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864—1906. Вильна, 1906.

²⁴ «Пятидесятилетие Виленской комиссии для разбора и издания древних актов». Вильна, 1914.

деятельность Комиссии с лучшей стороны. В этом издании приведен список (неполный) опубликованных работ членов Комиссии и перечислены издания Комиссии, вышедшие в свет после 1906 г. В дополнение к названной в том же, 1914, году была издана еще маленькая книга, в которой помещены речи, произнесенные на собрании в связи с пятидесятилетием Комиссии, а также тексты полученных в связи с празднеством телеграмм²⁵.

Самым обстоятельным исследованием о Комиссии является монография Рышарда Меницкого²⁶, о работах которого уже упоминалось. Меницкий был известным ученым, автором ряда работ по истории архивов, а вместе с тем и знающим археографом. Его работам в высшей степени свойственно критическое отношение к деятельности Комиссии, причем он, как знаток дела, легко подмечал самые уязвимые стороны²⁷. Меницкий тщательно изучил литературу вопроса и широко использовал архивный материал, и если авторы предыдущих работ старались показать Комиссию в самом лучшем свете, то задача Меницкого была прямо противоположной.

Резко критикуя деятельность Комиссии и ее сотрудников, Меницкий исходил не только из того, что Акты были изданы примитивно, а также из мотивов политических.

Виленская комиссия была создана для того, чтобы доказать, что Белоруссия и Литва представляли собой православный, «искони русский край», который к XIX в. был предельно «испорчен» поляками. Комиссии в первую очередь и вменялось в обязанность способствовать возвращению этому краю его первоначального чисто русского характера. Меницкий же (как и другие националистические польские деятели) придерживался прямо противоположного взгляда, т. е. считал, что Белоруссия и Литва представляют собой одну из провинций Польши. Вообще говоря, для Меницкого Белоруссии никогда и не существовало, а была лишь Литовская Русь. Этот автор, издавший книгу в 1925 г., начисто игнорировал наличие как Белорусской Советской Республики, так и буржуазной Литовской, а также Великую Октябрьскую революцию. Спор у него с деятелями Комиссии ведется с позиций далекого прошлого. Это спор между шляхетской Речью Посполитой и царской Россией за Белоруссию и Литву, без малейшего учета интересов белорусского и литовского народов,

²⁵ «Торжественное собрание Виленской комиссии для разбора и издания древних актов 17 апреля 1914 г.». Вильна, 1914.

²⁶ *R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna.*

²⁷ Много раз, укоряя членов «Виленской комиссии» за то, что они иногда публиковали тексты кириллицей (те, которые первоначально писались кириллицей, а затем были переписаны латиницей. Комиссия же, пытаясь воссоздать первоначальный текст, передавала его опять кириллицей), сам Меницкий, публикуя полоцкие грамоты, писанные кириллицей, переменял шрифт на латинский, оговорив, что делает это согласно правилу, выработанному Польской Академией знаний, (см. *Ateneum wilenkie, rocznik VII, zeszyt 3—4. Wilno, 1930, str. 893—903*).

спор с полным игнорированием реально существовавшей в момент издания книги обстановки.

Очерки Меницкого о деятелях Комиссии часто имеют характер шаржа, однако и при этом главным критерием автора было отношение сотрудников Комиссии к Польше и к польскому вопросу.

Местами в работе Меницкого встречаются ярко шовинистические выпады против русских вообще (стр. 47). Предметом нападок Меницкого было и плебейское происхождение многих членов Комиссии (дети православных деревенских священников). Подобные выпады, которые отдают прямо-таки XVII столетием, портят впечатление от этой содержательной работы. Меницкий несравнимо шире всех своих предшественников изложил предысторию создания Комиссии, т. е. историю тех учреждений, которые существовали в Вильно до образования постоянно действующей Комиссии, а также дал характеристику археографическим изданиям, вышедшим в Вильно до 1864 г., хотя, как говорит сам автор, он не имел намерения пересмотреть все изданные с конца XVIII в. источники, относящиеся к истории Великого княжества Литовского, а взял лишь самые существенные²⁸.

Сотрудники Комиссии в своих работах часто обходили виленские публикации, вышедшие в свет до образования Археографической комиссии, а если и вспоминали, то лишь затем, чтобы наброситься на составителей за то, что у тех отбор материалов производился тенденциозно. Поэтому хотя и очень краткий обзор документов, напечатанный в виленских периодических изданиях и в виде приложений к трудам И. Ярошевича, Т. Нарбута²⁹ и публикаций Даниловича, имеет большое значение. Кроме трех названных очень известных историков, Меницкий упоминает о работах по сбору и изданию документов, сделанных Л. Жищевским, Р. Подберезским, Ляховичем, М. Ивановским, а также говорит о деятельности издателя и редактора виленского «Атеней» И. Крашевского. По мнению Меницкого, документов, опубликованных по истории Великого княжества Литовского в 20—50-е годы XIX в. в различных виленских изданиях, было достаточно для укомплектования целого тома, и этот том был бы интересным и вместе с тем очень разнообразным по содержанию³⁰.

Критический обзор изданий Комиссии сделан очень умело, причем в ряде случаев Меницкий сверил опубликованные материалы с оригиналами и указал, насколько небрежно производилась публикация.

²⁸ R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 1.

²⁹ I. Jaroszewicz. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII t. I—III. Wilno 1844—1852; T. Narbut. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I—IX. Wilno, 1835—1841. Кроме документов, опубликованных в виде приложений, Нарбут выпустил хронику Быховца отдельным изданием. См.: «Pomniki do dziejów litewskich». Wilno, 1846. О Даниловиче см. выше.

³⁰ R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 2.

Созданию постоянно действующей Археографической комиссии в Вильно предшествовал длительный подготовительный период, когда власти «Северо-Западного края» пытались организовать учреждение, которое занялось бы публикацией источников, соответствовавших видам правительства. Вопрос этот, поднятый виленским губернатором Долгоруковым, привел в конце концов к изданию «Собрания древних грамот и актов городов Вильно, Ковно и Трок» (об этом см. выше).

В 50-е годы в Вильно была образована Археологическая комиссия, важнейшей задачей которой стала подготовка к печати и издание документов. Создание ее было связано с предложением Евстафия Тышкевича передать свои коллекции для учреждения в Вильно музея. Виленским генерал-губернатором, а вместе и управляющим Виленским учебным округом в то время был И. Г. Бибилов, к которому Тышкевич и обратился. Бибилов отнесся к этому предложению очень сочувственно и даже просил у императора разрешения на создание не только музея, но при нем в Археологической комиссии, правда, в качестве учреждений временного, задачей которого было бы «изучение и сохранение древних рукописей, касающихся Западной Руси»³¹. Император выразил согласие, но оформление этого дела затянулось более чем на три года, главным образом по финансовым соображениям: государство никак не могло найти средства, необходимые на ее содержание. «Положение» о музее и Временной комиссии было утверждено уже после смерти Николая I, в 1855 г. (работа же ее началась только в 1858 г.), причем куратор музея должен быть одновременно и председателем Комиссии³². Согласно «Положению», Комиссия, хотя она и называлась «Временной археологической», была обязана заниматься изучением «Западного края не только в историческом, но и в торговом, промышленном, естественном, сельскохозяйственном и статистическом отношениях»³³. Такая обширная программа действий давалась в то время едва ли не всем губернским статистическим комитетам, при этом не учитывалось, что для выполнения программы не было достаточно квалифицированных людей. (Не удивительно также, что и Виленской археологической комиссии было поручено разрабатывать проблемы сельского хозяйства. Впрочем, в отчете за 1857 г. Е. Тышкевич сообщал, что Комиссия занималась вопросами естествознания и экономики³⁴).

Кроме «Положения», которым должна была руководствовать-

³¹ *R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 7—9*

³² Там же, стр. 9; *А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк...*, стр. 7, 8.

³³ *А. Турцевич. Краткий исторический очерк...*, стр. 8, 9.

³⁴ Там же, стр. 9.

ся в своей деятельности Комиссия, была выработана еще и «Программа» работ, причем параграф 8 предусматривал публикацию источников на языках оригинала³⁵.

Годы деятельности Археологической комиссии (1858—1862) в большей мере совпали с годами революционной ситуации в России, с отменой крепостного права, а также с подъемом польского национально-освободительного движения и с проявлением национального движения белорусов и литовцев. Польское национально-освободительное движение имело националистическую окраску, а главным лозунгом польской шляхты было требование о захвате территорий Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины и присоединение их к Польше. Лозунг этот получил поддержку и у шляхты названных районов.

При таких обстоятельствах виленский генерал-губернатор В. И. Назимов решил возбудить ходатайство о создании в Вильно Археографической комиссии, состоящей из православных русских, и эта Комиссия должна была доказывать, что Великое княжество Литовское было не польской провинцией и не чем-либо иным, а только краем русским и православным.

Посылая в январе 1862 г. министру внутренних дел «Записку» о политическом состоянии генерал-губернаторства, В. И. Назимов одновременно ходатайствовал об открытии Археографической комиссии, составленной «из русских ученых», а также о создании в Вильно русского университета, увеличении числа русских народных училищ, улучшении быта православного духовенства и народных учителей и издания «народного журнала»³⁶. В общем он выдвигал целую программу культурных мероприятий в Белоруссии и Литве с целью снижения польского влияния и укрепления русского.

Обстановка в Белоруссии, Литве и Польше в то время была настолько напряженной, что в Петербурге не тянули, и уже в марте 1862 г. Комитет министров высказал согласие на создание Комиссии. Этот документ вскоре утвердил император. Однако это было лишь принципиальное решение, далекое от практической реализации, так как не было известно, сколько потребуется денег на содержание Комиссии и откуда их взять, а также не было проекта устава Комиссии и программы ее деятельности. Обо всем

³⁵ Там же, стр. 8, 9.

³⁶ Назимов предлагал открыть в Вильно университет с тем, чтобы не допускать уроженцев бывшей Речи Посполитой в русские университеты. Рассматривая это предложение, А. А. Миловидов в 1905 г. писал, что, «ограждая русскую молодежь от влияния зараженных революционным духом западных уроженцев, Назимов в сущности предлагал негасимый революционный огонь Западных губерний при помощи университета обратиться в непрерывно действующий вулкан, всегда готовый произвести взрыв и выбросить лаву» (А. А. Миловидов. Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863—1865). ЖМНП, 1905, № 7, стр. 57).

этом министр народного просвещения А. В. Головин и запросил Назимова³⁷.

В ответ Назимов совместно с Ширинским-Шихматовым, почителем учебного округа, выработали и 31 мая 1862 г. отослали в Петербург «Записку», объясняющую цель, с которой должна быть учреждена Комиссия, а также (отдельно) «Проект учреждения Временной комиссии для пересмотра актовых книг, собранных в Центральный архив губерний Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской»³⁸. Наметить штаты и бюджет Комиссии не представляло труда, но выработка программы, изложенной в «Проекте», требовала гораздо большего, говоря точнее — требовала знания не только тех архивных материалов, которые Комиссия должна была разбирать и публиковать, но и истории Белоруссии и Литвы, притом такого знания, которое бы соответствовало видам правительства именно в тот момент, т. е. в момент обостренной борьбы против польского национально-освободительного движения.

Дело это было чрезвычайно трудным, потому что ни Назимов и ни Ширинский-Шихматов не знали истории Белоруссии и Литвы³⁹, не было также и печатных работ, которые могли бы дать исходный материал для создания подобных ответственных документов⁴⁰, к тому же, казалось, в Вильно не было и людей, которые могли бы составить их. Тем не менее «Записка» и «Проект» были написаны очень быстро и посланы в Петербург, где и получили полное одобрение. Программа деятельности Комиссии, изложенная в этих документах, оказалась такой жизнестойкой, что ее хватило почти на все 50 лет деятельности этого учреждения.

По мысли авторов названных документов, «Западный край» представлялся чем-то единым.

Однако при всем своем невежестве в вопросах истории Великого княжества Литовского Назимов, а также и те, кто непосредственно писал «Проект» (не сам же сановник сочинял его), не могли не знать, что в этом государстве жили два народа, и если белорусов называть русскими, то как быть с литовцами, тем более что все они являлись католиками? Это обстоятельство

³⁷ А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк..., стр. 11.

³⁸ Там же, стр. 11, 12.

³⁹ М. О. Коялович. Рецензия на т. 1—4 «Археографического сборника». ЖМНП, 1868, № 10.

⁴⁰ К 1862 г. имелись два курса истории Литвы, напечатанные по-польски, причем огромный девятитомный труд Нарбута заканчивается 1569 г., т. е. Люблинской унией (*T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I—IX. Wilno, 1835—1841*), а вышедший несколько позже трехтомник И. Ярошевича доводит обзор событий до конца XVIII в. Оба эти автора излагают историю Великого княжества Литовского почти исключительно как историю одного литовского народа. *J. Jaroszewicz. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi, t. 1—3. Wilno, 1844—1852.*

во негласно было решено просто игнорировать, но при этом делать упор на то, что в древней Литве строились православные церкви и что первые литовские князья (начиная с Ольгерда) были православными, т. е. русскими, и т. д.⁴¹

Параграф третий «Проекта» обязывал Комиссию извлечь «все (подчеркнуто мной.— Н. У.) привилегии, выданные королями польскими и великими князьями литовскими» «православным церквям и вообще православному духовенству, а также все акты, которые свидетельствуют о существовании в Западном крае православных церквей, ныне уже не существующих». То же сделать относительно церквей и духовенства униатского, причем добавлено, что «для некоторых указаний по этому предмету дозволить вход членам Комиссии в архив Виленской капитулы».

Далее требовалось обратиться «особенное внимание» на духовные завещания знати и «людей, известных своею ученостью», а также на инвентари, «при которых находятся королевские привилегии на разные имения и староства», и на инструкции, которыми сеймики снабжали своих депутатов, отправлявшихся на сеймы. В «Проект» было также внесено пожелание, чтобы министерство государственных имуществ выделило от себя работника и при нем писца «для рассмотрения книг так называемых подкоморских и эксдивизорских, для извлечения из них всего, что может определить границы казенных имуществ, равно как и из актов крепостных книг и инвентарей обмежеваний»⁴².

Комиссия в составе председателя и трех членов (не считая технических работников — писцов) должна была работать под непосредственным руководством виленского генерал-губернатора, и членом ее в обязательном порядке должен быть архивариус Виленского центрального архива, а вообще к членам Комиссии предъявлялось лишь одно основательное требование — знание языков: латинского, западнорусского (т. е. белорусского.— Н. У.), немецкого и польского, а также «более или менее» умение разбираться в «древних шрифтах».

Конец «Проекта» содержал требование издавать ежегодно том «актов и документов» по определенному порядку и системе, а

⁴¹ В какой мере официальные русские круги того времени игнорировали наличие литовского народа, показывает письмо попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова, посланное им в 1864 г. ярославскому архиепископу Ницу, где он сообщал, что в Виленском округе (в который входила Белоруссия и Литва) существует три народности: польская, еврейская и русская. Значит, попечитель не только «забыл» о наличии литовского народа (литовцы, возможно, были причислены к полякам, поскольку они были «латиняне»), но и «русский», т. е. белорусский, поставил на последнее место (*И. П. Корнилов*. Русское дело в Северо-Западном крае». СПб., 1901, стр. 35).

⁴² *А. О. Турцевич*. Краткий исторический очерк, стр. 12—14. Подкоморские суды в Речи Посполитой рассматривали дела о границах владений. Эксдивизорские суды в погашение задолженности выделяли займодавцу (или займодавцам) полностью или частично владения должника.

затем следовало перечисление разных видов актов книг (находящихся в Виленском центральном архиве) с указанием языка, на каком они написаны ⁴³.

Пытаясь уяснить, кто мог быть автором этих документов, т. е. чьи взгляды соответствовали высказанным в «Записке» и «Проекте» положениям, и кто мог в отчетливой форме изложить их (возможные поправки, внесенные в канцелярии генерал-губернатора, в счет не идут), видим в 1862 г. в Вильно только двух человек: митрополита Иосифа Семашко и архивариуса Центрального архива Никиту Горбачевского. Предположение, что митрополит мог быть причастен к этому делу, не должно казаться необычным, так как Семашко именно и был известен тем, что постоянно ввязывался не в свои дела. Кроме того, в 50-е годы он у себя на квартире давал ученикам Литовской (Виленской православной) духовной семинарии читать древние рукописи и наставлял их, что Литва, Карпатские горы и целый ряд других отдаленных местностей «были всегда достоянием единой православной Руси и населены русским народом» ⁴⁴. Это как раз то, что составляло важнейшую часть «Записки». Однако ко времени, когда готовилась «Записка», отношения митрополита с генерал-губернатором были такие, что о совместной работе не могло быть и речи. Дело в том, что Семашко в 1855 г. послал обер-прокурору Синода секретное письмо, в котором настаивал на «необходимости усиления православно-русского элемента в западнорусском чиновничестве ввиду возможности нового польского мятежа». К великому огорчению митрополита материалы, связанные с этим письмом (письмо митрополита Филарета к Назимову), были пересланы Герцену и опубликованы им в № 28 «Колокола» за 1858 г. (стр. 231), причем Семашко был назван Герценом «во Иуде предателем и палачом». По мнению Семашко, эти материалы Герцену переслал Назимов, и, возможно, поэтому он в 1859 г. послал императору через обер-прокурора Синода донос на Назимова, в котором говорил «о гибельных плодах примирительной политики относительно поляков в Западной России» ⁴⁵.

Таким образом, участие Семашко в составлении «Записки» могло быть лишь косвенным, т. е. были переданы его взгляды на то,

⁴³ А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк, стр. 12—14. У Меницкого («Wileńska komisja archeograficzna, str. 18, 19) сказано, что Комиссия должна была состоять из председателя и двух членов: русского и «кого-либо родом из Литовского края», пользующегося особым доверием поляков, с тем чтобы избежать клеветнических измышлений относительно односторонности в издании актов и недобросовестности в деятельности Комиссии.

Не располагая дополнительными данными, нельзя высказаться, кто из названных авторов был прав, но с самого начала деятельности в Комиссии были председатель и три члена.

⁴⁴ В. К. Голуб. Юлиан Фомич Крачковский, стр. 7.

⁴⁵ П. Жукович. Иосиф Семашко. «Русский биографический словарь», т. 8. СПб., 1897, стр. 343, 344.

что собой представляет Западный край. При таком положении остается Горбачевский, и, кажется, нет сомнения, что основным автором «Проекта», в котором изложена программа деятельности Комиссии, был Н. И. Горбачевский, так как, кроме него, никто из русских не знал состава архива, о чем пространно и со знанием дела сказано в «Проекте».

Для выплаты жалованья членам Комиссии и вообще на все расходы Назимов просил выделять по 12 472 руб. в год (председателю — по 2500 руб. в год, членам Комиссии — по 1500 руб., остальное — писцам и на прочие расходы). Все расходы Назимов предлагал произвести за счет государственного казначейства. Казначейство, однако, отказалось давать такие суммы, и министру просвещения Головнину удалось выговорить лишь 6000 руб., да и то в начале марта 1863 г.⁴⁶, т. е. в то время, когда уже началось восстание. Всего вероятнее, и эту сумму выдали лишь потому, что в столице на Комиссию смотрели как на пропагандистский антипольский центр в Вильно. Однако Назимов, получив ассигновку, не мог ею воспользоваться, так как у него не было кандидатов на должности, исключая архивариуса Н. И. Горбачевского.

Вскоре после утверждения ассигновки Назимов был заменен М. Н. Муравьевым, а попечитель учебного округа Ширинский-Шихматов — И. П. Корниловым, и начало деятельности Комиссии связано с именами этих деятелей.

М. Н. Муравьев обратился к министру народного просвещения относительно выдачи обещанных 6000 руб. в конце 1863 г. По мнению А. Турцевича, открытие Комиссии задержалось из-за восстания⁴⁷. Очевидно, так и было на самом деле, потому что как только Муравьев в основном покончил с восстанием, он сразу обратился к делам Комиссии.

Муравьев решил полностью уничтожить следы польского влияния и в Белоруссии, и в Литве. С этой целью он запретил преподавание на польском языке и закрыл типографии, печатавшие книги на польском языке или хотя бы польским шрифтом. Борясь с польским влиянием, Муравьев одновременно нанес тяжелый удар по белорусской и литовской печати. В то время книги и вообще вся продукция, издававшаяся на белорусском и литовском языках, печаталась польским шрифтом, в связи с чем белорусские и литовские книги путали с польскими⁴⁸. Громя

⁴⁶ А. Турцевич. Краткий исторический очерк, стр. 16.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ В 60-е годы, да и много позже, белорусов и литовцев путали с поляками. Например, Миловидов, долгое время живший в Вильно, еще в 1905 г. писал, что перед восстанием 1863 г. виленские типографии выпустили тысячи белорусских и жмудских букварей и молитвенников, напечатанных по-польски» (А. А. Миловидов. Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае. ЖМНП, 1905, № 7, стр. 94, 95).

печать польскую, Муравьев конфисковал и уничтожил все, что было напечатано латинским шрифтом на белорусском и литовском языках (в том числе и массу букварей). 5 июня 1864 г. Муравьев распорядился печатать литовские буквари только русским шрифтом, а при его преемниках было запрещено издавать на литовском языке вообще что-либо латинским шрифтом, и хотя правительственного распоряжения не последовало⁴⁹, но запрещение удержалось до 1905 г. Полностью было запрещено печатать что-либо на белорусском языке. Поскольку белорусы числились русскими, а их язык русским, такое запрещение казалось бессмыслицей, однако и по-белорусски печатать разрешили только после 1905 г. Предложение Назимова начать издание журнала на белорусском языке «для народа» было отставлено, хотя для этого министерство народного просвещения уже выделило средства. Новый попечитель округа — И. П. Корнилов — счел, что эти деньги лучше будет расходовать на покупку учебников, вернее книг религиозного содержания⁵⁰.

При всем том Муравьев не отказался от идеи Назимова создать в Вильно университет и поручил попечителю округа И. П. Корнилову дать заключение по этому поводу. Получив от Корнилова ответ, что «еще не настало время», Муравьев выдвинул предложение создать там же православную духовную академию, но узнав, что митрополит Филарет не поддерживает, отказался и от этой затеи⁵¹.

Чрезвычайно много внимания уделял Муравьев вопросу религиозному. Ставя знак равенства между «русским» и «православным», он выделял значительные средства на постройку и ремонт православных церквей, так как считал, что православное духовенство должно быть главной силой в русификации (обрусении) края, и в этом он не ошибся.

Признавая всякого православного русским, было важно показать, что в прошлом в Белоруссии и даже в Литве имелось большое число православных церквей и монастырей, а доказать это только и могла Комиссия. Такая задача в первую очередь ей и была поставлена.

Требование Муравьева о выделении средств для Комиссии скоро было удовлетворено, и тогда «главный начальник края» 12 апреля 1864 г. приказал попечителю округа открыть Комиссию, что и было сделано 17 апреля.

Комиссия была в ведении министерства народного просвещения, и ее непосредственным начальником был попечитель округа, «но вместе с тем она находилась в зависимости и от ви-

⁴⁹ А. А. Миловидов. Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению..., стр. 92—95.

⁵⁰ И. П. Корнилов. К вопросу об издании народного журнала в Северо-Западном крае. СПб., 1868, стр. 7, 8 (отдельный оттиск из ЖМНП).

⁵¹ А. А. Миловидов. Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению..., стр. 58—60.

лепских генерал-губернаторов как представителей высшей власти в крае»⁵².

Председателя и членов Комиссии назначил Муравьев, сам же он назначил им и оклады. Однако создать Комиссию оказалось делом гораздо более легким, чем сделать так, чтобы она стала способной к выполнению тех задач, которые на нее возлагались.

Председателем Комиссии был утвержден Павел Васильевич Кукольник, брат известного своими ходульно-патриотическими пьесами Нестора Кукольника, а членами — виленский священник А. И. Пцолко, чиновник особых поручений при виленском генерал-губернаторе И. А. Никотин и архивариус Виленского центрального архива Н. И. Горбачевский.

Из четырех работников Комиссии А. И. Пцолко и И. А. Никотин никогда не занимались не только вопросами археологии, но и ничего никогда не читали по истории и этнографии Белоруссии и Литвы. Всего вероятнее, они не могли прочитать самый простой текст из тех документов, которые им полагалось издавать, и понятия не имели, как выглядят архивные дела вообще. Председатель Комиссии напечатал несколько работ, из которых следует, что он не только прочитал труды Стрыйковского, Нарбута, Ярошевича и других авторов, писавших по истории Литвы, но и был знаком с литовскими статутами и некоторыми другими источниками, однако читать документы в рукописи едва ли умел и он. И лишь один Горбачевский знал не только архивное дело, но и все то, что по «Программе» требовалось от сотрудников Комиссии. Спустя 5 лет, касаясь начального периода деятельности Комиссии, Горбачевский писал, что «за исключением архивариуса Центрального архива» (т. е. самого автора статьи.— *Н. У.*), ни один из членов Комиссии «никогда не занимался древними актами и не был ознакомлен с древними почерками западнорусскими и латинскими»⁵³. К этому можно добавить, что ни один из названных сотрудников за все время пребывания в Комиссии не только не выказывал ни малейшего желания «ознакомиться с древними почерками», но всячески отлынивал от заседаний Комиссии.

Однако Муравьев, создав подобную Комиссию, сразу потребовал от нее работы такого объема, будто это было целое учреждение, а не один действительно работающий человек, к тому же обремененный текущей работой в архиве. Чтобы объем проделанной Комиссией работы был виден ясно, от нее потребовали ежемесячные отчеты⁵⁴. Всего вероятнее, требование это исходило от самого Муравьева — по крайней мере как он, так и его

⁵² А. Турцевич. Краткий исторический очерк, стр. 17.

⁵³ Н. Горбачевский. О Центральном архиве древних актовых книг губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской. Вильна, 1869, стр. 29 (отд. оттиск из журн. «Вестник Западной России», 1869, кн. 5, т. 2; кн. 6, т. 2).

⁵⁴ Там же, стр. 29.

преемник генерал Кауфман читали эти отчеты⁵⁵. Правда, сама Комиссия старалась представить дело так, что инициатива с подачей отчетов принадлежала ей самой⁵⁶, однако из статьи Горбачевского с несомненностью следует, что отчеты с Комиссии требовали.

Ввиду того что за первые два месяца своего существования Комиссия реально ничего сделать не могла, а отчитываться все же приходилось, то был придуман очень разумный выход: в отчеты стали вносить число будто бы просмотренных листов актовых книг, тогда как на самом деле просматривались не сами книги, а лишь описи их. «Поневоле они должны были обратиться не к подлинным актовым книгам, но описям», а «если бы... не воспользовались описями, они ничего не могли бы поделать», — писал по этому поводу Горбачевский⁵⁷.

Приняв такую систему, Комиссия могла представлять грозному начальнику края отчеты, из которых явствовало, что ее деятельность протекает весьма интенсивно. Так, с 1 июня по 1 августа Комиссия якобы рассмотрела 9025 листов актов, из которых 129 оказалось «примечательных»⁵⁸. В отчете, поданном 3 октября 1864 г., сказано, что в сентябре было списано и заготовлено к печати 17 актов на 44 листах, а затем следовало страшное пояснение, из которого было видно, что Комиссия действует вполне в духе тех положений, которые были изложены в «Записке» и «Проекте»⁵⁹.

Как упоминалось, в первый состав Комиссии Муравьев включил виленского священника А. И. Пцолко. Едва ли можно сомневаться в том, что «главный начальник края» знал о полной непригодности Пцолко к археографической работе, но он, видимо, и не ждал, что занятый церковными делами священник будет сидеть в архиве и отбирать там акты. Всего вероятнее, что

⁵⁵ А. Турцевич. Краткий исторический очерк, стр. 17.

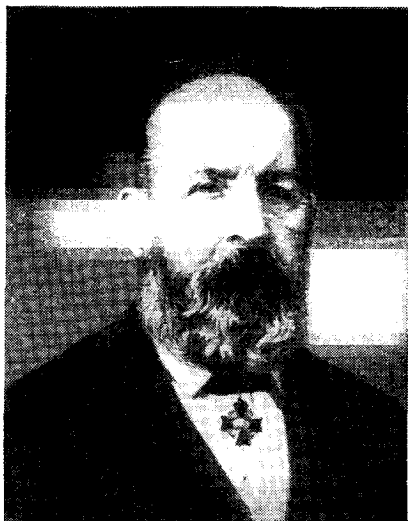
⁵⁶ В протоколе Комиссии от 4 мая 1864 г. записано следующее: «Так как занятия Комиссии при разборе древних актов при самых усиленных трудах ее могут быть незаметны, а иногда и бесплодны, то весьма полезно было бы доносить начальству о занятиях Комиссии. Постановили: давать попечителю подробную ежемесячную сводку о проделанной работе» (ЦГИА, Лит. ССР, ф. 596, оп. 1, д. 7, л. 20).

⁵⁷ Н. Горбачевский. О Центральном архиве древних актовых книг..., стр. 29.

⁵⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 596, оп. 1, д. 7, л. 2.

⁵⁹ Отметив, что ею приготовлено к печати 52 акта, Комиссия писала: «Акты эти избраны из рассмотренных 82 книг 16 и 17 стол. одного только Гродненского земского суда. Они объясняют существование положений и даже число православных и греко-униатских церквей, жалкое положение бывшего греко-униатского духовенства и крайнюю слабость тогдашней исполнительной административной власти и даже власти самих королей, необузданное своеволие шляхты, быт королевских крестьян и мещан в разные эпохи, русское происхождение некоторых знатнейших дворянских родов и некоторые меры и распоряжения тогдашнего правительства, могущие служить объяснением исторических фактов» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 596, оп. 1, д. 7, л. 4).

Щолко назначался в Комиссию в качестве представителя политического надзора, «глаза» Муравьева, так как на Комиссию смотрели как на учреждение пропагандистское⁶⁰, а самыми действительными пропагандистами идей самодержавия, православия и русской народности были священники. Совершенно не случайно, что из шести председателей Комиссии четверо (Бессонов, Крачковский, Добрянский и Довгялло) происходили из православного духовенства, пятый (Головацкий) — из униатского, а из 10 членов той же Комиссии только четверо (Никотин, Спрогис, Глебов и Плящанский) были не из духовенства. Если к этому добавить, что Спрогис окончил духовную семинарию и учился в духовной академии, намереваясь стать

*Никита Иванович
Горбачевский*

лицом духовным, то «духовный» характер сотрудников Комиссии станет еще более определенным. (Работа в Комиссии выполнялась почти исключительно сыновьями православных сельских белорусских священников, и, нужно сказать, они на совесть выполняли те задачи, которые были поставлены перед Комиссией ее творцами.

⁶⁰ В «Записке», написанной в 1882 г. членом Комиссии С. В. Щолковичем, отмечено, что «цель, с которой открыта в Вильно Комиссия, заключается главным образом в стремлении правительства установить правильный исторический взгляд на Северо-Западный край, как на край искони русский», и что поэтому Комиссия «не пропускала ни одного более или менее выдающегося, прямо или косвенно удовлетворяющего этой цели» документа (ЦИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 178, л. 8). Об этом почти в тех же выражениях писал и М. Н. Ясинский в своей рецензии на т. XV—XVIII «Актów Виленской комиссии». «Главная цель, которую преследовала Комиссия,— сообщает М. Н. Ясинский,— при выпуске первых 10 томов и которую (в целом ее объеме) она еще не вполне оставила и в дальнейших своих изданиях,— это доказать, во-первых, что православная вера долгое время была самой распространенной в пределах западно-русского государства, и, кроме того, отметить все, что носило там на себе отпечаток православия и русской национальности, а, во-вторых, выяснить древний экономический и юридический быт Западного края и вместе с тем показать, как на нем пагубно отразился влияние польских элементов, какая беспорядочность вследствие этого царяла в Литовско-Русском государстве в XVII—XVIII вв.» (М. Н. Ясинский. Обзор последних изданий Виленской археографической комиссии, т. XI—XVIII. Киев, 1893, стр. 6, 7).

А К Т Ы

ВИЛЕНСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Томъ XIII

АКТЫ ГЛАВНАГО ЛЕТЕСВЯТАГО ТРИБУНАЛА

В И Л Ъ Н А.

Въ Виленской А. Г. Типографіи, издаваемай съ 1820 г. № 1.
1886

Обложка издания

«Акты Виленской археологической
комиссии»

Сотрудники Комиссии, почти все окончившие университеты или духовные академии со степенью магистров или кандидатов, по своим интересам и наклонностям оставались поповичами, главным жизненным интересом которых была церковная обрядность.

Первым председателем Комиссии, как уже говорилось, был Павел Васильевич Кукольник (1795—1884 гг.). Родился он в г. Замостье в культурной униатской семье⁶¹. В 1804 г. отца Кукольника пригласили на работу в Петербург, где он стал профессором Педагогического института. В Петербург молодой Кукольник приехал, зная только польский язык, но скоро овладел русским, а также и другими языками. В школе он учился очень мало, потому что в 14 лет «доканчивал образование», а в 15 сдал государ-

ственный экзамен за гимназический курс и начал работать, одновременно занимаясь самообразованием, и в 20 лет закончил диссертацию, которую защищал в Полоцкой иезуитской академии в 1815 г., где и получил степень доктора права⁶².

Получив степень доктора, Кукольник вскоре сменил униатство на православие, чем сильно выиграл в глазах начальства, а перевод на русский язык с французского пятитомной «Всеобщей истории» Сегюра создал ему репутацию человека ученого. В результате, когда в Виленском университете был отстранен от работы И. Лелевель, на его место (в 1825 г.) профессором всеобщей истории (и статистики) назначили П. В. Кукольника. После его закрытия (1832 г.) Кукольник преподавал в Медико-хирургической и Духовной академиях, а после их закрытия (1842 г.) — в католической семинарии⁶³. Одновременно с преподавательской работой Кукольник с 1829 г. стал цензором. Выйдя на короткое

⁶¹ А. И. Шверубович. Братья Кукольники. Очерк их жизни. Вильна, 1885 стр. 9, 10, 11; «Пятидесятилетие Виленской комиссии», стр. 5; Р. Меницкий (R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna str. 29) утверждает, что Кукольники были католиками, но это опровергается всеми остальными данными.

⁶² А. И. Шверубович. Братья Кукольники, стр. 20.

⁶³ Там же, стр. 21, 24.

время в отставку, он с 1863 г. — председатель цензурного комитета и на этом посту пробыл до 1865 г.⁶⁴

Биограф Кукольника, А. И. Шверубович, характеризует его как человека «многосторонне образованного и обладающего блестящими преподавательскими способностями»⁶⁵. Такую оценку, очевидно, следует рассматривать как желание показать, что после знаменитого Лелевеля правительство прислало в университет человека незаурядного, но в действительности самоучка Кукольник никогда и ничем в жизни серьезно не занимался.

Авторы юбилейного издания, характеризуя Кукольника, писали, что «это был человек очень вежливый, обходительный, услужливый. Как цензор, он был известен с лучшей стороны сому пишущей братии. Как учитель истории, он пользовался расположением учеников»⁶⁶. Гораздо более сдержанны были биографы правительственного лагеря, когда начинали говорить о его научных заслугах, и почти замолкали, когда следовало отметить работу его в Комиссии (Шверубович об этом вообще ничего не написал).

Самая крупная из опубликованных работ Кукольника называется «Исторические заметки о Литве» (Вильна, 1864). Как и прочие труды Кукольника, эта работа компилятивная, основанная на работах И. Ярошевича, И. Крашевского⁶⁷, Е. Бандтке⁶⁸, Н. Н. Бантыш-Каменского⁶⁹, М. Стрыйковского⁷⁰ и других авторов. В своих «Заметках» Кукольник изложил историю Великого княжества Литовского от времен легендарных до 1795 г. В предисловии к своей книге он сообщал, что «обратил особенное внимание... на развитие в Литве русского элемента и влияния его на судьбу государства». И действительно, Кукольник по сравнению с авторами, писавшими по-польски, уделял этому вопросу гораздо больше внимания, в частности, он много останавливается на вопросах религиозной борьбы, введении церковной унии, в чем основывается главным образом на работах Бантыш-Каменского. Изложив историю Литвы в клерикально-монархическом духе, Кукольник дал к своей книге такую концовку, которая в течение десятков лет служила образцом других работ подобного рода. В изображении Кукольника в Великом княжестве Литовском (Литве) после присоединения его к России установилась «личная безопасность каждого гражданина, прочность и защита прав каждого сословия (подчеркнуто мной. — Н. У.), порядок и устройство,

⁶⁴ Там же, стр. 29, 32, 34, 35.

⁶⁵ Там же, стр. 24.

⁶⁶ «Пятидесятилетие Виленской комиссии», стр. 6.

⁶⁷ J. Kraszewski. Wilno od początków jego do roku 1750, t. 1. Wilno, 1840.

⁶⁸ J. Bandtkie. Dzieje królestwa Polskiego, t. 1, 2. Wrocław, 1835.

⁶⁹ Н. Н. Бантыш-Каменский. Исторические известия о возникновении в Польше унии с показанием важнейших в продолжении оной, через два века приключений. М., 1805 (2-е изд. Вильна, 1864).

⁷⁰ M. Strykowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846.

столь давно невиданные в Литве, обуздание своевольтва сильного»⁷¹. Читая это, можно подумать, что в Литве по крайней мере было давно отменено крепостное право и установлено равенство всех перед законом.

Все это, с точки зрения Муравьева и Корнилова, было хорошо, однако в Комиссии Кукольник ничего не делал, и его очень скоро пришлось оттуда удалить. Пробыв на посту председателя меньше года, Кукольник выбыл, а об его участии в работе Комиссии позже было сказано, что она «ограничилась изданием только первого тома актов, причем он редактировал этот том уже после оставления службы в Комиссии»⁷². Зная обстановку, можно быть уверенным, что том целиком был подготовлен Горбачевским и что редактирование его Кукольниковым было такой же фикцией, как и вся вообще работа его в Комиссии.

Первым членом Комиссии и одно время исполняющим обязанности председателя ее был Иван Акимович Никотин (1825—1890 гг.⁷³; у Меницкого — *R. Mienicki. Wilénska komisja archeograficzna, str. 49* — год смерти ошибочно — 1905). В работах, касающихся деятелей Комиссии, о Никотине говорится очень мало (всего больше у Меницкого), но этот недостаток сведений в большой мере компенсируется наличием опубликованных мемуаров («Записок»), в которых Никотин изобразил себя с такой отчетливостью и откровенностью, какая едва ли под силу кому другому.

Дворянин Тверской губ., Никотин в 1846 г. окончил Московский университет, в 1851 г. приехал в Вильно и с того времени почти всю жизнь провел в Литве, Белоруссии и в Польше.

«Записки» рисуют Никотина как человека мелочного, вульгарного, до крайности самовлюбленного, карьериста, богато наделенного даром хвастовства, а вместе с тем при оценке собственных поступков чрезвычайно наивного. В свои «Записки», например, он внес такие эпизоды, которые обычно тщательно скрываются мемуаристами. Так, он рассказывает, как, напуганный революционными событиями в Вильно, собрался сбежать оттуда и написал генерал-губернатору, своему непосредственному начальнику, прошение об отставке. Не рискнув передать просьбу генералу, он принес ее его жене. Далее рассказывается, как жена Назимова уговаривала его не трусить и как, слушая эти уговоры, он «зарыдал как ребенок»⁷⁴.

Помимо таких рассказов и бесконечных описаний увеселений, «Записки» содержат богатые данные о ходе восстания 1863—

⁷¹ *П. Кукольник. Исторические заметки о Литве. Вильна, 1864, стр. 244.*

⁷² *А. Турцевич. Краткий исторический очерк, стр. 24, 25.*

⁷³ Год рождения определен по записи в документе, в котором сказано, что Никотину в 1869 г. было 44 года (ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, л. 49, л. 20), хотя в другом (д. 34, л. 27) сказано, что ему в 1867 г. было 43 года, т. е. что он родился в 1824 г.

⁷⁴ *И. А. Никотин. Из записок И. А. Никотина, СПб., 1905, стр. 96.*

1864 г. Имея доступ к секретным делам генерал-губернатора и сам участвуя в следственной работе, Никотин знал очень много.

Однако о своей работе в Комиссии он не упоминает ни разу. Очевидно, этот род деятельности был для него настолько случайным, настолько не соответствующим его склонностям и он так плохо разбирался в этом деле, в котором сначала участвовал, а позже руководил, что просто не находил нужным что-либо сообщить об этом.

Почему же в таком случае Никотин был назначен членом Комиссии? Тщеславный, суматошный, пустой, он, всего вероятнее, просился у Муравьева на эту должность, которая помимо денежного оклада давала возможность выразить свои верноподданические чувства и тем лишний раз обратить на себя внимание начальства.

Муравьев же, назначая членов Комиссии, гораздо больше был озабочен их политическими настроениями, чем знанием дела, а с точки зрения политической Никотин ни у кого не вызывал сомнения. Со своей стороны, Никотин не остался в долгу перед Муравьевым, о котором он в своих «Записках» написал: «Сня большей частью в креслах, проводил ночь тот, неуспынным трудом и ревностным попечением которого вверено было державным вождем (царем.— Н. У.) не только умиротворение потрясенного кровавым мятежом исходи русского края, но и укрепление его в будущем за Россию, теснейшим сближением с нею вопреки всем расчетам наших заклятых внутренних и внешних врагов»⁷⁵.

Человека, который так писал, Муравьев наградил не только назначением в члены Комиссии, но и единовременною суммою в 2500 руб.⁷⁶

Что касается Комиссии, то в официальном отчете сказано, что «участие И. А. Никотина в работе Комиссии было невелико. За него работал помощник архивариуса Виленского центрального архива П. А. Гильтебрандт»⁷⁷. Будучи назначен членом Комиссии, Никотин одновременно участвовал в работах по следственным делам о восстании, а с апреля 1865 г. находился непосредственно в ведении Муравьева для составления отчета «по управлению Северо-Западного края» и «Записок»⁷⁸. Вполне понятно, что при таких обстоятельствах работе в Комиссии можно было уделить минимум внимания, тем более что и самое активное участие едва ли дало бы результат вследствие полного незнакомства с этим делом⁷⁹.

⁷⁵ Там же, стр. 240.

⁷⁶ Там же, стр. 257.

⁷⁷ «Пятидесятилетие Виленской комиссии», стр. 16.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Головацкий в своем предисловии к т. III Актов отметил лишь, что по настоянию Никотина стали писать перед документом краткое содержание его и что это затянуло выход в свет тома (АВК, т. III, стр. IV).

Вторым членом Комиссии первого состава был кандидат богословия священник Виленского кафедрального собора Антоний Иванович Пцолко (1818—1871 г.). В «Записках» Никотина и в издании «Пятидесятилетие комиссии» ему уделены проникновенные строки: «Магистр богословия (он был лишь кандидатом.— *Н. У.*),— писал Никотин,— одаренный от природы представительной наружностью и христианским сердцем, пылкий и ревностный борборник православия... вполне русский по духу... был действительно незаменим в борьбе против явных и тайных [сторонни]ков латинства и польской пропаганды в нашем исконном русском крае»⁸⁰. В юбилейном издании подчеркнуто, что Пцолко был приглашен на работу в Комиссию «в силу особого доверия и уважения, которые питал к нему Муравьев. Это был один из популярнейших виленцев своего времени, с редкими качествами души и светлого ума». «Пцолко,— сказано дальше,— пользовался также расположением митрополита Семашко, был знаком виленских древностей и поместил несколько статей в «Литовских епархиальных ведомостях»⁸¹.

Однако это лицо, обладавшее такими высокими качествами, ограничило свою деятельность в Комиссии исключительно получением жалованья. И так продолжалось пять лет, пока, наконец, новый председатель (Головацкий) не предложил ему уйти. Чтобы не потерять полностью доход, Пцолко пошел на компромисс: он поручил выполнять за себя работу в Комиссии И. Я. Спрогису, за что отдавал ему половину жалованья⁸². Когда и это стало невозможным, он (в конце 1870 г.) ушел из Комиссии. Разница в этом отношении между Пцолко и Никотиным заключалась в том, что Пцолко целый год оплачивал работу Спрогиса сам, Гильтебрандта же, работавшего за Никотина, оплачивало государство.

Никита Иванович Горбачевский (1804—1880 г.)⁸³ был последним по чину, но единственным реальным сотрудником Комис-

⁸⁰ *И. А. Никотин*. Из записок И. А. Никотина, стр. 248.

⁸¹ «Пятидесятилетие Виленской комиссии», стр. 17.

⁸² Там же; *А. Турцевич*. Краткий исторический очерк, стр. 28, 29.

⁸³ У Меницкого («*Archiwum akt dawnych w Wilnie*», стр. 101, 102) сказано, что Горбачевский родился в 1811 г., но эта дата плохо увязывается с датой окончания им академии и началом работы (1831 г.). Поскольку все источники утверждают, что работать он начал в 1831 г., то, значит, академию окончил в 20 лет, что весьма сомнительно, так как обычно это учебное заведение окончивали не ранее 24 лет. В документах Комиссии год рождения назван 1813-й (ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 34, л. 27), что совсем невероятно, или же только отмечено, сколько лет ему было в том или ином году, но в этом случае чуть ли не каждый раз год получается иной. Так, в документах за 1870 г. сказано, что Горбачевскому было 56 лет (год рождения, следовательно, 1814), в 1878 г.—67 лет (год рождения 1811 г.), в 1874—64 года, в 1876 г.—66 лет (год рождения 1810 и т. д.) (ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 49, лл. 16, 20, 54, 65, 79). При таком положении всего достовернее год рождения показан в «Пятидесятилетии Виленской комиссии» (стр. 18), где сказано, что он родился в 1804 г.

сии, на котором в первые годы существования этого учреждения держалась вся работа. Происходил он из православного духовенства Могилевской губ., в 1831 г. окончил Духовную академию со степенью кандидата философско-теологических наук. После окончания академии и до своего назначения в архив (1853 г.) был преподавателем в Виленской православной духовной семинарии, Дорогичинском дворянском училище, Виленском дворянском институте, раввинской Виленской школе и Виленской гимназии. Преподавал он там до чрезвычайности разнообразные предметы: философию, логику, церковное красноречие, всеобщую историю, языки: русский, еврейский, латинский, немецкий⁸⁴. Впрочем, для того времени в этом не было ничего необычного. Ранее в архивах Горбачевский никогда не работал и едва ли намеревался заняться такого рода деятельностью, но, назначенный на пост архивариуса, т. е. заведующего архивом, он отдался архивной работе всей душой и работал там почти до самой смерти. Нужно сказать, что если бы не предварительная самоотверженная работа Горбачевского в архиве, то и деятельность Комиссии была бы невозможна, в том по крайней мере объеме, как это было на самом деле. Важнейшая работа, проделанная Горбачевским в архиве, заключалась в составлении каталога актовых книг, в предисловии к которому Горбачевский показал, какие суды имелись в Великом княжестве Литовском, их функции и как велось в них делопроизводство, облегчив, таким образом, работу всех последующих работников как самого архива, так и членов Комиссии⁸⁵. Знание архивных материалов дало возможность Комиссии быстро укомплектовать первые тома Актов, а проделанную ранее Горбачевским работу выдать за текущую работу этой Комиссии.

В статье, помещенной в «Вестнике Западной России» (см. выше), Горбачевский ознакомил читающую публику с историей Центрального виленского архива и еще раз с организацией судебных учреждений Великого княжества. Все работы, посвященные тому же вопросу, опирались на эти статьи Горбачевского. Без сомнения, за все время существования Комиссии Н. И. Горбачевский и Д. И. Довгялло были самыми большими знатоками

и что, следовательно, академию окончил в 27 лет. Кстати, там же говорится, что он происходил не из дворян Смоленской губ., как утверждается во всех остальных случаях, а из семьи священника Могилевской губ. Крайняя путаница с годами в документах Комиссии показывает, что Горбачевский «омолаживал» себя, а в то же время, очевидно, и «облагораживал», поскольку везде писался дворянином; иначе говоря, версия «Пятидесятилетия» кажется наиболее достоверной. Неверна там лишь дата смерти (1879 г.), так как он умер в 1880 г.

⁸⁴ R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Wilnie, str. 182.

⁸⁵ Н. Горбачевский. Каталог древним актовым книгам губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгам некоторых судов губерний Могилевской и Смоленской, хранящимся ныне в Центральном архиве в Вильно. Вильна, 1872.

палеографии, метрологии и хронологии Белоруссии и Литвы. Автор работ по источниковедению⁸⁶, Горбачевский редко выступал в печати по вопросам, не имеющим прямого отношения к его специальности.

В русских работах, касающихся Комиссии, ему даны (как никому другому) лестные характеристики («являлся наиболее понимающим и полезным работником за первые 15 лет существования Комиссии»⁸⁷, «принимал деятельное участие во всех изданиях Комиссии»)⁸⁸. Даже Р. Меницкий признавал в нем знающего специалиста, хотя и зараженного теми же недостатками, которыми страдали и другие члены Комиссии: духом нетолерантности, обскурантизма, шовинизма, дилетантизма⁸⁹ и т. д.

Основным трудом Н. И. Горбачевского, а вместе с тем и важнейшей работой членов Комиссии вообще является «Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского». Это очень своеобразное произведение, так как в Словаре дан не только перевод и краткое толкование слов, встречающихся в древних актах, но часто приводятся пространные пояснения их. Так, например, в нем содержится пояснение, что волока была «главной поземельной мерой в Литве и Польше», а далее на двух страницах разъясняется, на какие более мелкие части она делилась, как в прошлом определяли размер волоки, а также дан ее перевод на русские земельные меры. Говоря о том, что представляли собой польские и литовские монеты, автор приводит таблицы перевода их на русские деньги в серебре за несколько сотен лет. Много внимания уделяет он различным мерам, существовавшим в Польше. В отношении метрологии народов, живших в Великом княжестве Литовском, работа Горбачевского не потеряла значения и до наших дней.

Вместе с тем в Словаре многое кажется странным и непонятным. Например, слова расположены в нем по латинскому алфавиту, и многие из них, написанные в актах кириллицей по-белорусски, приведены в Словаре в польском или латинском произношении и написаны латинским шрифтом. Так случилось со словом «дворице», которое написано по-польски, причем дано неверное толкование этого термина: Горбачевский перевел его как «дворец, фольварк, ферма», а на самом деле в XVI в. дворищем называлось крестьянское хозяйство, объединявшее несколько семей. На польском или на латинском языке написаны такие слова, как «гарнец», «грош» и т. д.

⁸⁶ Н. И. Горбачевский. Краткие таблицы, необходимые для истории, хронологии, вообще для всякого рода археологических исследований и в частности для разбора древних актов и грамот Западного края России и царства Польского. «Археографический календарь на 2000 лет». Вильна, 1869; «Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского». Вильна, 1874.

⁸⁷ «Пятидесятилетие Виленской комиссии...», стр. 18.

⁸⁸ А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк, стр. 28.

⁸⁹ R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 36.

Говоря о мерах, применявшихся в Великом княжестве Литовском, автор все их называет литовскими. В наше время под литовскими понимают те меры, которые применялись на территории, заселенной литовским народом, у Горбачевского же (как и обычно в то время) разницы между Литвой в собственном смысле слова и литовским государством нет, и, таким образом, непонятно, имелись ли у народов, живших в составе литовского государства, т. е. белорусов и украинцев, какие-либо собственные меры или нет. Еще более это делается непонятным, если учесть утверждение Горбачевского, что Литва — это страна «искони русская»⁹⁰.

Непригодность Кукольника в качестве председателя Комиссии была очевидной с первых дней, и попечитель округа начал очень скоро подыскивать более подходящего кандидата на эту должность. Круг возможных кандидатов был очень узким вследствие тех политических требований к председателю, о которых уже говорилось.

Всего больше на эту должность подходил М. О. Коялович, бывший в то время профессором Духовной академии в Петербурге. Сын священника (ранее униатского, потом православного), уроженец Гродненский губ., монархист, посвятивший свою жизнь преимущественно выяснению значения церковной унии с правительственных позиций, он казался как раз тем, кто был нужен Корнилову, однако вопрос о его назначении, кажется, никогда не поднимался. Видимо, он занимал слишком высокий пост для того, чтобы пойти на работу в провинциальную Комиссию.

Наконец, выбор Корнилова пал на Петра Алексеевича Бессонова (1828—1898 гг.), уроженца Москвы, окончившего Московский университет, сына священника. В то время Бессонов усиленно занимался сбором старинных белорусских рукописей с песнями и стихами с нотами, в чем, по его словам, и преуспел⁹¹. Чтобы обеспечить Бессонова материально, Корнилов, кроме поста председателя, предоставил ему еще несколько должностей, однако он в Вильно пробыл недолго, так как вскоре со всеми перессорился (включая работников архива) и, не отчитавшись в делах, уехал.

А. Турцевич считал, что Бессонов, «несомненно, обладал достаточными сведениями по истории и археографии, чтобы правильно вести занятия Виленской археографической комиссии, но он, очевидно, мало интересовался этим делом»⁹².

Естественно, что наиболее резкую оценку его деятельности дал И. П. Корнилов, который, вызывая Бессонова в Вильно, ожидал, что тот «принесет пользу русскому делу, возбудит ученую деятельность, даст ей программу, направление, укажет

⁹⁰ «Ординация королевских пуц», стр. V.

⁹¹ П. А. Бессонов. Белорусские песни. М., 1871, стр. XI—XII.

⁹² А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк, стр. 25.

цель, укажет задачи»⁹³. Однако Корнилову пришлось горько разочароваться и в конце концов ходатайствовать перед министром просвещения, чтобы Бессонова перевели куда-нибудь за пределы Белоруссии и Литвы⁹⁴.

В изображении Меницкого Бессонов был деспотом, склочником, грубияном, который в Вильно восстановил против себя всех. Вместе с тем Меницкий отмечал, что Бессонов намеревался издавать документы Виленской капитулы, о которых Комиссия раньше и знать не хотела; кроме того, он хотел публиковать источники с соблюдением особенностей написания XVI в.— в общем намеревался отойти от того примитивизма, которым характеризовались издания Виленской комиссии. Меницкий добавляет, что Бессонов был стилист, славянский этнолог, любитель славянского народного творчества — в общем человек широко образованный⁹⁵.

Характер у Бессонова был действительно тяжелый, однако не в этом (или не только в этом) была причина его разногласий с членами Комиссии и попечителем округа, а затем и ухода с поста председателя. По приезде в Вильно (Бессонов назначен на пост председателя 26.II 1865 г.) конфликт у нового председателя, очевидно, прежде всего произошел с Горбачевским. Горбачевский установил правило, согласно которому в помещение, где находились архивные материалы, мог войти только он один; туда не впускались даже его помощники, в случае же отъезда архивариуса из Вильно ключ от хранилища передавался попечителю⁹⁶. Бессонов попытался получить непосредственный доступ в хранилище, на это Горбачевский ответил категорическим отказом: председатель может затребовать по описям что угодно, если же его пустить в хранилище, то он там напутает⁹⁷. «Проект» положения, т. е. временный статус Комиссии, не предвидел такого казуса, хотя казалось вполне естественным, что сотрудники Комиссии, созданной для разбора и издания актов, хранящихся в архиве, должны были бы иметь доступ в хранилище. Как бы там ни было, но Горбачевский так и не допустил Бессонова в архив, на что последний ответил потоком упреков, адресованных Горбачевскому. Он писал, что описи, по которым ему предлагали выписывать дела, плохие, не соответствуют содержанию дел. «Дело Комиссии,— писал Бессонов,— разбирать спис акты, приводить в порядок и известность, исследовать и обнародовать», а как же можно это сделать, если даже ее председателю нельзя войти в архив?⁹⁸ Книги, правда, по требованию

⁹³ И. П. Корнилов. Русское дело в Северо-западном крае. СПб., 1901, стр. 78.

⁹⁴ Там же, стр. 81.

⁹⁵ R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 39—44.

⁹⁶ R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Wilnie str. 103; ЦГИА Лит. ССР, ф. 596, оп. 1, д. 13, л. 2.

⁹⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 596, оп. 1, д. 34, лл. 6, 7.

⁹⁸ Там же, лл. 7, 8.

выдаются, но что в них есть — неизвестно, так как в одних случаях документы, числящиеся в деле, отсутствуют, тогда как не числящиеся по описи имеются. Бессонов обвинял Горбачевского и в том, что тот не пускает в хранилище членов Комиссии из-за боязни, что откроются его ошибки. Не устраивали Бессонова и часы работы архива: от 10 до 12 и затем с 4 до 6⁹⁹. В общем в требованиях Бессонова не было ничего необычного, вернее они были совершенно обоснованными, кроме обвинения, что Горбачевский не пускает его в архив из-за боязни, чтобы там не обнаружили беспорядки.

Уже этой ссоры с основным работником Комиссии было достаточно, чтобы сделать положение Бессонова очень шатким. Но в Комиссии постарались выдвинуть против него обвинения, которые в то время имели характер политический. Важнейшим из них было указание, что Бессонов приказал переписать ряд документов римско-католической капитулы с тем, чтобы в дальнейшем их напечатать¹⁰⁰, а в этом фонде, всего вероятнее, находились нейтральные материалы или даже благоприятные для католиков, когда задачей Комиссии была публикация документов, компрометирующих их. Ряд документов был отобран Бессоновым из частных собраний, но Комиссия возражала, боясь, что они могут оказаться фальшивками. Кроме того, Бессонов приказал переписывать акты, придерживаясь оригинала, «с удержанием аббревиации... употреблением старинных букв... так что не только чтение их затруднительно, но даже и печатание их в таком виде невозможно по неимению букв». Ссылаясь на это, Комиссия забраковала материалы, отобранные для печати Бессоновым, а когда затем эти документы были посланы для просмотра в Петербургскую археографическую комиссию, то председатель ее, Бычков, присоединился к мнению членов Виленской комиссии, сделав некоторые оговорки¹⁰¹.

Во многих случаях документы, представленные Бессоновым, браковались как «не имеющие ученого значения по своему частному характеру». На таком основании, например, был отвергнут док. № 46, озаглавленный: «Подтверждение завещания Яновича, данное каштеляном Еронимом Ходкевичем Екатерине Глебовичевой 1545 г.»¹⁰²

Пристрастность в суждении о работе Бессонова здесь видна предельно отчетливо. Почему «не имеет ученого значения» завещание, притом лиц таких знатных фамилий, когда Комиссии вменялась в обязанность публикация именно такого рода источников? Притом, кто из членов Комиссии определял, имел ли тот или иной документ «ученое значение»? Если Пцолло или Никотин, то что значило их мнение?

⁹⁹ Там же, лл. 8, 9.

¹⁰⁰ Там же, д. 49, л. 2.

¹⁰¹ Там же, лл. 3, 4.

¹⁰² Там же, д. 35, л. 6.

Однако и это имело второстепенное значение, главным же было то, что Бессонов с самого начала не захотел включиться в ту шовинистическую кампанию, которую проводили Муравьев и его ближайшие помощники — Корнилов, Никитин и другие и которая была вообще так характерна для Белоруссии и Литвы в первые годы после удушения восстания. Поэтому следует уяснить взгляды Муравьева и Корнилова на «русское дело» и вытекающие из этих взглядов требования к председателю Комиссии.

И. П. Корнилов всего полнее изложил свою точку зрения на этот предмет в сборнике документов, который он издал в 1901 г. в Петербурге, предпослав сборнику развернутое предисловие¹⁰³. Период удушения восстания Корнилов называет «светлым» и предлагает называть его «по его главному гениальному деятелю Муравьевским» (подчеркнуто Корниловым. — Н. У.).

Подавив восстание в «этом древнем православном» крае (по другой версии того же Корнилова — «в древнем православном русско-литовском крае»), там следовало возродить русскую народность¹⁰⁴. В 60-е годы XIX в. такие странные словосочетания, как необходимость «обрусения русских в Западном крае» или «православный русско-литовский край», были в большом ходу, и поэтому в приведенных выражениях Корнилова не было ничего необычайного.

По мысли Корнилова, задачу возрождения русской народности в «русско-литовском крае» должен был в основном выполнить учебный округ, т. е. сделать это следовало путем организации широкой сети школ, где преподавателями были бы настоящие русские и православные. М. Н. Муравьев и предшественник Корнилова Ширинский-Шихматов находили, что в Западном крае было непомерно много гимназий (в одной из губерний края их было целых пять). Считая, что это недопустимо, они предлагали оставить по одной гимназии на губернию, а на сэкономленные таким путем деньги открыть русские начальные школы в деревне. Корнилов был против этого. Он доказывал, что гимназии необходимы, но только нужно поставить дело так, чтобы из них выходили не противники царского режима, а преданные ему слуги. В то же время Корнилов стремился к увеличению сети начальных сельских школ, а так как в крае не было людей, которые могли бы преподавать на русском языке и тем более делать упор в преподавании на религиозную сторону, то Корнилов обратился к различным лицам (например, к архиепископу ярославскому Нилу, М. П. Погодину и др.), прося их направлять в Белоруссию и Литву семинаристов. Вызывать семинаристов из русских губерний в качестве учителей Корнилов находил необходимым потому, что он считал белорусов (а по его терминологии — «западнорусских») ненадежными и поэтому

¹⁰³ И. П. Корнилов. Русское дело в Северо-Западном крае. 1901 г.

¹⁰⁴ Там же, стр. III, IV, V.

непригодными для работы в школах. В своем отчете за 1863 г. он писал: «Здесьние учебные заведения должны... избегать местных уроженцев (за исключением немногих русских) и пополняться переселяющимися из великорусских губерний чиновниками». Исключение в этом смысле Корнилов делал лишь для православных белорусских попов¹⁰⁵.

Следовательно, в отношении начальной школы взгляды Муравьева и Корнилова совпадали: оба они хотели увеличить их число. Возникает вопрос: почему оба эти крепостника, в особенности Муравьев, выразили такое определенное желание начать просвещать крестьян? Суть заключалась в том, что оба они смотрели на школы не как на центры просвещения, а как на учреждения, в которых крестьянским детям прививались бы идеи самодержавия, православия и русской народности. В письме к И. Я. Спрогису, датированном 9 января 1869 г., Корнилов писал: «Задача учебного округа (Виленского.— *Н. У.*), задача русской интеллигентной силы — нравственно поднимать и развивать русский народ (т. е. белорусов и литовцев.— *Н. У.*) на началах, ему свойственных, т. е. русских, православных, монархических»¹⁰⁶. В связи с этим и обучать в школах должны были в первую очередь закону божию, церковному пению, русской и церковнославянской грамоте. Всего лучше эти задачи могло выполнить православное духовенство, и поэтому наиболее подходящими учителями для начальных школ считались русские священники и семинаристы.

Что, по мнению Корнилова, больше всего требовалось для просвещения белорусского народа, показывают его письма того периода. Сообщая М. П. Погодину, что московский купец Четвериков пожертвовал для Белоруссии миллион крестиков, Корнилов просил присылать побольше икон, царских портретов, изображений из русской и священной истории. Книгами, которые, по словам Корнилова, требовались в Белоруссии «во множестве», были: евангелие, молитвослов, псалтырь, священная история, церковно-гражданский букварь, «доброе чтение для православных»¹⁰⁷, но следовало тщательно остерегаться «некрасовщины», т. е. книг демократического направления.

Археографическая комиссия должна была действовать в том же плане, но на более высоком уровне, и она вполне оправдала возлагаемые на нее надежды.

В своем отчете о проделанной в 1864 г. работе Комиссия сформулировала также и стоящие перед ней задачи на будущее, и эти задачи вполне удовлетворяли как Муравьева, так и Кор-

¹⁰⁵ *И. П. Корнилов*. Памяти графа М. Н. Муравьева. К истории Виленского учебного округа за 1863—1868 гг. СПб., 1898, стр. 9, 139.

¹⁰⁶ *И. Я. Спрогис*. Из воспоминаний о И. П. Корнилове. «Записки Северо-Западного отдела императорского Русского географического общества», кн. 2. Вильна, 1911, стр. 272.

¹⁰⁷ *И. П. Корнилов*. Русское дело в Северо-Западном крае, стр. 64, 67, 68.

нилова. Правда, в этом документе нового было очень мало, так как он представлял собой пересказ (местами буквальную передачу) «Проекта» и «Записки», посланных Назимовым в 1862 г. в Петербург. Значение этого документа, однако, многократно усилилось тем, что он почти целиком вошел в предисловие к т. I Актов и, таким образом, из инструкции, имевшейся в единственном экземпляре, превратился в документ публичный, представляя собой программу и направление деятельности Комиссии.

Изложив кратко и весьма путано (опять-таки по работам Т. Чацкого, И. Ярошевича, Т. Нарбута) историю Великого княжества Литовского, авторы предисловия переходят к цели издания Актов. Цель эта заключалась в том, чтобы показать, «сколько православных церквей перешло в унию... с какой хитростью и насилием отнимаемы были униатами у православных их церквей... и что многие известные фамилии в Литве были православного вероисповедания».

При отборе же материалов для публикации Комиссия «руководствовалась мыслью: а) доказать фактически, что Западный край никогда не был счастлив под польским правительством, что, несмотря на существование законодательства и множества судебных мест, никто не мог быть уверен ни в правах своей собственности, ни в личной безопасности; б) чтобы, читая описания этих возмущающих душу разного рода истязаний и бесчеловечий, истощаемых (!) над слабыми и совершенно невинными людьми, коим подвергали их более сильные, легко можно было прийти к заключению, что цивилизация Польши, а с нею и Западного края далеко отставала от той степени совершенства, на которую ставили ее поляки; в) что только под русским правительством Западный край забыл свои страдания, исцелил прежние раны и начал свое историко-политическое существование»¹⁰⁸.

Это в такой мере напоминает концовку книги Кукольника, что связь между ними представляется несомненной, но в предисловии это выражено в более определенном и агрессивном духе. И если другие мотивы в течение пятидесяти лет существования Комиссии видоизменились или исчезли совершенно, то последний прожил еще много лет¹⁰⁹.

Бессонов был приглашен на работу в Вильно в надежде, вернее в полной уверенности, что он будет действовать в том же духе, в каком изложено было предисловие, однако этого не получилось. Объяснение, почему у него произошло резкое расхождение с Корниловым и почему вообще его не устраивал пра-

¹⁰⁸ АВК, т. I, стр. 23, 24.

¹⁰⁹ Утверждение, что «под скипетром державного дома Романовых» край «исцелил свои прежние раны», обычно сочеталось с другим, что до самого восстания 1863 г. православные крестьяне бесчеловечно угнетались католиками-поляками.

вительственный курс в Белоруссии, Бессонов дал в своем предисловии к сборнику белорусских песен¹¹⁰.

Пространное предисловие (90 страниц) представляет собой яркое публицистическое произведение, написанное как бы единым духом. Оно полно намеков и прямых выпадов против деятелей, правивших в то время Белоруссией и Литвой. И. П. Корнилов писал, что в Вильно Бессонов был груб не только с теми, кто был ниже его, но и с равными себе¹¹¹. Из предисловия следует, что он не чинился и с теми, кто был выше его, в частности с самим Корниловым. Не называя, правда, фамилии, но говоря о «попечителе», он ясно давал понять, о ком шла речь. Высмеивал же он «попечителя» за то, что тот будто бы «нашел и открыл» рукопись со старинными белорусскими стихами и молитвами, тогда как находка эта, видимо, была сделана кем-то из его сотрудников. Раздражение Бессонова было вызвано также тем, что находка эта выдавалась за нечто необыкновенное, тогда как у самого Бессонова было несколько таких рукописей, еще когда он жил в Москве¹¹².

Явно намекая на существовавшую в Вильно обстановку, Бессонов писал, что «аренд, знаков отличия, выгодных командировок и лестных вниманий мы не домогались и ничем, самым даже простым и легким, на службе нашей не купили»¹¹³.

В одном из своих писем Корнилов жаловался в Петербург, что Бессонов не ходит на его «семейные вечера»¹¹⁴, на которые собирались русские чиновники, жившие в Вильно, и куда поехать считалось за честь. Надо полагать, в домашней обстановке, на «семейных вечерах» было всего удобнее договориться об арендах и прочем, и то, что Бессонов избегал их, говорит о том, что он действительно не старался использовать свое пребывание в Вильно для наживы.

Продолжая в том же духе, Бессонов писал: «Западнорусских людей» не желали мы приветствовать в таковом мундире... не корреспондировали им в Петербург и не поклонялись на месте приезде. Мы их искали в местных уроженцах, постоянных жителях, которые изучали бы и разъясняли свою историю, собирали и издавали бы свои народные памятники, занимались бы наречием белорусским»¹¹⁵.

В предисловии Бессонов делает выпады не только против Корнилова и его окружения, но и против политики вообще, проводившейся в Белоруссии и Литве после подавления восстания, т. е. против «обрусения» и крайней нетерпимости ко всему нерусскому.

¹¹⁰ П. А. Бессонов. Белорусские песни.

¹¹¹ И. П. Корнилов. Русское дело в Северо-Западном крае, стр. 77, 78.

¹¹² П. А. Бессонов. Белорусские песни, стр. XI—XIII.

¹¹³ Там же, стр. XVIII.

¹¹⁴ И. П. Корнилов. Русское дело в Северо-Западном крае, стр. 77.

¹¹⁵ П. А. Бессонов. Белорусские песни, стр. XV.

«Занимаясь историей края,— писал Бессонов,— мы не полагали ее в описаниях текущих патриотических празднеств... Любя всякую русскую и следя на месте белорусскую песню, мы не усматривали победы русской народности, если кто в упоении садился по берегам Вилии на широкий лужок и затягивал: «Вниз по матушке по Волге»... Политическое по-нашему было не то же, что полицейское, государственное не то же, что чиновническое»¹¹⁶.

Выходивший в Вильно в 60-е годы журнал «Вестник Западной России» с крайним ожесточением выступал как против попыток обучения детей на белорусском языке, так и против самого термина «Белоруссия» (тем более что этот термин в свое время запретил употреблять еще император Николай I). В этом его целиком поддерживали Муравьев, Корнилов, и все же Бессонов считал, что вместо выражения «Северо-Западный край» следует употреблять «Белорусский край»¹¹⁷. Явно не устраивало начальство и рассуждение Бессонова о том, что «политическая и государственная деятельность со всеми ее задачами в крае не устраняет, не упраздняет, напротив, вызывает на помощь и выводит на простор деятельность общественную и народную»¹¹⁸. С точки зрения Муравьева и Корнилова, власть как раз и должна была устранять и упразднять.

При Муравьеве подобных рассуждений было бы вполне достаточно, чтобы возвратиться не в Москву, а попасть куда-нибудь значительно дальше, но Муравьева уже не было в живых, Корнилов находился в Петербурге, и вообще атмосфера стала несколько иной.

В том же предисловии Бессонов высказал целый ряд соображений по истории, культуре и этнографии Белоруссии, которые были новаторскими не только в то время, но и много лет спустя. Он, например, высмеял Турчиновича, автора «Обозрения истории Белоруссии», за то, что тот проводил западную границу Белоруссии по р. Березине, т. е. исключая из ее состава всю центральную и западную части. Вопреки принятому тогда мнению Бессонов считал, что Белоруссией следует называть всю территорию, заселенную белорусским народом. Едва ли не первым Бессонов отметил тот большой вклад, который внесли белорусы в общую культуру восточного славянства. Он считал, что «школы Белоруссии с их школярностью предупредили в сем отношении самую Малороссию... а подавно целиком перенеслись в Московское государство к концу XVII в.»¹¹⁹. Также первым он отметил, что в Белоруссии «грамотность развита до сих пор, по крайню-

¹¹⁶ П. А. Бессонов. Белорусские песни, стр. XVIII.

¹¹⁷ Там же, стр. XIII.

¹¹⁸ Там же, стр. XIII, XIV.

¹¹⁹ Там же, стр. IV.

сти всюду господствует воспитанное убеждение к ней и к науке»¹²⁰.

Приехав в Вильно, Бессонов успел спасти архив историка Т. Нарбута, сын которого во время восстания 1863—1864 гг. командовал отрядом повстанцев. Но при всем этом реакционного историка М. О. Кояловича он считал «передовым писателем», а митрополита Семашко назвал «величайшим деятелем России». В том же предисловии он написал, что литература (понималась художественная) на белорусском языке «невозможна ни в настоящем, ни в будущем»¹²¹.

После ухода Бессонова временно исполняющим обязанности председателя был назначен Никотин. Спустя полтора года после этого, он получил пост минского губернатора, в связи с чем ушел из Комиссии и больше к ней отношения не имел.

После длительных поисков выбор пал на Якова Федоровича Головацкого. Я. Ф. Головацкий (1814—1888 гг.) родился в семье униатского священника в Западной Украине. В молодости был членом демократической «Русской тройцы», издавшей на живом украинском языке альманах «Днестровская русалка», интересовался и собирал украинский фольклор. Окончив философский и теологический факультеты Львовского университета, он стал священником, а в 1848 г. назначается профессором русского языка и литературы в Львовском университете. В скором времени определились его симпатии к царской России, и правительство ответило ему предложением (в 1867 г.) занять пост председателя Виленской комиссии, на что он согласился. Однако, дав согласие, Головацкий продолжал оставаться униатским священником, что привело его после приезда в Вильно к осложнениям.

Уния в России была уничтожена в 1839 г., и лица, не желавшие оставить эту религию, подвергались всевозможным репрессиям. Важнейшей задачей Комиссии была публикация источников, доказывающих, что униаты всячески преследовали православных, а для руководства важнейшей работой неожиданно из-за границы вызывается униатский священник. Было из-за чего беспокоиться¹²². Поэтому вскоре после приезда Головацкого в Вильно виленский генерал-губернатор Потапов обратился к

¹²⁰ Там же, стр. V.

¹²¹ Там же, стр. XIX, XXVI.

¹²² Изображая униатскую церковь как противницу православия и стараясь всячески ее обеславить, Комиссия, получив похвальный отзыв на свои издания от ректора Холмской униатской семинарии Крипицкого, немедленно послала это письмо в редакцию ЖМНП с просьбой приобрести его к своему ответу на рецензию М. О. Кояловича. В письме ректор семинарии, благодаря «за столь драгоценный подарок», просил «принять уверения в том, что будут приложены всякие старания, чтобы семена здравой русской мысли и истинного русского патриотизма, рассеиваемые Комиссией, принимались и закоренялись в сердцах юных тружеников, воспитываемых во вверенной мне семинарии» (ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 77, л. 1).

парю с отношением, в котором, ссылаясь на прошлое Головацкого как униата, просил удалить его «во внутренние губернии», на что император согласился, и 10 апреля 1868 г. последовал новый указ — отправить Головацкого в глубь России. Однако московская националистическая пресса, узнав об этом, подняла такой шум, что императору пришлось отменить свое распоряжение, и Головацкий остался в Вильно, где и пробыл на посту председателя Комиссии до самой своей смерти¹²³.

Утвердившись в конце концов в Вильно, Головацкий снял с себя сан священника, принял со всей семьей православие и перешел в русское подданство.

Что касается его работы в Комиссии, то отпечатка на ее деятельности Головацкий не оставил. Работа этого учреждения шла заведенным уже порядком. Заслужою его можно считать то, что он удалил А. Пщолко, который за пять лет пребывания в Комиссии не сделал абсолютно ничего. Вскоре после назначения Головацкого Комиссия получила (в 1869 г.) постоянный устав, в чем, однако, заслуги Головацкого не было, поскольку все было приготовлено еще до его назначения. Кроме непосредственной работы над подборкой материалов Головацкий написал лишь предисловие к т. III Актов, в котором кратко изложил историю деятельности Комиссии за 1864—1870 гг. и, между прочим, отметил, что ни Пщолко, ни Никотин за все эти годы ничего не делали, распоряжение же Никотина давать перед каждым документом краткое изложение содержания на русском языке задержало выход из печати т. III Актов.

Окончательное оформление Комиссии

Более пяти лет Комиссия работала как учреждение временное; в качестве постоянной она была оформлена лишь 17 ноября 1869 г., когда было принято «Мнение» Государственного совета, утвержденное позже императором.

Согласно «Мнению», Комиссия должна была состоять из председателя и трех членов. Председателя утверждал министр народного просвещения по представлению попечителя округа, а членов — попечитель по представлению председателя Комиссии. Порядок занятий и размер оплаты ее членов устанавливал министр народного просвещения. Затем в министерстве были выработаны «Правила», определяющие деятельность Комиссии, подписанные в октябре 1870 г. Вначале они были временными, принятыми на три года, но затем их утвердили в качестве постоянных, и они действовали до конца существования Комиссии.

«Правила» (основные положения которых были выработаны самими сотрудниками Комиссии)¹²⁴ очень кратки, притом они

¹²³ R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 89—102.

¹²⁴ Там же, стр. 51.

затрагивали в самой общей форме лишь организационные вопросы. Согласно «Правилам», Комиссия, находящаяся в ведении министерства народного просвещения, работает «под главным и непосредственным начальством попечителя Виленского учебного округа». Председатель ее должен был работать наравне с другими членами Комиссии, а также вести отчетность и ведать финансовой стороной дела. Все члены Комиссии обязывались разбирать «старинные акты и документы», находившиеся в Виленском центральном и других архивах Северо-Западных губерний, и печатать наиболее важные из них. Правило, что Комиссия должна издавать лишь те документы, которые находятся в архивах Белоруссии и Литвы (в Северо-Западных губерниях), соблюдалось строго (за все время существования Комиссии из невиленских хранилищ было опубликовано очень немного материалов), хотя некоторые рецензенты такое ограничение рассматривали как недостаток. Для определения, какие из документов должны будут печататься, Комиссия обязывалась собираться не менее одного раза в неделю. Санкцию на издание отобранных материалов давал попечитель округа. Параграф 4-й «Правил» определял, как должны готовиться документы к печати: отобранные членами Комиссии, они переписывались писцами, после чего должны быть сверены с подлинниками и скреплены подписями тех, кто сверял. При печатании члены Комиссии должны читать корректуру и составлять указатели¹²⁵. В первых томах Актов указателей не было, они появились лишь после утверждения «Правил»¹²⁶ и хотя не отличаются полнотой, тем не менее являются полезной частью изданий. Но одно требование того же параграфа, за крайне редким исключением, не применялось: примечания почти никогда не делались.

Следовательно, и этот важнейший документ обошел молчанием вопрос о правилах передачи текста. Как, например, следовало раскрывать титла, отмечать неисправности текста, нужно ли ставить букву «Ѣ» там, где стояло «е», и т. д.? Ничего не сказано было и относительно перспективного планирования, т. е. отсутствовало определение, хотя бы в самой общей форме, какие документы Комиссия должна издавать в ближайшие годы. Можно думать, что Горбачевского и Головацкого (а ведь Горбачевский в сущности и был автором «Правил») вполне удовлетворяла программа деятельности, изложенная в «Проекте» 1862 г. Вскоре, однако, выяснилось, что хаотическая подборка материалов, имевших, по мнению членов Комиссии, «ученое значение», совершенно не удовлетворяла читателей, что и выразил в своей рецензии на вышедшие тома Актов такой близкий к Комиссии по настроениям человек, как М. О. Коялович, который отмечал,

¹²⁵ А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк..., стр. 17—20.

¹²⁶ Указатели к т. II—V Актов были выпущены в 1872 г. отдельным изданием, начиная с т. VI указатели печатались в каждом томе.

что Комиссия печатает много случайных материалов и осуществляемая ею группировка «не имеет ни ученого, ни практического значения»¹²⁷. Замечания эти, однако, никак не отразились на характере деятельности Комиссии в ближайшие годы, и лишь спустя много лет, когда состав стал иной, Комиссия начала комплектовать тома тематически однотипными документами.

Что касается перспективного плана, то он был выдвинут лишь в 1902 г., но так как автором его был И. Спрогис, то оказалось, что его план ничем не отличается от того же «Проекта» 1862 г. В своем плане Спрогис предложил отбирать и публиковать документы по трем группам, в зависимости от чего определялась и очередность издания. В первую очередь следовало давать материалы, касающиеся церквей, православной и униатской, в меньшей мере — протестантской и не издавать материалы, относящиеся к католической, поскольку история католической церкви и без того хорошо разработана. Во вторую группу следовало помещать материалы о населении, прежде всего те, в которых говорилось, что основная масса жителей Северо-Западного края принадлежит к чисто русскому народу. Особое внимание рекомендовал Спрогис обратить на лиц выдающихся, «опору и украшение русского народа», т. е. на князей и бояр. Вместе с тем Спрогис предлагал публиковать материалы о тех литовцах, о которых говорилось, что они приняли православие и находились в контактах с Великой Россией; о поляках публиковать те документы, которые подтверждали, что они для Белоруссии и Литвы элемент пришлый.

Наиболее просторная часть проекта Спрогиса говорит о публикации судебных документов, инвентарей, о крестьянах, мецанах, боярах, копных судах — в общем о документах, отражающих общественную и хозяйственную жизнь края.

Почетитель округа Остроумов, продержав этот документ много лет и не зная, как решить дело, отправил его на отзыв к крупнейшим специалистам по истории Великого княжества Литовского — М. К. Любавскому, И. И. Лаппо и П. Жуковичу. Проект Спрогиса был подвергнут резкой критике, причем все три специалиста предложили свои установки.

В критической части Лаппо указал, что предисловия к Актам слишком велики, что, занимая много места, которое можно было отвести источникам, они ничего не дают читателю, так как излагают те документы, которые помещены в томе, и что исследователь будет, конечно, пользоваться не пересказом редактора, а самим текстом документа. Переходя к конструктивной части, Лаппо предлагал опубликовать несколько томов документов Могилевского магистрата, затем акты, касающиеся различных городов Великого княжества Литовского, крестьян, а также о периодах безкоролья и о поветовых сеймиках.

¹²⁷ ЖМНЦ, 1872, № 6, стр. 193.

М. К. Любавский тоже рекомендовал публиковать материалы, касающиеся городского самоуправления и сеймиков, затем советовал сохранять побольше графических и фонетических особенностей оригинала, сократить предисловия и расширить указатели.

П. Жукович высказался за издание в первую очередь документов, касающихся истории городов, сеймиков, а также Вилепской иезуитской академии и иезуитских школ¹²⁸.

Планы, предложенные этими учеными в самые последние годы существования Комиссии, не могли оказать какого-либо воздействия на ее деятельность, но к тому времени, первоначальный хаос в комплектовании томов был в общем изжит. Вместе с тем установка 1862 г. о том, что самой важной частью работы Комиссии была публикация источников, касающихся православной церкви, оказалась очень живучей, и члены Комиссии непрерывно возвращались к ней, хотя это делалось не столько путем подборки документов, сколько посредством высказывания в предисловиях.

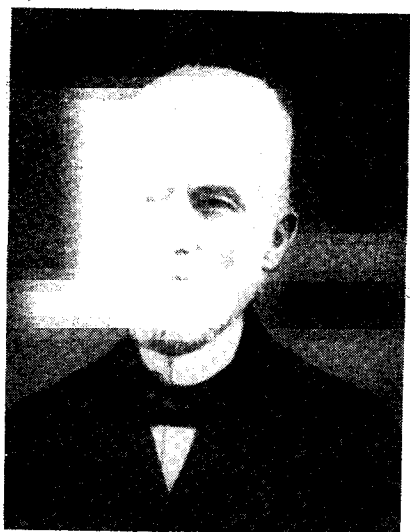
Так, К. И. Снитко в своем предисловии к «Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств» (1884 г.) постарался определить значимость публикуемого источника. Он отметил, как проводилась волоочная помера в этих княжествах, на каких условиях раздавались земли крестьянам, как производилась замена земель, которые отбирались у частных лиц в пользу королевы Боны, а также наличие в источнике массы названий урочищ. «При таком изобилии содержащегося в этой книге исторического материала, — пишет К. Снитко, — она может быть полезна не только для определения экономического быта крестьян того времени, но и вообще для изучения этнографии и географии Западного края». Далее Снитко утверждал, что, сравнивая материалы Книги с данными последующих описаний того же владения, можно судить о движении населения, числе сел и деревень и повинностей крестьян.

Таким образом, Снитко обращал внимание исследователей на те данные источника, которые не были использованы ранее и почти не используются и в наши дни, например на материалы по топонимике и исторической географии¹²⁹.

Однако не менее (если не более) важными ему кажутся сведения Книги относительно наличия церквей и принадлежащей православному духовенству земли. Так, он далее пишет: «Какую важность имеют «Писцовые книги» и подобные им источники при нынешней скудости исторических сведений о местном крае, можно видеть из... «Описания церквей и приходов Минской епархии», где о Клецке сказано, что о тамошних православных церквях «не сохранилось ни письменных сведений, ни устных сказаний», тогда как в Книге подробно перечислены все бывшие в

¹²⁸ R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 60—66.

¹²⁹ «Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств», стр. III.

*Иван Яковлевич
Спрогис*

первой половине XVI в. в Клецке церкви и духовенство, и принадлежавшие городу земли ¹³⁰.

Значит, для Снитко сведения о наличии в Клецке нескольких попов, церквей и церковных земель в XVI в. по своей значимости равнозначны всей массе остальных содержащихся в Книге данных.

Поэтому, хотя публикация документов, показывающих угнетение православных католиками и униатами, перестала быть главной задачей, Комиссия продолжала уделять этому вопросу очень много внимания.

Как бы там ни было, при всех недочетах в организационной части с 1870 г. в работе Комиссии произошел перелом. Прежде всего она получила председателя, который хотя и плохо разбирался в порученном

ему деле, но все же был неизмеримо лучше Никотина. Комиссия вышла из состояния учреждения временного, т. е. весьма неопределенного, и получила постоянный устав. В то же время из ее состава ушли два так долго паразитировавших сотрудника — Никотин и Пцолко, вместо которых стали работать И. Я. Спрогис и С. В. Шолкович, и хотя оба новые члена были из всего последующего состава самыми крайними клерикалами и националистами, по сравнению с Никотиным они являлись как бы либералами. Кроме того, они не занимали высоких постов, поэтому не могли оказывать и того воздействия на деятельность Комиссии, какую оказывал Никотин.

*Личный состав Комиссии
в конце XIX — начале XX в.*

Самый долголетний сотрудник Комиссии — Иван Яковлевич Спрогис (1833—1918 гг.) родился в Латвии в крестьянской протестантской семье, принявшей позже православие. Окончив Рижскую православную духовную семинарию, Спрогис был отправлен для дальнейшей учебы в Петербургскую духовную академию, откуда его уволили со второго курса, так как он участвовал в сту-

¹³⁰ „Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств“, стр. IV (сноска под строкой).

денческих «беспорядках»¹³¹. Это был, видимо, единственный член Комиссии, замешанный в подобных делах. Впрочем, судя по «Воспоминаниям» и всему характеру деятельности, Спрогис пошел в эту историю совершенно случайно и на исключение из академии смотрел как на самый тяжелый и неприятный случай в своей жизни¹³². Вызванный в начале 1865 г. в Вильно, он стал работать в архиве, в 1870 г. был назначен членом Археографической комиссии, а с 1879 г., после ухода Горбачевского, до лета 1915 г. возглавлял Виленский центральный архив.

Как и у других членов Комиссии, у него не было специальной подготовки к археографической работе, и он учился этому делу на ходу. Занимая два поста, оба непосредственно связанные с Центральным виленским архивом, он, очевидно, большую часть своей жизни провел в этом архиве. Количество изученных им архивных материалов огромно. За отдельные годы он прочитывал (или просматривал) от 20 до 60 тыс. листов рукописей. Если брать в среднем число прочитанных листов за год 40 тыс., то получится, что за все время его деятельности в Комиссии им было просмотрено и прочитано около 1,8 млн. листов. Основной работой его был отбор материалов для публикаций, но, кроме того, Спрогис написал предисловия к 11 томам Актов (т. VI, VIII, X, XII, XIV, XVIII, XXIV, XXVIII, XXIX, XXXII, XXXVI). «Узкой» специальностью Спрогиса было составление указателей, преимущественно географических. В изданиях Комиссии очень редки ссылки на то, кто составлял указатели, и об этом можно узнать преимущественно из отчетов, представляемых попечителю округа, и помесячных записей о работе членов Комиссии, причем и в архивных делах работа Спрогиса над указателями отражена не полностью, так как сведения сохранились не за все годы. Из имеющихся данных следует, что он составил именные и географические указатели к т. II—IX, XIII, XVI, XVIII, XX, XXI, XXIII, XXX, XXXI, XXXVIII Актов и к таким несерийным изданиям, как «Ординация королевских пущ», «Писцовая книга Пинского староства», «Ревизия Кобринской экономии», «Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II»¹³³. Составление указателей входило в обязанность членов Комиссии, но Спрогиса такого рода работа явно очень привлекала, так как он же сделал указатели к т. I—XIII «Археографического сборника документов» и сверх

¹³¹ И. Я. Спрогис. Из воспоминаний о И. П. Корнилове. «Записки Северо-Западного отдела императорского Русского географического общества», кн. 2. Вильна, 1911, стр. 264.

¹³² Там же.

¹³³ Сведения о том, к каким изданиям Спрогис составлял указатели, имеются в архиве Комиссии (см.: ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 49, лл. 34, 44, 53, 63, 68, 73, 86; д. 201, лл. 10, 22; д. 234, лл. 8, 19, 25, 76, 81, 90, 93, 165; указатель к т. XXXVIII АВК проверял и исправлял Вруцевич (д. 232, л. 174).

того издал капитальный труд под названием «Географический словарь древней Жемоитской земли в XVI в.» (Вильна, 1880).

Все названные работы Спрогиса были опубликованы, но самая крупная — трехтомный указатель («Географический указатель выборных документов из актовых книг Виленского центрального архива») не издана (т. I напечатан в 1929 г. в количестве 50 экз., остальные два тома не печатались совсем)¹³⁴. Что касается указателя, составленного Спрогисом к т. I—IX «Историко-юридических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской», то не известно ни его местонахождение, ни даже то, сохранился ли он вообще¹³⁵.

Основным видом литературного творчества Спрогиса были предисловия. Предисловия эти писались им к томам Актов, содержащим самые разнообразные документы (акты Брестского, Минского, Виленского и Вилькомирского городских судов, Виленского магистрата, Главного литовского трибунала, инвентари, акты о евреях, о боярах, о копных судах). Как и другие члены Комиссии, Спрогис в своих предисловиях всего больше занимался пересказом помещенных в томе документов. Однако на первых страницах предисловий он обычно касался и существа вопроса, например истории православной церкви, происхождения бояр, появления в Великом княжестве Литовском татар или евреев и т. д. Естественно, что это требовало очень больших специальных знаний, а между тем из этих же предисловий можно сделать заключение, что он плохо знал литературу предмета. Например, его сообщение о происхождении бояр и роли боярства в истории Великого княжества Литовского имеют фантастический характер: Спрогис писал, что в Литве (позже в Великом княжестве Литовском) бояр насадили киевские князья после захвата ими Литвы. Когда князья литовские укреплялись, то стали опираться на тех же киевских бояр. После объединения Литвы с Польшей бояре начали переходить в католицизм и полонизироваться¹³⁶.

¹³⁴ В этом указателе показано, в каком архивном деле и на каких листах содержится данные о населенных пунктах и отдельных зданиях (преимущественно культовых) на территории Белоруссии и Литвы (в пределах Великого княжества Литовского). Например: «Кабацкий ключ в Пружанском повете, № 7410, стр. 689—98, арендн. контракт от графа Михаила Петровича Румянцева Антону Бродинскому на пять лет в сумме 3875 руб., 1798 г., 18 июля». «Каверляны, фольварк в Минском воев., № 11817, лл. 154—159, инв. 1787 г.» «Кавкокальна, имение в Ковенском повете, № 2442, стр. 1385—1388, подавчий лист с ограничениями, 1661 г., 28 ноября; № 3712, держава, л. 908, инв. 1688 г.». Как говорит название Указателя, он охватывает далеко не все географические названия, но даже и в имеющемся виде показывает, в каких архивных делах следует разыскивать данные по тысячам населенных пунктов Белоруссии и Литвы. Изданный Указатель будет служить неоценимым пособием при работе в Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР.

¹³⁵ О том, что такой указатель был составлен Спрогисом, см.: ЦГИА Лит. ССР, ф. 596, оп. 1, д. 234, л. 169.

¹³⁶ АВК, т. XXIV, стр. XVIII—XIX.

Копные суды, т. е. суды крестьянского общества, по мнению Спрогиса, — это то же, что и веча, значение которых, однако, сильно было подорвано¹³⁷. В предисловии к т. XXVIII (стр. XXV), содержащему документы о евреях, он пишет, что современный ему тип евреев «противоположен библейскому типу древних евреев, как он изображается в боговдохновенных книгах их пророков и других прославленных мужей божиих». Не менее «своеобразны» домыслы Спрогиса о происхождении белорусского и украинского языков, опять-таки показывающие, что работы в этой области Е. Ф. Карского и других филологов остались ему неизвестными. По мысли Спрогиса, эти языки образовались в XVII в. «под воздействием конструкции латино-польской речи»¹³⁸. Вообще же вступительная часть у него часто прерывается официально-патриотическими рассуждениями о величии православной церкви или напыщенными укоризнами в адрес тех, кто отрекся от православия и перешел в католичество или унию¹³⁹.

Верный последователь идей М. Н. Муравьева и И. П. Корнилова, Спрогис больше всего старался доказать два положения: что Литва (этнографическая) была в значительной мере православной и русской и что литовцам и латышам следует печатать свои книги не латинским шрифтом, а русским. Первое положение в наиболее развернутом виде высказано им в «Географическом словаре древней Жемойтской земли», в котором он обращает внимание читателя на то, что в Жемайтии XVI в. ряд населенных пунктов имели славянские названия, и, хотя некоторые из них приведены в польском произношении (Андреевщи́зна, Адамовщи́зна), он считает, что все это были названия «чисто русские»¹⁴⁰.

¹³⁷ АВК, т. XVIII, стр. XXI.

¹³⁸ И. Я. Спрогис. Виленский центральный архив древних актов. «Памятная книжка Виленской губернии на 1902 г.» Вильна, 1901, ч. III, стр. 21.

¹³⁹ Например, в предисловии к т. VI Актов Спрогис писал, что в Речи Посполитой православная церковь находилась «под величайшим гнетом, в крайнем убожестве материальном и последнем нравственном унижении, она, подобно тлевшей искре под грудью пепла, сохранила свое внутреннее величие непобедимости для того, чтобы в новую эпоху (очевидно, имеется в виду возвращение униатов в православие в 1839 г. — Н. У.) восстать из своего векового унижения в прежнем блеске и величии» (АВК, т. VI, стр. XXIX). Не менее напыщенно корил он и литовских бояр, которые изменили «православной вере и отцовским русским нравам и преданиям». Спрогис горько сожалел, что название «боярин» заменилось в Великом княжестве Литовском названием «шляхтич» и что бывшие бояре в конце концов превратились в крестьян (АВК, т. XXIV, стр. XXI, XXII и др.).

¹⁴⁰ Эта работа Спрогиса содержит чрезвычайно богатые данные по топонимике и исторической географии Жемайтии, так как в ней учтены названия не только населенных пунктов, рек и озер, но и урочищ. Р. Меницкий («Archiwum akt dawnych w Wilnie...», стр. 113) утверждает, что Спрогис, проработав в архиве шесть лет, не смог одолеть языков-польского и латинского, несмотря на свою огромную трудоспособность. Впо-

Как и другие члены Комиссии, Спрогис много внимания уделял описаниям православных церквей, всегда обращая особое внимание читателя на то, что во времена Речи Посполитой православное духовенство притеснялось католиками и униатами¹⁴¹. Даже в тех случаях, когда он писал об архиве, Спрогис обращался к своим излюбленным темам, превращая сухую информационную статью в публицистическую, естественно, с позиций черносотенца.

Необыкновенно трудоспособный, аккуратный, педантичный, Спрогис не только изучил больше всех остальных членов Комиссии архивных материалов, но и оставил после себя самое большое литературное наследство (здесь названы далеко не все опубликованные им работы), однако значение его трудов снижается не только их реакционным духом, но и неполнотою. Даже в той отрасли, где он был первым, т. е. в составлении указателей, работы его далеко не безукоризненны, так как в указателях учтены не все имена и географические названия, которые встречаются в тексте. Даже в указателе к т. I—XIII «Археографическо-го сборника документов», который называется «полным», названия и фамилии даны не полностью или искажены. Так, из взятых наудачу мест из т. I и II Сборника имеем следующее:

<i>Археографический сборник, т. I</i>	<i>В указателе Спрогиса к т. I</i>
Пацы Котовичи (стр. 90, 91)	Земяне Котовичи
Река Гуска (91)	Нет
Урочище Жолобово (91)	Жолобов
<i>Археографический сборник, т. II</i>	<i>В указателе Спрогиса к т. II</i>
В. Стурдза (145)	Студза
Лобyseвич полк (145)	Нет
Быхов (XLIII)	Нет
Селение Костянки (71)	Нет
Холмы (71)	Нет

Из всех лиц, упоминаемых в предисловии к Сборнику т. X, в указатель не попал никто. Такого рода «полный» указатель способен спутать читателя в большей мере, чем если бы он был неполным, так как исходя из заголовка следует ждать, что в указатель включено все. В целом же вклад Спрогиса в дело публикации источников был очень велик.

Почти одновременно со Спрогисом в Комиссии начал работать и С. В. Шолкович. Семен Вуколович Шолкович (1840—1886 гг.)

следствии Спрогис овладел польским языком, но никогда не мог уяснить, как белорусское название или фамилия, написанные по-польски, должны быть переданы по-русски, и поэтому вместо Андреевщина писал Андреевщина, вместо Адамовщина — Адамовщина, жену Сапеги именовав Сапежина и т. д.

¹⁴¹ И. Я. Спрогис. История Невской Успенской церкви. Вильна, 1894.

был сыном сельского православного священника Минской губ. Окончив историко-филологический факультет Киевского университета, он стал преподавателем русского и латинского языков в средних школах Вильно. В Комиссии (сочетая эту деятельность с преподаванием в школе) он работал с 1870 г. и до конца жизни. Это был первый преподаватель с подобным образованием, пришедший в Комиссию, и с того времени Комиссия пополнялась почти исключительно за счет учителей средней школы, окончивших историко-филологические факультеты университетов или духовные академии.

Шолкович пришел в Комиссию, когда там было, очевидно, уже укомплектовано несколько томов, но к ним не было предисловий. Во всяком случае, в 1870 г. вышло два тома Актов (IV и V), и к обоим из них предисловия написал Шолкович.

Предисловия Шолковича не отличаются от других (вернее говоря — от остальных), поскольку в них Шолкович просто пересказывает содержание документов и приводит результаты предварительного подсчета материалов по «Писцовым книгам» и «Ревизии»¹⁴². Для исследователей такие подсчеты (сколько в городе было домов, площадей, волок земли, сколько с деревни или волости следовало повинностей и т. д.) имеют значение, однако доверять итогам авторов предисловий и, в частности, Шолковичу нельзя. Например, в предисловии к «Ревизии Кобринской экономики» Шолкович хотя и оговаривает, что рукопись не имеет начала, но все подсчеты производит по сохранившейся части, даже не пытаясь установить, какая часть текста утеряна, и дает итоги так, будто им учтены материалы всей рукописи.

Будучи во многом похожим на другие, предисловия Шолковича имеют и индивидуальные особенности, которые заключаются в какой-то иступленной ненависти к полякам. Члену Комиссии, казалось, было трудно выделиться в этом отношении, поскольку главной задачей Комиссии было раздувание национальной вражды, однако Шолкович выделялся. В его предисловиях польская шляхта именуется «разнузданной и дикой»¹⁴³ или же «разнузданной, свободолюбивой, возглавлявшей пайки разбойников и воров»¹⁴⁴. Очевидно, Шолковичу и в голову не приходило уяснить, почему в Берестейском воеводстве Белоруссии вся шляхта стала поголовно польской, если за одно-два поколения до того она вся была православной и русской, наблюдались ли подобные явления еще где-либо (например, в Польше) или же это было свойственно только шляхте, проживавшей в Белоруссии?

¹⁴² Сверх того Шолкович написал предисловия к т. IX и XIII Актов, к «Писцовой книге бывшего Пинского старства» (1874); к «Ревизии Кобринской экономики» (1876), «Писцовой книге Гродненской экономики», ч. 1, 2 (1881, 1882), «Сборнику палеографических снимков» (1884).

¹⁴³ АВК, т. IV, стр. I.

¹⁴⁴ АВК, т. V, стр. I.

Шолкович также составил в двух томах «Сборник статей, объясняющих польское дело по отношению к Западной России» (Вильна, 1885, 1887), в которых и поместил ряд своих работ¹⁴⁵. В т. I этого издания находится статья, озаглавленная: «Польская пропаганда в учебных заведениях Северо-Западного края», в которой Шолкович в чисто полицейском духе излагает историю раскрытия организации филанатов и филаретов, он говорит также о «Брукских ведомостях», о деятельности шубравцев¹⁴⁶ и, наконец, о событиях 1863—1864 гг., когда масса учащихся ушла в повстанческие отряды. Несколько более приемлемы его работы, помещенные во втором выпуске того же издания, в которых он рассуждает о границах Польши и Великого княжества Литовского. Там же помещена лучшая из работ этого автора, посвященная копным судам¹⁴⁷. Шолкович писал ее по материалам, опубликованным Киевской археографической комиссией. Вскоре в Вильно были найдены и изданы гораздо более многочисленные материалы по тому же вопросу, но Шолкович до этого не дождался.

Считая своей важнейшей задачей борьбу с «латинством», Шолкович делал это по обычному для Комиссии правилу: он подчеркивал наличие в Белоруссии XVI—XVII вв. православных церквей и земель, принадлежавших православному духовенству. Так, например, в предисловии к изданию «Писцовая книга бывшего Пинского староства» (стр. IX) он отмечает как самое положительное явление, что в маленьком городке Нобеле в XVI в. было пять православных церквей.

Однако важнейшая (с точки зрения задач, поставленных перед Комиссией) часть работы выполнялась Шолковичем (как и другими членами Комиссии) плохо. Сотрудникам Комиссии следовало на основании публикуемых материалов доказывать, что Белоруссия и Литва были краем «искони русским», а из их работ следовало противоположное. Недоразумения такого рода получались при переводе географических названий и личных имен с польского оригинала на русский язык.

«Писцовые книги» были написаны по-польски, причем белорусские географические названия, имена и фамилии давались в польском произношении, указатели же к Книгам делались на русском. В этом случае составители указателей старались передать

¹⁴⁵ В сборнике помещены статьи Ю. Самарина, П. Гильфердинга, Ф. Палацкого, Ригера, И. Семашки, М. О. Кояловича, В. Б. Антоновича, М. Каткова, Кульжинского, самого Шолковича и даже Прудона. С точки зрения составителя, годились любые работы, лишь бы в них было написано что-либо плохое о поляках. Ряд статей, помещенных в Сборнике, был ранее напечатан в различных газетах. Публикуя их, Шолкович дает только название газеты, не отмечая ни года, ни номера.

¹⁴⁶ «Брукские ведомости» («Wiadomości brukowe») — сатирическая газета, выходившая в Вильно в 1816—1822 гг. на польском языке. Шубравцы (т. е. бездельники) — либеральные помещики 20-х годов XIX в., многие из которых сотрудничали в «Брукских ведомостях».

¹⁴⁷ Копным назывался суд крестьянского общества над крестьянами.

имена и названия в русском произношении, но, плохо зная как польский, так и белорусский языки, просто переписывали слова, писанные латинским шрифтом, кириллицей. В результате этого перевод Шолковича закреплял географическую номенклатуру Белоруссии не в белорусском, а в польском произношении (об этом см. ниже).

Автор многократно издававшихся учебников по русскому и латинскому языкам, Шолкович оказался несостоятельным, когда пришлось дать научный комментарий к документам, писанным по-польски. Так, в предисловии к «Писцовой книге Гродненской экономии» он сделал замечания относительно особенностей правописания, но они слишком кратки и примитивны. С. Пташицкий в рецензии на это издание упрекнул Комиссию, за то, что она не дала развернутого анализа языка и правописания, а также и за то, что указатели имен слишком кратки (в них почти целиком опущены имена и фамилии крестьян и мещан). Задача в отношении языка была для Комиссии явно не по силам, однако в своем ответе Комиссия отвергла все требования Пташицкого в принципе¹⁴⁸, несмотря на то что при составлении указателей она поступала вопреки своим установкам, поскольку крестьяне и мещане были в массе православными, а внесенные в указатели — в большинстве католики.

Константин Иванович Снитко (1827—1901 гг.) работал в Комиссии с 1879 по 1901 г. Сын православного священника Виленской губ., он в 1848 г. окончил Московскую духовную академию со степенью магистра богословия. Проработав 15 лет преподавателем в духовных семинариях и некоторое время инспектором и директором народных училищ, Снитко перешел в Комиссию по управлению Виленской публичной библиотеки, в 1879 г. был назначен членом Археографической комиссии¹⁴⁹, а с 1 мая по 1 июня 1888 г. был исполняющим обязанности председателя¹⁵⁰. Таким образом, до прихода в Комиссию (когда ему уже было 52 года) Снитко вопросами, имеющими отношение к археографии, не занимался, да и вообще, видимо, вопросами истории Белоруссии и Литвы не интересовался. Кажется, единственным козырем, которым он располагал, было знание языков.

В противоположность почти всем остальным работникам Комиссии Снитко не оставил никаких трудов, кроме предисловий (он написал предисловия к т. XI, XVII, и XXII Актов и к «Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств»).

В основных частях предисловий Снитко передает содержание публикуемых документов, однако в предисловии к т. XVII он сообщает, что помещенные в томе акты «напечатаны с точным

¹⁴⁸ Рецензия Пташицкого была помещена в ЖМНП (1883, № 3); ответ на нее Комиссия поместила в № 9 того же журнала за 1883 г.

¹⁴⁹ «Пятидесятилетие Виленской комиссии...», стр. 20; *R. Mienicki Wileńska komisja archeograficzna*, str. 116, 117.

¹⁵⁰ ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 217, л. 1.

*Константин Иванович
Снитко*

соблюдением современного им русского правописания и только с целью облегчить чтение и понимание оных Комиссией введена новейшая пунктуация» (стр. XXIV). Обыденное и даже непременно пояснение в предисловии к современным изданиям в Актах Виленской комиссии выглядит новостью, так как авторы других предисловий не находили нужным дать подобное пояснение, да и Снитко в остальных случаях тоже обошел этот вопрос молчанием. Имея такое пояснение к т. XVII, можно думать, что по тем же правилам напечатан по крайней мере и т. XXII, предисловие к которому тоже написал Снитко. Однако, в какой мере справедливо это указание? Не сверяя публикацию с оригиналом, можно сказать лишь одно: в опубликованных документах в словах, оканчивающихся на

твердую гласную, везде стоит „ъ“, тогда как в оригинале этот знак ставился редко. Очень редко в публикации перед гласной стоит „п“, обычно же „і“, тогда как в оригиналах „і“ тоже бывает очень редко. Поэтому можно сказать, что Снитко в своих томах стремился к тому, чтобы публикация не расходилась с оригиналом, однако делал это непоследовательно.

Выше отмечалось, что в предисловии к «Писцовой книге» Снитко признавал, будто важнейшее значение этой публикации заключается в том, что она содержит данные о существовании в XVI в. православных церквей. Мысль, что в этом и есть главное значение источника, держалась у Снитко так прочно, что подобное же рассуждение он поместил и в предисловии к т. 11 Актов. Отметив, что помещенные в томе документы интересны в отношениях юридическом, филологическом, бытовом, экономическом, он далее утверждает, что «особенно важное значение они имеют для истории западнорусской церкви» и что целая группа публикуемых в томе документов свидетельствует «о тяжелой борьбе православия с его заклятыми врагами — латинством и унией» (т. 11, стр. V).

Когда умер Головацкий, попечителю Виленского учебного округа не пришлось искать кандидата на должность председателя за границей. Новый председатель — Юлиан Фомич Крачковский (1840—1903 гг.) был сыном органиста сельской униатской церкви на Гродненщине. После окончания Петербургской духовной

академии он стал преподавателем русского языка в Молодечненской¹⁵¹ учительской семинарии, затем был инспектором народных училищ в Тульской и Виленской губерниях, директором Полоцкой учительской семинарии и Виленского учительского института. Из Вильно его назначили на должность директора Туркестанской учительской семинарии, после чего он стал исполняющим должность главного инспектора училищ Туркестанского края, откуда и был возвращен в Вильно на пост председателя Комиссии¹⁵².

Крачковский был председателем с 1 июня 1888 г. по 28 апреля 1902 г. За это время Комиссия издала 14 томов Актов (т. XV—XXVIII), причем к томам XVI, XX и XXV Крачковский написал предисловия. Как обычно, возникает вопрос, почему председателем был назначен именно Крачковский, а не кто другой, в частности, не галичанин В. М. Площанский, который незадолго перед тем прибыл в Россию и явно намеревался повторить карьеру Головацкого.

Духовный облик Крачковского оформился под влиянием митрополита Семашко (когда Крачковский учился в духовной семинарии в Вильно), М. О. Кояловича, профессора Петербургской духовной академии (тоже последователя и ученика Семашко), и И. П. Корнилова, одного из самых деятельных сподвижников М. Н. Муравьева, которому Крачковский посвятил статью.

По словам В. Голуба, биографа Крачковского, митрополит Семашко «постоянно напоминал» воспитанникам Литовской семинарии, что Литва всегда была населена «русским народом», а следовательно, и православным. Будучи студентом духовной академии, Крачковский часто бывал у Кояловича, читал у него старинные рукописи, у него же получил и тему диссертации, посвященную истории церкви. Голуб утверждал, что Крачковский был «продолжателем трудов митрополита Иосифа и других западнорусских деятелей»¹⁵³, и с этим приходился целиком согласиться.

Ученик Семашко и Кояловича, Крачковский в отношении своих клерикально-монархических настроений вполне соответствовал требованиям, предъявляемым к членам Комиссии. Кроме того, он обладал рядом качеств, необходимых для работы в этом учреждении: знал языки, умел читать рукописи и проявлял острый интерес к истории церкви, в частности к истории унии. На его способности к исследовательским занятиям по истории унии и по этнографии Белоруссии показывают две опубликованные до прихода в Комиссию монографии¹⁵⁴. Сейчас эти ра-

¹⁵¹ Молодечно, в настоящее время районный центр Минской обл., в 70-е годы XIX в. было местечком Виленской губ. Расположено к северо-западу от Мінска.

¹⁵² «Пятидесятилетие Виленской комиссии...», стр. 11, 12.

¹⁵³ В. Голуб. Юлиан Фомич Крачковский, стр. 7, 8, 10, 37.

¹⁵⁴ «Очерки униатской церкви». ЧОИДР, 1871, 1876; «Быт западнорусского селянина». Вильна, 1874.

*Юлиан Фомич
Крачковский*

боты кажутся примитивными, но в 70-е годы XIX в. публикации провинциальных работников в столичных изданиях были редкими, и это обращало внимание на их автора.

Правда, в 1885 г. Крачковскому пришлось поменять место директора учительского института в Вильно на пост директора учительской семинарии в Ташкенте. Это было большое понижение, и, хотя Голуб писал, что такая перемена была следствием пристрастия Крачковского к природе, что он хотел посмотреть новый край¹⁵⁵, но эта версия едва ли может быть принята. Всего вероятнее, причина была более основательная. Тем не менее, когда требовался председаель, обратились к Крачковскому, и тот дал согласие.

В Комиссии Крачковский не перегружал себя работой: за все 15 лет пребывания в ней он подготовил и снабдил предисловиями лишь два тома Акт (XVI и XX) и дал предисловие к третьему (XXV). В то же время он написал несколько работ, касающихся истории унии, православных храмов Вильно, а также топографии Вильно XVI—XVII вв.¹⁵⁶

Предисловия к Актам отличаются от других своими необыкновенными размерами (предисловие к т. XX занимает больше 200 страниц); в нем содержатся в основном те же материалы, которые позже были изданы в виде монографии о топонимике Вильно. Наконец, в предисловии к т. XVI (в этом томе помещены документы, касающиеся истории унии как за начальный период, так и за заключительный; в нем опубликованы законы русского правительства, направленные на ликвидацию унии) автор отмечает, что в первые годы после присоединения к России русские деятели плохо знали, что представляет собой уния, и поэтому и политика русского правительства в Восточной Белоруссии «была такого характера, что, казалось, направляла униатов в сторону латинства»¹⁵⁷. Впрочем, скоро обстановка изменилась, правитель-

¹⁵⁵ В. Голуб. Юлиан Фомич Крачковский, стр. 26.

¹⁵⁶ Ю. Ф. Крачковский. Старая Вильна до конца XVII ст. Вильна, 1893; «Пятидесятилетие воссоединения униатов». Вильна, 1899 и др.

¹⁵⁷ АВК, т. XVI, стр. XVI.

ство запретило переход из православия в унию и католицизм, и наблюдение за этим было поручено полиции, что вызывало полное одобрение Крачковского.

Однако здесь Крачковский не коснулся самого щекотливого вопроса: как Екатерина II, защитница православных в Речи Посполитой, сохранила в Белоруссии иезуитов, оставила в их подчинении всех крепостных («русских», т. е. белорусов и почти всех православных) и даже приказала не взыскивать с крестьян, принадлежавших иезуитам, подушного, чтобы иезуиты могли получать с них побольше доходов. Не касается Крачковский и того, что в Полоцке сохранилась иезуитская коллегия, бывшая многие годы центром католической и польской пропаганды, и что в дальнейшем эта коллегия была реорганизована в академию, т. е. в высшее учебное заведение. При всей своей религиозной нетерпимости Крачковский понимал, что политика выше религии.

*Флавиан Николаевич
Добрянский*

В работах, посвященных унию, внимание автора сосредоточено главным образом на обрядовой стороне дела, на погромах и грабежах, которые учиняли католики и униаты по отношению к православным.

Уже в конце своей жизни, в 1901 г., Крачковский опубликовал некролог И. П. Корнилову. По своей направленности эта работа ничем не отличается от произведений эпохи Муравьева и, в частности, самого Корнилова, т. е. предельно реакционна¹⁵⁸.

После ухода Крачковского из Комиссии председателем ее стал Ф. Н. Добрянский.

Флавиан Николаевич Добрянский (1848—19? гг.)¹⁵⁹ был членом Комиссии с 13 октября 1886 г. по 28 апреля 1902 г., а с 28 апреля 1902 г. по 26 августа 1913 г.— председателем ее. Происходил он из семьи священника на Украине (Волыни), в 1872 г. окончил Московскую духовную академию, после чего стал преподава-

¹⁵⁸ Ю. Ф. Крачковский. Иван Петрович Корнилов. Вильна, 1901, стр. 6 и др.

¹⁵⁹ Годы смерти Добрянского, Турцевича, Вруцевича и Глебова установить не удалось, так как летом 1915 г. они эвакуировались из Вильно и в дальнейшем участия в археографической работе не принимали и, кажется, не выступали в печати.

телем греческого языка в Литовской духовной семинарии, с 1883 г. преподавал историю и географию в Виленском учительском институте. В 1876 г., не бросая преподавательскую работу, стал членом Комиссии по устройству Виленской публичной библиотеки, а с 1902 г. (одновременно с назначением председателем Археологической комиссии) — председателем и библиотечной Комиссии¹⁶⁰.

Имя Добрянского, оставившего ряд литературных работ (в том числе несколько путеводителей по г. Вильно), известно прежде всего по работам, связанным с описанием рукописного отдела Виленской библиотеки; в этой области им было сделано много.

Его участие в работах Археологической комиссии выразилось (кроме подготовки материалов к изданию) в написании предисловий к пяти томам Актов (т. XV, XXI, XXVI, XXXI, XXXIV).

Документы, помещенные в тех томах Актов, к которым Добрянский писал предисловия, очень разнообразны. В т. XV, например, находятся документы Главного литовского трибунала, в т. XXXI — акты о татарах, в т. XXXIV — документы об освободительной войне украинского и белорусского народов в середине XVII в. При таком разнообразии материалов автору предисловий полагалось знать историю Белоруссии, Украины и Литвы в очень широком объеме.

Однако предисловия Добрянского в ряде случаев удивляют своею противоречивостью и наивностью. Он, понятно, не отрицал существования Великого княжества Литовского, но из его предисловий можно вывести заключение, что это княжество не было отдельным государством, а представляло собой с самого начала провинцию Польши. Так, в предисловии к т. XV Актов, в котором находятся акты Главного литовского трибунала, постоянно встречаются выражения: «в древней Польше» (стр. XXX), «при слабом развитии юридических понятий у тогдашнего польского дворянства» (стр. XXXI) и т. д. Во всех этих случаях имеется в виду не Польша, а Великое княжество Литовское. Тем более странно выглядят такие утверждения, что, по его же словам, «польская шляхта» в «древней Польше» пользовалась в делопроизводстве языком русским (стр. XXXII). Впрочем, такое сочетание у работников Комиссии не представляется редкостью. Очевидно, это обстоятельство, а также и отсутствие постоянных выпадов против поляков заставили Меницкого признать Добрянского человеком значительно более интеллигентным по сравнению с предшественником (т. е. с Крачковским. — *Н. У.*)¹⁶¹.

Неясны отношения Добрянского к освободительной войне украинского и белорусского народов в середине XVII в. С одной

¹⁶⁰ «Пятидесятилетие Виленской комиссии...», стр. 12, 14; *R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna*, стр. 112, 113.

¹⁶¹ *R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna*, стр. 112.

стороны, православные белорусские крестьяне боролись за лучшие условия жизни, и это хорошо, но, с другой стороны, они нарушали законы, поступали как бунтовщики, а это уже плохо. Вообще уяснить, почему крестьяне начали истреблять панов, из предисловий понять невозможно.

По сравнению с другими авторами Добрянский относительно много внимания уделил описанию разорения страны, в особенности крестьянства, во время войны середины XVII в.

Последним председателем Комиссии и одним из наиболее квалифицированных ее сотрудников был Дмитрий Иванович Довгялло (1868—1942 гг.). Сын православного священника Витебской губ. Довгялло в 1894 г. окончил Петербургскую духовную академию. Работать он начал в Витебске в качестве помощника инспектора Витебской духовной семинарии, затем преподавал там же и в гимназии историю раскола, общую и русскую историю, заведовал церковно-археологическим древлехранилищем, а в 1896 г. был назначен заведующим Витебским центральным архивом и редактором ряда томов «Историко-юридических материалов». После ликвидации Витебского архива в 1903 г. он переехал в Вильно и с 1906 г. стал членом Комиссии, где работал до 11 октября 1911 г., когда его назначили правителем канцелярии попечителя Виленского учебного округа. В сентябре 1913 г. его назначают председателем Комиссии¹⁶². С начала издания «Записок Северо-Западного отдела Русского географического общества» Д. И. Довгялло был их редактором.

Археографическую работу Д. И. Довгялло начал в Витебске, где им было подготовлено к печати и издано шесть последних томов «Историко-юридических материалов». После переезда в Вильно он работал преподавателем в различных средних учебных заведениях города, в то же время написал предисловие к т. XIV (последнему) «Археографического сборника документов». Став членом Комиссии, Довгялло принял участие в подготовке к печати т. XXXII—XXXVII Актов, написал предисловие к т. XXXIII и составил указатель к т. XXXVI¹⁶³.

Предисловие Д. И. Довгялло типично для изданий Комиссии — в нем изложено содержание публикуемых документов, а кроме того, дан список православных церквей, которые упоминаются в томе, и приведены даты их постройки. Занимаясь археографической работой и преподаванием, Довгялло печатал также массу статей в различных (преимущественно виленских) изданиях, в которых уделял больше всего внимания церковной истории. Но его «специальностью» были темы краеведческие: им сделана масса очерков о небольших городках и местечках Белоруссии,

¹⁶² «Пятидесятилетие Виленской комиссии...», стр. 14, 15; *R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna*, str. 113, 114; ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 330, лл. 9—19

¹⁶³ ЦГИА Лит.ССР, ф. 569, оп. 1, д. 234, л. 157.

а также и о некоторых архитектурных памятниках. Отдельно или совместно с другими авторами он написал очерки о Лепеле, Дрוע, Радошковицах, Борисове, Гомеле, а в 1905 г. он выпустил работу, посвященную 250-летию перехода Смоленска к России¹⁶⁴.

Довгялло был единственным членом Комиссии, который внес значительный вклад в дело развития белорусской советской археографии. Работая в Институте белорусской культуры, а затем в Академии наук Белорусской ССР, он один или вместе с другими сотрудниками подготовил к печати и снабдил предисловиями и указателями ряд археографических изданий и, кроме того, читал курс источниковедения Белоруссии в Белорусском государственном университете.

В течение 1927—1931 гг. под редакцией Довгялло в Минске вышло три тома серийного издания «Беларускі архіў». В 1934, 1935 гг. под его же редакцией было издано два тома публикаций, озаглавленных «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры на Беларусі у часы распаду феудалізма». В 1936 г. Д. И. Довгялло, В. К. Щербаков и К. И. Кернажицкий издали археографический сборник, названный «Гісторыя Беларусі у дакументах і матэрыялах».

Как и до революции, Довгялло в 20-е годы в исследовательском плане занимался преимущественно краеведческими темами. За это время он опубликовал работы о Полоцких укреплениях, о замках в Борисове и Орше, о местечке Свислочи и замке в нем, о деятельности одного из могилевских купеческих домов и пр.¹⁶⁵ Второй темой его занятий было источниковедение.

Последним (внештатным) сотрудником Комиссии, принятым в XIX в., был В. М. Площанский.

Венедикт Михайлович Площанский (1834—1902 гг.) служил с 24 марта 1888 г. по 8 февраля 1902 г. По происхождению галичанин, он в 1861 г. окончил Львовский университет и с того времени стал основным сотрудником, а затем редактором газеты «Слово», которую в свое время редактировал Головацкий. Обвиненный австрийскими властями в измене, долгое время был

¹⁶⁴ Д. И. Довгялло. Описание Витебского церковно-археологического древлехранялища. Витебск, 1899; *он же*. Город Лепель Витебской губернии. Витебск, 1905; *он же*. Город Друя Виленской губернии. Вильна, 1905; *он же*. Город Радошковици Виленской губернии, Вильна, 1909; *он же*. Местечко Немепчин Виленской губернии. Вильна, 1909; Э. М. Клейн, Д. И. Довгялло, И. Е. Белоцерковец. Город Борисов. Вильна, 1910; Ф. А. Жудро, И. А. Сербов, Д. И. Довгялло. Город Гомель. Вильна, 1911.

¹⁶⁵ З. Г. Даугяла. Гістарычна-тапаграфічны нарыс полацкіх умацаванняў. «Запіскі Аддзелу гуманітарных навук ІВК». Менск, 1928; *он же*. Свіслацкі замак у 1560 г. «Наш край», 1927, № 6—7; *он же*. Места Свіслацкае. «Наш край», 1928, № 6—7; *он же*. Стары Менск. «Наш край», 1928, № 1; *он же*. Аршанскі замак, Барысаўскі замак и др. (опубликованы в 1928 г.).

под следствием, после чего приехал в Россию, принял русское подданство и стал жить в Вильно¹⁶⁶.

Площанский готовил к изданию и писал предисловия только к тем томам Актов, в которых были помещены документы Холмской епархии и Холмского городского суда (т. XIX, XXIII и XXVII).

В XVI—XVII вв. почти все делопроизводство Холмщины велось на латинском языке, и поэтому документы, помещенные в томах, подготовленных к изданию Площанским, написаны главным образом на том же языке. Вопреки ранее существовавшему обычаю ни переводов, ни краткого содержания на русском языке к этим документам нет. В этом случае, видимо, действовали финансовые соображения, так как печатание параллельно оригинала и перевода увеличивало стоимость издания почти в два раза.

Предисловия Площанского по своим размерам лишь немного уступают предисловиям Крачковского (свыше 200 страниц), а по своей форме и содержанию ничем не отличаются от них. Особенностью предисловия к т. XIX является лишь наличие массы биографических данных о холмских уннатских епископах, значительная часть которых происходила из Минска.

Арсений Осипович Турцевич (1848—193), работавший в Комиссии с 21 марта 1901 г. и до конца существования Комиссии, был очень типичной фигурой в этом учреждении начала XX столетия. Сын православного сельского священника Минской губ., он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и длительное время преподавал историю и географию в средних учебных заведениях Литвы (Шавли, Вильно)¹⁶⁷. Задолго до прихода в Комиссию написал учебник русской истории для третьего класса гимназии «в связи с историей Великого княжества Литовского», выдержавший 15 изданий, учебник по русской истории для начальных школ (9 изданий) и составил хрестоматию «по истории Западной России» (Вильна, 1892)¹⁶⁸.

Таким образом, Турцевич создал учебник не только по истории русского народа, но также по истории белорусов, украинцев и литовцев. Те разделы, в которых излагалась история Великого княжества Литовского, печатались мелким шрифтом и считались для учащихся необязательными, но вместе с тем Турцевич в предисловии обращался к учителям с предложением внимательно отнестись к ним, поскольку данные «по западнорусской

¹⁶⁶ «Пятидесятилетие Виленской комиссии...», стр. 21, 22; Меницкий, впрочем, утверждает, что Площанский университет не окончил. *R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna*, str. 111).

¹⁶⁷ *R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna*, str. 117—118.

¹⁶⁸ *А. О. Турцевич. Русская история (в связи с историей Великого княжества Литовского). Курс III класса гимназий и реальных училищ. Вильна, 1897; он же. Краткий учебник русской истории. Учебник для приходских училищ. Вильна, 1903.*

Арсений Осипович
Турцевич

истории... в курсе средней школы, несомненно, имеют такое же значение, как и северорусская история». Таким образом, Турцевич пытался создать учебник, отражающий, хотя и частично, историю белорусского, украинского и литовского народов. Изложение истории Великого княжества Литовского имело, правда, весьма специфический характер. Так, Турцевич всегда подчеркивал, что великие князья литовские были не столько литовскими, сколько русскими. Гедимин, например, «был особенно расположен к православию и русской народности», а Ольгерд «всецело принадлежал русской народности»¹⁶⁹.

Переходя к XVI—XVII вв., Турцевич полностью исключает материал о Литве и говорит лишь о положении в составе Ре-

чи Посполитой Украины и Белоруссии, о восстании под руководством Хмельницкого, о «воссоединении Западной Руси» с Россией. О более позднем времени приводятся лишь самые краткие сведения относительно восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг.

Естественно, что в официальных учебниках русские цари, князья и политические деятели выглядят в самом лучшем свете. Так, например, Александр I «отличался красивой наружностью, необыкновенной добротой и был весьма ласков и приветлив»; Николай I «обладал твердым (в последующем издании «железным») характером, настойчивостью и трудолюбием» и, «вступив на трон, дал обет жить единственно для любезного отечества», Муравьев «оградил крестьян от произвола помещиков» и т. д. Естественно и то, что армия, руководимая Болотниковым, рисуется как скопление огромных шаек «из разных бродяг, которые подступали к самой Москве и вступали в битву с царскими войсками».

Однако после 1905 г. в настроениях Турцевича произошел перелом. В его работах появились совершенно новые ноты. Уже в книге, посвященной деятельности Археографической комиссии (членом которой он был сам), вышедшей в 1906 г., Турцевич писал: «Останавливаясь на этой программе (говорится о той программе деятельности Комиссии, которая была выработана при ее

¹⁶⁹ А. О. Турцевич. Русская история стр. 39, 41, 80, 124, 132 и др.

создании в 1862 г.— *Н. У.*), нельзя не признать, что в нее вошли далеко не все виды документов, хранящихся в Виленском центральном архиве, но Комиссия в первых своих изданиях значительно сузила и эту программу, так как все свое внимание обратила главным образом на документы, относящиеся к положению православной церкви в Северо-Западном крае. Комиссия, очевидно, старалась доказать, что православие здесь было значительно распространено и что, следовательно, край этот искони русский, православный. Такими же националистическими соображениями Комиссия руководствовалась и при выборе других документов»¹⁷⁰.

Это не очень много и не слишком резко, однако Турцевич обратил внимание на самую существенную сторону деятельности Комиссии, и из этих строк следует, что «националистические соображения» в деятельности Комиссии он осуждает.

В последующие годы отход от верноподданнических взглядов у Турцевича оказался еще более радикальным.

В 1910 и 1914 гг. вышли т. XXXV и XXXVIII «Актów Виленской комиссии», в которых помещены инвентари имений, расположенных в разных местах Белоруссии и Литвы. Инвентари эти были составлены во второй половине XVIII в. До того времени о положении крестьян в Белоруссии в XVIII в. было известно очень мало. Турцевич, изучив массу инвентарей, изложил свои наблюдения в предисловии к т. XXXV Актów¹⁷¹. По его данным, в то время крестьянские участки чаще всего были размером в 0,5 волоки (10,5 га), и с этого участка крестьяне обычно обрабатывали в неделю четыре дня барщины. Затем он перечислил дополнительные, но тоже достаточно обременительные повинности, выполнявшиеся барщинными крестьянами. Также подробно описаны им повинности крестьян чиншевых, плативших денежный оброк, причем он обратил внимание на один инвентарь, в котором все повинности — отработочные и продуктовые — даны и в денежном исчислении (т. XXXV, стр. XXIV).

Сверх того Турцевич показал, какие повинности выполняли бояре и земьяне, т. е. те жители Белоруссии и Литвы, которые ранее относились к низшей прослойке феодалов, а после проведения волочной померы (середина XVI в.) постепенно перешли в разряд феодально зависимого населения (Акты, т. XXXV, стр. XXVIII, XXIX), но откуда они взялись и кто такие были бояре и земьяне, каково было их положение вообще, автор не говорит ничего.

Данные инвентарей XVIII в. были положены Турцевичем в основу его работы, посвященной крестьянам Белоруссии и Укра-

¹⁷⁰ А. О. Турцевич. Краткий исторический очерк..., стр. 31, 32.

¹⁷¹ Предисловие А. О. Турцевича имеется и к т. XXXVIII Актów, но оно очень краткое и почти ничего не добавляет к тому, что сказано в предисловии к т. XXXV.

ны в Великом княжестве Литовском¹⁷². Книга эта, озаглавленная «Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши», вышла в 1911 г. в связи с пятидесятилетием реформы 1861 г. (об этом прямо не сказано, но на обложке помещен портрет «освободителя», да и сама дата выхода работы говорит о том же). Книга Турцевича резко отличается от книг и брошюр других авторов, вышедших в связи с юбилеем в Вильно, в которых восторженно превозносились как «освободитель», так и М. Н. Муравьев, изображавшиеся спасителями белорусских и украинских крестьян от помещичьего гнета.

Небольшая книга Турцевича (73 стр.) в основном посвящена положению крестьян в XVIII в. Правда, автор, используя труды М. В. Довнар-Запольского, М. К. Любавского, Ф. И. Леонтовича, И. Новицкого и др., написал раздел о состоянии крестьянства в XII—XVII вв., но на все это у него ушло 20 страниц, остальное почти целиком отведено XVIII столетию.

По мнению А. Турцевича, положение крестьян после присоединения Белоруссии к России продолжало ухудшаться, так как помещики не только сохранили все свои прежние права, но и получили возможность продавать крестьян без земли в великорусские губернии¹⁷³. Автор считал, что обстановка изменилась к лучшему лишь в тех имениях, которые перешли во владение русских помещиков, так как последние переводили своих крестьян на денежный чинш¹⁷⁴. Однако Турцевич не знал, что в государственных имениях Восточной Белоруссии ранее господствовала чиншевая система, и лишь после перехода этих поместий в частное владение крестьян в огромном большинстве перевели на барщину, но в некоторых имениях сохранилась оброчная система.

В конце книги Турцевич скороговоркой отмечал тех лиц в России, которые поднимали вопрос о необходимости облегчения положения крестьян или их освобождении, а также и мероприятия правительства, направленные к тому же. Список лиц начинается с В. В. Голицына, а заканчивается Радищевым и Пестелем; из правительственных мероприятий отмечены указы о трехдневной барщине, об обязанных крестьянах, о вольных хлебопашцах; заканчивается список манифестом 19 февраля 1861 г.

Сотрудники Комиссии упоминали указы, направленные на облегчение положения крестьян, так как это шло по линии прославления царизма, но никогда не говорили ни о Радищеве, ни о Пестеле.

Одним из немногих членов Комиссии, происходивших не из православного духовенства, был Иван Александрович Глебов (1864—19?). Он работал в Комиссии с 1 июля 1902 по 9 сен-

¹⁷² В этой работе Турцевич, правда очень редко, касается и положения литовских крестьян (см. стр. 52).

¹⁷³ А. Турцевич. Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши. Вильна, 1911, стр. 66.

¹⁷⁴ Там же, стр. 67.

тября 1906 г. Глебов после окончания Петербургского историко-филологического института был назначен учителем истории и географии в Могилевское реальное училище, а затем — в Слуцкую гимназию. Работая в Слуцкой гимназии, которая как учебное заведение существовала с 1617 г., Глебов захотел написать ее историю. Однако школьный архив оказался слишком бедным, чтобы по его материалам можно было что-то сделать. Посетивший Слуцк попечитель учебного округа порекомендовал Глебову обратиться в архив округа, а затем, видимо, перевел Глебова на работу в Вильно. В результате Глебов написал и издал в Вильно в 1904 г. книгу под названием «Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617—1630—1905 гг. Составил И. Глебов». В идеологическом отношении книга эта вполне соответствовала требованиям попечителя округа и, возможно, написание ее послужило основанием для приглашения Глебова на работу в Комиссию. В сентябре 1906 г. Глебов был назначен директором Шавельской гимназии, а затем — Гродненской и к работе в Комиссии больше не возвращался.

«Записка» Глебова представляет собой действительно записку, т. е. сухой перечень происходивших событий. Несколько оживает автор только тогда, когда говорит о восстании 1863—1864 гг., но передает все с правительственной точки зрения. «Меры, принятые главным начальником края М. Н. Муравьевым,— пишет Глебов,— для пресечения деятельности польско-католической пропаганды и подавления вооруженного мятежа, были настолько успешны, что уже в декабре 1863 г. Северо-Западный край был совершенно усмирен» (стр. 121). Самое же восстание 1863 г. характеризуется как «прискорбные волнения» (стр. 135).

Для И. Глебова такие понятия, как «белорусский народ», «белорусская культура», и т. п. просто не существовали, и все события он рассматривал с точки зрения борьбы начала русского православного с католическим польским.

Второй работой, с которой И. Глебов выступил в 1905 г., была статья об административной деятельности Екатерины II, помещенная в сборнике в честь Екатерины II, редактором которого был А. Турцевич.

Речи, произнесенные И. А. Глебовым (а позже отпечатанные) в связи со столетием рождения императора Николая I и столетием со дня кончины Екатерины II, говорят о его верноподданических взглядах.

Участие Глебова в работе Комиссии было невелико: кроме текущей работы в архиве он написал лишь одно предисловие к т. XXX Актов («Акты Трокского подкоморского суда»).

Основная часть предисловия представляет собой стандартную для члена Комиссии работу: в ней передается содержание публикуемых документов (автор, например, дает изложение одного судебного процесса на 12 страницах большого формата). Что представляли собой подкоморские суды, Глебов излагает по ста-

ть И. И. Лаппо, помещенной в ЖМНП (1899, № 8). Однако конец предисловия Глебов дал нестандартный: он посвятил его языку публикуемых документов.

Глебов не был знаком с вышедшими к тому времени работами Е. Ф. Карского по белорусскому языку, а так как сам он не был специалистом в этом деле, то его наблюдения не имеют научного характера. Глебов, очевидно, считал, что настоящим языком письменности, в том числе и «западнорусской», является тот, который был утверждён официальными грамматическими нормами конца XIX в., и всякое отклонение от них в источниках рассматривал как ошибки. Прожив много лет в Белоруссии, где шипящие и звук «р» обычно твердые, он с долей удивления отмечает, что в публикуемых им документах выдерживается именно такое правило. Особенностью он считает, что буква «ѣ» встречается очень редко и даже в слове «лето» написано «е», а «і» почти нигде нет. Отметил он и другие особенности, например именительный двойственного числа («две копе»).

При всем этом раздел предисловия, касающийся языка, имеет немаловажное значение потому, что показывает, насколько расходился во многих случаях публикуемый текст с оригиналом. Особенностью тома является и то, что в нем отсутствуют заголовки редактора, зато полностью сохранены заголовки оригинала. Кроме того, в т. XXX не отмечены ни номера дел, ни листы публикуемых документов.

Последним из принятых на работу в Комиссии был А. С. Вруцевич. Александр Сафронович Вруцевич (1851—19?) начал работать в Комиссии с 1911 г. Сын православного священника Минской губ., он окончил юридический факультет Петербургского университета в 1874 г. и стал преподавателем в Виленском реальном училище. В 1887 г. виленский генерал-губернатор Каханов назначил его редактором официального органа виленских властей «Виленского вестника», поручив записаться «самым жгучим и до настоящего времени вопросом — о распоряжении костела в литовско-белорусском крае»¹⁷⁵, т. е. о замене в костелах при богослужении польского языка русским. Пост редактора Вруцевич занимал до 1891 г. Задача эта была трудной, настолько трудной, что при всех усилиях русской администрации за много лет деятельности она не дала никаких результатов. «Католицизм» и «польскость» в Белоруссии стали понятиями настолько идентичными, что выражение «польская вера» было принято не только населением Белоруссии, но и прочно вошло в официальные русские документы. Из печатных работ того же автора упоминаются лишь статья-некролог, посвященная Шолковичу, и небольшая работа компилятивного характера о финансовой политике Екатерины II¹⁷⁶.

¹⁷⁵ «Пятидесятилетие Виленской комиссии...», стр. 26, 27.

¹⁷⁶ Там же.

Находясь краткое время в Комиссии, Вруцевич дал лишь предисловие к т. XXXVII Актов, в котором помещены документы о войне 1812 г.

Официальная схема расстановки сил в Белоруссии в 1812 г. к 1912 г. была давно выработана: поляки встречали армию Наполеона с восторгом, русские враждебно. Дворянство Белоруссии (польское), в частности крупное, будучи безусловно уверенным в победе Наполеона, надеялось, что он восстановит Речь Посполитую в границах 1772 г., и поэтому приветствовало французов, однако позиция крестьян (все крестьяне Белоруссии официально числились русскими) была иной. Крестьяне ждали, что с приходом французов будет отменено крепостное право. Не дождавшись освобождения от французов (которые к тому же беспощадно грабили население), белорусские крестьяне, бросив свои дома, массой уходили в леса, откуда начали партизанскую войну с оккупантами, а заодно стали громить и имущества помещиков, объединяясь в некоторых случаях для этого с французскими дезертирами.

Вруцевичу все это казалось в такой мере несущественным, что он не сказал в предисловии ни слова ни о крепостном праве, ни о положении крестьян перед войной и в ходе ее, как не уделил никакого внимания и нападениям крестьян на помещичьи владения, хотя об этом имеются документы и в самом томе. Та же часть предисловия, в которой говорится об отношении Наполеона к вопросу восстановления Польши, об организации государственного аппарата в Литве и Белоруссии, была известна задолго до выхода в свет т. XXXVII Актов.

Кроме названных в Комиссии одно время работал в качестве внештатного сотрудника П. А. Гильтебрандт, служивший постоянно в Виленском центральном архиве. Он происходил из дворян Рязанской губ., окончил Московскую гимназию и в 1861—1863 гг. учился в Московском университете. Некоторое время, будучи сотрудником архива, работал в Комиссии за Никотина (см. выше). По данным Меницкого, Гильтебрандт очень короткое время в 1867 г. был членом Комиссии¹⁷⁷. Его участие в археографической работе в Вильно проявилось главным образом в подготовке к печати материалов при издании «Археографического сборника документов». Умер он в 1905 г.¹⁷⁸

Организация труда в Комиссии

Относительно какой-либо системы работы в Комиссии можно говорить лишь со времени утверждения постоянного Положения, т. е. примерно с 1870 г., когда стали работать Головацкий, Горбачевский, Спрогис и Шолкович. Однако и ранее, когда фактиче-

¹⁷⁷ R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 48.

¹⁷⁸ ЦГИА Лит.ССР, ф. 567, оп. 3, д. 1438, лл. 42, 43; ф. 596, оп. 1, д. 234, л. 106.

ски работал один Горбачевский, было тоже необходимо, хотя бы для видимости, иметь план работ и распределение обязанностей. Вопрос, который возник перед Комиссией сразу после ее оформления, — что печатать — был поставлен на первом заседании Комиссии 27 апреля 1864 г.

Поскольку Комиссия существовала 10 дней и за этот срок ее члены не могли подготовить ничего обстоятельного, то они просто вписали в протокол ряд параграфов (3, 5, 6, 7) «Проекта учреждения временной Комиссии 1862 г.», изменив лишь некоторые слова¹⁷⁹. Как уже отмечалось, позже все это вошло в предисловие к т. I Актов. Сделать это было просто, так как автором «Проекта» был, по всей вероятности, Никита Иванович Горбачевский.

Было решено «выписывать все акты, привилегии, которые были пожалованы польскими королями и великими князьями литовскими православным церквям и вообще православному духовенству, также все акты, которые свидетельствуют о существовании в Западном крае православных церквей, но которые не существуют уже». Далее говорилось о необходимости публикации завещаний «знатнейших дворянских родов», инвентарей, инструкций, дававшихся депутатам на сеймиках, и пр.

Принятое решение давало установки лишь в самой общей форме. Документы указанного характера могли быть чуть ли не в десятке тысяч дел, хранившихся в архиве, и нужно было определить более точно — с чего следует начинать. Отбор начался с дел Гродненского земского суда. Книги этого города (кроме того, что они имелись с 1539 г., т. е. относились к числу наиболее древних) очень подходили для целей Комиссии, так как население Гродно и Гродненского повета до конца XVI в. было главным образом православным, и, следовательно, среди архивных материалов находилась масса документов о православных церквях, тогда как в католической Литве (несмотря на то что согласно утвердившимся тогда положениям она тоже числилась в большой мере православной) следов православных «святынь» было все же очень мало. Согласно отчету, Комиссия с 17 апреля по 1 июня рассмотрела 6266 документов Гродненского земского суда, т. е. реально не сами документы, а лишь их описи, но тем не менее и это дало возможность Комиссии в отчете Муравьеву записать, что «самую большую их часть составляют: 1. Жалобы на причиненные побои, грабежи, насилия и присвоение чужой собственности. 2. Купчие и продажные крепости, мировые... и денежные сделки. 3. Духовные завещания, дарственные записи, закладные. 4. Свидетельства о явке в суд. 5. Тяжебные дела о неустойках или неисполнении обязательств и тому подобные документы, составленные по делам, возникшим между частными людьми». Перечислив эти виды документов, Комиссия сделала

¹⁷⁹ ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 7, лл. 18, 19.

вывод, что они «в археографическом отношении не имеют никакого значения». К заслуживающим же внимания Комиссия относил привилегии королей, дарственные записи в пользу православных церквей и монастырей, разные документы, «разъясняющие состояние края», законы об управлении краем, а также документы, «характеризующие быт, в котором они составлены»¹⁸⁰.

Очевидно, оценку документов, содержащих различные жалобы и подобные им материалы, о которых говорилось ранее, пришлось переменить; по крайней мере в отчете, поданном 3 октября 1864 г., о таких же источниках сказано, что хотя «некоторые из избранных Комиссией актов, взятые в отдельности, не представляют с первого взгляда ничего примечательного, но, будучи взяты в совокупности и в значительном количестве, они могут прояснить состояние Западного края в политическом и этнографическом отношении в разные периоды его существования»¹⁸¹.

Несколько позже Комиссия обратила особое внимание на документы Брестского воеводства ввиду того, что это воеводство «по своему географическому положению подвержено было первому натиску польского влияния и жители его стояли в числе передовых бойцов за православие и русскую народность»¹⁸². В результате ряд томов Актов был укомплектован документами из фондов этого воеводства.

Как технически велась вся эта работа до прихода Головацкого — неясно. Определенно известно лишь то, что ни Кукольник, ни Никотин не делали ничего, а Бессонов, хотя и работал, но на заседаниях Комиссии после ссоры с Горбачевским не ходил; Пшолко за все время пребывания в Комиссии тоже ничего не делал, и Комиссия в действительности продолжала состоять все из того же Горбачевского, которому стали помогать Спрогис (за Пшолко) и Гильтебрандт (за Никотина).

Лишь с приходом Головацкого установились организационные формы работы, которые почти не изменялись до самого конца существования Комиссии. Обязанности и права первых председателей Комиссии не были определены. Понималось, что они должны руководить деятельностью Комиссии в том направлении, которое было определено основными организационными документами. Положение 1870 г. тоже устанавливало обязанности председателя в самой общей форме, не придав ему прав главного редактора всех изданий Комиссии.

Головацкий, в особенности в первые годы своей работы, очевидно, должен был искать помощи Горбачевского в самой ответственной части своей деятельности, т. е. в отборе документов к печати. Во всяком случае, в черновике отчета Комиссии за 1871 г., перечеркнутым синим карандашом, написано: «По приме-

¹⁸⁰ Там же, л. 1.

¹⁸¹ Там же, л. 4.

¹⁸² Там же, д. 49, л. 32.

ру прежних лет, постановленное занятие председателя Комиссии Головацкого состояло в проверке отобранных и списанных актов с подлинниками. Проверка эта производилась совместно с членом Комиссии Горбачевским. При этой проверке обсуждаемы были внутреннее достоинство актов и значение их в ученом отношении и окончательно определяемо было, какие из них должны быть напечатаны»¹⁸³.

Однако в том варианте отчета, который не был перечеркнут, он изложен в ином виде. Там написано, что «все ученые работы Комиссии как по изданию актов, так и по заготовлению материалов к дальнейшему печатанию совершались совместно, именно: план издания, выбор актов, распределение работ обсуждаемы были в заседаниях Комиссии, тут же читаемы были предисловия. Для сего назначаемы были особые протоколы»¹⁸⁴.

Судя по обстановке в Комиссии, первую версию можно считать более достоверной, т. е., что важнейшие вопросы решались Головацким совместно с Горбачевским, а не всеми членами Комиссии.

В дальнейшем, когда председателями были Крачковский, Добрянский и Довгялло, указаний, что они решали совместно с кем-либо, какой из документов должен быть напечатан, а какой нет, не встречается, наоборот: всегда говорится, что окончательный отбор производился ими единолично. Так, в отчете за 1890 г. сказано, что Крачковский в том году распределял занятия между членами Комиссии, наблюдал за их работой и давал оценку деятельности членов Комиссии, сверял списанные документы с оригиналами, читал корректуру (обычно председатель читал последнюю), ведал общими делами¹⁸⁵. В отчете за 1900 г. сказано, что проверка деятельности сотрудников производилась председателем ежемесячно¹⁸⁶. Добрянский, ставший председателем после Крачковского, распределял обязанности между членами Комиссии, давал ежемесячные оценки их работы, ведал финансами, вел переписку, сверял переписанные документы с оригиналами, приводил «в окончательный порядок» переписанные к печати документы и читал последнюю корректуру¹⁸⁷.

В 1891 г. на некоторых заседаниях Комиссии совместно зачитывали непонятные места отдельных документов¹⁸⁸.

Главной обязанностью членов Комиссии был отбор документов для издания, кроме того, они читали корректуру, составляли указатели, писали предисловия, переводили тексты, писанные на латинском или польском языках, на русский.

¹⁸³ ЦГА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 49, л. 33.

¹⁸⁴ Там же, д. 83, л. 5.

¹⁸⁵ Там же, д. 234, л. 2; д. 201, л. 4.

¹⁸⁶ Там же, д. 234, л. 55.

¹⁸⁷ Там же, л. 108.

¹⁸⁸ Там же, л. 7.

Определив тему и хронологические рамки будущего тома, Комиссия намечала, какие архивные книги и за какие годы будет просматривать каждый из ее членов, чтобы отобрать то, что следовало включить в этот том. Каждый работник производил первоначальный отбор, видимо ни с кем не консультируясь, затем эти документы переписывали писцы, затем происходил следующий отбор, когда (судя по первоначальной и окончательной цифрам отобранных документов) число их резко сокращалось. Дальнейший отбор производился на заседаниях Комиссии, после чего материал поступал для окончательного решения к председателю. К печати том утверждал попечитель, но, кажется, кроме случая, когда отобранные Бессоновым документы были забракованы, такое больше не повторялось, тем более что и тогда браковал не столько попечитель, сколько сами члены Комиссии.

Таким образом, отбор документов был длительным и как будто тщательным. Однако действительно ли отбирались материалы, «имеющие ученое значение», а отстранялись не имеющие его?

Все документы, определяющие деятельность Комиссии, утверждают, что самой важной обязанностью Комиссии была публикация документов, в которых упоминалось бы о существовании православной церкви или монастыря. Исходя из этой установки, сотрудники Комиссии, просматривая дела, насчитывавшие 1,5—2 тысячи листов, отбирали три — пять документов, в которых имелось какое-либо известие о православном духовенстве или церкви, и эти документы числились «имеющими ученое значение»¹⁸⁹. Таким образом, отбор производился предельно примитивно, и было бы очень большой ошибкой считать, что опубликованные в Актах (особенно в первых томах) документы в какой-либо мере отражают наличие материалов в Виленском архиве и Виленской публичной библиотеке, из собраний которых и комплектовались издания Комиссии.

В последующее время, начиная примерно с 70-х годов, религиозному моменту перестали уделять столько внимания, сколько уделяли в первые годы, но тем не менее клерикальные настроения членов Комиссии очень сильно проявлялись до последних лет, и борьба православных с католиками и униатами в XVII в. воспринималась в Комиссии как живая действительность. С особенной силой проявилось это в 1889 г., когда отмечалось пятидесятилетие «воссоединения» униатов с православными, в связи с чем Ю. Ф. Крачковский подготовил к изданию т. XVI Актов, предпослав ему предисловие в 142 страницы.

О том, сколько материалов просматривалось, чтобы отобрать документы для комплектования тома (да и вообще о количестве просмотренных документов); всего больше сведений сохранилось

¹⁸⁹ При отборе документов для т. IX Актов в одной из книг их оказалось 1633, из которых для печати было отобрано пять (*R. Mienicki. Wilńska komisja archeograficzna, str. 141*).

у Спрогиса, так как он не только аккуратнее всех вел записи в рабочем журнале Комиссии, но и постоянно отмечал проделанную работу в своей записной книжке.

В 1883 г. им были изучены (он отбирал материалы для тома, в котором намеревались поместить акты о евреях) книги Пинского городского суда за № 12 995—13 094. В 1885 г. он просмотрел 125 книг Главного литовского трибунала и сделал первоначальный отбор 1539 документов; в 1887 г. отбирал документы из актовых книг Виленского городского суда за № 4 727—5 168, в 1890 г. просмотрел 30 книг Слонимского городского суда за 1560—1653 гг. и Брестского за 1569—1671 гг.¹⁹⁰

В 1890 г. Спитко изучил книги Минского городского суда за 1668—1698 гг. общим объемом в 11 365 листов, а Добрянский — 22 книги Брестского земского суда за 1625—1686 гг. общим объемом в 25 382 листа и отобрал для печати 227 документов¹⁹¹.

Общее количество листов, рассмотренных членами Комиссии, было в разные годы неодинаково. В 1893 г., например, Комиссия рассмотрела 88 400 листов, в 1898 г. — 67 297 и в 1914 г. — 89 книг общим объемом в 75 тыс. листов¹⁹², а за первые 17 лет деятельности (с 1864 по 1881 г.) Комиссия рассмотрела 109 книг Гродненского земского суда, 68 Брестского земского, 124 Брестского городского, 5 Брестского подкоморского, 11 Брестской магдебургии, 10 Каменецкой магдебургии, 6 Кобринской магдебургии, 93 Гродненского городского суда, 252 Виленского городского суда, 200 Виленского земского, магистрата и магдебургии, 188 Главного литовского трибунала, 22 духовного трибунала — всего 1088 книг, кроме того, несколько сот «ревизий», «ординаций» и инвентарей — всего 1441 книгу, причем в отдельных книгах было свыше 1000 листов¹⁹³.

Комплектуя первые тома Актов, Комиссия строго придерживалась инструкции 1862 г., учитывая не только характер документов, но даже и порядок их следования. Том разделялся на три части, в первой из которых помещались «Акты, проясняющие элемент православия в Западном крае» (так назван раздел в т. I, в остальных — несколько иначе). Туда включались документы, в которых имелись сведения о наличии в прошлом в какой-либо местности православной церкви или монастыря.

Во второй части находились документы, «относящиеся к администрации Западного края» (и в этом случае в разных томах названия несколько отличаются одно от другого), а в третьей части — «Акты этнографические и собственно юридические» (так они названы в т. I, в остальных — «Акты юридические»).

¹⁹⁰ Рукописный отдел Библиотеки Вильнюсского гос. ун-та, 115, лл. 24, 39, 48, 50.

¹⁹¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 596, оп. 1, д. 234, лл. 2, 3.

¹⁹² Там же, лл. 17, 29, 168.

¹⁹³ Там же, д. 178, л. 5 (Из «Записки», составленной членом Комиссии Шолковичем).

Поскольку для первой части требовались документы такого рода, в которых бы только упоминалось о православной церкви, то понятно, что туда попали источники самого разнообразного характера, но и в остальных двух частях они не отличались однообразием. В особенности это касается части второй, в которую включены привилегии, инструкции шляхетским послам, отправляемым на сеймы, универсалы гетманов и королей, фундуши, листы (грамоты) короля и ревизоров на отмену земельных участков и т. д. В части третьей помещены судебные решения.

А сверх названного в т. III Актов находится еще и «Алфавитный перечень церквам, о которых упоминается в двух актовых книгах Брестского городского суда за 1676—1677 и за 1690 гг.» (стр. 259—267). Такое комплектование, однако, стало очень скоро нарушаться, и т. IV Актов содержит в себе лишь один раздел: «Акты, относящиеся к администрации Западного края», причем этот том как бы продолжает т. III, и даже нумерация документов в нем не самостоятельная, а продолжает нумерацию т. III.

Если для части первой было обязательно упоминание о православной церкви, то для остальных частей документы отбирались специального характера: они должны были показать в самом отрицательном виде польскую шляхту. В предисловии к т. I Актов об этом сказано следующее: «Акты юридические и вместе этнографические, коих содержание большей частью относится к своеволию, насилиям, грабежам... разбоям по дорогам и разного рода истязаниям, произведенным буйною польскою шляхтою» (стр. 23). Эта общая установка должна была усиливаться теми пояснениями, которые давались в т. I к каждому документу. Например, на стр. 237 Комиссия комментирует документ таким образом: «Этот документ свидетельствует о насилиях шляхты... Здесь дерзость и наглость их доходит до крайнего состояния».

Подавив восстание 1863—1864 гг., царизм изо всех сил стремился утвердить мнение о том, что в нем участвовала исключительно польская шляхта. Задачей Комиссии было показать, что шляхта вся, без исключения, представляла собой извечно анархическую разбойную массу.

Высказываясь так, Комиссия как бы закрывала глаза на то, что в XVI в. феодалы Белоруссии (шляхта) в огромной массе были православными и что, приняв позже католичество и польский язык, они все же не стали действительными поляками. Тем более Комиссии нельзя было утверждать, что вся шляхта Белоруссии и Литвы была польской, поскольку она доказывала, что Белоруссия и Литва были краем «искони русским».

Сложные процессы, продолжавшиеся в Белоруссии в течение сотен лет, Комиссия объясняла самым примитивным способом.

Отбирая материалы для комплектования томов Актов, Горбачевский обратил внимание на огромные «реестры», т. е. описания королевских владений в XVI—XVII вв., производившиеся в связи с проведением волочной померы или по какому-либо друго-

му поводу. Чрезвычайно заинтересовавшись этими материалами, Комиссия стала готовить их к печати, присоединив к основным документам некоторые дополнительные, имевшие отношение к той местности, которой касались основные.

В связи ли с тем, что некоторые «реестры» были так велики по объему, что заняли при напечатании два тома, или потому, что содержание их плохо соответствовало характеру деятельности Комиссии, намеченной «Проектом» и другими программными документами, их решили печатать не в серии, а отдельными изданиями. Возможно, поэтому Комиссия, начав готовить к печати «Писцовые книги», «Ревизии» и «Ординацию», сочла необходимым на своих заседаниях объяснить, почему она это делает (основные положения из этих протоколов Комиссии позже были опубликованы в предисловиях к вышедшим книгам).

Готовя к печати «Писцовую книгу Пинского староства», Комиссия отметила, что Книга показывает «экономический быт территории, называемой некогда Пинским княжеством... и содержит в себе приблизительно до десяти тысяч древних русских географических названий, как, например, Святополчая дорога, река Святополка, река Немига, о которой упоминается в «Слове о полку Игореве», кроме того, в ней подробно обозначены поземельные владения православного духовенства»¹⁹⁴. Намереваясь издать «Ординацию королевских пуц», Комиссия постаралась (это уже вопреки своим правилам) показать высокий уровень лесного хозяйства Великого княжества Литовского того времени (1641 г.) «В ординации,— говорится в отчете Комиссии за 1870 г.,— исчислены все королевские пуци в бывш. Великом княжестве Литовском и поделены на лесничества, а лесничества на участки или кватеры, и в каждом участке перечислены и поименованы отступы, определен подробный состав управления королевскими пуцами с указанием обязанностей всех лиц... исчислены все чиншевые волоки, сепокосы, луга и озера с указанием приносимого ими дохода» и показаны лица, имевшие право на вход в королевские пуци¹⁹⁵.

Особенно большое значение Комиссия придавала сборнику, составленному в честь императрицы Екатерины II. Первоначально «Великой Екатерине и ее державным заботам о вновь присоединенном к России Западном крае» хотели посвятить т. XXX Акт. Делалось это в связи с прошедшим столетием «воссоединения» края с Россией и открытием (в той же связи) памятника Екатерине в Вильно.

В сборник предполагалось включить указы правительства из Полного собрания законов, распоряжения местной администрации, которые служили дополнениями к указам правительства,

¹⁹⁴ ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 49, л. 33.

¹⁹⁵ Там же, л. 31.

а также универсалы и постановления местных сеймиков и конфедераций¹⁹⁶.

По неясным причинам вместо очередного тома Актов получился отдельный сборник, о котором, очевидно, Крачковский написал, что помещенные в нем документы «указывают нам, что все, сделанное великой императрицей для Западного края, составляет одну из блестящих страниц истории ее славного царствования»¹⁹⁷. На изменение принципов комплектования томов оказали воздействие и критические замечания рецензентов на издания Комиссии, а также и собственные наблюдения членов Комиссии. В результате этого было решено или подбирать для каждого тома документы однообразные по характеру, или же печатать подряд все материалы отдельных «книг».

В отчете Комиссии за 1886 г. сказано, что когда печатался т. XIII Актов, то был поднят вопрос: «Что должно служить предметом следующего ее издания? Так как с самого начала своей деятельности Комиссия обратила особое внимание на древние рукописные памятники, хранящиеся в Виленском центральном архиве и Виленской публичной библиотеке, заключающие в себе разнообразные и богатые сведения для изучения экономической и бытовой стороны народной жизни Северо-Западного края, и стала их издавать в свет под именем «Писцовых книг», то и ныне, придавая этим изданиям особую ценность и прислушиваясь к одобрительным о них отзывам ученой критики, Комиссия возымела мысль изготовить подобного же рода издание, состоящее из древнейших экономического характера документов, хранящихся в двух вышеупомянутых учреждениях, т. е. инвентари XVI в.»¹⁹⁸

В результате появился т. XXIV Актов, укомплектованный одинаковым материалом (инвентарями). В дальнейшем Комиссия издала еще тома XXV, XXXV и XXXVIII, в которых тоже помещены только инвентари; т. XXXVII, содержащий материалы о событиях, происходивших в Белоруссии и Литве во время войны 1812 г.; т. XVI, в котором находятся документы по истории унии; т. XXXIII, содержащий документы по истории церкви; тома XIX, XXIII, XXVII с актами Холмской епархии и городского суда; в т. XXXIV — документы о войне 1654—1667 гг. Кроме того, был издан ряд томов, разнообразных по содержанию, но объединенных общей темой: тома XXVIII и XXIX — акты о евреях; т. XXXI — акты о татарах; т. XVIII — акты о копных судах, т. XXIV — акты о боярах.

Материалы для этих томов отбирались из самых разнообразных книг и различных местностей, причем за все время своей деятельности Комиссия не видела и не делала разницы между край-

¹⁹⁶ Там же, д. 295, л. 1.

¹⁹⁷ Там же, л. 4.

¹⁹⁸ Там же, д. 201, лл. 8. 9.

ним западом государства с литовским населением и крайним востоком с населением белорусским. Однако и в этот порядок было внесено изменение: Комиссия издала ряд томов, в которых были помещены все без исключения документы одной Книги. Решение об издании такого тома было вынесено Комиссией в 1890 г., и для него были отобраны акты Гродненского земского суда. В своем решении Комиссия отметила следующее: «Комиссия обратила свое внимание на эти акты и избрала их материалом для этого тома (т. XVII Актов.— *Н. У.*) между прочим потому, что это самые древние из находящихся в Центральном архиве юридические акты на русском языке и как по древности, так и по своему содержанию представляют живой интерес для исследователей отечественной истории. В них весьма рельефно и главное верно отразился быт всего литовско-русского общества второй и третьей четверти XVI в., его нравы, обычаи, семейные отношения, экономическое устройство, степень материального благосостояния, законы, порядок судостроительства и пр. Они также с очевидностью доказывают, что Великое княжество Литовское не только находилось в тесной связи с русским государством, но в значительной части было заселено русским народом, свято сохранявшим свои законы и обычаи». Далее отмечено, что эти материалы дают очень много для изучения языка и что Комиссия оставила текст в неприкосновенности, введя лишь современную пунктуацию¹⁹⁹.

Впоследствии по тому же принципу были подобраны материалы для томов XXI, XXII, XXVI, XXX, XXXII, XXXVI и XXXIX, в которых опубликованы целиком книги Гродненского и Слонимского земских судов, Минского, Улитского и Вилькомирского городских, Троцкого подкоморского и Могилевского магистрата.

Археографическая обработка материалов

Ни в одном из документов, определяющих функции Комиссии, не сказано о правилах публикации и, в частности, о правилах передачи текстов. В них говорится лишь, что издавать следует на языках оригиналов, и только в постановлении министерства народного просвещения за 1870 г. отмечено, что к Актам необходимо давать указатели и примечания. Сама Комиссия тоже не поднимала этого вопроса, и, таким образом, за все 50 лет деятельности археографическая обработка каждым членом Комиссии производилась по-своему, вернее, в каждом отдельном случае он поступал так, как ему казалось нужным. И лишь в некоторых томах какую-то унификацию проделывал тот, кто, очевидно, выполнял роль редактора данного тома. В результате этого в изданиях Комиссии заголовки, указатели, легенды составлены по-разному, по-разному передан и текст.

¹⁹⁹ ЦГИА Лит.ССР, оп. 1, д. 234, лл. 1, 2.

Говоря об отсутствии унификации, следует сказать и о том, что вся почти работа Комиссии была обезличена. Из предыдущего видно, что председатель Комиссии был своего рода главным редактором серии, утверждавшим содержание каждого тома. Очевидно и то, что подборка материалов производилась членами Комиссии совместно; исключения, может быть, были (см. указание на то, что тома XVI и XX Актов представляют собой «специальный труд» Ю. Ф. Крачковского)²⁰⁰, но это не меняет общего положения. Неясно, была ли между составителями тома и «главным редактором» промежуточная инстанция в виде редактора каждого отдельного тома? Если же такой редактор был, то каковы были его обязанности и права? Единственным элементом издания, имевшим подпись (исключение представляют первые два тома Актов), были предисловия. В некоторых случаях авторы предисловий (А. И. Глебов, К. И. Снитко) сообщали о тех правилах передачи текста, которых они придерживались, из чего следует, что они были своего рода редакторами, которые, очевидно, сверяли представленные другими членами Комиссии копии с оригиналами и при этом унифицировали передачу текста. Судя по заголовкам и легендам т. XXX Актов, к которому предисловие написал И. А. Глебов, можно думать, что составил их тоже автор предисловия, настолько они отличаются от заголовков и легенд в других томах. Что касается остальных, то уверенности, что авторы предисловий унифицировали передачу текста, заголовков и легенд, нет.

Вполне определенно известно, что автор предисловия и составитель указателей были часто лица разные, причем опять-таки известно, что авторы предисловий не вмешивались в работу составителей указателей. И. Я. Спрогис, например, сделал указатели к томам II—V, VIII, XVI, XX, XXI, XXIII, XXX, XXXI и XXXVIII Актов, предисловия к которым писали другие. Судя по характеру Спрогиса, трудно предположить, чтобы он позволил изменить свою работу авторам предисловий, если бы они и числились редакторами томов.

При всех этих разногласиях можно считать, что каждый том перед сдачей его председателю просматривался предварительно (редактировался) тем из членов Комиссии, который писал предисловие, но права этого редактора были ограничены, не говоря уже о том, что члены Комиссии относились к этому делу по-разному.

При чтении изданий Комиссии создается впечатление, что, публикуя документы на польском и латинском языках, Комиссия старалась передать их слово в слово, буква в букву. Когда же документы были на белорусском, то язык их подгоняли под правила русской грамматики (о чем уже упоминалось). Но все эти правила «корректировались» тем, что во всех изданиях Комиссии

²⁰⁰ «Пятидесятилетие Виленской комиссии...», стр. 12.

имеется огромное число опечаток, притом не только в тексте документов, но и в предисловиях, и в оглавлениях.

Печатаемая документ, издатели не оговаривали, как они раскрывают титла, как отмечают зачеркнутые или исправленные слова, исправляют ли явные ошибки текста, писан ли документ одним почерком или несколькими, а если несколькими, то с какого места начинается другой почерк, и т. д. И даже в том случае, когда автор предисловия (К. И. Свитко) находил нужным сообщить, что издатели «старались удержать с точностью все особенности правописания оригинала» («Писцовая книга Пинского и Кленского княжества», стр. IV), то он не удосужился сообщить, как это следует понимать.

Некоторые из источников, писанные по-польски, Комиссия издала в оригинале и параллельно (на противоположной странице) в переводе на русский язык. В этом случае у Комиссии тоже не было системы. Например, «Писцовая книга бывшего Пинского староства» была издана с переводом, тогда как подобная же «Писцовая книга Гродненской экономии», тоже писанная по-польски, — только в оригинале.

Являясь организацией пропагандистской, Комиссия (особенно в первый период своей деятельности) постаралась усилить звучание публикуемых материалов, для чего к каждому документу давалось своего рода пояснение: какое он имеет значение, какова для читателя значимость его. Всячески подчеркивалось, что Белоруссия и Литва были «краем искони русским» и православным, отмечая при этом, что такая-то католическая в настоящее время фамилия в прошлом была православной или что такой-то магнат в прошлом делал богатые вклады в православный монастырь и т. д.²⁰¹

Стремление авторов «пояснений» показать, что православных в Речи Посполитой одинаково угнетали как католики, так и униаты, приводило их иногда к ошибкам, переходящим в фальсификацию. На такого рода ошибку обратил внимание уже в 1870 г. редактор т. IX «Археографического сборника документов»

²⁰¹ В одном из первых документов, напечатанных в т. I Актов, заголовок следующий: «Дележная сделка между Иваном и Криштофом Тышкевичами, в которой упоминается о православной церкви и способе ее поддержания. Совершена 3 июня 1609 г.». К этому же документу под строкой (как обычно) дано следующее пояснение (приводим лишь начало, так как все оно слишком пространно): «Этот документ заключает в себе весьма важное обстоятельство. Два родных брата, Христофор и Иван Тышкевичи, из коих первый был римско-католического, а второй православного исповедания, делают между собой уговор о разделе наследственного своего имения Тетеровки и дают обязательство поддерживать находившуюся в том имении православную церковь, доставлять ей ежегодно определенные фундушем доходы» (АВК, т. I, стр. 22).

К док. № 1 первого раздела этого тома пояснение такое: «Этот документ принадлежит к фундационным актам в пользу православных церквей в здешнем крае. Он свидетельствует о том, что фамилия Хребтовичей издревле исповедовала православную веру» (АВК, т. I, стр. 1) и т. д.

А. П. Демьянович. Публикуя материалы по истории Супрасльского монастыря, Демьянович начал сличать их с подобными же документами, помещенными в т. I Актов, причем обнаружил, что заголовки и пояснение к некоторым актам там не соответствуют тексту.

Суть в том, что Комиссия поместила в т. I три привилегии (№ 38, 39 и 40 в разделе первом), которые, по мысли издателей, должны были очень отчетливо показать угнетение православных униатами и безразличное отношение к этому делу короля. Первый из этих документов озаглавлен «Привилегия короля польского Иоанна Казимира, которою наделяет монахов в Тыкоцине плацами на поддержание *православной* (подчеркнуто мной.— Н. У.) церкви; второй — «Привилегия короля польского Михаила на плац для постройки в Тыкоцине *православной* (подчеркнуто мной.— Н. У.) церкви с утверждением прочих фундушей» и третий — «Привилегия короля польского Владислава IV, присуждающая супрасльским базилиянам земли, оспариваемые у Тыкоцинской церкви».

Изучая первые два документа, Демьянович обнаружил, что они не были привилегиями, которые давали что-либо новое (в данном случае плацов), так как в обоих случаях лишь подтверждалось право, данное более ранним привилегием (короля Владислава IV в 1637 г.), самого же привилегия Владислава IV, который давал право монахам Супрасльского монастыря на владение плацом в Тыкоцине, работники Комиссии не нашли. Его обнаружил и опубликовал Демьянович в т. IX Сборника под № 49. Таким образом, Демьянович доказал, что в т. I Актов под видом основных были опубликованы два подтвердительных привилегия.

К док. № 40 Комиссия дала пояснение: «Этот документ замечателен во многих отношениях. Во-первых, он свидетельствует о существовании издревле православной церкви в Тыкоцине, за Неманом²⁰² и, как из других документов оказывается, среди многочисленного православного населения. Во-вторых, обнаружены явственно дерзость и насилия униатского духовенства, бессилие, а может быть, равнодушные короля, который вместо того, чтобы принять строгие и энергичные меры к обузданию и наказанию беззакония, совершенного вопреки явной его воле и распоряжениям, оставляет его без взыскания и обиженных без удовлетворения». Далее следуют пространные рассуждения в том же роде, в частности сказано, что настоятель Тыкоцинской православной церкви получил «привилегию от жены Владислава IV».

Комментируя это пояснение, Демьянович пишет, что документ, опубликованный Комиссией без перевода (он написан на

²⁰² Тыкотин расположен не «за Неманом», а на левом берегу Нарева (и, таким образом, находится по отношению к Вильно «за Наревом»); в 1865 г. этот город был в составе Ломжинской губ., которая ранее составляла часть Царства Польского.

польском языке.— Н. У.), «дал повод к рассказу и соображениям о Тыкотинской церкви, которые из этого документа вовсе не вытекают», так как «при самом внимательном чтении документа мы в нем не находим подтверждения, чтобы в Тыкотине издревле существовала православная церковь и чтобы настоятель ее получил привилегию от жены Владислава... Не видно из этого акта, и того, чтобы униатские монахи были такими злодеями, какими они изображены Виленской комиссией»²⁰³.

Нелепость пояснения, которое должно было в краткой и отчетливой форме изложить содержание документа, состоит в том, что униатские супрасльские монахи вели процесс за плац в Тыкотине не с православным священником, а с католическим ксендзом, пытавшимся отобрать у униатов их плац. Таким образом, борьбу за клочок земли в Тыкотине между униатскими монахами и католическим ксендзом работники Комиссии пытались выдать за борьбу православия с унией.

Однако Демьянович не до конца разобрался в той путанице, которая получилась при публикации трех названных документов, в частности, он не попытался сравнить заголовки и пояснение к первым двум из них. При таком сравнении следует, во-первых, что заголовки были написаны раньше, чем пояснения, и что писались они так небрежно, что смысл документа для составителя заголовка остался неясным. Дело в том, что в тексте привилея говорится, что плац в Тыкотине дается для постройки «русской церкви»; это место и послужило основанием для утверждения, что привилей давался на постройку церкви православной. Однако в XVII в. «русской» или «греческой» верой в Речи Посполитой часто называлась не православная, а униатская церковь, православную же именовали или «схизматической» или «религией старой Руси». Не вчитываясь дальше в текст документа, в котором говорится, что храм в Тыкотине разрешается строить «под тем только условием, чтобы та церковь под унией с костелем святым римским была»²⁰⁴, автор заголовка написал, что дело будто бы шло о православной церкви.

Излагать содержание документов (и, очевидно, также давать пояснения) Виленская комиссия начала по настоянию И. А. Никотина, причем предполагалось, что пояснения будут иметь особенно важное значение, а именно выяснять политическую сущность актов. Такого рода пояснения в последующих томах не проводились, но, начиная с т. III, редакция стала излагать содержание каждого документа. Правило это, несмотря на неприязнь к нему Я. Ф. Головацкого, держалось очень долго (содержание давалось еще в томах XI—XIII, но только для части документов).

²⁰³ «Археографический сборник документов», т. IX. Вильна, 1870, стр. 216, 217.

²⁰⁴ АВК, т. I, стр. 142.

Размеры изложений зависели от размеров самих документов: в некоторых случаях они занимали чуть ли не две страницы, напечатанные мелким шрифтом, в другом — ограничивались несколькими строчками. Печаталось изложение перед документом.

Переводы на русский язык (с латинского) делались до того времени, пока не стали издавать целые тома исключительно (или почти исключительно) на латинском языке (тома XIX, XXIII, XXVII). Эти тома, очевидно, показались Комиссии слишком объемистыми, чтобы их целиком переводить на русский язык (хотя вышедшие в 1871 и 1884 г. такие издания Комиссии, как «Ординация королевских пущ» и «Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств», мало уступавшие им по размерам, были напечатаны с переводом). Без переводов вышел и т. XXXVII Акт, в котором есть масса документов на польском и французском языках (документы о войне 1812 г.).

При использовании источников весьма важно, чтобы заголовки кратко и очень четко показывали содержание документа. Естественно, что в серийных изданиях одного учреждения заголовки должны быть однотипными. Однако в изданиях Виленской комиссии это правило не соблюдалось, и разницей в этом отношении настолько велик, что заголовки получились разные не только в отдельных томах Акт, но и в одних и тех же томах и притом у совершенно одинаковых документов. Очень многие из помещенных в Актах документы получили заголовки, когда их еще вписывали в акты в томе XVI—XVIII вв. В одном случае (т. XXX — предисловие И. А. Глебова) редакция оставила их без изменения, ничего от себя не прибавив, в других делалось иначе. Так, в томах XVII и XXI («Акты Гродненского земского суда», предисловие к т. XVII написал К. И. Снитко, к т. XXI — Ф. Н. Добрянский) оставили заголовки оригинала, но с добавлением от себя²⁰⁵, в то время как в т. XXII (тоже «Акты Гродненского земского суда», предисловие К. И. Снитко) заголовки оригинала отсутствуют, а есть только от редактора.

В какой мере в этом отношении отсутствовала система, видно из того, что из двух совершенно одинаковых и помещенных рядом документов один назван королевской грамотой, а другой привилегией (АВК, XXIV, № 4, 5).

В т. XI Акт редактор широко применяет в заголовках такие термины, как «консенс» (№ 76), «реверсальная запись» (№ 103), «ремиссионный декрет» (№ 62, 70), «угодливо-квитан-

²⁰⁵ В док. № 683 (АВК, т. XVII) в оригинале был заголовок «Мархай на татарина Казака». От редактора добавлено: «Назначение срока для уплаты долга». В док. № 55 (АВК, т. XXI) в оригинале: «Оповедание владыка пани Казновской на тивуна пана Юрья Волчквича о покосень сеножатей». От редактора «Жалоба Казновской на Волчквича за совершение самовольного покоса на ее лугах» и т. д.

ционная запись» (№ 64), «Контумационный декрет» (№ 26), «изрекательная запись» (№ 158)²⁰⁶. Такие заголовки заставляют читателя обращаться к словарям, чтобы уяснить, в чем суть этих мудреных названий. Все они встречаются в тех томах, которые редактировал Снитко.

Еще более разнообразны заголовки в т. I Актов, где встречаются такие названия, как «милующая грамота» (помилование, стр. 198), «отказная или изрекательная запись» (передача имущества по наследству, стр. 10), и т. д.

Очень часто в заголовках изменены названия различных разрядов населения. С. Шолкович, например, как в предисловиях, так и в заголовках обычно слово «шляхтич» заменяет словом «дворянин», а между тем в Великом княжестве Литовском шляхтичем назывался всякий, принадлежавший к классу феодалов, тогда как дворяне были лишь те из шляхты, кто служил при великокняжеском или магнатском дворах. В т. XXIV Актов во всех случаях, когда в источнике говорится о шляхте или землях, в заголовке они называются боярами. Для XVI в. это верно, поскольку в то время низшая прослойка феодалов обычно называлась бояре-шляхта, но позже, в XVII—XVIII вв., феодалов стали называть только шляхтой, тогда как бояре перешли в разряд феодально зависимого населения, т. е. между боярами и шляхтой получилась огромная разница. Неодинаковым было также положение и земель бояр.

Произвольно заменялись и другие термины. Например, в т. XXIV слово оригинала «дворище» заменено словом «усадьба», хотя это совершенно различные понятия. Дворищем в Белорусском и Украинском Полесье называлось крестьянское хозяйство, объединявшее несколько семей, а слово «усадьба» в актах Великого княжества Литовского вообще не встречается.

В инвентарях хорошо оформленные заголовки имеются в т. XIV АВК, но и там они часто не соответствуют ни содержанию документа, ни заголовку оригинала. Например, в одном случае редакция дала такой заголовок: «Инвентарь имения Раклишки Лидского повета, принадлежащего Ивану Глебовичу» (стр. 312), тогда как в самом инвентаре (даем в переводе) написано: «Регестр волочной померы, а также установления платежей и прочих повинностей на подданных имения Раклишского». В этом случае издатели опустили тот важнейший момент, что инвентарь составлен в связи с проведением в имении волочной померы.

²⁰⁶ Слово «консенс» означает согласие или разрешение. «Реверсальная запись» — это письменное обязательство или просто расписка. «Ремиссионный декрет» означает отсрочку в решении судебного дела. «Угодливо-квитационная запись» — акт о соглашении, причем выдается подписка, что сторона отказывается от претензий (угода — согласие). «Изрекательная запись» — мировая. Ни одного из этих терминов Снитко ни в предисловии, ни в подстрочных примечаниях не объяснил.

В другом случае читаем: «Инвентарь имения Титовяны в Минском повете» (стр. 365), а в оригинале это владение называется «волость Титовская» (центром ее, очевидно, был современный поселок Цитва). Так как в том же томе имеются два инвентаря имения, которое действительно называлось Титовяны и находилось в Литве, то есть опасность, что исследователь может спутать, приняв два селения за одно.

В оригинале заголовка инвентаря имения Менницы (Полоцкое воеводство) сказано, что оно передается жене владельца, при публикации же в заголовке эта деталь опущена (стр. 153) и т. д.

При публикации источников дается справка, где находится оригинал издаваемого документа. Поскольку Виленская комиссия публиковала главным образом материалы Виленского центрального Архива, но в самих легендах об этом обычно не говорится, а упоминается лишь в предисловиях. В самих же легендах называются учреждение, оставившее документы, годы, за какие помещены в книге документы, номер этой книги и листы («Из актов книги Главного литовского трибунала за 1728 г.», № 81, л. 107—110; «Из актов книги Пинского городского суда за 1742—1743 гг.», № 13 063, лл. 115-1, 115-16». АВК, т. XXIV, стр. 13, 125). Во многих случаях, если документы следуют один за другим из одной и той же книги, то написано еще более кратко: «то же за 1631, № 14 456, л. 39» (АВК, т. XXIV, стр. 22). В тех случаях, когда публиковались полностью книги какого-либо учреждения («Акты Гродненского земского суда», АВК, т. XVII; «Акты Трокского подкормского суда». АВК, т. XXX), ссылки на эти книги даны лишь на заглавном листе и даже не отмечено, на каком листе оригинала находятся публикуемые документы.

Однако в первых томах Актов легенды были еще короче, так как книги не были пронумерованы. Например, в т. I Актов (в котором помещены акты Гродненского земского суда) легенды имели такой вид: «Из актов книги за 1585—1586 гг., л. 92, 107».

Гораздо реже публиковались документы из рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. В таком случае отмечался зал, шкаф, полка, номер рукописи и листы. (Акт. Вил. публичн. библиотеки, зал Б, шк. 20, № 123, АВК, т. XXIV, стр. 67). Как правило, в легенде нигде не отмечен переход с листа на лист, а только в целом: от такого до такого.

В относительно редких случаях Комиссия перепечатывала опубликованные ранее документы, в частности указы правительства, помещенные в Полном собрании законов Российской империи. Особенно много таких документов в т. XVI Актов, в котором собраны законы, касающиеся унии. Там редактор поместил лишь номера указов, не оговорив ни тома, ни из какого соб-

рания взяты эти указы (напечатаны из первого и второго собраний).

Утверждая постоянно действующее положение, министр народного просвещения установил, что в изданиях Комиссии должны быть указатели, не оговорив, однако, какие. С этого времени (начиная с т. VI Актюв и выходявших параллельно с ними несерийных изданий) и появились указатели; именной, географический и предметный (предметный не везде; нет его, например, в т. XXIV Актюв). Никаких правил и здесь не было, и поэтому указатели так же индивидуальны, как и все остальные элементы в изданиях Комиссии.

За очень редким исключением, указатели даны только на русском языке независимо от того, на каком языке написан источник. Даже в том случае, если документ написан по-белорусски, составитель указателя видоизменял написание фамилий, имен или географических названий применительно к русскому произношению, не говоря о тех случаях, когда документы написаны на польском, латинском или каком-либо еще языке. Лишь в отдельных томах (X, XXXIII) в указателях встречаются фамилии или названия предметов на языке оригинала. Указатели, в особенности именные, неполны. В источниках встречается огромное число имен и фамилий. Особенно много их в таких изданиях, как «Писцовые книги» и «Ревизии», потому что там перечисляются все дворохозяева городов и сел целых княжеств или экономий. Редакторы считали слишком обременительным вносить все эти фамилии в указатели, а возможно, находили и ненужным перечислять всех упоминаемых в источнике крестьян и мещан. В результате в указатели попали фамилии лишь тех, кто чем-либо выделялся из общей массы, т. е. не числился среди лиц, за которыми записывались земельные участки в деревнях и городах, причем и в этом смысле правила тоже не было: попасть или не попасть в указатель целиком зависело от расположения составителя.

Давая в указателях географические названия, имена и фамилии только по-русски, составители их поставили себе очень трудную задачу — обязались правильно передать все это в русском произношении, а чтобы сделать это, они должны были не только хорошо знать белорусский язык, но также и правила, по которым в белорусском языке образуются географические названия. Еще более сложной становится эта задача, когда приходится делать указатели к текстам, писанным по-польски, так как в подобных источниках белорусские названия переданы в польском произношении, т. е. они в какой-то мере отличаются от белорусских. Работники Комиссии в этом случае поступали по-разному, но чаще всего они переписывали кириллицей то, что было написано по-польски. В результате этого создается впечатление, что в Белоруссии имелись тысячи населенных пунктов, рек и урочищ с польскими названиями. Поскольку все это сделано членами Комиссии,

которые пылали прямо-таки средневековой ненавистью ко всему «латино-польскому», то это имело бы характер курьеза, если бы указатели не уродовали так капитально топонимику Белоруссии. Впрочем, возможно и то, что работники Комиссии посредством различных «страшных» слов выражали не столько свою ненависть к полякам, сколько надежду, что это заметит начальство и должным образом вознаградит.

Искажения географических названий чаще всего происходят в тех словах, которые оканчиваются на «щина»: Марковщина, Мильковщина (в белорусском произношении Маркаушчына, Мількоушчына, ПКГЭ, ч. II, стр. 3, 121); Пашковщина, Москалевщина²⁰⁷ (в белорусском произношении Пашкоушчына, Маскалеўшчына. АВК, т. XXV, стр. 585, 589 и т. д.). Во всех подобных случаях при произношении по-белорусски или по-русски ударение ставится на третьем или четвертом слоге от конца, в польском же произношении ударение (как и вообще в польском языке) ставится на втором от конца слоге, причем между последним и предпоследним слогом добавляется буква «з», т. е. указанные названия произносятся как Марковщ^ызна, Мильковщ^ызна (Markow-szczuzna, Milkowszczuzna), Пашковщ^ызна и т. д. С буквой «з» напечатана в изданиях Комиссии масса названий, и в документах, писанных по-белорусски, и сейчас не ясно — было ли действительно так в источнике или же это «поправки», сделанные сотрудниками Комиссии²⁰⁸.

Не ясно было работникам Комиссии, как следует переводить и другие названия, встречающиеся в польских текстах, и поэтому их давали в польском произношении («Дывин» вместо «Дивин») или же изменяли, но никаких правил, в этом смысле у них не было. Так, в польском тексте деревня называется Белочине, а в указателе Белотине; в оригинале Белановщина, а в переводе Беляновщина (ПКПС, стр. 300—301, 320, 321). Почему было решено, что переводить следует так, а не оставить как было в оригинале, не известно.

В польском языке слова, в которых встречаются звук «р», принимают шипящий оттенок, а так как шипящие в польском языке не бывают мягкими, то слово «Поречье» (по-белорусски

²⁰⁷ Названия подобного рода показывают, что эта местность, населенный пункт, урочище и т. д. принадлежали или были каким-то образом связаны с лицами, называвшимися Марка (т. е. Марк), Милько, Пашко. Название «Москалевщина», очевидно, возникло потому, что там жили «москали», т. е. русские.

²⁰⁸ Справедливо указывая на ряд нелепостей, допущенных составителями указателей или переводчиками Комиссии (название «Щегельня» передано как «кирпичный завод», а «Паперня» — как «бумажная фабрика», т. е. названия даны не в буквальном звучании, а в переводе), Меницкий требует, чтобы названия с окончанием на «щина» писались в польском произношении (*R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna*, стр. 202, 203). Отстаивая это требование, Меницкий (как обычно) исходил из того положения, что Белоруссия была польской провинцией.

«Парэчка»); по-польски произносится как «Пожэчэ» (Pozecze). Звук «ё» в польском языке передается буквами «ио», и поэтому название «Озёра» звучит как «Езиора». При таком положении многочисленные в Белоруссии названия, как «Озеро», «Озерище», «Озерное лесничество» (по белорусски «Азэра», «Азярышча», «Азерскае лясництва») переданы в указателях как «Езёро», «Езёры», «Езерище», «Езерское лесничество» и т. д. (ПКГЭ, ч. I, стр. 61, 108, 216; ч. II, стр. 180 и т. д.)²⁰⁹.

Зная, как пишутся названия по-польски, во всех указанных случаях легко восстановить, как они должны быть написаны по-русски; нетрудно также определить, что, например, «Клечк» (ПКПС, стр. 3) означает «Клецк» (городок в Западной Белоруссии), но в ряде случаев действительное название населенных пунктов так и остается неясным. Например, в «Писцовой книге бывш. Пинского староства» (ч. II, стр. 322, 323) упоминается деревня «Налешки», которая в переводе названа «Налеске».

В некоторых случаях переводы составителя указателя имеют совсем странный характер. Например, в указатель к «Писцовой книге бывш. Пинского староства» попало урочище «Буслово гнездо». К этому месту составитель дал в скобках примечание, что «буслово» значит «аистово» (по-белорусски аист — «бўсел»). Если бы придерживаться такого правила везде, то при составлении указателей по Литве пришлось бы сделать тысячи примечаний, так как осмысленно звучащие названия по-литовски теряют смысл для всех, не знающих этого языка.

При передаче имен и фамилий у издателей тоже не было определенного правила. В польском и белорусском языках фамилии мужчины, его жены, дочери и сына передаются по-разному. Например, по-польски жена Ходкевича называется Ходкевичова, жена Киселя — Киселёва, жена Курча — Курчова и т. д. Дочь Ходкевича по-польски называется Ходкевичовна, а по-белорусски — Хадкевичанка и т. д. При передаче женских фамилий работники Комиссии, как правило, шли за оригиналом, но так как в польских текстах местами такие имена передавались по-белорусски, то при переводе получилась не Сапегова, а Сапегина, не Громыкувна, а Грамычанка или Сапеганка и т. д. (ПКГЭ, ч. II, стр. 166, 309).

В издании «Писцовая книга бывш. Пинского староства», где весь текст дан с переводом на русский, переведены и те тысячи имен, которые там встречаются, причем переводчик (Шолкович) старался дать имена так, как они звучат в святцах православной церкви. Такой метод, не говоря о том, что он искажает источник, местами просто непонятен. Если Федька и Ходор переведены как Федор, то это вполне можно принять, но действи-

²⁰⁹ Название «Озерище», «Броварище» и подобные показывают, что эта местность находится у чего-то: у озера, у бровара (винокуренного завода) и т. д.

тельно ли Клис означает Климент и как следует понимать имя Ораб, которое переведено как Орабь (ПКПС, ч. II, стр. 146, 147)?

В польских источниках XVI—XVII вв. обычно путаются звуки «ж» и «з», так как над буквой «з» (z) значок (точку), указывающий, что эта буква читается иначе (ж), не ставили. В 1530 г. князь Юрий Олелькович Слуцкий наделил боярина Заврида участком земли (АВК, т. XXIV, стр. 85). Эту фамилию редактор внес в заголовок документа и в указатель, а между тем нет сомнения, что это не Заврид, а Жаврид — фамилия, широко распространенная около Слуцка.

Таким образом, при пользовании указателями, географическим и именным, исследователям необходимо проверять как географические названия, так и имена.

Наиболее, однако, произвольно составлялись указатели предметные (которые имеются не везде). Какими принципами пользовались издатели, отбирая слова для этого указателя, сказать трудно, всего вероятнее, это происходило случайно. Безусловным же является то, что при составлении каждого нового словаря опыт предыдущих томов не учитывался, так как одни и те же слова, помещенные в указателях к разным томам, объяснены по-разному. Сам принцип предметного указателя понимался редакторами отдельных томов неодинаково. Так, в т. XXXIII (предисловие Д. И. Довгялло) слова приводятся без объяснений, тогда как в большинстве других томов термины имеют объяснение. В последнем случае предметный указатель имеет значение толкового словаря и представляет большую ценность. В этих «словарях» составители, дав массу правильных объяснений, местами проявили незнакомство с самыми обыденными, бытовыми предметами. Слово «кубел», например, переведено (АВК, т. XIV) как «чан» или «ковш». Но разница между чаном и ковшом (в бытовом отношении) так велика, что спутать их невозможно. Вообще же в белорусском языке кублом назывался бочонок или ушат для хранения одежды (а также сала, т. е. шпига). Слово «гўнька» переводно как «ковер» (АВК, т. XX, стр. 568), а на самом деле гунька (или гонька) — это грубая ткань (рядно). Слово «пивница» в том же томе переведено как «питейный дом», в действительности это погреб.

Полную несостоятельность проявил составитель указателя к т. XXV Актон (предисловие Ю. Ф. Крачковского), когда объясняет, что такое «волока» и «морг». Волокой в Белоруссии и Литве называлась земельная мера размером в 21,3 га, а моргом — мера, равная $\frac{1}{30}$ волоки. В указателе же говорится, что волока — это мера длины в 10 моргов, а морг — тоже мера длины. Слово «оселица» в том же словаре переведено как «луг в огороде или вблизи села». Вблизи села это верно, но «луг в огороде»? В т. XXXV слово (предисловие А. Турцевича) «кобета» переведено как «работный на панцізне женский пол», а между тем кобета — это замужня женщина. Обращает на себя внимание и то,

что барщина названа не белорусским словом «пáнщина», а польским — «панщiзна».

Неверно объяснен и ряд других (не бытовых) терминов. В т. XXXV Акт^{ов}, например, слова «гиберна», «пожерновщина» и ряд других переводятся одним и тем же словом «дань». А между тем «гиберной» называлась подать, следуемая с населения государственных имений на содержание армий, а «пожерновщина» — подать за помол в пользу феодала. Слово же «дань» означает (в переводе на современный язык) продуктовую ренту, вносимую феодалу зерном, грибами, ягодами и т. д.

В качестве курьеза можно привести объяснение к слову «перник», помещенному в т. XX Акт^{ов}. Оно переведено как «пернач,— род булавы» (т. е. знак власти полковников), а на самом деле «перник» по-белорусски означает «пряник» (в тексте сказано, что на рынке три перника стоили «полчетверта гроша»). Составителю указателя (возможно, Крачковскому, поскольку этот том составлен был им, им же подписано и предисловие) не показались странными ни удивительно низкая цена на перначи, ни то, что знаки власти запросто продаются на рынке. Таким образом работники комиссии плохо знали прошлое и настоящее Белоруссии, ее язык и обычаи, хотя почти все они были уроженцами этой страны.

Многие из интеллигентов Белоруссии, получив образование и уйдя из деревни, начинали считать народ свой темной массой, а его язык таким неправильным и некрасивым, что старались как можно скорее забыть его, в чем и преуспевали.

Работники Комиссии в протоколах заседаний, в предисловиях к своим изданиям, в отдельных статьях, многократно подчеркивали значение публикуемых ими материалов для изучения языка, который они называли русским, западнорусским, а в последние годы существования Комиссии — белорусским. Естественно, что если Комиссия издала 49 объемистых томов документов, датированных началом XV — началом XIX в. на языках оригинала, то публикации эти должны представлять огромный интерес, притом не только для языка белорусского, но и для всех остальных, на каких документы изданы. Однако, учитывая отсутствие правил при переводах текстов в изданиях Виленской комиссии, пользоваться ими при изучении языков следует крайне осторожно. Предосторожность эта необходима не только потому, что издатели подгоняли белорусские тексты под правила русской грамматики, но и из-за неисчислимых опечаток в изданиях Комиссии, и если в некоторых случаях опечатки не имеют решающего значения, то для филологов этого сказать нельзя.

При всем примитивизме издания Виленской комиссии иногда выгодно отличались от подобных, вышедших в то же время в Вильно — и прежде всего тем, что Комиссия печатала документы в полном объеме, тогда как, например, в «Археографическом сборнике» текст печатался иногда с огромными сокращениями.

Как отмечалось, Комиссия была создана для пропагандирования идеи о том, что Великое княжество Литовское являлось краем православным, «искони русским»; пропаганда эта должна была вестись путем публикации соответствующих документов. Такого рода деятельность могла быть эффективной лишь в том случае, если бы издания Комиссии нашли широкий сбыт, или если бы они были широко использованы для написания работ в духе, угодном правительству. Однако условия для этого были крайне неблагоприятны. В самой Белоруссии и Литве, т. е. в тех районах, где в первую очередь и должно было сказаться воздействие публикуемых материалов, в 60-е годы XIX в. грамотных было немного, притом же огромное большинство из них умело читать лишь по-польски. Но, если бы даже грамотность была развита неизмеримо шире, публикации Комиссии не могли проникать в широкие массы в силу специфичности содержания: в них материала; подобного рода изданиями даже и в наши дни интересуются лишь специалисты. Понимая это, работники Комиссии постарались продвинуть свою продукцию в Москву и Петербург. Том I Актов был сразу после выхода в свет послан в Москву книготорговцу Соловьеву, позже издания Комиссии пересылались книготорговцу Базунову в Петербург. Цена тома Актов первоначально была установлена 2 руб., затем 1 руб., однако и столичная публика проявляла к изданиям Виленской комиссии очень мало интереса. Базунов, получивший по 30 экз. томов I—III Актов, сообщал, что за период с 18 января 1869 по 18 сентября 1871 г. продал их на 25 руб.²¹⁰

Чтобы оживить продажу, Комиссия стала давать объявления в столичных газетах о выходе очередного издания, однако расходы на рекламу превосходили доход от продажи книг. В 1881 г. после выхода в свет «Писцової книги Гродненской экономии» реклама обошлась Комиссии в 41 руб. 89 коп.²¹¹, в 1886 г. подобная же реклама в связи с выходом т. XIII Актов стоила 73 руб. 83 коп.²¹², тогда как от продажи своих изданий Комиссия получила в 1870 г. 40 руб. 50 коп., а в 1906 г. — 75 руб. 70 коп.²¹³

Комиссия продавала едва ли больше 3—4% тиража (издания Комиссии выходили тиражом в 500 экз.), основной же формой сбыта была бесплатная рассылка в учебные заведения, научные общества и различным лицам — профессорам, митрополитам, архиепископам и т. д. Относительно немного книг посылалось за границу (в Смитсониевский институт, Уинсальский университет, Вен-

²¹⁰ ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 55, л. 29; д. 33, лл. 54, 55.

²¹¹ Там же, д. 178, лл. 32—35. Объявления давались в газеты: «Правительственный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости».

²¹² ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 199, л. 15.

²¹³ Там же, д. 49, л. 39; д. 234, л. 111.

скую академию наук, Чешский музей и некоторые другие)²¹⁴. Таким путем расходилось около 150 экз. каждого издания, остальное же оставалось на складах Комиссии, загромождая помещения (в 1906 г., например, на складе находилось 18 894 тома изданий Комиссии)²¹⁵. Бесплатная рассылка тоже стоила денег, тем более, что для императора и наследника издания Комиссии переплетались в бархат и давался золотой обрез, что стоило 8 руб. за книгу²¹⁶. Для других высокопоставленных лиц давался шагреновый переплет, тоже стоивший немало. Все это, впрочем, мало беспокоило работников Комиссии, так как они находились на государственном бюджете.

Спрос на издания Комиссии среди публики мало повысился и в последние предреволюционные годы, относительно мало пользовались ими дореволюционные исследователи истории Белоруссии, Литвы и вообще Великого княжества Литовского, предпочитающая проводить изыскания по материалам Литовской метрики²¹⁷.

Интерес к изданиям Комиссии резко повысился лишь после революции, когда появилось много новых высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, но к тому времени эти издания исчезли из продажи, очевидно, были уничтожены во время бурных событий, которые переживал г. Вильно начиная с лета 1914 г.

Важнейшая задача, поставленная перед Комиссией, т. е. публикация документов, в которых упоминались бы православные церкви и монастыри, была выполнена с большой полнотой, однако эффект от этого был слабый, так как работы, посвященные истории православной церкви в Белоруссии, или ее отдельным деятелям (митрополиту Семашко) были примитивны по содержанию, тусклы по форме и едва ли оказали какое-либо воздействие на состояние умов.

Совершенно иное положение создалось после революции, когда многочисленные исследователи стали широко использовать те же документы для изучения вопросов социально-экономических, культурных, политических, национальных и когда документы, касающиеся постройки церквей, пожертвований на них и т. д., стали материалом для научного изучения истории церкви или для антирелигиозной пропаганды. Таким образом, издания Комиссии дождались, наконец, широкого использования, хотя и в целях, противоположных тем, какие ей ставились.

Занимаясь в течение 50 лет историей Великого княжества

²¹⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 596, оп. 1, д. 199, л. 7; д. 182, лл. 19, 31.

²¹⁵ Там же, д. 199, л. 111.

²¹⁶ Там же, д. 96, л. 4.

²¹⁷ В издании «Торжественное собрание Виленской комиссии» (стр. 12) говорится, что Акты Комиссии использовались в своих трудах Е. Ф. Карский, П. Жукович, И. И. Лапо, М. В. Довнар-Запольский, М. К. Любавский, М. И. Ясинский и др. Однако основные работы этих ученых написаны не по Актам, а по Литовской метрике.

Литовского по первоисточникам, Комиссия так и не смогла выработать определенного взгляда на то, что это было за государство, каковы были его отношения с Польшей, какая была разница между Великим княжеством Литовским и Литвой как этнографической единицей и, наконец, каковы были отношения Литвы с Белоруссией. Господствующим было представление, что Литва была «искони русской землей», что Литва — это Западная Россия и даже что Литва — это Западнорусское государство²¹⁸. В то же время в работах Комиссии везде проскальзывает мысль, что Литва являлась частью Польши с 1385 г. — с Кревской²¹⁹ и тем более с Люблинской унии (1569 г.). Местами понятия «поляк» и «литовец» переплетались так, что невозможно определить, о ком идет речь²²⁰.

Уже упоминалось, что польская шляхетская и буржуазная историография считала Литву (Великое княжество Литовское) одной из провинций Польши. При таком положении смешение литовца (жителя одной из провинций Польши) с поляком естественно, но если Литва — «искони русская земля», то подобная замена необъяснима.

Считая Литву русской землей, работники Комиссии пытались представить ее как государство монолитное. Эта идея владела ими настолько, что они не приняли термина, который в последние десятилетия XIX — начала XX в. широко применяла буржуазная русская историография, «Литовско-Русское государство».

«АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ»

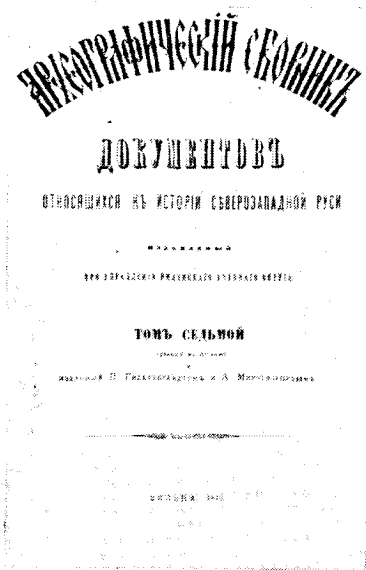
Вторая серия публикаций, выходившая в Вильно одновременно с Актами Археографической комиссии, называется «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа»; в течение 1867—1904 гг. вышло в свет 14 томов Сборника²²¹. Серия эта действительно имеет характер сборников, так как отдельные тома объединяет лишь общее название и даже формат чуть ли не всех томов различен.

²¹⁸ М. Н. Ясинский. Обзор последних изданий Виленской археографической комиссии. Киев, 1893, стр. 6, 7.

²¹⁹ ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 234, л. 85.

²²⁰ В «Отчете Виленской археографической комиссии за 1907 г.» сказано, что литовскому дворянству была дана очень большая власть над крепостными, а в то же время отмечалось, что крестьян в Литве угнетали «польские пань» («Отчет». Вильна, 1908, стр. 88).

²²¹ Тома I—IV вышли в свет в 1867 г. (т. I, стр. X+411; т. II, стр. XV+Cl+27; т. III, стр. XVIII+365; т. IV, стр. XIII+366; т. V — в 1871 г. (стр. XVI+256+136); т. VI — в 1869 г. (стр. X+411); тома VII—IX — в 1870 г. (т. VII, стр. XXIV+376; т. VIII, стр. XIV+468; т. IX, стр. X+486); т. X — в 1874 г. (стр. VIII+392); т. XI — в 1890 г. (стр. XL+372); т. XII — в 1900 г. (стр. XLVI+230); т. XIII — в 1902 г. (стр. XXXVI+235); т. XIV — в 1904 г. (стр. LXI+229).

Обложка издания
«Археографический сборник
документов»

Для публикации серии не было создано комиссии, подобной Виленской археографической, не было поручено это дело и лицу, занимавшему определенный пост, как это было в Витебске (где публикацией источников ведал архивариус Центрального архива). Сборники готовили лица, для которых подборка документов и их издание были занятием побочным и в значительной мере случайным; труд их управление округа оплачивало по листажу²²².

Виднейшее участие в издании Сборника принял П. А. Гильтебрандт (о нем см. выше), работавший одно время заместителем архивариуса Виленского центрального архива, позже — заведующий отделом рукописей Виленской публичной библиотеки, а также преподаватель Виленской гимназии А. Л. Миротворцев. Значительным было участие в этом деле учителей Литовской православной семинарии в Вильно Ф. Г. Елеонского,

А. П. Демьяновича, О. В. Щербицкого и Ф. Смирнова. Том VIII был подготовлен к печати преподавателями Ковенской гимназии Л. Ф. Лукашевичем, Ю. С. Чеховичем и инспектором народных училищ той же губернии Д. Ф. Кашириным²²³. В издании последних томов, вышедших на рубеже XIX и XX столетий, участвовали сотрудники Виленской археографической комиссии Ю. Ф. Крачковский и Д. И. Довгялло, написавшие предисловия к томам XII—XIV Сборника, а также Ф. Н. Добрянский и И. Я. Спрогис (последний составил сводный указатель к I—XIII томам Сборника). В своих предисловиях к томам XII и XIII Ю. Ф. Крачковский утверждает, что изданием т. XII ведала

²²² Управление округа платило членам Комиссии при составлении Сборника по 30 руб. за печатный лист (*R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Wilnie, str. 120*).

²²³ М. О. Коялович, очень внимательно следивший за всеми событиями, происходившими в Белоруссии и Литве, в своей рецензии на первые четыре тома Сборника писал, что «археографический труд (в Вильно.— Н. У.) в строгом научном смысле пал главным образом на учебный состав средних учебных заведений Северо-Западного края, и притом большей частью на людей новоприехавших», т. е. плохо знавших обстановку в этом крае (*ЖМНП, 1868, ч. 140, стр. 224*).

Виленская археографическая комиссия, а т. XIII — Комиссия по устройству Виленской публичной библиотеки²²⁴. Значит ли это, что сотрудники комиссий ограничились наблюдением за печатанием названных томов или же они готовили к изданию и текст — неясно. Судя по тому, что никакие другие фамилии не упоминались, можно думать, что эти тома подготовили к изданию сотрудники комиссий.

Что касается разыскания материалов, которые позже были помещены в Сборниках, то кроме перечисленных выше лиц в этом участвовали еще архивариус Витебского центрального архива А. М. Сазонов, учитель Виленской гимназии Н. И. Соколов, А. В. Рачинский, полоцкий благочинный Юркевич и туровский благочинный С. Лисицкий, И. Н. Гижевский, инспектор народных училищ Гродненской губ. Ставрович, штатный смотритель Дисненского уездного училища (Виленская губ.) Серно-Соловьевич. Копии нескольких документов, напечатанных в т. III, были доставлены Круповичем и Кулаковским²²⁵. Были и еще лица, приславшие материалы, фамилии которых, однако, не упомянуты в предисловиях. Так, в т. I опубликован ряд грамот, хранившихся в архивах витебской Богоявленской церкви и витебского Успенского собора, но указаний, кто их прислал, нет; очевидно, это сделал А. М. Сазонов, доставивший для Сборника массу материалов. В т. III помещен док. № 71, доставленный священником смиловичской Успенской церкви (Минский у.), фамилия которого тоже не названа.

В сборе материалов для серии принял участие и попечитель округа И. П. Корнилов, по инициативе и при финансовой поддержке которого и начал издаваться Сборник²²⁶. В общем же подготовка и издание серии производились главным образом учителями средних учебных заведений — гимназий и духовной семинарии Вильно и в гораздо меньшей степени Ковно. Все они занимались этим между делом и, издав один-два тома, прекращали работу навсегда. Длительное, вернее пожизненное, участие в археографической работе принимал один Гильтебрандт.

²²⁴ «Археографический сборник документов» (далее: АСД), т. XII, стр. XLVII; т. XIII, стр. XXXVI. Однако А. А. Миловидов сообщает, что тома XII—XIV «редактированы и изданы были исключительно членами Библиотечной комиссии» (см.: А. А. Миловидов. Из истории Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1911, стр. 69). Библиотечной комиссией назывался совет из пяти человек, который руководил деятельностью библиотеки. Членами Библиотечной комиссии являлись Крачковский, Добрянский и Довгялло, они же были и членами Археографической комиссии. При таком положении спутать деятельность сотрудников обеих комиссий нетрудно, и поэтому следует отдать предпочтение версии Крачковского как человека, стоявшего к этому делу гораздо ближе, чем Миловидов, т. е. что изданием т. XII АСД ведала Археографическая комиссия, а XIII — Библиотечная.

²²⁵ АСД, т. III, стр. 2, 5, 19.

²²⁶ Кроме 14 томов Сборника при управлении попечителя округа (не говоря о чисто ведомственных изданиях) были напечатаны еще «Достоприме-

Началу работ над публикацией Сборника предшествовали весьма интенсивные поиски в пределах Белоруссии и Литвы, давшие богатые результаты. В течение 1864—1866 гг. управление округа организовало своего рода археографические экспедиции, в результате которых в Турове было найдено (Н. И. Соколовым) евангелие XI в., получившее название «Туровское евангелие»²²⁷. Командированный в Витебскую и Могилевскую губернии А. В. Рачинский обнаружил и затем доставил в Вильню летопись, названную летописью Авраамки. Он же нашел (вторично) в Гродненской губ. утерянную было Супрасльскую летопись и ряд других ценнейших источников²²⁸.

В 1867 г. экспедиция в составе Гильтебрандта и Миротворцева была направлена в Несвиж, «столицу» Радзивиллов (Минская губ.), с целью ознакомления с находившимся там архивом и отбора материалов для публикации²²⁹. В те же годы был опи-

чательности Северо-Западной Руси», вып. I. Вильна, 1867; «Туровское евангелие XI века» (хромолитография, напечатана в Петербурге в 1868 г.); «Словарь древнего актового языка Н. Горбачевского». Вильна, 1874.

²²⁷ М. О. Коялович. Рец. на тома I—IV Сборника. ЖМНП, 1868, № 10, стр. 225. Это евангелие было доставлено в Вильню в Публичную библиотеку.

²²⁸ М. О. Коялович. Указ. соч.; Ю. Ф. Крачковский. Иван Петрович Корнилов. Вильна, 1901. Отд. оттиск из Виленского календаря на 1902 г., стр. 15.

²²⁹ Очевидно, решение послать Гильтебрандта и Миротворцева в Несвиж возникло под воздействием Записки М. О. Кояловича, полученной в Вильню в начале 1865 г. В этой Записке Коялович, излагая свои взгляды на задачи русской клерикально-монархической исторической науки в отношении Белоруссии и Литвы («всем теперь ясны общие задачи, которые предстоят на этом поприще русской науки,— это выяснить положение русского и литовского элемента в Западной России и их отношения к элементу польскому») указывает на крайнюю бедность источников, освещающих ранний период истории Белоруссии и Литвы. Сообщая, что «в настоящее время имеется несколько новых летописных сказаний на белорусском наречии» и что совсем недавно найдены новые белорусские летописи в Варшаве и Полоцке (очевидно, Красинского и Авраамки.— Н. У.), Коялович призывал издать их «с вариантами из других экземпляров и сказаниями из немецких и польских летописей». Затем он рекомендует издать так же Литовский статут, отдельные акты из *Volumina legum* и т. д. Но особенное внимание рекомендовал обратить на те источники, которые освещают жизнь народа, так как до сих пор изучалась лишь «шляхетская история», тогда как «история народа Западной России, за исключением казачества, остается в неизвестности». Далее Коялович пишет, что, разыскивая материалы по истории отношений литовского государства с Польшей, он нашел в императорской Публичной библиотеке (в Петербурге) «каталог списков рукописей, имевшихся у одного польского ученого». По этому каталогу все важнейшие акты, нужные именно для объяснения отношений Литовского княжества к Польше, находятся в известном богатом собрании западнорусских памятников— Несвижском, принадлежащем ныне князьям Радзивиллам. Собрание это, по моему мнению, должно обратиться на себя особенное внимание Комиссии (Виленской археографической.— Н. У.). По указанию одного памятника, открытого мной еще в 50-е годы и потом напечатанного в бывшем Виленском археологическом обществе, собрание это было до половины XVI в. государственным достоянием

сан и частично издан архив Радзивиллов, находившийся в Кейданах (ряд документов этого архива опубликован в т. VIII Сборника).

Сбором старопечатных книг, изданных в Белоруссии и Литве, а также рукописей занимались директор училищ Минской губ. Зессель, инспектор народных училищ той же губернии Янучков, инспектор народных училищ Гродненской губ. Ставорвич, смотритель Кобринского училища Бецкий и Олонцов. В течение нескольких лет они обнаружили «около 100 рукописей и печатных книг». Можно предполагать, что результаты сборов были бы гораздо более значительными, если бы собирали все, независимо от того, на каком языке книги напечатаны или написаны.

Однако собирались лишь книги и рукописи кирилличные²³⁰, а печатные и писанные латинским шрифтом игнорировались. Как было сказано выше, тома выходили в свет неравномерно. Это говорит о том, что публикация находилась в зависимости от причин случайных, в данном случае — от благорасположения попечителя округа.

Из предисловия к т. I Сборника (оно, видимо, выражало взгляды тогдашнего попечителя округа И. П. Корнилова) следует, что Виленская археографическая комиссия была создана для издания исключительно материалов, хранившихся в Виленском центральном архиве. Но из-за того, что в Вильно, в частности в Публичной библиотеке, а также в других учреждениях города и у частных лиц, да и вообще по всей Белоруссии и Литве (Западной Руси), имелось множество разнообразных документов, было решено организовать их публикацию дополнительно к серии, издаваемой Виленской комиссией²³¹. Вполне естествен-

актов Литовского княжества и в это время отдано Сигизмундом-Августом на хранение дому Радзивиллов, с которым породнился этот государь» (ЦГИА Лит.ССР, ф. 596, оп. 1, д. 7, лл. 15—16). Записка представляет собой копию, на которой нет подписи, и переписчик не указал, кто ее написал, но сказано, что ее автор был членом «нашей» комиссии (согласно контексту императорской Археографической комиссии, поскольку говорится еще о двух комиссиях — Киевской и Виленской). Еще более ясным становится это из того места Записки, где говорится, что Комиссия поручила автору издание дневника Люблинского сейма 1569 г. (этот дневник Коялович издал в 1869 г.). Записка без даты, но она находится среди бумаг Виленской археографической комиссии начала 1865 г., что и послужило основанием для ее датирования началом того же года.

²³⁰ Ю. Ф. Крачковский. Иван Петрович Корнилов, стр. 15, 16.

²³¹ В какой мере это зависело от попечителя округа, показывает история с изданием Сборников. Согласно объявлению, помещенному на обложках первых томов, вышедших в 1867 или в начале 1868 г., в ведомстве попечителя Виленского округа печаталось и готовилось к печати 13 томов различных изданий, в том числе 11 томов Сборника. Из них при Корнилове, который ушел с поста попечителя 13 марта 1868 г., было издано (или находилось в печати) четыре тома Сборника и Туровское евангелие (литография), при преемнике Корнилова — П. Н. Батюшкове вышел один том Сборника (1869 г.) и, наконец, при последующем попечителе — Н. А. Сергиевском, который занимал этот пост с 24 октября 1869 г. по

но, что и в новой серии должны были публиковаться акты, доказывающие, что Великое княжество Литовское было краем русским и православным, и издавать в первую очередь документы по истории православной церкви. Поэтому объяснение, данное в предисловии, не представляется убедительным, поскольку в Актах печаталось немало материалов и из Публичной библиотеки. Всего вероятнее, что Корнилова, проводившего чрезвычайно интенсивную руссификаторскую политику, не устраивали темпы работы Комиссии, издавшей за три года два тома документов. Ускорить работу Комиссии было невозможно, поскольку она имела твердый бюджет и была обязана в год издавать по одному тому, между тем как подобранные Корниловым работники за пару лет подготовили к печати серию томов. Придавая явно преувеличенное пропагандистское значение этим публикациям, Корнилов торопился издавать как можно больше документов, доказывающих наличие в Белоруссии и Литве массы православных церквей и монастырей.

Объем публикации, намеченных Корниловым, показан в предисловиях к различным томам Сборника по-разному, что опять-

25 июня 1900 г. были изданы тома VII—XII (1870—1890 гг.), целиком или частично приготовленные к печати еще при Корнилове. Судя по тому, что т. XI издал О. В. Щербицкий, участвовавший в этой работе при Корнилове (он подготовил вместе с Демьяновичем т. V Сборника), можно думать, что рукопись т. XI пролежала без движения около 20 лет, что дальнейшая археографическая работа при Сергиевском прекратилась и возобновилась лишь после прихода нового пошечителя — В. А. Попова, при котором и были изданы три последних тома.

А между тем Сергиевский по своим убеждениям ничем не отличался от Корнилова и Ватюшкова, т. е. главной целью обучения считал привитие учащимся религиозно-монархических взглядов, и был таким же руссификатором, как и они. Анонимный биограф Сергиевского писал, что «все образование юношества Н. А. Сергиевским было ведено в строго патриотическом направлении, в духе тех начал, которые монаршею волею положены в основу законоположений, действующих в школах Северо-Западного края в целях прочного соединения этого края России с ее государственным центром. Принципиальная сторона дела была настолько тверда, что в течение всего тридцатилетнего периода управления Сергиевским Виленским учебным округом в деле образования не было решительно никаких колебаний, хотя бы с малейшим желанием угодить или приноровиться к течениям и духу времени, с желанием списать дешевую популяризм, заслужить скороспелую любовь». Чтобы относительно изображаемого им героя у читателя сложилось самое лестное представление, анонимный автор добавил еще, что сразу после своего приезда Сергиевский внушал учителям истории (а те должны были эти внушения передать своим ученикам), что «возрождением к новой жизни народная масса (т. е. крестьяне Белоруссии и Литвы.— Н. У.) исключительно обязана русской верховной власти» и что «на преподавание закона божия в школах обращалось и обращается самое серьезное внимание» («Действительный тайный советник Н. А. Сергиевский». «Виленский календарь на 1900 г.», Вильна, 1899, стр. 176—177, 185, 187). Объяснить, почему Сергиевский оказался таким индифферентным относительно издания Сборников, можно, видимо, тем, что он разошелся с Корниловым в понимании эффективности публикации документов в деле пропаганды.

таким образом указывает на крайнюю неопределенность издания этой серии. Так, из предисловия к т. IV, написанному П. А. Гильдебрандтом, следует, что Корнилов поручил Гильдебрандту, Елеонскому и Миротворцеву издать четыре тома, но так как подобранный материал не вошел в четыре тома, то было решено издать еще пятый, дополнительный (последнее слово в предисловии Гильдебрандта подчеркнуто, стр. III). Гильдебрандт писал эти слова тогда, когда Корнилов уже не был попечителем и когда Гильдебрандту, возможно, казалось, что новые попечители едва ли будут продолжать дело, начатое Корниловым. Но в то же время в предисловии к т. I Сборника говорится, что первый том «уже отпечатан», остальные три печатаются и что «независимо от этого печатается (курсив мой.— Н. У.) т. V сборника». Там же сообщалось, что в т. V будут помещены материалы «исключительно для истории церкви в Северо-Западной Руси» и что том печатается «под наблюдением наставников Литовской духовной семинарии Елеонского, Демьяновича и Смирнова». Далее сказано, что А. П. Демьянович «оканчивает приготовлением к изданию собрания документов, относящихся к истории Супрасльского и Коложского монастырей («сюда входит недавно найденный А. В. Рачинским Супрасльский летописный сборник»); т. I, стр. IV). В действительности же т. V Сборника вышел только через 4 года после этого (в 1871 г.), документы, касающиеся истории церкви, занимают в нем незначительное место, и изданием его заведовали учителя Литовской семинарии О. Щербицкий и А. Демьянович (т. V, стр. XVI), а не указанные ранее лица.

Очевидно, за тот небольшой промежуток времени, который разделял выход в свет I и IV томов Сборника, в планах издателей произошли значительные изменения, что можно поставить в связь с уходом с поста попечителя округа Корнилова. Том V, который печатался в 1876 г., был задержан, и содержание его изменено, в связи с чем изменился и состав лиц, готовивших его к печати (из прежнего состава остался один Демьянович). В объявлении, помещенном на обложке т. IV, в полном соответствии с предисловием к тому же тому (стр. III) сообщается, что т. V «приготавливается к печати», тогда как в предисловии к т. I (см. стр. IV) отмечалось, что он уже печатается. В то же время вопреки предисловию Гильдебрандта к т. IV (стр. III), в котором сказано, что выпуском т. V поручение, сделанное попечителем округа, «оканчивается», на обложке того же т. IV помещено объявление, в котором сообщалось, что печатаются тома V и VI (т. VI подготовлен к печати Я. А. Брафманом), подготовлены также к печати тома VIII—X и том «дополнительный». На самом деле, однако, «Книги кагала», приготовленные к печати Брафманом, вышли в Петербурге вне серии ²³², а т. VI оказался

²³² Я. А. Брафман издал в Петербурге две части «Книги кагала» (СПб., 1875, 1882). Часть документов, помещенных в этом издании, касается древнего

укомплектованным документами, касающимися истории православной церкви.

Огромные перерывы в издании последних томов происходили из-за того, что попечители не давали денег на их издание, но задержки на более короткие сроки происходили и по менее важным причинам. Так, т. VI печатался очень долго потому, что помещаемые в нем документы одновременно публиковались и в «Литовских епархиальных ведомостях»²³³, а так как в «Ведомостях» публиковать одновременно большое число документов было невозможно, то и Сборник, приравливаясь к темпам «Ведомостей», печатался больше 2 лет. Казалось бы, для чего было печатать одни и те же материалы в одно и то же время в двух изданиях, когда Сборники и без того никто не покупал и не интересовался ими? Это станет понятнее, если учесть, что Корнилов, отдававший такое распоряжение, был одержим идеей, будто бы посредством издания подобных документов он сможет воссоздать «правдивую историю Северо-Западной Руси».

Основная масса документов, опубликованных в Сборнике, заимствована из Рукописного отдела Виленской публичной библиотеки, но несколько томов полностью (или почти полностью) были укомплектованы материалами из других хранилищ. Так, т. VI заполнен почти исключительно документами, хранившимися в Литовской духовной семинарии в Вильно²³⁴, т. VII (за исключением нескольких документов из Рукописного отдела Виленской библиотеки) — материалом из Радзивилловского архива в Несвиже²³⁵, в т. VIII помещены документы из Кейданского архива Радзивиллов (Кейданы с 1812 г. принадлежали не Радзивиллам, а графам Чапским, у которых позже имение было конфисковано в казну в связи с тем, что его владелец примкнул к восстанию 1863 г.). В т. XII находятся документы, хранившиеся в Жировицком монастыре²³⁶. В ряде случаев редакторы сверяли копии документов, готовившихся к изданию, с активными книгами Виленского центрального архива, не оговаривая, однако, при этом, какого учреждения это были книги (см. т. XII, № 20, 21, 22 и др.). Ряд документов (касающихся епископа Кирилла Терлецкого) был взят из Политического отдела канцелярии вилен-

Израиля и не имеет никакого отношения к «истории Северо-Западной Руси», но большинство освещает жизнь евреев в Белоруссии, почти исключительно в Минской губернии. Все документы, писанные на еврейском языке, даны в переводе на русский.

²³³ «Ведомости», ничем не связанные относительно порядка следования и характера публикаций, помещали документы, не придерживаясь ни хронологического, ни тематического принципов. Следуя за «Ведомостями», редакторы т. VI Сборника печатали материалы в той же последовательности, в какой они были помещены в «Ведомостях», но в оглавлении все документы расположены в хронологическом порядке, в результате чего после № 4 следует № 123, за ним — № 7, № 6, № 5 и т. д.

²³⁴ АСД, т. VI, стр. III.

²³⁵ АСД, т. VII, стр. III—IX.

²³⁶ АСД т. XII, стр. IX.

ского генерал-губернатора²³⁷. Значительное число документов, в частности в т. I, было помещено из Витебского центрального архива. Во многих случаях местонахождение опубликованных документов неясно, так как называется лишь то лицо, которое прислало материалы, но не указано ни где источники были ранее, ни где находились в момент издания тома. Так, относительно док. № 7, помещенного в т. I (дарственная запись князя Константина Острожского Николаевской церкви в Смоленвцах), сказано лишь, что это «список», доставленный для издания «господином Ставровичем». О документах № 3 и 4 из того же тома отмечено, что они присланы из Турова священником С. Лосицким. Из текста легенды можно вынести заключение, что оба документа находились в то время в Турове, но прямо об этом не говорится. О док. № 8 сказано, что он «доставлен из Бельска».

О ряде документов (т. I, № 83, 85 и др.) сообщается, что их нашел «попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов в поездке по Могилевской губ. в 1866 г.» В других случаях добавляется, что эти документы в настоящее время находятся в рукописном отделе Виленской библиотеки. Исходя из этого можно предполагать, что все «найденные» Корниловым материалы (можно быть вполне уверенным, что Корнилов сам никаких изысканий во время своих поездок не предпринимал и что местные власти, ожидая приезда высокого начальства и зная, что оно интересуется документами, касающимися истории православной церкви, заранее отбирали и преподносили ему подобные материалы) попали в Виленскую библиотеку.

В т. II Сборника имеется немало документов, перепечатанных из «Могилевских губернских ведомостей», а также и неопубликованных, оставшихся после смерти редактора этих «Ведомостей» С. И. Соколова. Где находились оригиналы документов, опубликованных в «Ведомостях», а позже в Сборнике,— не отмечено, материалы же Соколова, всего вероятнее, были в рукописном отделе Виленской библиотеки.

Справки о местонахождении публикуемых документов (легенды) обычно предельно кратки. Отметив в одном-двух случаях, что документ находится в Рукописном отделе Виленской библиотеки, далее дается пометка: «Хранится там же» или еще проще: «Там же». В ряде случаев вообще нет никакой отметки, но и после этого дается справка: «Хранится там же». Почти во всех таких случаях следует понимать, что документ находится в Рукописном отделе Виленской библиотеки.

Давая предельно краткие сведения о местонахождении источников, редакторы Сборника делали по сравнению с Актами Виленской комиссии гораздо чаще примечания археографического порядка. Так, о док. № 29 (т. I) сказано, что он хранится в Богоявленском Кутенском монастыре и что он вписан в мона-

²³⁷ АСД, т. I, № 64, 70 и др.

стырском евангелии от Луки на чистом листе бумаги и «с титлами и сокращениями». О док. № 2 (т. I) сказано: «Из рукописи в лист, хранящейся в библиотеке Супрасльского монастыря и значащейся под № 4. Рукопись содержит списки Псалтири и некоторых других книг священного писания, сделанные с издания Скорины. Документ составляет позднейший список с первоначального проекта челобитной. Несколько сделанных в тексте пропусков переписчик надписал на стороне; здесь эти вставки внесены в текст». Однако отметок — какие из этих слов были с полей перенесены в текст — редакция не сделала. Есть и такие: «Писан на большом пергаминавом листе. Внизу большая королевская печать, обложенная жемчужью и прикрепленная шелковым шнуром» (т. III, док. № 63).

Почти всегда документы расположены в хронологическом порядке. Если же материалы разбиты на несколько разделов, то в каждом из них они опять-таки помещены по хронологическому принципу. При таком размещении материалы по одному и тому же делу не группируются в одном месте, а следуют один за другим по датам. В результате этого получается, что, например, в т. I док. № 45 представляет собой письмо Ивана Горноста к гетману Ходкевичу с просьбой заступиться за него против Радзивилла; № 46 — инвентарь имения Роского; № 47 — кабальная запись Андрея Петкевича, а № 48 — предписание оршанскому старосте Филону Кмитте явиться на московскую границу для встречи послов; три завещания епископа луцкого и острожского Кирилла Терлецкого, датированные 1595; 1598 и 1607 гг., помещены также в разных местах (док. № 64, 70, 76).

Все предисловия к Сборникам, за исключением помещенных в трех последних томах, очень краткие. Как и в Актах, в Сборнике из предисловий невозможно уяснить, ограничивалось ли участие их авторов в издании тома написанием предисловия или же они также подбирали материал и писали заголовки к документам и т. д. Нигде также не сказано, кто переводил документы. Как правило, в первых 11 томах серии больше всего места в предисловиях занимает классификация публикуемых документов, но как раз эта часть современному читателю не дает ничего. Все остальное — где находятся публикуемые материалы, каких правил придерживались редакторы и т. д. — изложено предельно кратко или же вообще обойдено молчанием.

Предисловия к трем последним томам написаны Ю. Ф. Крачковским (тома XII, XIII) и Д. И. Довгялло (т. XIV) и по своему характеру почти не отличаются от тех, которые писались ими же для Актов. Существенная разница заключается лишь в том, что предисловия к Сборнику несравнимо короче (самое пространное — Ю. Ф. Крачковского — 36 страниц).

Правила публикации текстов, которых придерживались издатели, изложены ими, кажется, только один раз — в предисловии к т. I Сборника, и притом очень кратко. «Относительно русского

правописания,— сказано там,— должно заметить следующее: было взято за правило — возможная близость к современному правописанию, со стороны так сказать буквенной, не касаясь звуковой: таким образом введено повсюду «ѣ», прописные буквы, знаки препинания, словосокращения раскрыты, предлоги отделены. В правописании польского текста было принято за правило держаться подлинника, что весьма важно при сравнении с современным польским правописанием» (стр. IX).

В основном это те же правила, которых придерживалась Виленская археографическая комиссия. Так же как редакторы Актов, редакторы Сборника считали белорусский язык наречием или поднаречием русского и поэтому старались передать белорусские тексты XVI—XVII вв. по правилам русской грамматики. В предисловии отмечена лишь замена повсюду буквой «ѣ» буквы «е», но, очевидно, (так же как и при издании Актов), «и» перед гласной заменялось буквой «і», а в конце слова, если оно заканчивалось твердой согласной, ставился «ъ». Из всех этих «поправок», вносимых редакторами, самой существенной была замена «е» на «ѣ».

Из документов, написанных латинскими буквами, в предисловии упоминаются лишь польские, хотя уже в первых томах Сборника есть много текстов на латинском, а в небольшом количестве — также на французском, немецком и итальянском языках. Очевидно, правила издания для этих языков были те же, что и для польского.

Однако правила, сформулированные Гильтебрандтом, Елеонским и Миротворцевым в самом начале их деятельности, не были обязательными не только для тех, кто издавал Сборники в конце XIX — начале XX в., но и для самих авторов правил. Так, в т. II, в док. № 92 и в т. VI к док. № 32 (стр. 46) есть приписка: «Копия, писанная польскими буквами», тогда как документ напечатан кириллицей. Видимо, это следует понимать так, что рукопись была написана латинскими буквами, но так как язык ее белорусский, то редакция сочла нужным передать ее кириллицей. В т. II Сборника есть некоторое число документов, перепечатанных из «Могилевских губернских ведомостей», причем во многих случаях документы эти (№ 25, 29, 55 и др.) изданы на русском языке даже без указания, на каком языке был написан оригинал, а в том случае, если они напечатаны на старом белорусском (док. № 1, 3 и др.), то нет никакой уверенности, что текст не был весьма значительно «исправлен» редакторами.

Не оговорена в правилах и возможность сокращений при издании документов, что встречается уже в т. III, когда в акте раздела Глуцкого (в Сборнике везде пишется «Глушского») имения были опущены перечисленные в оригинале фамилии 62 мещан — жителей этого города (см. стр. 39). То же делалось и позже, в особенности при издании больших по размерам инвентарей, где опущены имена и фамилии сотен крестьян и мещан. Со зна-

чительным сокращением были первоначально напечатаны Записки игумена Ореста (т. II), но после появления рецензии М. О. Кояловича пропущенные места были помещены в т. V²³⁸.

Публикуя «Описание Жмудской земли в 1554 г.» (т. VIII), редакция помещала не только те названия населенных пунктов, которые находились в основном тексте и были написаны по-белорусски, но и приписанные на полях в скобках по-польски, т. е. гораздо более поздние²³⁹. Из предисловий к другим томам неясно, печатались ли в каком-либо виде приписки на полях и в других местах или нет.

Крайний разницей получился с переводом документов на русский язык. В предисловии к т. I редакторы сообщили, что при «некоторых польских документах помещен и перевод» (стр. IX), указав, таким образом, что никакой системы в этом отношении они не придерживались; то же было и во всех остальных томах.

Как и при издании Актов Виленской комиссии, редакторы Сборника, публикуя массу документов на иностранных языках, постарались сделать так, чтобы они все были понятны читателю, не знающему этих языков. Делалось это посредством заголовков, которые отражали содержание документа в самой краткой форме, затем изложения, которое печаталось после заголовка перед текстом документа, и, наконец, перевода всего документа на русский язык.

Изложение содержания документов сделано во всей серии, за исключением т. XII, в котором помещены материалы бази-

²³⁸ См.: т. V, стр. IX; М. О. Коялович. Указ. соч.

²³⁹ В примечании № 1 на стр. 431 в т. VIII Сборника сказано, что «польские названия сел, напечатанные в скобках при русских названиях, показывают, как в последнее время искажались поляками древние русские или жмудские названия тех же сел». Действительно, напечатанные кириллицей (по-белорусски) или латиницей (по-польски) названия селений часто резко расходятся между собой. Однако утверждение, что «древние русские или жмудские названия» даны правильно, а польские — в искаженной форме, ничем не обосновано. Вполне естественно, что географические названия в Западной Литве (Жемайтии) были литовские и правильность или неправильность их написания следует определять в зависимости от того, насколько точно переданы именно литовские названия, независимо от букв, какими они переданы. Допуская возможность более верной передачи кириллицей, можно отметить и обратное, тем более что в белорусском тексте названия ослаблены гораздо чаще, чем в польском. Например, на стр. 14 село названо «Радвилловичи», а по-польски «Радвилянъ», т. е. в первом случае это звучит по-славянски, а во втором — по-литовски; то же и с другим селением, названным по-белорусски «Шилейковичи», а по-польски «Шилейкяны». На стр. 17 село по-белорусски названо «Проваголя», а по-польски «Покольнишки» (Pokolnizski), т. е. с типичным для литовского языка окончанием на «ишки». На стр. 11 по-белорусски дано явно искаженное название «Вяззга», а по-польски «Мозайче» (Mozajcze; очевидно, Можайче). Если учесть, что в то время (как и позже) одно и то же селение могло иметь несколько названий, то придется признать более правильными названия, написанные по-польски.

лианской конгрегации. Размер таких изложений очень разнообразен и в общем зависел от размера документа: для небольших редакция ограничивалась несколькими строчками, изложение других занимало местами больше страницы. Изложение часто писалось даже и тогда, когда это не имело никакого смысла, поскольку оно ничем не отличалось от заголовка. Практически значение изложения невелико, так как по нему если и можно в самой общей форме ознакомиться с содержанием документа, то ссылаться никак нельзя.

В гораздо большей мере документ приближался к читателю, незнакомому с иностранными языками, в том случае, когда давался полный его перевод. Редакторы широко пользовались и таким способом, однако какой-либо системы в отборе документов для перевода уяснить невозможно. Отчетливо видно только то, что гораздо чаще переводились документы с польского, чем с латинского языка. В т. I Сборника, где документов на польском языке относительно мало, часть из них дана с переводом на русский, а часть (в конце тома) без перевода. В т. II переведена тоже только часть польских документов, преимущественно небольших по размеру; в т. III не переведено ни одного документа (редактором этого тома или во всяком случае автором предисловия был А. Миротворцев); то же и в т. IV, автором предисловия которого был Гильтебрандт. В т. IX польские документы даны с переводом, а латинские только в оригинале. В томах XII—XIV, в которых все тексты только на польском и латинском языках, не переведен ни один из документов. В общем это, очевидно, зависело от воли редактора, хотя, возможно, здесь были соображения и финансового порядка, поскольку печатание с переводом сильно удорожало издание. Но и в переводе на русский текст иногда оставался для русского читателя маловразумительным, не говоря о том, что был весьма неточным. Происходило это из-за того, что местами переводчики пытались заменить русскими терминами белорусские, даже в том случае, когда эти термины не были идентичными. Так, суд копы назван «мирским судом» (т. III, стр. 239). Копным судом назывался суд крестьянской общины, и поэтому перевод может показаться правильным, но поскольку копный суд приговаривал к смерти и приводил такие приговоры в исполнение (дело как раз и идет о таком случае в 1773 г.), то мирской приговор и решение копного суда ничего общего между собой не могут иметь, поскольку мирская сходка не имела права ни вынести такого приговора, ни тем более привести его в исполнение.

Однако гораздо более часты ошибки противоположного характера, когда переводчик вставлял в своей перевод слова, не употреблявшиеся в русском языке, делая таким образом для русского читателя фразы непонятными или бессмысленными. Так, в заголовке док. № 97 (т. III) есть слова: «Донесение возного по делу об убийстве, совершенном крестьянами-дизунитами...»

В польском языке после введения церковной унии 1596 г. дзулитами стали называть православных, и этот термин, имеющий несколько пренебрежительный оттенок для православных, поставлен в заголовке документа. В предисловии к т. III употребляется слово «мордерство» вместо «убийство» (т. III, стр. XVI).

Заголовок одного документа в т. IX изложен так: «Князь Масальский дал Кондрату Дощицу Коханскому... это подавание, писанное по-русски» (стр. 91). В польском оригинале это слово звучит как «подаане» (podanie) и должно быть переведено как «передаточный документ». В заголовке одного из документов, помещенных в т. X, говорится об Анне Бапдзюкевичевне Дубовичовой (стр. 65). В польском оригинале это значит, что разговор идет об Анне, жене Дубовича, девичья фамилия которой была Бапдзюкевич. Таким образом, в переводе это должно звучать: Анна Дубович, тогда как в приведенном тексте из девичьей фамилии получилась отчество.

Вообще переводчики старались передать текст оригинала буквально, т. е. переводя слово в слово, что делает фразы громоздкими, а местами польский текст просто переписан кириллицей.

К первым четырем томам редакторы не давали указателей, так как было решено сделать один ко всем пяти томам сразу и поместить его в т. V. И действительно, в этом томе есть указатель ко всем вышедшим томам, а затем их начали давать в каждом выходящем томе. Завершил это дело И. Я. Спрогис, который составил и издал «подробный» указатель к томам I—XIII Сборника.

Тот указатель, который появился в т. V Сборника, имеет специфический характер, и составители назвали его описательным. Особенность его заключается в том, что ссылки в нем даются не просто на лицо или географическое название с указанием, в каком томе и на какой странице они встречаются, а добавляется еще (нередко довольно подробно), по какому поводу они упоминаются. Таким образом, например, вслед за именем: «Август II, король польский», следует: «(Краков, 1697, 4), по жалобе монахов Буйницких, приказывает Мстилавскому судье Юрию Шпилевскому не вступаться во владение мельницей монастырскою на реке Лахве (II, 90. 91), подтверждает привилей Яна III на учреждение при Богоявленском братстве...» и т. д. (т. V, стр. 257). Если же лицо было незначительным и упоминалось во всех томах 1—2 раза, то справки о нем краткие: «Азарович Василий, бурмистр могилевский (II, 26)». То же самое и в указателе «мест», т. е. географических названий: для тех селений, рек, озер, около которых произошло масса событий, отведено довольно много места, тогда как для мелких — одна-две строки; то же в отношении предметного указателя, где, например; на слово «граница» занята почти страница, тогда как для «доктора обойга прав» хватило одной строчки. Вместе с тем для очень многих лиц и местностей вообще не нашлось места, иначе

говоря, указатели Сборника очень неполны, и, как обычно было в то время, в них не попадали прежде всего лица, ничем не примечательные; крестьяне, слуги, мещане. Так, в указатель не попали два Крупенича, которые упоминаются в т. I в док. № 1, т. е. в первом документе всей серии.

В томах XII и XIII указателей нет никаких, но в томах VII и XIV они обычного типа, т. е. не «описательные»; то же и в т. VIII, в котором в добавление к именованному и географическому даны еще (в самом конце книги) примечания, содержащие иногда пространные пояснения к упоминаемым в тексте географическим пунктам или лицам.

П. А. Гильтебрандт в предисловии к т. IV Сборника писал, что Литва — это Северо-Западная Русь, а Москва — Русь Восточная (стр. VIII). Из предыдущего известно, что такое воззрение на Литву, т. е. на Великое княжество Литовское, не было для 1867 г. чем-то новым и что, следовательно, публикуя в серии, озаглавленной «Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», материалы о Литве, редакторы не переходили территориальных границ. Однако в ряде случаев в Сборнике помещали материалы, которые далеко выходят за рамки «Северо-Западной Руси». Так, в т. XI есть документы, относящиеся к Латгалии. В томах IV и V помещена серия документов, касающихся так называемой Московской военной конфедерации, т. е. конфедерации, заключенной польскими войсками, находившимися в 1612 г. в Москве, а затем ушедшими в Речь Посполитую.

В т. III есть документы о Смоленщине. В «Исторических известиях о иерархии Могилевской до 1845 г.» (т. V) есть ряд писем познанских греков, которых как православных преследовали жители Познани — католики.

При всем том огромное большинство документов, помещенных в Сборнике, относится к Белоруссии, в первую очередь к Западной, что и естественно, поскольку главной задачей издателя было показать положение православной церкви в Речи Посполитой, угнетение ее униатами и католиками, а ни православными, ни униатами литовцы никогда не были.

К томам, в которых исключительно или главным образом помещены материалы, относящиеся к Западной Белоруссии, принадлежат VI (документы их архива Литовской духовной семинарии), VII (материалы из Несвижского архива), IX (документы Супрасльского и Коложского монастырей), XI (документы брестского Симеоновского монастыря), XII и XIII (материалы базилианской конгрегации, ревизия униатских церквей в Новогрудском и Циринском деканатах). Гораздо меньше материалов в серии имеется по Восточной Белоруссии (почти целиком т. II, значительная часть т. V, некоторое количество в т. XIV).

Несравнимо меньше документов в этой серии касается Литвы. Целиком Литве отведен лишь т. VIII, в котором находятся

документы Кейданского архива Радзивиллов. Территориально к Литве относятся многочисленные документы, помещенные в разных томах и касающиеся главным образом православного и униатского населения Вильно.

Первоначально предполагалось, что и в Сборнике будут помещены документы, касающиеся главным образом православной церкви. Однако укомплектовать целую серию материалами, посвященными только этому вопросу, оказалось невозможно, и поэтому в той необычайной спешке, с которой издавались первые тома серии, в них помещали все, что подворачивалось в первую очередь под руку. Позже, когда спешка прошла, комплектовать отдельные тома начали гораздо более однообразным материалом.

Можно примерно следующим образом классифицировать помещенные в Сборнике материалы: 1) документы, касающиеся социально-экономического развития; 2) документы политического характера; 3) документы о культурном состоянии Белоруссии; 4) документы о положении православной и униатской церкви в Белоруссии и отчасти на Украине; 5) хроники (этот вид источников включает самые разнообразные данные). Из документов, отражающих социально-экономическое развитие страны, самыми содержательными являются инвентари, которых в серии (под разными названиями) опубликовано несколько десятков. Однако редакторы безнадежно испортили свою работу тем, что издали их с большими купюрами. Самый большой из опубликованных в этой серии инвентарей помещен в т. VIII и называется «Описание Жмудской земли», хотя в действительности этот документ представляет собой инвентарь одной волости (Упитской), как об этом и сказано в подзаголовке. Даже после бесчисленных сокращений он занимает 120 страниц текста. Второй по размерам инвентарь помещен в т. III. Он содержит описание Дубровенской волости (Восточная Белоруссия) на 1560 г. Редакторы отметили, что часть листов рукописи утрачена, а, кроме того, сами они печатали сохранившуюся часть «с некоторыми опущениями» (стр. 281). Остальные инвентари значительно меньше по размерам. Среди них инвентарь имений Полоцкой архиепископии на 1601 г. (т. I, № 73), прочие большей частью относятся к Западной Белоруссии или Восточной Литве (инвентари имений Деречино, Бытень, Берестовица, Рось — в Западной Белоруссии; Трокской экономии в Литве; т. I, № 78; т. II, № 94, 97; т. III, № 110; т. V, № 17 и др.). В т. I помещен один из важнейших документов, касающихся проведения в Белоруссии волочной меры, — устава Могилевской волости (№ 63).

К той же группе документов (отражающих процессы социально-экономического развития) принадлежат многочисленные фондуши, раздельные акты, жалобы в суд, судебные решения, завещания, цеховые уставы и т. д. В томах III и IV помещена мытная книга Брестской таможни за январь — май 1583 г. Значение такого вида источника невозможно переоценить.

Не имея даже и подобия перспективного плана издания и притом готовя свои публикации в крайней спешке, редакторы Сборника помещали однотипные документы в различных томах, а между тем некоторых одинаковых по содержанию материалов было издано столько, что их вполне хватило бы на укомплектование целого тома; прежде всего это относится к инвентарям; почти на целый том хватило бы материалов, касающихся чародейства. Впрочем, случайность в подборе материалов характерна для первых томов, тогда как позже они часто комплектовались или совершенно одинаковыми (например, т. XII, в котором находятся протоколы униатских конгрегаций) или хотя бы из одного фонда (т. VI — материалы из архива Литовской духовной семинарии; т. VII — документы Несвижского архива и т. д.).

Фундуши, разделные акты, судебные приговоры и вообще материалы судебных процессов, а также завещания содержат данные самого разнообразного характера. В судебных делах, например, есть материалы о «наездах», т. е. вооруженных нападениях друг на друга шляхты, духовных лиц, в особенности монахов. Завещание и те же судебные решения содержат материал не только по праву, но и об одежде, украшениях, упряжи, оружии, притом часто с указанием стоимости каждой из названных вещей, что еще больше увеличивает ценность памятников. В документах, касающихся раздела Глусского замка (т. III) и прилегающей к нему территории, дается описание (на 1571 г.) замка. Иногда в томе, содержащем документы одного вида, встречаются материалы совершенно иного характера. Так, в т. X, в котором находятся источники, касающиеся виленского Свято-Троицкого монастыря, оказалась запись о «доле», том виде ренты, о котором у нас имеется так мало данных²⁴⁰.

²⁴⁰ Сообщение о «доле» представляет особый интерес, поэтому приводим его в больших выдержках. Запись сделана об имении Залесье, находившемся в Полоцком воеводстве и принадлежавшем виленскому Свято-Троицкому монастырю: «Не только в Полоцком воеводстве, — записано в источнике, — но и во всей Белоруссии (т. е. в белорусском Поднепровье и Подвинье. — *И. У.*) издавна было в обычае, что владельцы во всех имениях своих получали от крестьян четвертый сноп всякого хлеба не только с тех земель, на которых были поселены крестьяне, но и с ненаселенных. Этот доход назывался обыкновенно «доля». Крестьяне без всякой помощи со стороны владельца обязаны были сами сжать посеянное и, отделивши четвертый сноп, доставить во двор владельца». Это было неудобно, так как владелец должен был содержать много учетчиков; неудобство же для крестьян состояло в том, что они не имели права увозить свою часть с поля, пока не заберет четвертую часть владельца, вследствие чего хлеб временами погибал, так как его не увозили вовремя.

«Поэтому помещики, устраняя эти неудобства в управлении своими имениями и придумывая более спокойный и удобный способ получения доходов, уничтожили доли и перевели крестьян своих на чинш, дякло и другие повинности, так что теперь в Полоцком воеводстве нигде уже и не слышно о прежнем обычае получения доли». Автор же записей, приехав в Залесье в 1692 г., «застал еще этот беспорядок, который служил «для других образцом дурного устройства и подвергал нас презрению».

В материалах ревизии униатских церквей, производившейся в 1798 г. (Новогрудский и Циринский деканаты, Западная Белоруссия), не только описаны все дома и хозяйственные постройки униатских священников, но приведены данные о числе крестьянских домов в каждом приходе, а также о числе лиц, обязанных исповедоваться; по ряду приходов есть данные и об общем числе жителей. Используя эти показатели, можно определить, сколько жителей приходилось на одно крестьянское хозяйство и какой процент составляли дети примерно до 8—9 лет (еще не обязанные исповедоваться).

Население Центральной и Западной Белоруссии было впервые переписано в 1795 г., когда производилась первая для этого края ревизия (а вообще в России — пятая). Данные ревизии недостаточно точны, и всякие дополнительные показатели могут уточнить их.

Много в Сборнике имеется материалов и характера политического (тома I, III, IV и VII). Больше всего документов такого рода касается периодов войн, бушевавших в Белоруссии: Ливонской, Смоленской (1632—1635), середины XVII в., Северной начала XVIII в. и войны 1812 г. Ряд документов, опубликованных в Сборнике, относится к эпохе Люблинской унии (переписка Радзивиллов с другими магнатами Великого княжества Литовского). Документы, отражающие политическую обстановку, представлены главным образом письмами. Среди писем, помещенных в т. VII, есть написанные Богданом Хмельницким, Иваном Выговским, Теререй, Дорошенко.

Здесь же помещены письма Ивана Грозного гетману Великого княжества Литовского Ходкевичу, королей Сигизмунда-Августа и Стефана Батория.

В т. VII, содержащем массу материалов о событиях, связанных или непосредственно относящихся к Северной войне, находятся письма А. Дашкова, Д. Голицына, Репнина, Головкина, адресованные Радзивиллам. За более позднее время (середина и конец XVIII в.) есть письма русского посла в Речи Посполитой Кейзерлинга к Михаилу Радзивиллу и Репнина — к Карлу Радзивиллу.

Редакторы Сборника, как и инициатор этой публикации И. П. Корнилов, никогда не ставили себе целью публикации документов, касающихся истории культуры Белоруссии, тем более что они вообще отрицали наличие Белоруссии. И все же в серии

При господстве «доли» наживались только управляющие именьями. Крестьян Залесья с 1695 г. перевели на чинп и дякло, причем обязали их с волоки (21, 3 га — *И. У.*) давать деньгами 7 золотых и 15 грошей, а также дякло: по бочке ржи, ячменя и овса. Вместо баранов, которых ранее давали всей волостью, ссыпать две бочки пшеницы и одну бочку конопляного семени меры глубокой, так как глубокая бочка была больше виленской на целую четверть (стр. 204—207; Глубокое — городок в Полоцком воеводстве, т. е. в Северо-Западной Белоруссии).

имеется немало документов, относящихся к этому вопросу. Наиболее существенные из них помещены в т. IX и касаются Супрасльского монастыря. В этом томе, во-первых, есть ряд документов о деятельности супрасльской типографии, а затем даны списки книг, напечатанных в ней. Список этот не является исчерпывающим, но во всяком случае он составляет основу при изучении деятельности супрасльской типографии.

Как бы дополнением к супрасльским материалам, показывающим, как расходились книги супрасльского издания, являются материалы уже упоминавшейся «ревизии» униатских церквей Новогрудского и Циринского деканатов, где записано, какие книги, рукописные и печатные, имелись в церквах. Оказалось, например, что в 1798 г. в церкви дер. Полонка находился требник супрасльского издания, а также рукописные евангелие и евангелие польское (т. XIII, стр. 156—158). В церкви местечка Остров был октоих супрасльского издания, печатное польское евангелие Кожелёвского и второе рукописное; была печатная русская библия; триоди, постная и цветная, псалтырь и требник; в дер. Островки — рукописное евангелие в бархатном переплете и пр. (т. XIII, стр. 182). Вполне возможно, что часть книг, как, например, печатная русская библия, были изданиями Скорины.

Гораздо меньше сведений подобного рода содержится в дневнике визитатора доминиканских монастырей. За 1822 г. в этом дневнике сообщается, что в Забельской библиотеке (Восточная Белоруссия) среди прочих книг имелась библия Радзивиллов 1563 г. очевидно, Брестская) и латинская 1533 г. издания (т. XIV, стр. 128).

Записи о рукописных и печатных книгах в опубликованных документах обычно настолько кратки, что не дают возможности установить, о чем там говорится.

В Супрасльском, например, монастыре в 1645 г. имелась «хроника руска», то же отмечено и в 1668 г. (т. IX, стр. 204, 242). Была ли это одна и та же «хроника» или разные? Как известно, в том же монастыре в XIX в. была найдена летопись, писанная кириллицей и получившая название Супрасльской. Та ли это самая, о которой упоминалось в XVII в., или другая? Дело это тем более неясное, что Януш Радзивилл в 1654 г. забрал из монастыря какую-то хронику и ирмологий (т. IX, стр. 215). В 1645 г. в монастыре имелась хроника Стрыйковского, но не сказано, была ли она печатная или рукописная, в оригинале или в переводе.

Среди документов, касающихся истории белорусской культуры и помещенных в Сборнике, имеются отрывки (на семи страницах) из начала, послесловия и посвящения «Катихисиса» Семена Будного. «Катихисис» этот, как известно, был отпечатан в 1562 г. в Несвиже.

Сборник представляет собой единственную серию, в которой помещено значительное число документов о чародействе. Эти пространные документы не только сообщают, какие действия

в XVII в. в Белоруссии представлялись колдовством, но также содержат подробное изложение хода судебных дел по обвинению в чародействе и приговоры. Освещая одну из очень своеобразных сторон жизни, эти документы представляют большой интерес в самых разнообразных аспектах, в частности для этнографии и истории религии. Собранные в одном томе, они могли бы дать гораздо более яркую картину. Основные документы о колдовстве находятся в т. III, центральным же делом этого рода представляется процесс поадаы Раины Громыко, обвинявшейся Сапегой в попытке извести его посредством колдовства.

Т. IX Сборника заполняют два источника, которые редактор тома А. П. Демьянович назвал хрониками. Из предисловия к этим источникам следует, что они представляли собой массы разрозненных документов, которые в свое время подбирались кем-то из монахов Супрасльского монастыря для того, чтобы написать монастырскую хронику; по мнению Демьяновича, этим лицом был вице-викарий монастыря Николай Радкевич (стр. III).

Следовательно, опубликованный под названием «хроника» источник представляет собой не законченное произведение или даже не черновик его, а лишь более или менее упорядоченные материалы для написания хроники. Поэтому и характер этой публикации весьма своеобразен. Собственно хроника помещается на одной странице, а далее следуют разнообразные документы, в которых составитель хроники сделал приписки²⁴¹. Монастырские известия в очень редких случаях прерываются другими сообщениями. Например, за 1611 г. записано, что «поляки порубали 6 тысяч москвы» (стр. 95) или что в 1618 г. в Киеве «четырех униатских монахов вбросили в такое заключение, что они здесь нажили болезнь на всю жизнь» (стр. 96).

В то же время в т. II Сборника помещено произведение, озаглавленное «Записки игумена Ореста», которые по содержанию и форме представляют собой хронику.

Это произведение Ореста содержит записи об исторических событиях, происходивших в Могилеве со времен легендарных (XIII в.) до 1844 г. Однако большая часть этой пространной хроники занята описанием событий, связанных с войнами середины XVII и начала XVIII в., т. е. русско-польской 1654—1667 гг. и Северной до 1708 г., а также (в гораздо меньшей мере) войны 1812 г.

²⁴¹ Например, док. № 3 представляет собой дарственную грамоту великого князя литовского Александра митрополиту Иосифу Солтану. После этого документа следует приписка, видимо, автора хроники: «Этот-то первый фундатор Иосиф Солтан митрополит всея Руси, архиепископ смоленский этою фундушвою своею записью вечно и ненарушимо дал, подарил ее на вечные времена, записал Супрасльскому монастырю означенные в записи имения, данные ему за заслуги государем Александром... и дал на то фундушвою запись, сделанную в Вильво в 7014 (1506) году от сотворения мира по греческому счислению в мае 11 дня индикта 9» (АСД, т. IX, стр. 9).

Хроника Ореста в значительной мере основана на хронике Трубницкого, но так как Трубницкий закончил свои записи ранее, то дальнейшее описано Орестом главным образом по собственным наблюдениям.

К сожалению, три хроники, касающиеся Могилева и Могилевщины (Барколабовская, Трубницкого и Ореста), до сего времени не опубликованы вместе отдельным изданием, а хроника Трубницкого, написанная на польском языке, вообще издана только в переводе²⁴².

В различных томах Сборника опубликовано несколько дневников, писанных в разные эпохи лицами различного общественного положения. Все они представляют определенный интерес, во каждый в своем роде.

Наиболее ранний из дневников напечатан в т. IV. Автором его был Петр Вяжевич — секретарь посольства Речи Посполитой, направленного для переговоров в Москву. Пространный дневник, в печатном виде занимающий более 80 страниц большого формата, заполнялся Вяжевичем в течение января—апреля 1635 г. В ежедневных записях автор отмечал, как посольство ехало сначала по Восточной Белоруссии, как на границе их встретили московские послы, как происходили препирательства о «чести». Затем следует описание переезда по московской территории, встречи послов в Москве и новые препирательства; описания проживания в отведенном для посольства дворе, кормовые, встречи с царем, переговоры, перечисляются подарки, преподнесенные царю, и, наконец, изображается шир у царя перед отъездом на родину. Заключительные страницы занимает краткое описание обратной дороги.

Дневник касается исключительно посольских дел и поэтому представляет интерес в этом плане.

Второй дневник напечатан в т. X Сборника и озаглавлен редактором «Дневник полоцкого Софийского монастыря». В предисловии к тому отмечено, что записи в нем следуют с 1746 по 1768 г., в действительности они начинаются с 1745 и заканчиваются 1767 г. Редакция разбила весь источник как бы на разделы, т. е. отрезки, вмещающие каждый по 1—3 года, и к каждому такому отрезку дала довольно подробное изложение.

Само название источника показывает его неточность, поскольку дневники ведутся не учреждениями, а лицами. И действительно, это не дневник, а как бы хроника или, вернее, запись тех слухов, которые ходили в Полоцке среди монахов и горожан в период, предшествующий разделу Речи Посполитой и в первые

²⁴² «Хроника белорусского города Могилева. Собранный и писанный Александром Трубницким, регентом Могилевской магдебургии во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолженная его сыном губ. секрет. Михаилом Трубницким». Переведено с польского подлинника Н. Гортынским. ЧОИДР, 1887, кн. III, отд. 1, стр. 142. То же отдельным изданием: М., 1887.

годы после присоединения этого города к России. Поскольку записи велись униатскими монахами, то события изображаются во враждебных России тонах.

Записи даны в широком плане. За 1767—1768 гг., например, говорится о предстоящем изгнании иезуитов, о чрезвычайном сейме в Варшаве, на котором были проведены существенные реформы, о возможном освобождении крестьян, о Барской конфедерации. Слух о тяжелом поражении русских войск, которые те будто бы потерпели от барских конфедератов и турок, записан в 1768 г. За последующие годы есть записи о разгроме Суворовым Огинского под Стволовичами, затем — о приезде в Полоцк генерала Кречетникова, чтении «плаката» о присоединении Восточной Белоруссии к России. В общем Дневник интересен не столько известиями, поскольку в них говорится о событиях общеизвестных, сколько отношением к ним авторов Дневника.

Третий дневник, помещенный в т. XIV Сборника, принадлежит визитатору (ревизору) доминиканских монастырей, расположенных в Северо-Восточной Белоруссии и Восточной Литве. Визитатор вел записи в 1821—1832 гг.

Большая часть его заполнена записями о погоде. Если учесть, что жизнь визитатора в основном проходила в поездках, которые в условиях ужасающего бездорожья и неустойчивой западно-белорусской и литовской зимы часто были очень трудны, этому не стоит удивляться. Вместе с тем можно отметить, что при отсутствии в то время учреждений, наблюдающих за погодой, дневник ревизора может дать многое и тем более дать дополнительные сведения о страшном неурожае в 1822—1823 гг. в Белоруссии и отчасти в Литве.

Однако дневник содержит и другие сведения. Так, в 1821 г. ревизор был в Юстипианове (Восточная Белоруссия), где в школе проходил экзамен по древнееврейскому и латинскому языкам²⁴³. В записи 1822 г. ревизор отмечает, что в Динабурге собралась шляхта повета, чтобы обсудить вопрос относительно освобождения своих крестьян. Сам ревизор был против этого, считая, что крестьян, изможденных голодом, следовало бы прежде всего накормить. Там же есть сообщение о цене «душ», продаваемых помещиками, об отказе крестьян Платера работать, в связи с чем была вызвана команда солдат и крестьян начали сечь²⁴⁴. Далее визитатор отмечает, что в Вильно в связи с арестом (филаретов.— Н. У.) сейчас глухо, «как будто перун ударил в жилой дом», «и это хорошо,— добавляет он,— пускай люди набираются ума»²⁴⁵.

Следующий документ, опубликованный в Сборнике (т. X) под названием дневника, не имеет к этому виду источников никакого

²⁴³ АСД, т. XIV, стр. 128.

²⁴⁴ Там же, стр. 129, 137, 141.

²⁴⁵ Там же, стр. 145.

отношения. Редактор тома в своем предисловии так охарактеризовал его содержание: «В помещаемом ниже дневнике описываются главным образом обыденные монастырские дела» (виленского Свято-Троицкого монастыря с 1671 по 1780 г.— *Н. У.*): кто совершал богослужение, кто говорил проповеди в такой-то праздничный день и т. д. (стр. 305). Таким образом, этот дневник представляет собой своего рода монастырскую хронику в самом узком смысле этого слова, т. е. такую, в которой сообщается лишь о событиях, происходивших в самом монастыре, да и то в сфере церковной. К этому нужно добавить, что дневник напечатан с большими сокращениями. Редактор сообщает, что «мы извлекли только то, что, по крайнему нашему разумению, считали более замечательным в историческом отношении».

В предыдущем разделе было показано, как последовательно работники Виленской археографической комиссии отбирали для публикации те документы, которые изображали в непривлекательном виде лишь католическое или униатское духовенство и католическую шляхту, но почти никогда не издавали чего-либо компрометирующего духовенство православное, русское дворянство и тем более царское правительство. Судя по тому, что вдохновителем издания Сборника был И. П. Корнилов, ближайший сподвижник и вернейший последователь М. Н. Муравьева, можно было думать, что и эта серия будет так же щепетильна в этом отношении. В действительности же редакторы Сборника, придерживаясь в принципе тех же установок, которых держалась Комиссия, в отдельных случаях публиковали такие документы, которые редакторы Актвов никогда не издавали.

В т. II Сборника помещен док. № 64, озаглавленный: «Письмо Слуцкого братства Могилевскому о притеснениях со стороны белорусского епископа», в котором рассказано, как православный белорусский епископ, прибыв в 1707 г. в Слуцк, забрал из братского монастыря все ценности, разогнал монахов, привел в запустение братскую православную церковь, в которой из-за этого прекратилось богослужение, и все это потому, что слуцкое ставропигиальное (независимое от высшего клира.— *Н. У.*) братство не ходило к епископу на поклон.

В т. II описывается спор 1752 г. между Буйницким мужским и Борколабовским женским монастырями (оба недалеко от Быхова) за право владения деревнями (они в свое время были пожалованы Буйницкому, но позже половина из них перешла к Борколабовскому). Игумен Буйницкого монастыря с помощью вооруженного отряда отобрал отданную монахиням часть, на что монахини ответили тем же: их отряд, напав на отобранные деревни, поступал «совершенно как в неприятельской стране».

В 1667 г. игумен Кутейнского монастыря Варнава напал на игумена Буйницкого Виктора, причем, как сказано в жалобе, первый из них «затягнул себе на помоч людей свецких и, на монастыр Буйницкий гвалтовне наехавши, отца Виктора и отца

Уриила, на тот час там мешкающего, з помочниками своими пятью збил и шаблями раны позадал, монастыр Буйницкий скрывал и оквернил», разграбив притом монастырское имущество (т. II, стр. 137).

Редакторы Сборника отбирали материал для публикаций более объективно, чем редакторы Актов, но с точки зрения археографической, Сборники стоят ниже Актов. Основным недостатком Сборников было то, что они публиковали документы с купюрами.

«ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ»²⁴⁶

Второй по размерам серией документов (первое место принадлежит «Актам Виленской комиссии»), материалы которой почти целиком относятся к Восточной Белоруссии, являются «Историко-юридические материалы»²⁴⁷. Серия эта выходила в Витебске с 1871 по 1906 г., т. е. до тех пор, пока Витебский центральный архив не был ликвидирован и основные фонды его не были отправлены в Вильно.

В отличие от остальных серийных изданий Материалы готовились к печати и редактировались архивариусами Витебского центрального архива. За тот длительный срок (1871—1906 гг.), когда издавались Материалы, архивариусы (а также и редакторы серии) менялись, но правило оставалось в силе: работу над изданием томов в 50—60 печатных листов, выходявших в среднем по

²⁴⁶ Полное название серии следующее: «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном витебском архиве» (далее: ИЮМ). На обороте титульных листов Материалов отмечено: «Печатано по распоряжению Витебского статистического комитета». Том I ИЮМ вышел из печати в 1871 г. (в скобках указано число страниц) (I V + 376); II — в 1871 (382); III — в 1872 (444); IV — в 1873 (433); V — в 1874 (416); VI — в 1874 (412); VII — в 1876 (511 + V); VIII — в 1877 (530 + VII); IX — в 1878 (546 + VII); X — в 1879 (544 + VIII); XI — в 1880 (536 + XIII); XII — в 1881 (530 + XIV); XIII — в 1882 (530 + XVII); XIV — в 1882 (528 + XVIII); XV — в 1883 (528 + XVII); XVI — в 1884 (510 + XI); XVII — в 1888 (415 + XXI); XVIII — в 1888 (VIII + 492 + XLVIII); XIX — в 1889 (XXII + 496 + XXXII); XX — в 1890 (XVI + 512 + XXXII); XXI — в 1891 (X + 500 + XV); XXII — в 1891 (X + 501 + XXXVII); XXIII — в 1892 (VIII + 518 + XXII); XXIV — в 1893 (IV + 518 + XXXVI); XXV — в 1894 (IV + 508 + XII); XXVI — в 1895 (IV + 516 + XXXV); XXVII — в 1898 (XL + 461); XXVIII — в 1900 (XVI + 356 + 167); XXIX — в 1901 (IV + 472 + XXXII); XXX — в 1903 (XI + 360 + 164 + XXXIV); XXXI — в 1903 (VIII + 440 + 94 + XXVI) и XXXII — в 1906 гг. (442).

²⁴⁷ Кроме материалов о Восточной Белоруссии в т. XXXI ИЮМ помещены материалы по истории бывшего Инфлянтского княжества, позже вошедшего в состав Витебской губ. (уезды Динабургский, Люциньский, Режицкий). В настоящее время эти уезды находятся в Латвийской ССР и составляют район, называющийся Латгалией. Инфлянтские материалы — почти исключительно инвентари государственных имений второй половины XVIII в. — были помещены в ИЮМ потому, что находились в Витебском центральном архиве.

одному в год, проводил один человек (лишь т. XVII редактировали двое). Составителем и редактором первых 16 томов серии был А. М. Сазонов, т. XVII редактировали Н. Н. Мещерский и М. Л. Веревкин, тома XVIII—XXVI — М. Л. Веревкин; тома XXVII—XXXII — Д. И. Довгялло, который после ликвидации в Витебске центрального архива и прекращения издания серии был переведен в Вильно.

В отличие от остальных публикаций, выходявших в Литве и Белоруссии и содержащих данные главным образом о положении деревни, в «Историко-юридических материалах» помещены документы, касающиеся преимущественно городов; сведения о состоянии сельского хозяйства и о положении сельского населения содержатся в этой серии главным образом в инвентарях.

Во времена Речи Посполитой, т. е. в тот период, за какой в Материалах опубликованы документы, территорию позднейших Витебской и Могилевской губерний (в общих чертах) составляли воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславское и княжество Инфлянтское²⁴⁸.

Старейший город Восточной Белоруссии Полоцк длительное время был столицей княжества. После присоединения к Великому княжеству Литовскому этот город оставался центром обширной территории. В 1498 г. он получил магдебургское право, в 1504 г. стал центром воеводства. До разорения его во время Ливонской войны был самым крупным городом Белоруссии. В 1579 г. в Полоцке создается иезуитская коллегия, превращенная в 1812 г. в Иезуитскую академию — высшее учебное заведение.

В Полоцке, крупном экономическом и культурном центре, было сосредоточено огромное количество письменных памятников (есть основание полагать, что в нем велось летописание, хотя Полоцкая летопись и не обнаружена)²⁴⁹. Однако во время войн и пожаров, а возможно, и вследствие преднамеренного истребления иезуитами памятников, писанных кириллицей, большинство из них погибло, оставшиеся же к моменту создания Витебского центрального архива были отправлены в Витебск. Среди документов,

²⁴⁸ Инфлянтами на польском и старобелорусском языках называлась Лифляндия. Присоединенные в 1561 г. к Великому княжеству Литовскому, Инфлянты с 1569 г. стали частью Речи Посполитой. Во время Ливонской войны были почти целиком заняты русскими войсками. По договору 1629 г. между Речью Посполитой и Швецией в пределах первой осталась лишь часть этой территории. После присоединения к России Инфлянты находились в составе Псковской, затем Полоцкой и Витебской губерний.

²⁴⁹ Когда в 1579 г. Полоцк был взят войсками Стефана Батория, в городе оказалась масса книг и рукописей. Р. Гейденштейн по этому поводу писал, что в найденной в Полоцке библиотеке «кроме летописей было много сочинений греческих отцов церкви и между ними — сочинения Дионисия Ареопагита о небесной и церковной иерархии; все на славянском языке» (*Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне*. СПб., 1889, стр. 71). Куда исчезли летописи — до сего времени неизвестно; так как в Полоцке была найдена лишь летопись Авраами.

помещенных в Материалах, полоцкие занимают относительно немного места.

Судьба Витебска во многом сходна с судьбой Полоцка. Он тоже был столицей княжества, но не такого крупного и сильного, как Полоцкое. Почти одновременно с Полоцком попал в зависимость от Литвы. В 1503 г. стал центром воеводства, в 1597 г. получил магдебургское право, в 1796 г. сделался губернским городом.

Могилев стал городом в первой четверти XVI в., и в XVI в. это был уже крупный торговый и ремесленный центр. В 1561 г. Могилев получил малое магдебургское право, а в 1577 г. — большое. К концу XVI в. Могилев был одним из самых больших (если не самым большим) городом в Белоруссии, в 1796 г. стал уездным городом Белорусской губ., а в 1802 — губернским. Очевидно, в Могилеве, как ни в каком другом городе Белоруссии, была развита городская жизнь, там тщательно велись магистратские книги, и, кроме того, городские книги Могилева, несмотря на все несчастия, выпавшие на долю этого города, сохранились в большом количестве. Поэтому, когда началась публикация «Историко-юридических материалов», могилевские акты заняли в них господствующее положение.

Мстиславль, столица княжества, а позже воеводский центр области, расположенной на крайнем северо-востоке Белоруссии, никогда не был крупным центром (после присоединения Восточной Белоруссии к России он стал уездным городом), и из его архивов в Материалы попало небольшое число документов, хотя хранилища Мстиславля были тоже достаточно богаты.

Кроме названных в ИЮМ было помещено небольшое число актов из Кричева и Орши²⁵⁰, а т. XXXI занят преимущественно латгальскими материалами.

В 1852 г., когда было вынесено решение о создании трех центральных архивов, один из них был образован в Витебске²⁵¹. Поскольку в Виленском архиве концентрировались документы Литвы, Западной и Центральной Белоруссии (губерний Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской), то на долю Витебского остались материалы Витебской и Могилевской губерний.

Являясь центрами провинциальными (Вильно, несмотря на то что с конца XVIII в. числился губернским городом, сохранил много от бывшей столицы), ни один из названных городов

²⁵⁰ В ИЮМ, кроме прихода-расходной книги Могилевского магистрата, занявшей около 10 томов, помещено 1797 актов из книг того же магистрата и, кроме того, акты из книг Витебского градского суда (408), Витебского магистрата (180), Витебского земского суда (145), Полоцкого земского суда (159), Полоцкого магистрата (43), Полоцкого градского суда (36), Кричевской магдебургии (90), Оршанского земского суда (65), Оршанского градского суда (11), Мстиславского градского суда (51), а всего — свыше 3 тыс. актов, не считая прихода-расходных книг Могилева.

²⁵¹ «Полное собрание законов Российской империи», т. XXVI, № 26126.

Восточной Белоруссии не имел тех архивных и библиотечных богатств, которыми располагал г. Вильно. Потере культурных ценностей, в частности архивов, способствовало и пограничное положение этих районов, которые во время бесчисленных войн между Речью Посполитой (а ранее Великим княжеством Литовским) и Русским государством разорялись прежде всего. Еще более тяжелыми были потери во время Северной войны, когда Витебск и Могилев были частично сожжены.

Несмотря на это, когда в Витебске начал действовать центральный архив (1863 г.), в нем оказалось 1823 книги XVI—XVIII вв., среди которых были книги магистратов, гродских и земских судов, инвентари и пр.

В 1896 г. при инвентаризации Витебского архива после смерти архивариуса М. Л. Веревкина в нем числилось 1848 переплетенных книг, число которых после нового переплетения сократилось до 1706²⁵². Когда Витебский архив перевезли в Вильно, в Виленский центральный архив было доставлено 1896 книг в 1703 томах, из них 1011 книг в 845 томах из Витебской и 885 книг в 858 томах из Могилевской губерний²⁵³.

Располагая несравнимо меньшими, чем Вильно, фондами, Витебский архив имел и меньший штат: в нем работал лишь один архивариус, который и стал составителем и редактором археографического издания. Редактор Материалов облегчил свой труд

²⁵² Д. И. Довгялло. Предисловие к т. XXVII ИЮМ, стр. VI.

²⁵³ R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Witebsku (Centralne archiwum Witebskie). Warszawa, 1939, str. 92. Литература о создании и деятельности Витебского центрального архива бедна. Первым автором, коснувшимся этого вопроса, был В. Лялин, опубликовавший в 1880 г. в Петербурге брошюру («Витебский архив бывшего генерал-губернаторства») и статью, посвященную Витебскому архиву («Витебский центральный архив». «Сборник Археологического института», кн. III, СПб., 1880). В брошюре приведены краткие данные об архиве Витебского, Могилевского и Смоленского генерал-губернаторств, отмечено, что при ликвидации этих генерал-губернаторств в 1855 г. около половины дел архива было роздано в губернские правления, министерство внутренних дел, Синод, а остаток (1002 дела) передан в центральный Витебский архив. Автор отмечает, что в архиве находилась масса дел о «воссоединении» униатов с православными и о «сращении» православных в католицизм или раскол (стр. 5, 7, 10—19). В сущности этим и ограничивается его труд, так как далее идет изложение содержания различных дел. Еще беднее содержание названной статьи.

Гораздо обстоятельнее работа называвшегося ранее польского археографа Рышарда Меницкого, издавшего свою книгу в 1939 г. и использовавшего всю имевшуюся литературу о Витебском архиве (R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Witebsku). Работа Меницкого основана как на литературе (в частности, он много заимствовал из предисловия Д. И. Довгялло к т. XXVII ИЮМ, содержащего данные о состоянии архива и биографические сведения о М. Л. Веревкине), так и на архивных материалах. Она также содержит массу сведений относительно решения начать издание Материалов. В этой книге почти полностью отсутствует тот дух крайней нетерпимости ко всему русскому, что так характерно для его работы о Виленской археографической комиссии (см. выше).

тем, что не писал таких огромных предисловий, как это делали в Вильно, а во многих случаях и вообще выпускал тома без предисловий.

Первым архивариусом Витебского центрального архива, а также и первым редактором Материалов был А. М. Сазонов (1818—1886), ранее работавший инспектором Динабургского реального училища²⁵⁴.

Хотя указ о создании архива был издан в 1852 г., но на учет имевшихся в губернии архивных материалов и подыскание помещения ушло около 10 лет, и поэтому документы в архив начали поступать лишь в конце 1862 г., открылся же Витебский архив в 1863 г.²⁵⁵ Вполне естественно, что в организационный период времени на подготовку публикаций не было, однако когда в Вильно стали готовить первый том «Археографического сборника», то Сазонов послал туда значительное число актов, из чего можно сделать заключение, что подборка им материалов для публикации началась вскоре после открытия архива.

В предисловии к т. I Материалов Сазонов изложил обстоятельства, при которых было решено издавать эту серию. По данным Сазонова, инициатором этого дела был министр внутренних дел П. А. Валуев, который высказал пожелание, чтобы Витебский архив начал «издавать печатно все те материалы, которые могут относиться до исторического быта Белорусского края, а также до определения прав на имущества по записям»²⁵⁶. У Меницкого в его работе о Витебском архиве ход дела изложен несколько иначе, вернее подробнее, так как Меницкий оттеняет роль в этом деле Корнилова, о котором Сазонов не упоминает. По данным Меницкого, Корнилов в 1866 г. высказался, что работа над материалами Витебского архива «была бы чрезвычайно полезна для изучения деятельности иезуитов в России»²⁵⁷. Он советовал Сазонову начать заниматься этим делом, обещая оплатить публикации из сумм учебного округа. Естественно, что Корнилов хотел, чтобы в Витебске в первую очередь издавались документы по истории православной церкви, а затем — касающиеся обычаев народа. Подобранный Корниловым, Сазонов послал через губернатора в министерство внутренних дел проект издания материалов Витебского центрального архива, причем предлагал по примеру

²⁵⁴ R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Witebsku, str. 14.

²⁵⁵ Профессор Киевского университета В. Яроцкий, которому университет поручил собрать сведения о Витебском архиве, 25 июня 1862 г. сообщал, что архив еще не открыт и даже неизвестно, кто будет в нем архивариусом. Пост этот губернские власти предлагали Говорскому, учителю Витебской духовной семинарии, «что не состоялось по причине неудобноисполнимых условий господина Говорского» («Киевские университетские известия», 1863, № 1, стр. 55). Говорский позже был редактором и издателем журнала «Вестник Западной России»; крайний реакционер.

²⁵⁶ ИЮМ, т. I, стр. LIV.

²⁵⁷ R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Witebsku, str. 55—61.

Вильно и Киева создать в Витебске Археографическую комиссию. Петербург оказался против создания Комиссии (это стоило довольно больших денег), но министр внутренних дел Валуев поддержал идею публикаций и передал доклад Сазонова министру народного просвещения, а тот переслал его Корнилову. В ноябре 1867 г. Корнилов в связи с этим приехал в Витебск, после чего Сазонов подал в министерство внутренних дел еще один доклад, в котором предлагал готовить ежегодно для «Археографического сборника документов» (издававшегося в Вильно) 30—40 листов, но при этом требовал себе помощника. Согласия на это министерство не выразило, и тогда Сазонов в 1869 г. подал витебскому губернатору новый доклад с просьбой выделить средства на издание документов в Витебске, указывая при этом, что губернская типография должна будет приобрести необходимые шрифты. Сазонов обещал давать ежегодно сборник размером в 40 печатных листов, издание которых должно было обойтись в 1650 рублей. Кроме того, он просил денег на устройство библиотеки при архиве. Сазонов предложил назвать предполагаемую серию «Белорусский археографический сборник», однако в Вильно оказались против этого (поскольку там издавался «Археографический сборник документов»), и тогда было утверждено название «Историко-юридические материалы». В самом кратком виде Сазоновым была намечена следующая программа публикаций: 1) приходо-расходные книги г. Могилева; 2) материалы о судебных процессах и о фундушках (пожертвованиях) на церкви (надо полагать, православные); 3) прочее²⁵⁸. Корнилов ранее добивался в Петербурге, чтобы на новое издание отпускали ежегодно по 500 руб., с тем чтобы редактор, он же и составитель, получал за каждый лист по 10 руб. С 1869 г. на эту работу стали отпускать по 1000 руб. в год²⁵⁹. К тому времени, когда Материалы начали выходить в свет, ни Корнилова, ни Валуева на постах попечителя и министра внутренних дел не было, тем не менее длительный подготовительный этап был завершен и вскоре т. I вышел в свет.

Готовя к изданию этот том, Сазонов решил высказать в предисловии, что у него как архивного работника наболело. Будучи правоверным монархистом, высказывая всяческое неодобрение «латинству», Сазонов тем не менее отмечает, что правительство Великого княжества Литовского заботилось о сохранении архивов; то же делало и правительство Речи Посполитой, хотя и гораздо менее эффективно, но позже «бдительный надзор за публичными актами слабел, по-видимому, более и более»²⁶⁰. Правда, автор оговаривает, что это было следствием спешки, так как русскому правительству приходилось тратить массу времени на заботы «об устройстве края». Но ведь архивы тоже должны были стать частью этих забот.

²⁵⁸ Там же, стр. 60.

²⁵⁹ Там же, стр. 66.

²⁶⁰ ИЮМ, т. I, стр. II.

При переходе к описанию деятельности правительственных комиссий, которые были созданы в 30—40-е годы XIX в. для проверки состояния архивов в крае, предисловие Сазонова принимает саркастический характер. Первая Комиссия, работавшая в 1835 г. и состоявшая из представителей министерств внутренних дел и юстиции, корпуса жандармов и губернского стряпчего, была обязана проверить, нет ли в делах фальшивых документов, а затем пронумеровать листы, пронумеровать книги и скрепить их своими подписями и печатью. Комиссия проделала все это предельно неряшливо: масса листов осталась пронумерованными, зато десятки и сотни других были пронумерованы одной и той же цифрой. Чистые листы оказались или совсем не перечеркнуты или перечеркнуты лишь частично, что очень скоро использовали фальсификаторы, которые в чистые листы или в непрочеркнутые места вписали фальшивые документы. Ввиду жалоб на плохую работу Комиссии в 1842 г. была создана новая, которой поручили проверить не только самые архивные дела, но и деятельность первой. В состав новой Комиссии были назначены уездный предводитель дворянства, судья, стряпчий и воинский начальник. Вторая Комиссия вновь пронумеровала и пропечатаала архивные книги, причем если книги были объемом примерно в 300 листов, то ее прошнуровывали целиком, если же она была очень велика, то шнуровали лишь первые 20—100 листов²⁶¹. От работы обеих комиссий, члены которых не только ничего не понимали в порученном им деле, но и не были ни в чем заинтересованы, иного результата нечего было и ждать.

В дальнейшем, публикуя документы, Сазонов часто отмечал, как пронумерованы листы или как прошнурована книга, укоряя работников комиссий за небрежность и даже за порчу документов.

В «Общей перечневой описи», помещенной в предисловии к т. I ИЮМ, Сазонов перечислил все дела, хранившиеся на 1871 г. в архиве, но опись эта слишком кратка. В ней имеются указания, с какого по какой год находятся документы в книге, число листов, на каком языке написаны документы (обычно отмечено «на русском» или «на польском», тогда как в действительности там есть документы и на латинском языке, а под «русскими» подразумеваются материалы, написанные как на русском, так и на белорусском языках). Сами названия книг чрезвычайно кратки: «Гродская», «Земская», «Купчие крепости», «Доверенности» и т. д.

Намереваясь начать издание Материалов, Сазонов обратился в Виленскую комиссию за консультацией («с просьбой дать совет и полезные для дела указания, сообщив Комиссии как программу предполагаемого издания, так и большую часть рукописи насто-

²⁶¹ ИЮМ, т. I, стр. IV—XI.

ящего выпуска» (т. е. т. I Материалов.— Н. У.)²⁶². Работнику провинциального по отношению к Вильно Витебска сотрудники Виленской комиссии казались специалистами высокого класса, обратиться же в Петербургскую Археографическую комиссию он, видимо, не рискнул. Виленская комиссия одобрила план, но указала, что лучше было бы издавать тома, объединенные одной темой, как это делала Киевская комиссия (и как это рекомендовалось делать Виленской, по чего она долго не могла усвоить).

Выразив своим виленским коллегам благодарность за консультацию, Сазонов сообщил, что он будет делать так, как об этом было сказано в предисловии к т. II Актов Виленской комиссии. В общем Сазонов обещал печатать документы на любом языке, точно придерживаясь оригинала («в точном буквальном списке»), польские же тексты давать с переводом, причем оригинал должен печататься под строкой, а перевод — на верху страницы²⁶³.

От намеченных правил Сазонову довольно скоро пришлось отказаться, так как они (в части переводов) оказались для одного человека очень трудными, тем более при условии, чтобы каждый год выходил новый том. Перевод на русский Сазонов давал лишь при издании первых пяти томов, да и то не полностью, в дальнейшем же, очевидно, убедившись, насколько это трудно, да еще (возможно) прочитав в рецензии М. Ф. Владимирского-Буданова, как неточны его переводы²⁶⁴, Сазонов стал издавать лишь на языке оригинала. Впрочем, на это могло оказать воздействие и то, что в первых томах Материалов печатались главным образом документы, писанные по-белорусски и лишь очень немного — по-польски. При таком положении переводить приходилось лишь небольшую часть актов. Но когда Сазонов стал печатать материалы второй половины XVII и XVIII в., написанные почти целиком на польском языке, то оказалось, что переводить необходимо почти весь текст каждого тома. Не говоря о том, что сам по себе перевод требовал очень много времени, это вело к удорожанию издания. Чтобы публикуемые им материалы были доступными для читателя, не владеющего иностранными языками, Сазонов стал (по примеру Виленской комиссии) давать изложение. В этом деле он проявил крайнюю неумеренность: в некоторых случаях изложение занимает больше двух страниц большого формата и по размерам мало уступает самому документу.

Что касается обещания печатать «в точном буквальном списке», то «поправкой» к этому явилась крайняя небрежность корректуры, в связи с чем точная передача текста не могла осуществиться из-за массы опечаток.

В начале 70-х годов XIX в. на содержание Витебского цент-

²⁶² Там же, стр. LIV—LV.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Рец. на тома I—VI ИЮМ. «Киевские университетские известия», 1877, № 3, стр. 70, 71.

рального архива отпускалось в год 2825 руб., из них на издание тома «Историко-юридических материалов» — 2000 руб., переписчиком за переписку материалов — 225 руб. и 600 руб. получал в виде жалованья архивариус²⁶⁵. Фактически печатание тома первое время обходилось дешевле. Так, на выпуск т. I было израсходовано 1504 руб., а на издание т. II запланировали 1420 руб.²⁶⁶, но позже стоимость издания возросла. Спецификация расходов на печатание т. XVII (1888 г.) была следующей: за бумагу — 213 руб. 40 коп., за печатание 300 экз. размером в 75 листов — по 6 руб. 50 коп. за лист — 490 руб. Брошюровка по 13 коп. за экз. — 39 руб. За переплетение 8 экз. (переплет давался, очевидно, бархатный для поднесения книг наследнику престола и мистру) по 3 руб. — всего 24 руб. Составителю и редактору по 15 руб. за лист — 1001 руб. За переписку актов — 165 руб. 85 коп. За чтение корректуры по 1 руб. за лист — 66 руб. 75 коп. Всего 2000 руб.²⁶⁷ Печатание т. XXVI обошлось в 1046 руб. 25 коп.²⁶⁸ Цена тома была определена в 2 руб., но так как издания Витебского архива никто не покупал, то стоимость едва ли имела какое-либо значение²⁶⁹.

Археографическая обработка документов производилась Сазоновым небрежно, и системы у него в этом отношении не было. Заголовки, например, он писал далеко не ко всем документам, часто довольствуясь теми, которые были в оригинале, т. е. давая в одном случае и заголовок оригинала, и свой, а в другом — только оригинала, в некоторых же случаях публикация прямо начиналась с текста. Так, например, один документ, помещенный в т. VII, начинается со слов: «Перед лентвойтом, бурмистрами, лавниками места Могилевского, том року на справах местных в ратуши будучим, ставши очевисто Нелида Тышкевичова сказ жаловала». Полностью для всех документов заголовки автора приведены лишь в оглавлении, где проставлены также и годы написания документов, чего почти никогда нет в заголовках.

Обстоятельное предисловие дано редактором лишь к т. I, затем предисловия делаются чрезвычайно краткими (в 0,5 страницы), позже вообще исчезают, а вместе с тем исчезают и палеографические замечания, поскольку они помещались в предисловиях.

Редактор не оговорил, будет ли он, по примеру виленских издателей, ставить вместо «е» букву «ять» (ѣ), где это полага-

²⁶⁵ Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР, ф. 2790, оп. 1, д. 89, лл. 3, 5.

²⁶⁶ Там же, д. 99, л. 25.

²⁶⁷ Там же, д. 27, л. 1.

²⁶⁸ *R. Mienicki. Archiwum akt dawnych w Witebsku*, str. 39.

²⁶⁹ В 1896 г. в Витебском архиве находилось 5500 экз. Материалов (см.: *Д. И. Довгалло. Предисловие к т. XXVII ИЮМ*). Материалы выходили тиражом в 300 экз. т. е. к 1896 г. всего было напечатано 7800 экз. Таким образом, в среднем расходилось по 85 экз. каждого тома, но все они рассылались бесплатно.

лось по правилам русской грамматики, но, судя по изданиям, он это делал везде, добавляя также в конце слов «ъ» и заменяя букву «и» (перед гласными) буквой «і». Почти везде документы расположены в хронологическом порядке.

Корректурa первых томов Материалов правлена добросовестно, однако впоследствии (примерно начиная с VI—VII томов) появляется масса опечаток, притом самых грубых. При чтении корректуры сверки с оригиналом явно не производилось, да и вообще эта сторона дела отличается крайней небрежностью, масса опечаток имеется и в оглавлениях.

Смена редактора (с т. XVII) никак не отразилась на принципах издания. Отличие было лишь в том, что начиная с т. XVII появились указатели (именной и географической). Но, как и в предыдущих томах, в т. XVII помещены документы из разных городов и различных фондов. Кроме реестра расходов Могилева за 1710 г. в томе помещены 54 могилевских акта и 83 кричевских. Часть помещенных в томе документов, писанных по-польски, дается с переводом, часть — без перевода, однако переводы сделаны хуже, чем у Сазонова, наспех и без достаточного знания языка оригинала. Уяснить, почему один документ следует с переводом, а другой без него, — невозможно.

Тома XVIII—XXVI составлял и редактировал М. Л. Веревкин. Михаил Лаврентьевич Веревкин (1825—1896 гг.) был сыном православного священника, учился в Полоцкой духовной семинарии, затем стал учителем латинского языка в Витебском духовном училище, позже преподавал там же еще географию, арифметику и русский язык. Д. И. Довгялло отмечал, что, обладая огромной памятью, Веревкин знал языки латинский, польский, немецкий, французский и латышский²⁷⁰.

Став редактором, Веревкин полностью следовал Сазонову как в системе комплектования, так и в передаче текста и в археографической обработке, однако делал это более неряшливо, чем его предшественник. В особенности же в томах, изданных Веревкиным, обращают на себя внимание два обстоятельства: огромное число опечаток (в ряде томов Веревкин дал списки опечаток, хотя на каждой странице их было по крайней мере столько же, сколько и в приведенном списке на весь том) и масса примечаний, из которых следовало, что в XVI—XVII вв. в Белоруссии господствовало православие. Эта тема привлекала его в такой мере, что места, где говорилось о существовании православной церкви, он печатал курсивом. Вообще у Веревкина в жизни, видимо, был только один интерес — православная вера. Характер примечаний изменялся лишь в тех случаях, когда это касалось инвентарей, так как в изложениях этого вида источников Веревкин давал результаты своих подсчетов числа крестьян в имениях и количества земли, бывшей у них в пользовании, размеров кре-

²⁷⁰ ИЮМ, т. XXVII, стр. III.

стьянских повинностей, общего дохода имений и т. д. — все это в зависимости от того, какие сведения содержались в инвентаре ²⁷¹.

В заголовках к документам у Веревкина (как и у его предшественника) часто отсутствуют очередной номер и дата (год составления документа), хотя все это имеется в оглавлении. Примечания Веревкина, не относящиеся к религии и инвентарям, так же примитивны, как и касающиеся православной веры ²⁷².

В ряде томов Веревкин после основного текста давал еще «прибавления», содержащие краткие извлечения из тех актов, «которые последовали хотя и в совершенно частных интересах, но содержат в себе указания на предметы, могущие иметь значение для истории» (из заголовка к «Прибавлению» в т. XXI).

Отсутствие предисловий не дает возможности уяснить, исходя из каких соображений редакторы при отборе документов одни принимали, а другие отстраняли, имело ли это какую-то систему или же происходило по вдохновению, однако судя по характеру изданных материалов, следует принять вторую версию, т. е. что

²⁷¹ ИЮМ, т. XIX, инвентарь имения Кеймно, стр. 149—150; т. XXV, инвентарь имения Вежицкого, стр. 216.

²⁷² Количество примечаний, сделанных Веревкиным, с течением времени увеличивалось, и, например, в т. XXIII они имеются почти к каждому документу. Чаще всего примечания содержат указания, что в таком-то поселении ранее была православная церковь, позже уничтоженная или переделанная на униатскую или католическую; почти каждое такое примечание содержит выпады против поляков и «латинства». Все виды протеста крестьян и мещан против феодалов или государства Веревкин объясняет религиозными мотивами или стремлением попасть «под скипетр русского царя». Комментируя, например, документ, в котором говорится о продаже участка земли в Витебске, Веревкин дает такое примечание: «Цель этой продажи была латино-польская пропаганда. Иначе и понимать нельзя, так как в Витебске существовало уже издревле много православных церквей для религиозных нужд местного населения и для достойного прославления бога. Значит, дело шло не о хвале божией, а об интересах латино-полонизма» (ИЮМ, т. XXIII, стр. 181). В другом случае в примечании к завещанию сказано: «Из сего завещания должно заключить, что и предки завещательницы Гурки и проч. были, несомненно, как и она сама, православной веры» (т. XXI, стр. 267). В примечании к другому завещанию, в котором было сказано, что память человеческая коротка и что поэтому необходимо делать записи, редактор писал: «Мысль высокая, просвещенная, встреченная только в некоторых из здешних завещаний, притом только православных, следовательно, русских людей» (т. XXI, стр. 445). Хотя подобное начало было для того времени явлением заурядным, такие вступления встречаются часто как в документах частных, так и в государственных, независимо от того, какой религии придерживался автор документа. В своем стремлении очернить все польское и расхвалить русское Веревкин доходит до нелепостей. Пытаясь, например, объяснить поведение русских войск, он пишет: «Не удивительно после этого, что русские войска (находившиеся в Подвинье в 1765 г.— Н. У), всемерно охраняя доброжелательных и содействовавших им обывателей от всяких лишних поборов, но в то же время явно терпя крайний недостаток в продовольствии, вынуждены были подчас добывать его силою и наказывать враждебные элементы населения в современном духе и порядке ведения войны — приобретением необходимого и сожжением городов и имений» (т. XVIII, стр. IV).

отбор был случайным. Всего больше в серии было опубликовано актов из книг Могилевского магистрата. В этих книгах за год накапливались сотни, если не тысячи, документов, тогда как в том Материалов редко когда попадало 10—12 документов, обычно же 4—5. К тому же следует добавить, что за ряд лет из книг магистрата не было напечатано ни одного документа (ни одного нет за годы 1586, 1587, 1595, 1599—1604, 1607, 1608, 1613, 1618, 1626, 1648, 1652, 1655, 1657—1659, 1661, 1665—1667, 1669—1671, 1673—1676, 1678, 1681, 1682, 1688, 1689, 1691, 1693, 1695—1697, 1703).

Впрочем в Актах Виленской комиссии при наличии огромных предисловий подобное обстоятельство тоже обходилось молчанием. Неясно и то, почему, например, редакторы не заполнили материалами приходо-расходных книг Могилева несколько томов полностью, чтобы исчерпать этот источник, а перебивали издание другими актами и таким образом «книги» оказались раскиданными в 27 томах. Печатавая разнообразные документы, редакторы даже не нашли нужным хотя бы в первый раз дать полное название тех книг, откуда брались материалы. Например, в т. XXI ИЮМ печатались (после приходо-расходных книг Могилевского магистрата) следующие акты Витебского земского суда: «оп. кн. № об. 34, ч. 1, л. 315; оп. кн. № об. 35, ч. 35, л. 135, 143, 187» и т. д. Такие ссылки читателю кажутся тарабарщиной.

Из приведенного ясно, что документы в ИЮМ печатались не сплошь, а с отбором, но что отбиралось для печати, а что отбрасывалось — непонятно. Еще менее понятен отбор в том случае, если никаких ссылок на книги и листы рукописи нет, а таких томов в серии немало.

Характер публикаций в значительной мере изменился, когда редактором стал Д. И. Довгялло (тома XXVII—XXXII), который начал печатать более разнообразный материал, давать примечания деловые, часто палеографического характера, привел в исправное состояние корректорскую часть и, наконец, стал печатать документы, строго придерживаясь правописания оригинала. В томах, изданных под редакцией Довгялло, обычно имеются указания на архивные книги, откуда заимствован материал, и показаны листы. Ко всем томам, редактированным Д. И. Довгялло, имеются предисловия, и хотя в них часто пересказывается содержание публикуемых документов, но имеются и более существенные данные.

Вместе с тем Довгялло во многом шел за своими предшественниками, т. е. он в большинстве случаев комплектовал тома Материалов документами из разных фондов, не объединенных по тематическому признаку. Например, раздел первый т. XXVIII укомплектован актами, относящимися к истории Чечерского старства, в отделе втором того же тома находятся документы о Витебске и Витебском воеводстве, в третьем — акты Мстиславско-

го гродского суда за 1666 г., в четвертом — акты Оршанского суда, в пятом — Полоцкого земского суда. Перемешаны они все и в хронологическом отношении. Т. XXXI Материалов большей частью заполнен инвентарями, и в этом отношении он представляется единственным в серии, но масса инвентарей имеется и в других томах, которые, собранные вместе, составили бы еще целый том.

В археографическом отношении издания Довгялло стоят гораздо выше, чем его предшественников. Особенно выделяется актовая книга Могилевского магистрата за 1577 г. (т. XXX). Издавая ее, редактор оговорил, что эта книга является древнейшей в Витебском архиве и что она будет печататься «с соблюдением орфографии подлинника». Довгялло, очевидно, предполагал издать подобным образом (т. е. с точной передачей текста) целую серию документов, по крайней мере в предисловии к т. XXX ИЮМ он написал, что этой публикацией начинается «ряд точного копирования древнейших актов, как самого драгоценного материала для изучения древнего белорусского языка» (стр. XI), но в связи со скорым прекращением издания серии это не было осуществлено. Таким образом, Д. И. Довгялло относился к числу очень немногих публикаторов, которые не считали белорусские тексты XVI—XVII вв. ошибочными и не пытались «исправлять» их.

Однако указанных правил Довгялло придерживался не полностью. Во всяком случае и «при точном копировании» в начале публикации буква «ѣ» встречается довольно часто, тогда как приблизительно с середины она исчезает почти полностью. Зная, что в белорусских рукописях конца XVI в. «ѣ» бывает редко, можно предположить, что редактор вначале частично ставил его и там, где в рукописи не было. Если учесть точность передачи, то можно считать, что «книгами» Могилевского магистрата в издании Довгялло могут пользоваться не только историки, но и филологи.

Ко всем этим документам Довгялло дал заголовки; дата создания документа отмечена на полях и везде помечены (в строке) листы книг. Вместе с тем Довгялло много внимания уделил публикации документов, касающихся православной церкви, и в своих предисловиях он нацеливает читателя на эту сторону. Так, в предисловии к т. XXIX отмечено, что в отделе первом помещены акты, «имеющие непосредственное отношение к истории церкви в Белоруссии за XVII—XVIII ст.» (стр. 1). В предисловии к т. XXX сообщается, что в отделе первом находится 33 акта, «которые объединяют между собою их отношения к истории церковно-религиозной жизни в Белорусском крае» (стр. III).

В «Историко-юридических материалах» помещены почти исключительно документы, публикуемые впервые; перепечатки встречаются в этой серии крайне редко. К их числу относится, например, «плакат» о присоединении Восточной Белоруссии к России, притом на польском языке (т. XVII, стр. 131—134).

Произошло это, очевидно, потому, что редакторы тома, публикуя целый ряд документов губернских властей, изданных сразу после присоединения Могилева к России (о клеймении товаров, о сроках обращения польской монеты, о беспрепятственном движении по Днепру и Двине и пр.), присоединили к ним и «плакат».

Огромная масса документов, помещенных в Материалах, освещает главным образом различнейшие стороны социально-экономической жизни Восточной Белоруссии за 200 лет (с конца XVI по конец XVIII в.), тогда как вопросов политики, культуры и национально-освободительной борьбы народных масс против феодального гнета она касается очень мало. Материалов, отражающих обстановку во время Северной войны, достаточно; они говорят о том, какие тяготы на население Белоруссии пали в связи с этой войной, какие повинности выполняли жители этой местности в отношении к воюющим сторонам и как разорен был район в результате войны.

Среди помещенных в серии документов первое место по количеству и значимости принадлежит материалам, заимствованным из архивов магистратов и судебных учреждений различных городов, а из массы этого материала выделяются приходо-расходные книги Могилевского магистрата, содержащие (за некоторым исключением) данные за 1679—1716 гг.²⁷³

Никто не пытался еще подвергнуть эти книги источниковедческому анализу, в первую очередь установить — полностью ли были внесены в них доходы и расходы, но огромная познавательная ценность их не подлежит сомнению²⁷⁴.

Сазонов, начиная публикацию, обещал напечатать приходо-расходные книги Могилева полностью лишь за первые 10 лет, т. е. с 1679 по 1689 г., а из последующих давать только выдержки. Придерживаясь такого правила, он должен был начать печатать выдержки с т. VII Материалов, поскольку в т. VI была опубликована книга за 1689 г.²⁷⁵ На самом же деле книги, ко-

²⁷³ Не изданы книги за годы: 1687, 1693, 1694, 1696, 1701—1705, 1707, 1708, 1713. Начиная с 1712 г. помещены не сами книги, а дано их изложение, причем сделан подсчет доходов и расходов города. Относительно некоторых (1701—1705 гг.) сказано, что за эти годы в архиве книг не было, в других случаях подобных примечаний нет.

²⁷⁴ В своей пространной рецензии на первые шесть выпусков Материалов М. Ф. Владимирский-Буданов использовал записи книг для доказательства того положения, что магдебургское право реально самоуправления городам не давало и что магистратам лишь предоставлялось сомнительное право «назначения новых и увеличения старых налогов» («Киевские университетские известия», 1877, № 3, стр. 76). Для доказательства этого положения Владимирский-Буданов (пользуясь материалами могилевских книг) нарисовал очень красочную картину беззастенчивого грабежа горожан. Если бы Владимирский-Буданов имел в руках последние тома, он мог бы добавить к указанным расходам крупные взятки, которые город выплачивал генералам и королевским чиновникам.

²⁷⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов в своей рецензии на тома VII и VIII ИЮМ считал, что как ни ценен материал книг, он «настолько однообразен, что,

торые в то время имелись в архиве, издавались полностью и за последующие годы, и лишь с 1712 г. Веревкин стал печатать не сам текст, а свои обобщения, основанные на материалах этих книг²⁷⁶.

В тех томах ИЮМ, которые редактировал Сазонов, книги занимали примерно по 200 страниц в каждом, причем в томе печаталась обычно книга за весь год (год начинался с кануна рождества). Когда Веревкин стал редактором, он начал расчленять книги на несколько частей.

Итоги доходов и расходов в книгах подведены очень редко (количество денег обычно обозначено буквами), и поэтому читателю приходится производить такой подсчет самому, за исключением тех лет, когда это (по материалам книг) сделали М. Л. Веревкин, М. Ф. Владимирский-Буданов и Д. И. Довгялло²⁷⁷.

Производя подсчеты доходов и расходов Могилева, Веревкин пришел к выводу, что «некоторые статьи» были записаны в книге «не совсем определенно» (т. XVIII, стр. 1). Как следует понимать это выражение, автор не пояснил, но в общем его подсчеты могут быть приняты лишь как весьма ориентировочные хотя бы потому, что они не всегда понятны.

Значительная часть доходов поступала от прямого обложения жителей города — поголовного, попрутчины, пляцового. Сборы эти производились по сотням. Размеры сборов определялись жителями города. В 1698 г. о размерах сбора сказано следующее: «Реестр выбораия попрутчины з грунтов местных, ведлуг уставы их милостей панов магистровых и всех пяти перемен посполитых, з жылого прута по золотых два, з отписного по ползолотога, так теж и пляцового, водлуг старых реестров» (т. XII, стр. 8).

Большой доход поступал с торговых точек, с юридик, от шляхтичей, проживавших в городе, с пашен, принадлежавших городу, с сенокосов, с гумен, от рядов (соленого, пирожного и т. д.), с отдельных лиц, которые торговали с прилавков, за клеть, которая была кем-то поставлена на городской земле, и пр.²⁷⁸ Доходы «кабацкие» и вообще от выделки и продажи спиртного составляли видную часть городских доходов. Сборы со спиртных напитков были очень разнообразны. Располагая данными (хотя бы и не очень точными) о доходах и расходах города за конец

быть может, его дальнейшее продолжение излишне» («Киевские университетские известия», 1878, № 4, стр. 94). Материал книг действительно крайне однообразен, но обстановка в Могилеве была очень изменчивой, и эти изменения книги отражают, возможно, так, как никакой другой вид источников.

²⁷⁶ В примечании к книге за 1711 г. Веревкин писал, что это была «последняя подробная прихода-расходная книга Могилевского магистрата, за последующие годы таковые книги представляют не более как только перечень доходов и расходов г. Могилева» (ИЮМ, т. XXII, стр. 35).

²⁷⁷ За 1684 и 1686 гг. подсчеты сделаны М. Ф. Владимирским-Будановым.

²⁷⁸ ИЮМ, т. I, стр. 12.

XVII и начало XVIII в., можно сравнить положение Могилева во время мира и войны, тем более что война затронула Могилев непосредственно: одно время там находился царь Петр с русскими войсками, а в 1708 г. появился Карл XII со шведской армией, не говоря о постоянном передвижении русских воинских частей до и после этого. Бесконечные требования продуктов, фуража, денег, а затем пожар 1708 г., уничтоживший большую часть города, совершенно разорили Могилев.

Следовательно, приходная часть книги показывает, какие были источники доходов города, размер доходов и кто были основные плательщики. Несравнимо больше по объему и богаче по содержанию, чем доходная, часть расходная. В расходной части записаны, например, суммы, уплаченные за венки для подметания улиц, и на взятки, уплаченные генералам или государственным чиновникам. «Кабачные» деньги, т. е. полученные от продажи спиртного, город отвозил два раза в год в Варшаву, из тех же, которые оставались в распоряжении города, в предвоенные годы, т. е. в конце XVII в., очень часто записываются расходы на вышивку панов магистровых (членов магистрата). 2 января 1679 г. «панове особы депутованные, як зыплися раховать реестры пана Шулькевича в дому купецком, на тен час выпили пива гарцы чотыри» стоимостью в 14 асмаков без шелега²⁷⁹. Горелку покупали едва ли не всем, кто выполнял какую-либо работу для магистрата, пиво и мед пили на всех остановках уполномоченные города, отвозившие деньги в Варшаву.

Вообще расходы были самые разнообразные. В 1679 г. Малашку, «што по сотнях ходил с посполитыми переписовать поголовное», заплатили 2 золотых и 15 асмаков (т. I, стр. 55). В том же году кликуну (сторожу) Роди за «третью четверть» заплатили 5 золотых (т. I, стр. 56). В том же году при ремонте в ратуше печи договорились с гончарами относительно доставки кафеля, глины, сурика и яиц (т. I, стр. 72). Перед праздниками, в частности перед троицей, нанимали человека, чтобы он вымел улицу, а затем покупали «май», т. е. березок (т. I, стр. 105). 27 декабря «за росказаньем его милости пана войта и за ведомостью шляхетного пана Максима Купцевича райцы скарбового» (это обычная формула) пушкарям «водлуг давного звычайу» выдали к рождеству по золотому (т. I, стр. 128). Дворнику Хведору, который нес и караульную службу при магистрате, купили шаблю за 3 золотых и 8 асмаков (т. I, стр. 141). Перед самым новым годом члены магистрата подносили различному начальству города, а также и их женам и взрослым детям подарки — волочебное. Платили за выдирание старых гвоздей из старого гонта (дощечки с пазами для покрытия крыши), за покушку дров и за их рубку, за бревна, за шула (столбы с пазами, в которые опускаются затесанные концы бревен; т. I, стр. 367) и т. д.

²⁷⁹ ИЮМ, т. I, стр. 19.

Нередко магистрату приходилось устраивать банкеты в связи с приходом в город знатных лиц или по какому-либо другому поводу. Записи о расходах, понесенных в связи с таким торжеством, дают возможность не только определить общую сумму затрат, но и уяснить — какие продукты закупились для пира, а иногда — и какие блюда готовились. В 1688 г. при подготовке банкета был приглашен кухар (повар) высокой квалификации. Нанятый поденщик сидел целый день на ганку (крыльце) кухни, караулил, чтобы слуги, носившие в зал полмиски, «в тыл не носили бы». Какой-то Веремей просидел неотлучно на кухне два дня, смотрел, чтобы повара не крали, а вместе «на рожнах оборочал» жаркое. Для банкета кухню специально переделывали (т. V, стр. 127—132, 137, 139).

В книгах имеются также записи о разных увеселениях городской знати. Например, 30 декабря 1699 г. «панове маистровые», придя в ратушу «для великих забав меских», даже не пошли домой обедать, настолько увлекательными были «забавы». Наскоро перекусив в ратуше, они помчались досматривать конец представления (т. XIII, стр. 19, 81). Это не было исключением, так как подобное же происходило и в ряде других случаев.

В 1709 г., несмотря на пожар, уничтоживший значительную часть города, магистрат не только устроил банкет пану эконому (управителю Могилевской королевской экономии), но и заплатил музыкантам, игравшим на банкете, 8 золотых (т. XVI, стр. 16). В 1711 г. магистрат заплатил «спевакам братским за спевание концертов на девятник». Правда, гонорар, заплаченный артистам (спевакам), был более чем мизерный — 1 золотой (т. XXI, стр. 18).

Театрализованные зрелища устраивались не только в ратуше, но и в церквях. В 1699 г. в братской церкви в великий четверг (четверг перед пасхой.— *Н. У.*) для умывания ног епископу намостили «театр», за что трем теслям (плотникам) заплатили 3 золотых (т. XIII, стр. 58).

В 1688 г. город понес большие расходы в связи «с направой фортецый», т. е. с ремонтом городских укреплений, когда потребовалось очень много леса, кольев, дерна для ремонта валов (т. V, стр. 147—177). В 1695 г. городу в значительную сумму обошлась отливка «гарматы» (орудия). Печь для отливки пушки делал мастер Юрко, приехавший для этого из Быхова, самую же отливку производил немец. Чтобы выкопать яму под горн, купили два заступа, а чтобы вытащить из ямы отлитое орудие, наняли шесть человек (т. X, стр. 147, 150, 151).

Та же книга говорит, что в конце XVII в. в Могилеве по крайней мере часть улиц была замощена. В 1683—1684 гг. «на брукованье» Спасской улицы, «почавши от пана Марка Крока лавника аж до брамы Олейное, змовил пан райца скарбовый Отрофим Леошкович Пантелея и з товаришом его 35 золотых»,

причем было доставлено 320 возов камня; все это обошлось магистрату в 125 золотых и 10 асмаков (т. II, стр. 65).

Вообще в праздничные дни город принаряжался, а если предстояла встреча знатных лиц, светских или духовных, то цехи выходили со своими знаменами и музыкантами; гостя встречали ружейной и орудийной пальбой; пань магистровые, как и часть других лиц, прибывали на торжества верхом на конях.

Приходо-расходная книга очень богата различного рода этнографическими данными: из каких материалов могилевцы XVII—XVIII вв. шили себе платье (данные главным образом о мужском платье), во что обувались, какие носили головные уборы, чем подпоясывались, а также о жилье.

В 1698 г. магистрат дал небольшие средства «слугам меским на направу старых жупанов». В то же время «пахолкам» купили «сукна полкарнового полштучок» и гарусные пояса. «Пляцовой варте» приобрели «сукна люндышу подлейшого локтей 50». На экипировку «мистра» (палача), для пошивки ему жупана, купили сукна полкарнового, шнурков, «гузики» (пуговицы), гарусный пояс, «шапку чырвоную баранковую», «боты жолтые козловые», а также выдали наличными для приобретения сабли и обуха. В другом случае палачу были куплены «боты чырвоные» (т. XII, стр. 44—46).

Бесчисленны записи о покупке продуктов. Судя по этим записям в рационе могилевцев очень большое место занимала рыба — свежая, вяленая, копченая, соленая. Сотни записей говорят о покупке хлеба, муки, масла, пива, меда, горелки, гусей, кур. С начала XVIII в. встречаются записи о покупке яблок (копами, т. е. по 60 штук) и вишен. Очевидно, в то время вишня в Могилеве была предметом роскоши, так как в одной записи говорится, что она была закуплена для «войта», т. е. первого лица в городе (т. XVIII, стр. 76). Большие деньги тратились на приобретение различных привозных продуктов — гвоздики, шафрана, миндаля (миндаля), цинамона и пр., а также вин (патрысымент, легонское и др.). Значение таких записей увеличивается тем, что они имеются за десятки лет и что на все товары указаны цены.

Жителям городов необходимо было напоминать, что они обязаны принимать участие в общественной жизни города. На это также приходилось затрачивать определенные средства. Писцы магистрата часто писали повестки гражданам, призывая их на сессии (собрания горожан), но так как это не всегда помогало, то приходилось принимать более решительные меры. В 1697 г. «за розказанем пана войта, католицким райцы и лавнику, што выганяли с крам панов посполитых не сесью, дали тынфа золотых один и осм[аков] чотыри» (т. 11, стр. 106).

Невозможно переоценить значение сессии в качестве источника по истории цен на всевозможные товары, а также и на денежный курс. Вообще о курсе денег с 1451 по 1815 г. сообщал

в своем словаре Н. Горбачевский²⁸⁰, однако для XVI—XVIII вв. курс этот в различных областях Речи Посполитой был неодинаков, тем более что в работе Горбачевского говорится только о талерах и грошах с переводом их курса на копейки, тогда как в Материалах упоминаются золотые, осмаки, пенязи, талеры битые и простые, рубли, копейки и т. д.

Приходо-расходная книга содержит обстоятельный материал и о некоторых путях сообщения Белоруссии, а также о темпах передвижения летом и зимой. Сведения эти содержатся в отчетах лиц, возивших деньги из Могилева в Варшаву.

В 1688 г. представитель Могилева, сдав в Варшаве деньги, выехал оттуда 22 июля. Переночевав в Старишеве, он на другой день обедал в Окуневке, а ночевал в Хмелевце; 24-го обедал в Каменце, проехал Дорогичин и заночевал в Семятичах; 25-го обедал в Красном и ночевал в Каменце (около Бреста в Белоруссии.— *Н. У.*); 26-го ночевал в Пружанах; 27-го обедал в Березе, ночевал в Косове; 28-го обедал в Жировицах; 29-го проехал Стволовичи и Мир, ночевал в Жуковом Борке. 30-го обедал в Койданове, ночевал в Черкасах в корчме. 31-го был в Минске, ночевал в Городце. 1 августа проехал Смолевичи, в Жодиной Слободе обедал, ночевал в Борисове. 2-го проехал Лопу, обедал в Круках. 3 августа обедал в Головчине, вечером, очевидно, были уже в Могилеве. Вся поездка заняла 13 дней (т. V, стр. 246—249).

В этой записи есть деталь, не встречающаяся в других случаях: Жодино (где сейчас находится завод, выпускающий автомобили БелАЗ) названо Жодиной Слободой.

В одном случае путники, выехав из Минска, двинулись не обычной дорогой на Койданов, а поехали южнее — на Ячанку — Узду — Несвиж — Снов — Мыш — Полонку — Журавичи — Озериче — Междуречье — Мстибов — Свислочь — Бельск — Божки — Гродиско — Венгров — Хлевники — Михалово — Варшава. Обрато они ехали обычным путем (т. XXIV, стр. 27—30, 40—43).

В 1700 г. мирная жизнь города закончилась и начался длительный период тяжелых невзгод, когда Могилев был вынужден без конца выдавать продукты и деньги воюющим сторонам и платить контрибуции. Чтобы сократить такие расходы, приходилось давать взятки. Все это (или по крайней мере в большой мере) заносилось в магистратские книги. Впрочем, в годы войны эти явления стали только более частыми и требования гораздо больше жесткими, но откупаться взятками приходилось и перед войной.

За 1699 г. в книги было внесено следующее: «Реестр выдатков розных на прыезд з войском пана енарала, водза войск не-

²⁸⁰ Н. Горбачевский. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874, стр. 145, 146.

мецких, за ордынансем его королевской милости до места Могилева и экономии, то ест выплаченя порцпы на жолнеров, подарки, поклоны грошми, страве, так на саме особы и офицеров, яко и на рейтаров, розных слуг и челядь, пры боку его застаючих, в тен час и на вси кони их, з места». 27 декабря 1699 г. магистрат израсходовал на это 66 золотых и 20 асмаков. 8 января 1700 г. «пан енарал» «выехал з дому купецкого до замку» (значит в купецком доме он прожил почти две недели в качестве «гостя», и содержал его магистрат). Чтобы «пан енарал» перестал гостить в городе, магистрат поднес ему «соболя, которого подали нам панове шафарове прошлорочные» (сборщики налогов прошлого года). 31 января «пану енаралу» и пану майору поднесли вина на сумму в 32 золотых и 15 асмаков, а 23 апреля, когда паны радные были у генерала в замке, прося его вывести солдат из двух могилевских деревень, тому очень понравилась соболья шапка пана войта, стоимостью в 133 золотых и 10 асмаков; шапку пришлось подарить. Беды на этом не окончились. Когда генерал собрался уезжать, магистрат подал ему все временные квитанции с просьбой заменить их общей распиской, но генерал «засрожи». Паны радные «зрозумевшы през толмачов» в чем дело, поднесли ему соболя стоимостью в 172 золотых, 15 асмаков, после чего квитанция была выдана (т. XIII, стр. 141, 145, 146, 148, 150).

В 1709 г. князь Лобанову, чтобы он не стал со своим отрядом в Луполове (пригороде Могилева), дали 10 червонных, а капитану Рязанову — 10 талеров (т. XVI, стр. 80, 82). Пану ротмистру Пясецкому, «абы до места не мел sprawy», т. е. чтобы не касался города, в 1710 г. дали 210 золотых (т. XVII, стр. 9). Поручику Андриану Арцимовичу город поднес пару пистолетов стоимостью в 40 золотых и 6 локтей сукна за цену 108 золотых (т. XVI, стр. 89). Представителям города, которые ехали к князю Репнину, дали 816 золотых, часть которых, видимо, тоже предназначалась для передачи князю (т. XVI, стр. 87).

В 1710 г. «ведлуг реестру, нам поданого од пана райца Леопкевича его милости пану Боратынскому, полковнику Оршанскому, за умнейшенне дымов у Смалянах, дали талеров 55», что составляло 440 золотых. Тому же полковнику через войта вручили еще 162 золотых.

Выдача подобных сумм дополнялась раздачей «подарков», когда отвозили «квоту» в Варшаву в королевскую казну. В 1713 г. подканцлеру Великого княжества Литовского дали двух соболей, коронному регенту Оссолинскому меха бобра и росомахи и т. д. (т. XXIV, стр. 43, 44).

Пожар 1708 г., чрезвычайные расходы и связанные с этим обнищание населения, голод привели к огромной смертности. Магистрат выделил в 1710 г. специальных людей, которые подбирали по улицам трупы погибших и хоронили их, за что получали в неделю по 4 золотых. Могилевским жителям Шагру и Габрицкому,

выполнявшим эти функции, пришлось работать с начала мая по август включительно (т. XVIII, стр. 43, 46, 78, 92). Судя по тому, что могильщики в течение четырех месяцев не заразились, можно думать, что им приходилось хоронить людей, умерших преимущественно не от эпидемий, а от голода.

За пределами прихода-расходных книг материалы серии чрезвычайно разнообразны и, хотя они в основном касаются жизни горожан и управления городами, содержат также большое количество данных, относящихся к сельскому хозяйству и вообще обрисовывающих обстановку в деревне (например, инвентари, дела о «наездах»); кроме того, в серии имеются источники такого рода, как дневники иезуитов, гербовник оршанской шляхты, стихи и т. д.

В серии помещено большое число привилеев городам Восточной Белоруссии, дающих магдебургское право и право на организацию в них цехов и купеческих объединений.

В т. X, например, находится привилей на магдебургское право Кричеву на 1663 г. (стр. 307—317), привилей на права и вольности Могилеву на 1672 г. (стр. 350—354) и привилей 1680 г., запрещающий судить могилевских мещан в ненадлежащем месте (стр. 364—366). В т. XII помещен подтверждающий привилей на магдебургское право г. Чаусам в 1718 г. (№ 28), в том же томе находится привилей 1720 г. чериковским евреям (№ 48). В т. XIII помещены «листы» короля Августа II, подтверждающие некоторые права г. Могилева (№ 201, 202). В т. XIV — привилей Могилеву короля Яна III (№ 4), подтверждающие привилей тому же городу короля Михаила Вишневецкого от 1736 г. (№ 6) и Яна Казимира (№ 119, 127). В том же томе находится привилей г. Чаусам от 1737 г. (№ 36), а в т. XVI — подтверждающий привилей Черикову от 1673 г. (№ 98) и т. д. Ни одно археографическое издание не содержит такого количества документов, касающихся устройства и деятельности цехов, как «Историко-юридические материалы». В этой серии находится масса документов, исходящих как от королей (привилей на учреждение цехов), так и от самих цехов, касающихся порядка деятельности, спорных дел между различными цехами, разделения цехов на более специализированные, протесты против деятельности «партачей» и пр. Относительная многочисленность королевских привилеев на организацию цехов объясняется тем, что во время войн и пожаров выданные ранее акты погибали или же требовались изменения в уставах цехов. Материалы о цехах почти исключительно касаются г. Могилева, а больше всего их помещено в т. VIII ИЮМ. Не пытаясь дать обзор всех материалов о цехах, перечислим лишь некоторые. В 1594 г. был издан привилей на создание цеха скорняков в Могилеве (т. VIII, стр. 224—227); в 1597 г. — постановление солодовников относительно устройства цеха (т. VIII, стр. 234—236); в 1609 г. — привилей на организацию

цеха сапожников (т. VIII, стр. 286—290); в 1620 г. — привилей для цеха портных (т. VIII, стр. 351—358 и подтверждающий в 1635 г., стр. 445—447); в 1634 г. — тому же цеху сапожников (т. VIII, стр. 448—449), тому же цеху подтверждающие привилей в 1634 г. (т. VIII, стр. 449—451); в 1720 г. — цеху мясников (т. XII, стр. 272—277), в 1763 г. — цеху пекарей (т. XVI, стр. 412—421) и т. д.

Затем следуют документы, выработанные самими цехами Могилева и касающиеся различных сторон их деятельности. Постановление цеха портных в 1609 г. (т. VIII, стр. 291), солодовников (продавать солод только с ведома старост, т. VIII, стр. 319), мечников, кузнецов, слесарей, котельщиков об устройстве общегородского цеха (т. VIII, стр. 330—334), мясников (т. VIII, стр. 370—372), скорняков (т. VIII, стр. 407—413), шорников (т. VIII, стр. 437—441), седлярского и скорняжного (т. VIII, стр. 477—483, 484—494), золотых дел (т. VIII, стр. 494—502), пекарей (т. X, стр. 295—301), крашенинников (т. X, стр. 234—237), медников и жестянщиков (т. X, стр. 237—241).

Один из первых документов, касавшихся ремесленников Могилева, относится к 1580 г. В нем сказано, что перед лентвойтом, бурмистрами, райцами, лавниками Могилева становились мящане калачники, хлебники, крупеники и орешники города (т. VII, стр. 322).

Подобно ремесленникам, были организованы в Могилеве купцы и даже калеки. В ИЮМ помещено постановление за 1654 г. могилевских купцов о порядке торговли в городе (т. X, стр. 273—280). Калеки подчинялись своим «калепцким старостам» (т. VIII, стр. 367—369). В 1583 г. могилевские олейники (мастера, выделявавшие растительное масло) создали свое староство; приложен краткий Устав староства (т. VII, стр. 340, 341).

Для изучения истории Могилева очень большое значение имеет инвентарь или «ревизия всех жилых домов, садов и огородов Могилева», произведенная в 1745—1746 гг. (т. XXX, стр. 160—321).

В этой «ревизии», охватившей, по-видимому, весь город, называются владелец участка без членов семьи, размер участка в прутах, прентиках и локтях с обязательной отметкой — жилой дом или нет. Кроме того, «ревизия» отмечала, принадлежал ли этот грунт городу или же какому-либо пану («Артем Бядыш на грунте панов Ботвинков», стр. 164; или же: «пшач юридики Свято-Спасской», стр. 165).

«Ревизия» показывает, что очень большое количество площадей были пустыми, т. е. город после страшных потрясений в начале XVIII в. все еще не оправился. Из этого же источника можно определить профессию владельцев участков (впрочем, возможно, что это была профессия предков, и лишь позже она превратилась в фамилию): Васька Богомаз, Иван Хлебник (стр. 170) и т. д.

О том, как управлялись города при магдебургском праве, в серии документов немного. Вообще, согласно привилеям, во главе города, имевшего магдебургское право, находился воит, выборные от горожан бурмистры и лавники, а также посполитые. Но для решения дел, в частности при раскладке повинностей, собирались все горожане (можно думать, хозяева дворов), которые и утверждали раскладку. К ратуше горожане собирались по звону колокола (т. VII, стр. 373).

Нередко могилевские граждане пытались уклониться от выполнения своих обязанностей, и тогда руководители магистрата принимали различные меры в отношении нерадивых. В 1588 г. «некоторые з бурмистровства, а некоторые з радецтва и з лавництва вырекаются и на месцах своих заседати не хочут» (т. VII, стр. 372).

В 1714 г. о неявке на сессию магистрат записал так: «Если бы кто в эти печальные времена уклонялся от общественного обсуждения дел и отсутствовал на сессиях, то с пана радного следовало брать штраф в битый талер, а с посполитого — по 2 тынфа» (т. XI, стр. 399).

Вообще же за годы войны, особенно до 1720 г., функции магистрата в основном сводились к тому, чтобы выполнять требования войск, и поэтому в его делах господствуют документы, озаглавленные: «предложения магистрата», а затем после соответствующего обсуждения «постановления мешан».

Материалы содержат огромную массу документов, касающихся судопроизводства в городах с магдебургским правом, причем во многих случаях называются главы и параграфы магдебургского (саксонского) кодекса, по которому судились горожане, однако, возможно, что при судебном процессе действовали также нормы литовского статута и обычного права²⁸¹.

При ведении дела применялись разнообразные пытки, чаще всего посредством прижигания человека раскаленной железной шиной (т. XIII, стр. 179 и др.). Пытки временами были очень жестокими. Одного человека, обвинявшегося в том, что он совершил кражу в Базилианской церкви, пытали так, что у него «отстало мясо от кости», но он не сознался и вскоре умер (т. XXIII, стр. 110). «На муку» брали даже вора, укравшего кожух (т. VII, стр. 371).

Приговоры судов были разнообразны: изгнание из города, порка, после которой следовало изгнание (т. VIII, стр. 405), и довольно часто смертная казнь. Смертные приговоры выносились по самым разнообразным поводам и приводились в исполнение по-разному. Гаврило Яковлевич был приговорен к смертной казни за убийство (т. VIII, стр. 315). К смертной казни был приговорен

²⁸¹ ИЮМ, т. X, стр. 267. При разборе дела об убийстве даются ссылки на магдебургское право и литовский статут («порядок статуту майдеборского у части четвертой, лист 122», — т. VII, стр. 370).

в 1707 г. Адам Зеленецкий, обокравший церковь. Этого вора «мистр» (палач) публично три раза «пробовал» раскаленной железной шиной, пытаясь выявить сообщников. Обвиняемый сознался, что обворовал (кроме Могилева) еще церкви в Шклове и Бельничках, но утверждал, что делал это один. Его сожгли (т. XI, стр. 259—261). Вообще кража в церкви, даже минимальная (свечей), обычно заканчивалась смертным приговором (сожжением). За убийство преступнику отрубили голову «у слупа», т. е. у столба около ратуши (т. XVI, стр. 173). Янка Козлов за совершенное воровство был повешен, а его соучастница Ульяна «согласно магдебургского права» утоплена в Днепре. Для надзора за исполнением приговора выделялись члены магистрата (т. XVI, стр. 263). Какого-то Мокрого из Комарович за воровство сожгли «при Дрибинской большой дороге» (т. XVII, стр. 347). Одному из убийц в 1651 г. сперва отрубили руку и прибили ее «у слупа», а затем отрубили голову (т. X, стр. 244). В некоторых случаях при исполнении приговоров происходили казусы. В 1720 г. в Могилеве был приговорен к отсечению головы Мацей Стафанович как фальшивомонетчик, но, когда его вели на казнь, монахи-кармелиты, растолкав стражу, схватили преступника и увели в свой монастырь, утверждая, что обвиняемый принадлежит к их юрисдикции, т. е. что он не подлежит суду магистрата (т. XII, стр. 282).

Изредка в документах встречаются решения о судьбе человека, которые не входят ни в какие нормы права и являются результатом полного самоуправства. Так, управляющий одним из имений Огинского — Жуковский — выдал головою Семена Шутова своему пастуху, который сперва избивал Шутова, а затем утопил его (т. XXV, стр. 74, 75).

Среди судебных документов, помещенных в Материалах, лишь немного фиксирующих решения копных судов, что и понятно, поскольку документы этой серии относятся главным образом к городам.

Вообще дел, в которых были бы изложены решения «копы», т. е. суда крестьянского общества (масса таких решений имеется среди документов, помещенных в «Актах Виленской комиссии», см. выше), в «Историко-юридических материалах» почти не встречается, но зато есть немало упоминаний о них и, в частности, указаний на те места, где собиралась копа.

В акте размежевания имений Головчино и Тетерин (1646 г.) сказано, что граница проходила «за Окулиное лядо у Межное болото, где се копа збирает» (т. XXIV, стр. 394); подобного рода упоминания имеются и в других документах, преимущественно середины XVII в. (т. XXVI, стр. 80, 193). В некоторых случаях упоминания о копных судах содержат весьма красочные данные о том, как проходили эти суды. Например, в 1670 г., когда собралась копа из представителей двух имений, то сторона, где жили обвиняемые, «згромадившысе и порвавшысе до обу-

хов и киев, мещан и подданных его милости панов судзичовых бити почали» (т. XXV, стр. 243).

Весьма многочисленны в серии материалы, касающиеся семейного права или семейных отношений, в первую очередь брака и разводов. Светскими и духовными властями признавались браки как фактические, так и церковные, и поэтому в документах часто встречается указание, что его жена (реже муж) является «венчальною» (т. VII, стр. 337). Духовенство стремилось перевенчать живущих в браке, однако не проявляло в этом деле нетерпимости. В одном случае священник, видя, что молодожены живут невенчаные и к тому же не желают венчаться и даже жить вместе, «и тот священник россутившы, тот лист свой им дал и жениги дозволил», т. е. развел невенчаных супругов (т. VIII, стр. 346). Чтобы закрепить произведенный священником развод, бывшие супруги принесли разводный акт для внесения в магистратские книги (там же). Вообще разводы в XVI—XVII вв. в Восточной Белоруссии были делом если и не заурядным, то и нередким. Причины для развода были очень разнообразны. Например, Коробанко развелся с женой из-за ее неспособности к супружеской жизни (т. XIII, стр. 266—284). В случае, если неспособным оказывался муж, дело о разводе обычно возбуждал отец жены (т. VII, стр. 473, 474). Но были и совершенно другие причины. Так, в 1585 г. Андрей Окулинич разошелся с женой «в тот теперешний час голодный, не маючи поживения взяти откуль быхмо ся живити мели», т. е. из-за крайнего истощения голодом, возможно, надеясь, что раздельно они смогут легче прожить (т. VII, стр. 368). Приблизительно подобный же случай произошел и у других, которые разошлись «з недоброго мешканья», т. е. из-за скверных квартирных условий (т. VIII, стр. 274). Янко Конашевич развелся потому, что жена уходила в монастырь (т. VIII, стр. 255, 256); в другом случае — из-за того, что жена была «хворая» (т. VIII, стр. 285). Один развод произошел из-за того, что жена, когда в Могилеве появились запорожцы, «бавилась свовольностью» с ними, и наконец, прихватив чуть ли не все имущество мужа, ушла с ними (т. VIII, стр. 295). В одном случае муж-гайдук пана Ходкевича попал в плен к татарам, и, пока он был в плену, жена успела выйти вновь замуж. Вернувшись, гайдук подал в магистрат заявление о разводе и получил его (т. VIII, стр. 375, 376).

В большинстве случаев развод давали гражданские власти, но нередко они направляли к духовенству, и иногда дело доходило до высшей духовной власти — архиепископа. В 1614 г. к полоцкому архиепископу поступила жалоба от Ждана Авусовича, что его теть Иван Чорны уже третий раз забирал у него жену со всем приданым. Черного в конце концов за это предали церковной анафеме, что, однако, не оказало на него никакого воздействия (т. VIII, стр. 325—330).

В некоторых случаях документы передают сведения относи-

тельно дел, далеко выходящих за обычные нормы. Так, уже упоминавшаяся Ульяна, перед тем как совершить кражу с Янкой Козловым, по его показаниям, сказала: «Я твоей женой, а ты моим мужем будешь, подавали друг другу руки, и в знак этого Ульяна, сев на моем лоне, сказала, чтобы вырвал у себя из головы волосы, которые забрала себе, а вырвав свои, передала мне». Ульяна еще уговаривала Янку, который был женат, чтобы он взял след своей жены и земли из-под порога, на что тот не согласился» (т. XVI, стр. 259). Вполне возможно, что слишком суровый приговор для них был вынесен не из-за того, что они совершили кражу, а из-за этих колдовских действий.

Власти довольно мягко относились к фактам супружеской неверности, однако иногда это каралось жестоко. В одном случае муж, который много изменял жене, дал обязательство в дальнейшем воздерживаться от этого, но пошел опять, был захвачен вместе с другой женщиной, в результате чего оба они были приговорены к смертной казни (т. XIII, стр. 349—351).

Среди документов, отражающих уровень социально-экономического развития страны, важнейшими являются инвентари. Инвентарями в Материалах называются два вида источников: собственно инвентари, т. е. описания имений или городов, а также описи имущества умерших, содержащиеся в завещаниях.

Инвентарей в серии помещено много, но скомпонованы они в том только в двух случаях. Во-первых, когда Д. И. Довгялло подобрал инвентари огромных имений (староств) Латгалии за конец XVIII в. (т. XXXI, стр. 3—440), а вторая серия инвентарей была опубликована тем же редактором в т. XXIX (стр. 165—170, 175—472 и 68 страниц в приложении). Вообще массовое издание этого вида источников связано с именем Довгялло, который значительную часть опубликованного им материала отвел инвентарям. Так, им помещен в т. XXVIII инвентарь Чечерского староства за 1704 г. и того же староства за 1726 г., а в т. XXIX—инвентари церковей Витебского воеводства за 1618 г., Судиловичской волости — за 1648 г., Козьянской волости — за 1653 г., имения Залужье — за 1704 г., имения Тродевичи — за 1755 г., имения Еменец — за 1758 г., Чашникского графства — за 1766 г., Рындинского староства — за 1766 г., Рындинского графства — за 1771 г. и ряда других (стр. 3—434). В том же томе помещены инвентари местечка Суража и г. Велижа за 1771 и 1772 гг., слободы Бешенковичи за 1781 г. и такие редкие для археографических сборников материалы, как планы городов Велижа и Суража и их округов.

Во всех предыдущих томах инвентари печатались редко и в их издании никакой системы нет. Например, в т. XII помещены «инвентарь Могилева с прилежащими к нему землями и суммы разных вносимых оным платежей» за 1718 г. (№ 20) и другой, озаглавленный: «Инвентарь, населенных недвижимых имуществ

в повете Оршанском, подлежащих обложению разными сборами» (№ 10). Ряд инвентарей имений за середину XVIII в. опубликован в т. XIX (имения Кеймино, Русиново); в т. XXI дан инвентарь Усвятского староства за 1623 г. и того же староства за 1670 г. (стр. 71—90); в т. XXIII — инвентарь имения Подберезье.

Все эти инвентари составлялись с различной целью, общей узаконенной формы для них не существовало, потому и сведения, содержащиеся в них, часто очень разные. Например, в инвентаре имения Русиново не отмечено даже общее количество земли (т. XIX, № 39).

Инвентари второго рода, т. е. перечисление имущества при его разделе или в завещаниях, встречаются больше всего среди документов богатых горожан. После смерти могилевского войта Казановича осталась масса серебряных или отделанных серебром вещей: ковши, кружки, ложки, оправленные в серебро иконы, отделанные серебром седла, перлы, рубины — отдельно и в виде деталей к вещам. Описывая вещи, делили их по видам металла: серебряные, оловянные, латунные, медные, железные. Среди железных вещей — немецкая мельничка для размола перца (т. X, стр. 371).

Среди прочего имущества были описаны и книги. К сожалению, их описали по форматам, не говоря о названиях или о содержании. Больших книг покойного войта оказалось 15, в полдесть — 33, в четвертку — 24, аркушовых — 4, около 10 книг было в шкатулке. Отдельно отмечены дневник польский и дневник русского письма (т. X, стр. 376).

Большой интерес представляет собой также опись вещей, оставшихся после смерти Гапоновича, где между прочим говорится, что умерший войт происходил из семьи, которая занималась выделкой кож и пошивкой кожухов (т. IX, стр. 355—371).

Инвентари всего чаще составлялись тогда, когда имение передавалось в аренду или в залог, или при передаче от одного владельца другому. Поэтому большой интерес представляют документы, показывающие, на каких условиях происходила подобная передача. В 1717 г. витебский подкоморий заложил витебскому Базилианскому монастырю свое имение за 120 тыс. злотых. В имении была рудня (маленький железоделательный «завод» типа домницы) и мельница. Владелец сдавал имение со всеми доходными статьями, со всем имевшимся тогда имуществом («с полями ораными и неораными, лядами и лядищами, сенокосами, ставами, сажалками, рекой Двиной, с правом забивать на ней езы, с корчмами, мельницами, руднями, лесами, борами старинами, луцями, с вольной выделкой в них лесных товаров, паленем золы, выделкой мачт и всяческого дерева, выделкой торчиц (досок, получаемых путем расклинивания бревен; торчицы употреблялись на покрытие крыш.— Н. У.), с правом продавать их в

Риге, с пасаками, бортями, с крестьянами и всеми их повинностями» (т. XXIV, стр. 166).

По инвентарю имени Путиловского владделец свои поля не засевал, а отдавал их крестьянам за четвертый сноп (т. XXIV, стр. 27); в 1635 г. имение Вашницы было сдано в аренду без права выделки селитры и лесных товаров (т. XXIV, стр. 253) и т. д.

Любопытнейший документ представляет собой завещание могилевского бурмистра Малахии Гуторовича Казакевича, оставленное им в начале XVIII в. Богатейший в городе человек, имущество которого было исчислено в сумме свыше 334 тыс. золотых, Казакевич в молодости был бедным. Завещав значительные суммы монастырям и церквам в Могилеве, Буйничаях, Борколабове, Вильно, Слуцке и на Воляни, основные свои ценности он оставил наследникам, причем оговорил, что дочки, если они желают получить оставленное для них приданое, не должны выходить замуж ни за мещанина виленского, ни минского, ни слуцкого и ни за «найбогатейшего шляхтича», а только за могилевского мещанина, из «людей средних, умеренно богатых» (т. XI, стр. 207).

Включение в число потенциально запрещенных женихов «найбогатейшего шляхтича», очевидно, говорит о том, что завещатель не был самодуром, что это скорее всего было результатом сознания себя как представителя третьего сословия, не желавшего, чтобы нажитые им средства были попусту растрачены шляхтичем.

Огромная серия ИЮМ бедна материалами, отражающими борьбу низов против феодального гнета, хотя известны три крупнейших восстания, происходивших в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв.: в 1606—1610 гг. — в Могилеве, в 1740—1744 гг. — в Кричевском старостве и в 1648.—1649 гг. — по всей Белоруссии. В Материалах помещены данные лишь о двух первых, причем о могилевском восстании приведен только один документ, представляющий собой пространный смертный приговор руководителям движения. Обвинительный акт следует от Яроша Воловича, подскарбия земского и писаря Великого княжества Литовского. В акте сказано, что обвиняемые «поднимали (строили) бунты, простых людей отговаривали от послушания правительству, запрецали сдавать правительству положенные подати и сборы, в колокол звонили, собирая на раду (собрание), призывали к насилью, меня словами задевали, толпой приходили к ратуше, дверь мою силой выломали и всяческими способами нарушали в городе общественное спокойствие» (т. VIII, стр. 307).

О восстании в Кричевском старостве документов в серии значительно больше (т. XVII, стр. 273—298, 301—302), но и они отражают обстановку совершенно недостаточно. При всей недостаточности эти материалы длительное время были основными источниками сведений о восстании; новые данные, хранящиеся

в архивах Польши, стали вводиться в научный оборот лишь после второй мировой войны²⁸².

Во всех почти сборниках актового материала Белоруссии имеются данные о «наездах», т. е. нападениях шляхтичей друг на друга или шляхтичей на духовенство и наоборот. Богаты подобного рода данными и Материалы. В 1699 г. гвардиан (настоятель) Бобинский с толпой францисканцев, частично одетых в рясы, частично — в гражданское, набрав еще посторонних, всего человек 60, разыскивал своих беглых крестьян, причем напал на деревню полоцкого подчашего с тем, чтобы захватить жившего там крестьянина Володько. Не найдя самого Володько дома, захватил его жену и детей, связал и посадил на воз, чтобы увезти. При этом Бобинский выстрелил в администратора имения Чернявского. К тому времени сбежались крестьяне, среди них Володько, произошла схватка, в которой Бобинский был убит (т. XXII, стр. 401—405).

В споре между полоцким чашником и архимандритом полоцкого Борисоглебского монастыря Прусом-Ольшаницей (1646 г.) о том, где должна проходить дорога, произошли кровавые столкновения. Полоцкий «енерал», выехавший для разбора этого дела, увидел, что «рубежи (знаки, которые вырубались на пограничных деревьях.— *Н. У.*) в розных деревьях повысеканы, попалены и в нивеч тые дерева, в которых рубежи старые были, пооборачены», а взамен их сделаны новые, «на которых там же грунте Поульском, неподалеку ручья Чорного, в бору, виделом и с той стороною шляхтою на дорозе добровольной стародавней, которая идет з гостинца Полоцкого вправо от Гомля и до Турца, шубеницу (виселицу.— *Н. У.*) поставленную, которую меновал подданные его мости пана чешника полоцкого Поульские на имя Стаська Онух, старец, а другий Ян Гайко и иные тое маестности Поульское, иж за власным росказаньем и посланьем его мости отца Терфила Ольшаницы, подданные его мости турецкие,

²⁸² См. *В. Мялешка*. Крычаускае пусатанне. «Полымя», 1971 № 1, стр. 180—207; *М. Lech*. Powstanie chłopów białoruskich w starostwie Krzyżewskim (1740 r.). «Przegląd historyczny», 1960, N 2, str. 313—340; *он же*. Milicje Radziwiłłow, jako oręż feudałów w walce z ruchami chłopskimi na Białorusi. «Rocznik Białostocki», t. II. Białystok, 1962, str. 33—60. О том, что выступления могилевских мящан в 1606—1610 гг. не были явлением исключительным, что они происходили не очень редко, говорит «постановление Генеральной ревизионной комиссии» от 19 июня 1723 г. «Поскольку город Могилев (т. е. жители Могилева.— *Н. У.*),—говорится в этом постановлении,—вследствие своей ветренности и непостоянства, вопреки воле и власти своих верховных руководителей привыкли бунтовать, производят насилия и собираться толпами, бить при всех обстоятельствах в набат, вследствие чего происходят убийства и связанные с ними процессы, чтобы избежать подобного, постановляем, чтобы никто как из светских, так и духовных особ не осмеливался бить в колокола, созывая на гвалт, без сообщения об этом замку» (т. XII, стр. 433). А в 1735 г. новогрудский каштелян Незабытовский приглашал шляхту принять участие в усмирении мятежников в Могилеве (т. XIII, стр. 508—510).

меновите Совоша Павленок старец, а Дашко Кононович рыбака тую шубеницу на той дорозе поставили и колодами завалили и тую границу, вышей помененую, повысекали». Прежняя дорога была завалена колодами и перекопана рвами, и архимандрит приказал, что, если кто поедет старой дорогой, того ловить и вешать (т. XXII, стр. 349—350, 356).

«Наезды» происходили и в более позднее время — в XVIII в. (см. т. XX, № 29, 37; т. XIX, № 92; т. XXIII, № 48; т. XXI, № 17, 52, 57 и др.).

В т. XXVIII Материалов Д. И. Довгялло поместил так называемый «Оршанский гербовник» — источник для археографических изданий совершенно исключительный. «Гербовник» настолько отличается от всего остального, печатавшегося в Материалах, что редактор разделил этот том на две совершенно самостоятельные части.

В «Гербовнике» помещены гербы шляхты бывшего Оршанского повета Витебского воеводства с соответствующими пояснениями и генеалогическими таблицами. Некоторые из гербов в оригинале сделаны акварелью, но напечатаны они все только черной краской.

Собрание гербов появилось в результате универсала могилевского генерал-губернатора Каховского от 14 июля 1773 г., согласно которому все лица, причисляющие себя к шляхте, должны были предъявить свои гербы и к ним приложить генеалогические таблицы и соответствующие документы. По мнению редактора, были поданы (а, следовательно, и напечатаны в ИЮМ) не все гербы повета. Для удобства пользования изданием редактор опубликовал их не в той последовательности, в какой они находились в собрании, а расположил в алфавитном порядке (по фамилиям).

Обычно каждый герб в издании занимает одну страницу (иногда целую страницу занимает генеалогия), причем после изображения герба даются фамилия и имя шляхтича, а также имена его ближайших родственников и год подачи документов.

Относительно немного (для такого издания, как Материалы) в серии помещено документов, относящихся к войне 1654—1667 гг.

Едва ли не всего больше упоминаний, связанных с этой войной, имеется о взятии штурмом Мстиславля войсками Трубецкого в 1654 г., когда погибла масса народа и различного имущества, что нашло отражение в многочисленных жалобах пострадавших, поданных ими в 60-е годы XVII в. (т. XVII, стр. 177, 179, 181, 189; т. XXIX, стр. 119 и др.).

Несравнимо меньше материалов касается войны в других местах Белоруссии. Так, в т. XXI помещен документ, датированный 1697 г., т. е. написанный спустя много лет после происшедших событий (говорится о 1654 г.). В документе сказано, что когда русские войска вступили в Белоруссию, то только часть

шляхты села в осаду в Витебский замок, остальные же не оказали никакого сопротивления. Замоквые стрельцы сразу сдались русским, и замок защищали мещане и те немногие из шляхты, кто не перешел к русским. Витебский замок держался три с половиной месяца и был взят штурмом. Захваченную в плен шляхту разослали по русским городам (т. XXI, стр. 338—342).

Весьма интересны помещенные в серии документы об иезуитах. В Белоруссии иезуитский орден не был закрыт до 1822 г., а так как иезуиты там находились с XVI в., то за 200 с лишним лет они оставили массу всевозможных документов, часть из которых была опубликована в Материалах. Те документы, которые исходили от самих иезуитов, написаны большей частью на латинском и отчасти на польском языках, документы, касающиеся иезуитов (например, инвентари их имений), — на польском и белорусском.

Среди документов, оставленных самими иезуитами, выделяется журнал, веденный в Витебской коллегии с 1714 по 1813 г. и называемый «Плоды духовные» (*Fructus spirituales*). В этот журнал иезуиты заносили все, что должно было послужить для вящей славы как всего ордена, так и, в частности, для Витебской коллегии. В нем перечисляются «чудеса», произошедшие в отмеченные годы в Витебске и его окрестностях, указано, где и когда иезуиты обезвредили заломы (особым образом завязанные узлы из растущей ржи или пшеницы, которым приписывалось чародейское значение), посредством амулетов расторгали связь женщин с дьяволами, и вообще перечислялись мероприятия, направленные против нечистой силы.

«Плоды» печатались в томах XIX—XXI «Историко-юридических материалов», где они заняли свыше сотни страниц.

Документы подобного рода дополняются инструкциями, изданными для членов ордена, находившихся в Белоруссии, в которых отражены различные стороны жизни иезуитов. Так, за 1720 г. опубликован циркуляр иезуитского провинциала (руководителя) Литовской провинции на имя ректора Витебской иезуитской коллегии, запрещающей карать своих учеников так свирепо, как это делалось ранее, т. е. не давать за провинности по несколько сотен ударов (т. XVIII, № 43). В том же году было дано указание ректору Витебской коллегии не заниматься ростовщичеством (т. XVIII, № 44). В документе, изданном в 1736 г., сказано, что иезуиты, хотя и могут употреблять спиртные напитки, но не должны пьянствовать (очевидно, не должны в пьяном виде показываться на людях). От управляющих имений требовали, чтобы они не держали в имениях женщин и всем вообще запрещалось драться. В той же инструкции сказано, что не нужно часто ставить одни и те же пьесы, в самих же пьесах избегать оскорбительных для кого-либо выражений, а в школьных занятиях больше всего внимания уделять арифметике и чистописанию (т. XVIII, № 46).

В 1742 г. сообщалось о выпуске папой новых индульгенций (№ 50).

К числу важнейших документов, помещенных в Материалах и касающихся иезуитов, относятся инвентари имений, начиная с тех, которые были составлены в конце XVI в., когда Стефан Баторий создал Полоцкую коллегию, наградив ее массой владений (впрочем, почти начисто разоренных и пустых, так как население разбежалось или было истреблено), и кончая инвентарями последних десятилетий XVIII в.

Среди прочих документов, помещенных в серии, имеется описание границы между Великим княжеством Литовским и Русским государством. Наиболее пространное из таких описаний помещено в т. III Материалов и называется «Описание границы Велижского, Увятского, Невельского, Себежского и Красногородского с землями государства Московского, Великими Луками, Заволочьем, Опочкою и пригородками псковскими в 1648 г.» Этот документ внесен в Полоцкие городские книги коморником (землемером) Иваном Вольфом в 1764 г.

В Материалах имеются, хотя и в очень небольшом количестве, данные о судоходстве и сплаве леса в Белоруссии. Если учесть, что этот вопрос еще не изучался, имеющиеся в ИЮМ материалы представляют большой интерес. В т. IV ИЮМ, например, помещены данные о крушении струга, проходившего по Двине через пороги ниже Динабурга (стр. 395—399). В инвентаре имения Улла есть данные о судоходстве на этой маленькой реке (т. XXII, стр. 416). В документе, датированном 1716 г., содержатся такие данные о сплаве плотов по Двине. На плот грузили клетку, большую, малую и французскую. Плоты вязали в лавы, иначе называемые еще гусками, глейнами, опунками. Стырняку, т. е. кормчому, и рабочим платили солью. Плоты должны быть очень большими, так как на один сразу погрузили 657 коп клетку (в копе 60 штук) (т. XXIV, стр. 135—141).

Как и прочие публикации, «Историко-юридические материалы» содержат массу данных относительно метрологии Белоруссии, предмета, тоже еще не изучавшегося. В XVI—XVII вв. в Восточной Белоруссии рожь измерялась (как и везде в Белоруссии) бочками, но в ИЮМ упоминаются бочки полоцкой меры (т. IV, стр. 398), там же упоминается «ржи косяк». Железо измерялось берковцами и безменами, свинец «свиньей» (т. XII, стр. 33), медь — пудами и безменами. Мясо свиное — шротами (т. XIII, стр. 19), сушеную рыбу продавали лыками (т. XXII, стр. 15). Цыбуля (лук) — плетенками, яйца — копами (по 60 штук), масло (коровье) — горшками (т. XIV, стр. 17, 18). Пиво — гарницами и корцами (т. I, стр. 19), горелка — квартами (т. XIII, стр. 17). Папера (бумага) продавалась либрами (десятью); отмечается папера слонимская, т. е. выделанная в г. Слониме (т. VII, стр. 159). В то время при наличии общих названий (бочка, гарнец и пр.) было много мер местного значения. В 1664 г., например, при

нападении на крестьян села Пескевичи у них выгребли из четырех ям «жыта чистого меры кричевской чверти 12» (т. XXIV, стр. 470).

По некоторым данным можно определить не только соотношение количества коп, т. е. число нажатых снопов (копами определялся размер сбора зерновых), но и урожай. Так, в имении Белом (Полоцкое воеводство) в 1652 г. считалось, что овса могли бы нажать 3 копы, которые предположительно дали бы 2 бочки зерна. В другом случае, засеяв 2 бочки жита, надеялись нажать 15 коп, а намолотить с них 12 бочек. При посеве 8 осмин, «с которого жита, что се, бы добро уродило, могло се узять коп 10, а намолотить бочек 8» (т. XXII, стр. 373) и т. д.

М. Л. Веревкин, редактор Материалов, в одном из примечаний сообщал, чем в его время (конец XIX в.) в Могилеве была мера при продаже кулаги, т. е. жидкого теста, называемая локтем. По словам Веревкина, продавец или продавщица «погружали свою руку по самый локоть в такую кулагу, которая счищалась с руки в особую посуду для покупателя» (т. XXVI, стр. 11).

Совершенно безграбичный материал содержится в серии по топонимике и исторической географии. Материал подобного рода тем более важен, что сотни маленьких рек или озер уже давно исчезли, и если не установить, где они находились, то невозможно составить достоверную карту прошлого этих районов.

Среди прочих данных Материалы содержат также сведения об архивах, вернее говоря, в большинстве случаев о гибели архивных материалов. Так, Кричевский магистрат удостоверял, что книг Кричевской магдебургии за 1604—1735 гг. нет, потому что в 1735 г. они были забраны из Кричева Чернявским и Почобутом, офицерами Белорусской дивизии, и где находятся и существуют ли вообще — неизвестно (т. XVII, стр. 342).

В т. XXVIII ИЮМ помещена перечневая ведомость актовых земских книг Витебского воеводства, составленная после смерти бывшего земского писаря Льва Гурки его заместителем по должности Константином Войною. Список идет вразбивку по годам: 1626, 1619, 1602, 1599, 1607, 1621, 1599 и т. д. (стр. 103—107). В ведомости отмечено, какие книги были переплетены, а какие — нет. Всего книг числилось 87, но на самом деле имелось около сотни, так как иногда под одним названием числилось по несколько.

ИЗДАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Наряду с Виленской археографической комиссией и Витебским центральным архивом учреждением, издававшим массу источников по истории Белоруссии и Литвы, была Археографическая комиссия и в Петербурге. Публикации Комиссии, относящиеся к истории Белоруссии, помещены в сериях: «Акты, отно-

сящиеся к истории Южной и Западной России» и «Русская историческая библиотека». В обеих сериях источники, прямо или косвенно относящиеся к Белоруссии, занимают немного места (т. е. материалы о Белоруссии находятся в немногих томах), и поэтому здесь дан обзор лишь тех томов, в которых имеются подобные материалы.

«АКТЫ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ»²⁸³

В издании «Акты Южной и Западной России» главное внимание уделено материалам, относящимся к истории Украины (Южной России, по официальной терминологии того времени), и несравнимо меньше — к Белоруссии. Из 15 томов серии Белоруссии посвящены в большой мере тома I и XIV, что касается остальных, то в них подобные материалы или встречаются редко, или их вовсе нет.

Том I (и ряд других) редактировал известный историк Н. И. Костомаров. Предисловие к нему сжато до крайности и содержит лишь перечисление видов источников, помещенных в томе. Хронологически документы, относящиеся к Белоруссии, начинаются с 1396 г. (грамота великого князя литовского Витовта жителям г. Борисова о тивунском доходе) и кончаются 1599 г. В т. I документов XIV в. имеется только шесть, гораздо больше XV в. и еще больше — XVI в. Содержание их самое разнообразное, но преобладают данные о владении землей (дарение земельных участков и целых деревень, разделы, судебные решения о земельных владениях и пр.). С середины XVI в. появляются привилеи великих князей, выданные различным городам на право торговли, иногда беспопылиной, во всем Великом княжестве Литовском. В 1545 г. такой привилей был выдан киевским мещанам (№ 113); в 1551 г. — оршанским (№ 122); в 1570 г. — кричевским (№ 158). Там же помещены привилеи городам и местечкам Белоруссии на различные права и преимущества. В 1569 г. два подобных привилея получили жители г. Дисны (№ 151); в 1577 г. — жители местечка Уллы (№ 179); в том же году — оршанцы (№ 181), в 1589 г. — жители г. Витебска (№ 187) и могилевцы (№ 188) и т. д.

Есть в томе привилеи, выданные и феодалам. Так, за 1551 г. есть привилей (подтвердительный) мстиславским и радомльским панам и боярам-шляхте на разные права и преимущества (№ 124). О взаимоотношениях великого князя литовского с верхушкой феодалов (панами-радой) дают представление посольские речи от панов-рады к великому князю и ответы на них великого князя (№ 101).

К общегосударственным источникам относится «Устава о ви-

²⁸³ Полное название серии: «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией», т. I—XV. СПб., 1863—1892 (далее: АЮЗР).

манши мыт» за 1577 г. (№ 180); там же находится перечисление городов Великого княжества с указанием, какую сумму денег должен внести каждый из них в казну (№ 125).

Материалы для т. I подбирались из различных хранилищ. Очень много их заимствовано из Литовской метрики, немало документов для издания прислал из Львова Зубрицкий. Отдельные акты взяты из архива Могилевской духовной семинарии (возможно, из архива И. И. Григоровича), есть и такие, которые хранились в семейных архивах. К последним принадлежит грамота, выданная в 1507 г. полоцкому хорунжему Петуху. В легенде к этой грамоте написано, что «к сей грамоте, писаной на бумаге, приложена печать вел. кн. лит. под кустодией. Подлинник оной находится у потомков г. Петуха, Лепельский у. в поместье Хотевичах» (т. I, стр. 33). Легенды в этом издании вообще очень пространны, причем если документ заимствован из Литовской метрики, то всякий раз добавляется, что Метрика находится «при Правительствующем Сенате» в Петербурге. К жалованной грамоте, выданной Спасской церкви в Мстиславле, дана такая легенда: «Выписана из жалованной подтвердительной грамоты короля Сигизмунда III, данной священникам церкви Святого Спаса в Мстиславле, Ивану Ивановичу 1611 г., марта 21 под Смоленском, потом внесена в Литовскую метрику (зап. кн. XXXIX, л. 275 об.), хранящуюся в Петербурге при Правительствующем Сенате». При ней находится следующая отметка: «Конфирмация листов князя Мстиславского на крунты до церкви Мстиславской наданы» (т. I, стр. 45).

В т. II находятся документы XVII в. В этот период происходила обостренная борьба между православием, с одной стороны, католицизмом и униатством — с другой, в связи с чем была написана не только масса разного рода бумаг со взаимными обвинениями, но и появилась многочисленная рукописная и печатная полемическая литература. Все это нашло широкое отражение в т. II «Актов Южной и Западной России», значительная часть которого посвящена вопросу введения унии и борьбе за православие на Украине и в Белоруссии. В конце тома напечатаны произведения Ивана Вишенского, известного полемиста того времени. Там же помещена и речь Мелешки (№ 158).

В томах III, IV, V и VII Актов находится ряд документов, касающихся национально-освободительной борьбы в Белоруссии в середине XVII в., точнее говоря, за период с 1648 по 1660 г. Документы эти разрозненные и касаются отдельных эпизодов борьбы.

Том XIV имеет подзаголовок: «Присоединение Белоруссии. 1654—1655». Исходя из этого, можно было бы думать, что он целиком укомплектован документами, касающимися Белоруссии. На самом деле, он лишь в основном заполнен белорусскими материалами, но там есть немало документов, не имеющих к Белоруссии никакого отношения.

Не в пример Н. И. Костомарову редактор т. XIV Г. Ф. Карпов дал основательное предисловие, в котором изложил свои наблюдения относительно политики русского правительства в восточных районах Белоруссии. Русское правительство, когда его войска в середине XVII в. занимали Белоруссию, не находило там организованной силы, с которой можно было бы вести переговоры (как это было на Украине). Поэтому отношения русского правительства с мещанами и шляхтой Белоруссии регулировались особыми грамотами, выдаваемыми отдельным городам или шляхте целых поветов и воеводств²⁸⁴, но не имеющими общегосударственного значения.

Документы, помещенные в т. XIV, заимствованы почти целиком из архивов министерств иностранных дел (дела малороссийские и польские) и юстиции. Перепечаток из других изданий в этом томе нет, но зато из него самого позже перепечатывали очень часто.

Относительно отбора материалов и метода публикации редактор писал, что громадное количество бумаг, имевшихся в названных фондах, «напечатано, конечно, не полностью; полностью печатался только текст основного акта, всякое же его повторение сколько возможно пропускалось. Эти повторения в приказных делах, как известно, многочисленны: в жалованной грамоте на маетность повторяется дословно содержание челобитной, по которой она выдана; в грамоте, служащей ответом на отписку, повторяется иногда также содержание самой отписки и т. д.» Все это при печатании опускалось, как и титул царя²⁸⁵.

Документы, помещенные в т. XIV, касаются двух первых лет войны, а в сущности полутора, поскольку военные действия начались летом 1654 г. В августе 1655 г. русские войска вступили уже в Вильно, и из не занятых русскими территориями Белоруссии остался лишь юго-запад. Однако документы в томе касаются лишь Белорусского Поднепровья и Посожья. Говоря точнее, всего больше материалов, помещенных в томе, связано с городами Могилевом и Старым Быховом, а из политических и военных деятелей того времени — с именами Константина Поклонского и наказного гетмана Ивана Золотаренко, бывших между собой непримиримыми врагами.

О военной обстановке, сложившейся в самом начале войны в Белоруссии, говорится уже в док. № 1 (наказ дворянину Ржевскому и подъячому Богданову, которых отправляли к Богдану Хмельницкому). В дальнейшем едва ли не бóльшая часть сообщений военного порядка связана с именем Ивана Золотаренко. В начале войны Золотаренко со своим отрядом шел к Гомелю, который вскоре сдался ему. После этого Золотаренко взял Черчерск и Новый Быхов, однако, придя к Старому Быхову

²⁸⁴ АЮЗР, т. XIV, стр. I—IV.

²⁸⁵ Там же, стр. V.

(на 20 км выше Нового, на Днепре), казаки остановились. Сопротивление Старого Быхова было настолько упорным и длительным, что он не сдался и после падения Вильно, и у его стен Золотаренко был убит. Осада Старого Быхова продолжалась свыше года, и сдача его произошла в том году, за который в т. XIV документов нет.

Как никакой другой сборник, т. XIV содержит богатые данные о взаимоотношениях Константина Поклонского с русскими. В этом томе собрана масса его писем царю Алексею Михайловичу, в большей части посвященных жалобам на Ивана Золотаренко.

В томе содержится ряд писем, которые посылались русским командованием в осажденные города Восточной Белоруссии с предложением сдаться и обещанием сохранить за жителями их прежние права и вольности. Со своей стороны осажденные выработывали «статьи», на основании которых они готовы были сдать город русским.

Жители Могилева были первыми, кто подал «челобитные статьи» об утверждении их прежних прав и пожаловании новых (стб. 257—266). Подобные же «статьи» подало и население Витебского воеводства (стб. 285—294), отдельно — могилевская шляхта, просившая подтвердить им все прежние права. В ответ русское правительство сообщило, что все останется, как было ранее: «Кто чем владел ныне до сдачи города Могилева, владеть по-прежнему, и доходы всякие от тех маетностей и со крестьян имати» (стб. 363—366).

Значительное место среди документов т. XIV занимают жалобы населения на тяготы, связанные с войной, т. е. что воинские части забирают у жителей хлеб, скот и т. д. Что касается непосредственно военных действий, а также антифеодальных выступлений крестьян, то подобных документов в томе мало. Таким образом, при наличии очень большого, неизвестного ранее исследователям материала относительно положения в Белоруссии в 1654—1655 гг., т. XIV отражает обстановку неполно, так как его внимание сосредоточено на небольшом районе и на небольшом круге вопросов. Документов, касающихся Центральной и тем более Западной Белоруссии, в томе очень мало, что и понятно, поскольку издатели Белоруссией считали только Белорусское Поднепровье.

«РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Археографическая комиссия 18 октября 1869 г. приняла решение «печатать особым изданием материалы из рукописей императорской Публичной библиотеки на иностранных языках, касающихся Северо-Западного края и Малороссии и объясняющие их отношение к России и Польше». Печатать их было решено в Отделе памятников под названием «Русская историческая библиотека». «Русская историческая библиотека» (РИБ) издавалась

в течение 1872—1927 гг. в Петербурге. Том I РИБ вышел в 1872 г. под редакцией М. О. Кояловича ²⁸⁶.

При публикации материалов, касающихся Белоруссии и Украины (по терминологии М. О. Кояловича, Северо-Западного края и Малороссии), Комиссия первоначально особое внимание уделила тем источникам, которые освещали религиозную борьбу между православием, с одной стороны, унией и католицизмом — с другой. Этому вопросу посвящены тома IV, VII и XIX РИБ, вышедшие в 1872, 1882 и 1903 гг. (Указанные тома были изданы под особым подзаголовком: «Памятники полемической литературы в Западной Руси»; редактором их был П. А. Гильтебрандт.)

Почти одновременно с т. XIX (1903 г.) вышел т. XX. Это был первый том РИБ, целиком укомплектованный материалами Литовской метрики; редактором его был тоже П. А. Гильтебрандт. Обстоятельства, при которых т. XX появился на свет, освещены как Гильтебрандтом (в его предисловии к тому), так и в «Записке» И. И. Лашо. В деталях эти сообщения несколько разнятся между собой.

П. А. Гильтебрандт, сказав в самой общей форме о судьбах Метрики за последние десятилетия, затем изложил сущность «Записки» С. А. Бершадского, поданной тем в Археографическую комиссию в 1895 г. Гильтебрандт отметил, что «Записка» была «обширной» и в ней доказывалась «настоятельная необходимость издания древнейших книг Литовской метрики до 1588 г.» и прежде всего книг Судных дел, содержащих ценный материал для истории Статутов всех трех редакций. Далее сказано, что Комиссия «признала своевременным печатание древнейших книг Метрики целиком» и «поручила наблюдение за этим изданием своему члену П. А. Гильтебрандту, а составление специальных юридических примечаний предоставила С. А. Бершадскому» ²⁸⁷. В самом конце предисловия отмечено, что С. А. Бершадский «по приглашению редактора... принимал участие в издании почти вплоть до своей кончины (21 февраля 1896 г.)» и им «прочтено около десятка первых листов» ²⁸⁸.

Из сказанного Гильтебрандтом следует, что Бершадский внес предложение начать издание книг Судных дел, что Комиссия приняла это предложение и поручила Бершадскому составление юридических примечаний и что Бершадский «по приглашению редактора» прочитал около десятка отпечатанных листов.

Однако между подачей Бершадским «Записки» и началом печатания т. XX РИБ прошло всего около месяца. В своей за-

²⁸⁶ РИБ, т. I, стр. IV. В действительности оказалось, что в РИБ напечатана масса источников, не имевших отношения ни к «Северо-Западному краю», ни к «Малороссии»: в составе РИБ имеется ряд томов, содержащих акты Холмогорско-Устюжской епархии, донские дела и т. д.

²⁸⁷ РИБ, т. XX, стр. IV.

²⁸⁸ Там же, стр. VII.

писке Бершадский просил Комиссию разрешить напечатать целиком «две или три книги Судных дел, № 1—3, приблизительно в количестве 64 печатных листа»²⁸⁹. Это как раз те книги, которые помещены в т. XX РИБ. В общем все сводится к тому, что у Бершадского при подаче «Записки» была готовая рукопись, которую немедленно запустили в производство, Гильтебрандт же представил дело так, что можно подумать, будто составителем тома был он сам.

В т. XX РИБ вошли первые три книги Судных дел Метрики, но из третьей взяты лишь первые 142 листа, так как остальные (143—259) были приплетены к первым 142 по ошибке. Редактор отметил, что и в тех книгах, которые были помещены полностью, состав неоднороден: среди судебных решений (основного материала Судных книг) имеются привилеи, посольские документы, инвентари (у Гильтебрандта «описи городов и сел») и др.²⁹⁰ Действительно, привилеи, инвентари и посольские документы в т. XX РИБ встречаются, но лишь в виде крайне редкого исключения, подавляющую же массу составляют разного рода «выроки» (решения судов), «листы» и пр., имеющие непосредственное отношение к судебным делам.

И. И. Лаппо в своей «Записке» (поданной после смерти Гильтебрандта, умершего в 1905 г.)²⁹¹ прежде всего отмечает, что Бершадский подавал в Комиссию две «Записки», первая из которых была зачитана Е. Е. Замысловским 5 мая 1887 г.²⁹² В этой «Записке» Бершадский утверждал, что Литовская метрика представляет собой неисчерпаемый источник сведений обо всех почти сторонах жизни Великого княжества Литовского и что у него имеется огромная масса документов по истории этого государства, отобранных из фондов Метрики (на самом деле, оказалось, что у него были материалы и из других фондов.— *Н. У.*). Выслушав «Записку», Комиссия постановила собранные Бершадским материалы принять к печати²⁹³. Спустя почти 7 лет, в начале 1894 г., Комиссия приняла решение издать старинные описи книг Метрики. Первый выпуск этого издания заключал в себе описи четырех книг Судных дел и одной книги Записей; описи в то время находились в Комиссии, вытребованные туда для издания материалов Бершадского. Печатание названных материалов под редакцией Гильтебрандта началось уже через несколько месяцев²⁹⁴.

Как видно, Лаппо старался обратить внимание на то, что

²⁸⁹ «Летопись занятий Археографической комиссии за 1895—1899 гг.», вып. XII. СПб., 1901, стр. 12.

²⁹⁰ РИБ, т. XX, стр. V.

²⁹¹ «Записка» И. И. Лаппо опубликована в издании: «Летопись занятий Археографической комиссии за 1906 г.», вып. XIX. СПб., 1908, стр. 20—41.

²⁹² Там же, стр. 20—21.

²⁹³ Там же, стр. 21.

²⁹⁴ Там же.

материалы для т. XX РИБ к печати подготовил Бершадский, но делал это в неопределенной форме.

Из сказанного следует, что ни Бершадский, ни тем более Гильтебрандт не представили плана издания Метрики, не только рассчитанного на долгие годы, но и самого краткого. Поэтому совершенно прав был Лаппо, когда в своей «Записке» отмечал, что «вопрос о содержании вышедшего тома (т. XX РИБ. — *Н. У.*) был решен случайным нахождением в Комиссии нескольких книг Судных дел, которые и постановлено было напечатать без рассмотрения сравнительного научного значения всех отделов Метрики и без выработки общего плана всего издания»²⁹⁵. Такой план и был выработан И. И. Лаппо.

Всего в т. XX помещено 1107 актов за 1469—1523 гг., но так как за период до 1507 г. имеется лишь шесть документов, из которых на XV в. приходится два, то в действительности в томе помещены материалы за 1507—1523 гг. Обилие документов в одном томе объясняется не только большим размером книги (стр. VII + 50 + 1566 столбцов + 258 стр. указателей + 3 факсимиле; документы в «Библиотеке» напечатаны в два столбца), но и тем, что огромное большинство помещенных в нем материалов представляет собой судебные решения, изложенные в очень краткой форме.

Правила публикации, которых Гильтебрандт придерживался, издавая книги Метрики, изложены им неполно. «Все поправки, подчистки, разные почерки, разные чернила... вставки между строками и на полях,— пишет он, оговорены в примечаниях. Пропуски букв и слов даны в прямых скобках, в прямых скобках даны также приписки на полях и над строкой»²⁹⁶. Исходя из этого, можно было бы думать, что тексты рукописей переданы в РИБ в полном соответствии с оригиналом, на самом же деле Гильтебрандт в определенных местах «исправлял» их. В белорусском языке шипящие произносились и произносятся твердо, и в источниках XVI в. после них нередко ставится «ы» и почти не бывает «ь». Гильтебрандт исправлял такие «недочеты»: в словах, которые оканчивались выносным «ч», а также после букв «ж» и «ш» на конце, а иногда и в середине слов он ставил «ь». В результате этого в редактированном Гильтебрандтом томе идут такие фамилии, как «Зубковичь», «Самодуровичь», «Лещь» и даже «Волкъ», а также слова «мужь», «душь», «поспешню» и т. д.²⁹⁷

Гильтебрандт получил археографическую выучку в Вильно в то время, когда там правили Муравьев и Корнилов или в первое время после их ухода, и в своем предисловии к т. XX РИБ он подчеркивал, что «вся сумма предметов и речений (ак-

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ РИБ, т. XX, стр. VI.

²⁹⁷ РИБ, т. XX, стб. 6, 9, 10, 13, 17 и т. д.

тов Метрики.— Н. У.) указывает на кровное родство с русским языком и бытом, с русскими оборотами речи, доселе живущими в коренной России»²⁹⁸. Для доказательства этого всем известного положения он нашел нужным напечатать «вольк» и «душь».

Материалы книг Метрики печатались в том порядке, в каком они находились в рукописи, т. е. очень часто без хронологической последовательности, но в оглавлении все акты расположены по хронологическому признаку.

Том напечатан с сохранением таких букв, как *ω*, *ϝ*, *α*; сохранены также титла и поерки над строкой; последние означают букву «й». Естественно, что в тексте часто встречается буква «ять».

Определить, к какой местности относятся помещенные в томе документы, во многих случаях невозможно, потому что в «выроках», «листах» и т. д. часто даны только фамилии или имена и фамилии, в тех же случаях, когда местность называется, видно, что акты, помещенные в т. XX, отражают обстановку во всем государстве, т. е. в Белоруссии (чаще всего Западной), Литве и той части Украины, которая входила в состав Великого княжества Литовского. Всего больше документов в т. XX касается споров о земле или судебных решений относительно земли, но есть акты о повинностях, положении различных разрядов населения, споров о подлинности духовных завещаний, о наездах, убийствах. Источники такого рода, как привилеи (например, местечку Милейчицам на магдебургское право, стб. 891—895), встречаются в виде крайне редкого исключения.

В томе имеются указатели имен и географических названий, а также «предметов и речений». В некоторых случаях имена и фамилии приводятся без всяких пояснений, в других — с указанием, кем было названное лицо. В указателе географических названий иногда говорится, в каких волостях или поветах находились те или иные населенные пункты. В указателе «предметов и речений» слова даны без перевода на русский язык и вообще без пояснений, но часто приводится текст, в котором они встречаются («безмен: пять безменов воска»; «боты: по десять грошей за боты») и т. д.

Редактором двух следующих томов Метрики (XXVII и XXX) был Иван Иванович Лаппо (1869—1944), до революции профессор Юрьевского, в 30-е годы — Каунасского и с 1941 г. — Вильнюсского университетов. И. И. Лаппо известен как автор ряда капитальных работ по истории Великого княжества Литовского и как редактор публикаций, касающихся того же государства. Кроме двух томов РИБ Лаппо издал в Каунасе Литовский статут 1588 г. и исследование о нем в двух томах и опубликовал еще ряд важнейших источников. Вопреки широко распространенному мнению, что по акту Люблинской унии Великое княжество Ли-

²⁹⁸ РИБ, т. XX, стр. VII.

товское было инкорпорировано в Польское королевство, И. И. Лаппо доказывает, что и после унии княжество продолжало существовать как союзное с Польшей государство.

Длительное изучение опубликованных и неизданных источников по истории Великого княжества Литовского (Лаппо занимался не только Метрикой, но исследовал материалы и Витебского центрального архива) дало ему возможность выработать план и правила издания книг Метрики, чего не рискнул сделать никто другой. Находясь в Юрьеве (Тарту), Лаппо обратился в Комиссию с предложением представить план издания. 21 марта 1906 г. Комиссия постановила поручить ему «составление записки об организации дела издания Литовской метрики Комиссией».

Определив состав книг Метрики и проанализировав содержание вышедших к тому времени изданий, содержащих материалы Метрики, а также «Актów Виленской комиссии», «Историко-юридических материалов» и др., Лаппо представил «Записку», содержащую план издания, который почти без всяких изменений был принят Редакционным советом Комиссии и затем передан «на усмотрение всей Комиссии»²⁹⁹.

Суть плана заключалась в следующем. Метрика разделяется на два отдела, к первому из которых относятся книги, созданные до середины 60-х годов XVI в. (до Бельского привилея 1564 г. и Статута 1566 г.), а ко второму — все остальные, очевидно, до конца существования Речи Посполитой (поскольку публикация всех книг Метрики заняла бы больше столетия, то о конечном этапе издания второго отдела, как о деле пока не реальном, Лаппо предпочел не говорить). В зависимости от названия и содержания книги Метрики разделялись на пять частей, в первую из которых входили книги Записей, во вторую — книги Судных дел, в третью — Публичных дел, в четвертую — книги Переписей, а к пятой относились документы сборные, т. е. разные.

На ближайшее время было решено издавать только книги древнейшие, т. е. первого отдела, ко второму же приступить «лишь тогда, когда первый отдел будет уже достаточно представлен выпущенными в свет томами издания». Книги Метрики должны были издаваться в полном объеме, в том виде, в каком они сохранились, не исключая и актов, которые были уже напечатаны ранее, отметив при этом лишь те из них, которые были помещены в изданиях Археографической комиссии (АЗР, АЮЗР). Таким образом, выбор материала для публикации сводился к отбору книг. Печатать было постановлено только книги, находившиеся в московском архиве министерства юстиции, руководствуясь правилами публикации, изданными Комиссией. Заголовки редактор должен был давать к каждому документу, независимо от того, имелся он в оригинале или нет. Позднейшие

²⁹⁹ «Летопись занятий Археографической комиссии за 1906 г.», вып. XIX, стр. 15—18 (план работ); стр. 20—40 («Записка»).

пометы на полях оригинала и в тексте было постановлено помещать в примечания только в том случае, если они представляли интерес, старые реестры (описи) печатать при книгах как часть самого памятника.

Публикуя т. XXVII РИБ, Лаппо изложил в предисловии эти положения, но не отметил, что автором их был он сам. Вместе с тем в том же предисловии он во многом уточнил свои правила публикации, вернее те, которых он придерживался, издавая оба тома РИБ³⁰⁰.

«Текст оригинала,— писал Лаппо в предисловии к т. XXVII РИБ (стр. VI),— воспроизводился в издании с побуквенной его точностью. Все вставки, которые делались редактором внутри отдельных слов (буквы и слоги) или внутри фраз (целые слова), помещались в издании в прямые скобки. Опущенные оригиналом на конце слов буквы «ъ» и «ь» присоединились в издании к этим словам применительно к тому, как они даются оригиналом в тех случаях, когда в них выписаны и эти буквы. Если оригинал знает в данном слове употребление обеих букв, то приставляемые к слову «ъ» и «ь» помещались в издании в прямые скобки, например писар[ъ]». Ввиду того что в некоторых словах в конце мог стоять или «ъ», или «ь», Лаппо брал эти знаки всегда в прямые скобки. В прямые скобки взяты также и те буквы, которые при раскрытии титл казались сомнительными. В согласии с правилами публикации источников Археографической комиссии Лаппо заменял (перед гласными) букву «и» на «і». В этом отношении разница между оригиналом и напечатанным текстом хорошо видна в тех случаях, когда редактор давал (под строкой) варианты. В оригинале, например, написано «всякий», а в тексте напечатано «всякій», в оригинале «хоружий», а в тексте «хоружій» и т. д. (т. XXVII, стб. 106, 108).

Документы, написанные по-польски, переданы с точным воспроизведением оригинала, но надстрочных знаков (·') Лаппо не давал, так как в XVI в. они ставились нерегулярно³⁰¹. Справка о том, какие из помещенных в томе документов были ранее напечатаны в АЗР и АЮЗР, дана в начале публикации. В обоих томах имеются указатели географический и именной, причем в именном «правописание оригинала не сохранено». В том случае, если в тексте приведено только имя крестьянина, оно в указатель не включено. В географическом указателе сохранено правописание оригинала, но исключен знак «ъ» внутри слов, если он стоял перед согласной³⁰². Географический указатель сделан предельно кратко: «Залестье»; «Залесци, село»; «Илемнице, имение»

³⁰⁰ «Русская историческая библиотека», т. XXVII. Литовская метрика, отдел первый, часть первая. Книга записей, т. I. СПб., 1910, стр. IX + 38 стр. оглавления + 4 + 872 столбца + 150 стр. указателей + 5 факсимиле.

³⁰¹ О том, что при отсутствии знака над «z» путаются звуки «з» и «ж», смотри выше.

³⁰² РИБ, т. XXVII, стр. I—IX.

и т. д., т. е. без указания повета или воеводства, где они находились. Полнее указатель именной, в котором нередко называются профессия или звание лица: «Николаевич Юшко, боярин Немойтский», «Микошевич, человек, конокормец и рыболов» и т. д.

В отличие от своих предшественников Лапо нередко прочитывал (и публиковал) тексты более правильно, и в целом издания, вышедшие под его редакцией, являются наиболее совершенным видом публикаций источников по истории Великого княжества Литовского, а также и Белоруссии как составной части этого государства.

В т. XXVII помещены третья, четвертая и часть пятой книг Записей Метрики. Документы напечатаны в том порядке, в каком они имелись в оригинале; на полях отмечены листы рукописи. Хронологически документы, помещенные в этом томе, относятся к периоду от 30-х годов XV в. до 1503 г. включительно, но так как за XVI в. их относительно немного, то можно считать, что т. XXVII содержит материалы главным образом XV в.

Как и в т. XX, в книге Записей встречается материал по всему Великому княжеству Литовскому, а по Белоруссии — главным образом по западной части. Подтверждением этому может быть упоминание в указателях городов или поветов. Так, город Берестье, Берестейский повет и вообще все, что связано с этим городом и поветом, упоминается около 100 раз; Городна (Гродно) — 86 раз, Новогрудок — 32 раза, Витебск с поветом — 27 раз, Могилев — 2 раза, Мстиславль с поветом — 11 раз, Полоцк с поветом — 49 раз, но Смоленск с округом — более 90 раз.

Документы, помещенные в т. XXVII, касаются главным образом земельных владений, а также раздачи крестьян великим князем отдельным феодалам. Многочисленны также акты, касающиеся споров за владения и утверждения великим князем прав на владения именьями. Кроме них, имеются посольские документы (книга IV Записей, № 25—55), привилеи на магдебургское право Полоцку и Минску (книга V, № 176, 202), подтверждение церковного устава Ярослава Мудрого полоцкому и витебскому владыке Луке в 1502 г. (книга V, № 249) и др. В целом в т. XXVII помещены материалы, отражающие утверждение феодальных отношений в Великом княжестве Литовском и в Белоруссии в частности.

Второй том РИБ, который редактировал И. И. Лапо, озаглавлен: «Русская историческая библиотека», т. XXX. Литовская метрика. Отдел первый — второй. Часть третья. Книга Публичных дел, том первый, Юрьев, 1914 (стр. IV + 30 стр. оглавления + + 896 стб. + 44 стр. указателя + 5 факсимиле).

В этом томе помещены книги Публичных дел Метрики II, IV и VI полностью, V и VII частично. Лапо объяснил пропуск ряда книг тем, что первую из них готовил к изданию С. Л. Пташицкий (для другого тома РИБ), книга III содержит материалы о Рижской архиепископии и Ливонии, книга V в значительной

мере повторяет IV, т. е. опущены книги или публикуемые в другом томе, или те, в которых не было материалов о Великом княжестве Литовском.

В противоположность томам XX и XXVII РИБ, содержащим главным образом документы, касающиеся частных лиц, в т. XXX помещены материалы общегосударственного значения, в частности в нем находится масса документов, характеризующих политику правящего класса Великого княжества Литовского. Так, док. № 1 представляет собой послание великого князя Сигизмунда, направленное прелатам, бискупам, панам-раде княжества. Док. № 3 — послание от панов-рады и всего рыцарства государства с полевого стана в Новогрудке великому князю. В некоторых документах находятся как «артыкулы» посланий «станов» великому князю, так и ответы на них господаря.

В большинстве случаев послания к великому князю представляют собой требования (просьбы) расширения прав светских феодалов. Например, «артыкул» № 16 послания 1547 г. настаивал на неучастии духовенства в составе светских судей и о невызове в духовные суды по делам светским; № 18 тех же «артыкулов» требовал установления таксы на изделия виленских ремесленников. Очень много внимания во всех почти посланиях уделяется недопущению в Великое княжество «чужоземцев», под которыми обычно понимались поляки. В 1551 г. шляхта требовала свободного от таможенных сборов пропуска своих лесных товаров и хлеба за границу, а также разрешения открывать в своих имениях корчмы (стб. 196).

Наряду с требованиями шляхты всего государства в т. XXX помещен ряд запросов и просьб феодалов отдельных районов страны: Жемайтии, земель Волинской, Полоцкой, Витебской. В 1559 г. полоцкая шляхта просила сохранить существовавший привилей этой земли на свободу шляхетских подданных от уплаты серебщины (государственной подати на военные нужды.— *Н. У.*), о свободе шляхетских товаров от уплаты мытных сборов и об усилении вооружения и увеличении боевых припасов в Полоцком замке. Витебская шляхта в том же 1559 г. просила, чтобы все паны, князья (т. е. крупнейшие феодалы.— *Н. У.*) и державцы (управители государственных имений.— *Н. У.*), имевшие земли в Витебском повете, отбывали с этих земель военную службу, а также «лежанье» в замке и участвовали в его ремонте. Многочисленные решения сеймов 60-х годов XVI в., помещенные в томе, в очень большой мере касаются обороны страны.

Кроме документов подобного характера в т. XXX помещены «Устава на волоки» 1557 г. (самое лучшее издание этого важнейшего документа), а также определение состава и границ поветов всего Великого княжества, созданных по административной реформе 1565—1566 гг., и мест для заседаний земских поветовых судов.

Том XXXIII РИБ редактировал Станислав Львович Пташиц-

кий (1853—1932). Это был известный специалист по Метрике, автор «Описания книг и актов Литовской метрики» (СПб., 1887) и ряда других работ, касающихся источников по истории Великого княжества Литовского. В предисловии к тому (стр. II) он утверждал, что при издании «руководствовался приемами, выработанными для тома первого книги Записей», иначе говоря — теми, которые были опубликованы И. И. Лаппо в предисловии к т. XXVII РИБ. На самом деле, однако, Пташицкий в некоторых местах отступил от правил, говоря точнее — в тех, где перечисляется оружие, с которым являлись на сборные пункты военнообязанные, и сообщается, во что они были одеты; все это записано сокращенно: пн — вместо панцирь, пр — вместо прылбица, т. е. шлем, тар — тарч, т. е. копье, и т. д. Редактор в своем примечании на стр. 239 оговорил это обстоятельство и сообщил, что значат непонятные в сокращении слова, однако и после этого слова «пр», «тар» при чтении вызывают раздражение читателя, не говоря о том, что под правила, изложенные в т. XXVII, это никак не подходит, поскольку Лаппо во всех случаях добавлял (в прямых скобках) пропущенные в тексте буквы.

Отсутствие указания на титульном листе, что это том второй книги Публичных дел Метрики (на титульном листе т. XXXIII значится: «Русская историческая библиотека, т. XXXIII. Отдел первый, часть третья. Книга Публичных дел. Переписки войска Литовского. Птр., 1915», стр. II + 1378 стб.), возможно, свидетельствует об отказе от преемственности по отношению к ранее вышедшему тому. В т. XXXIII предисловие дано на одной странице и нет указателя, что для такого солидного издания представляет большое неудобство.

Всего в т. XXXIII помещено три однообразных по содержанию и весьма солидных по размерам документа. Все они представляют собой списки феодалов, обязанных явиться на военный сбор (или уже явившихся туда). Здесь же указывается число вооруженных бойцов, которое они были обязаны выставить. Документы эти озаглавлены: «Ухвала на великом сойме Виленском року 1528»; «Реестр попису войска Великого княжества Литовского року 1565» и «Попис войска Великого княжества Литовского лета 1567»³⁰³. Два последних документа, хотя они зани-

³⁰³ В оглавлении Пташицкий привел названия документов на смешанном языке — оригинала и литературном русском («року» вместо «года», а рядом — «княжества» вместо «князства», «князьства»). В рукописи заголовки попису 1567 г. следующие: «Лета божего пароженья 1567 року. Попис войска земского Великого князства Литовского, которые збиралися за уфалою сойму Городенского на местцо, через листы короля его милости назначоное, к Молодечну; которому збиранию час был од короля его милости зложен на семью суботу, недавно прошлую. А почали збирати и пописыватися в Красном Селе перед его милостью паном гетманом паном Григорьем Александровичом Ходкевича, паном Виленским, гетманом найвышшим Великого князства Литовского, старостою городен-

мают более 80% места в книге и в общем не отличаются от основного, даны в виде приложения. Такое разделение не объяснено редактором; возможно, причиной было то, что «основной» документ находится в фондах Метрики, тогда как «попис» 1565 г. сохранился только в копии 1634 г. и находился в Рукописном отделе Публичной библиотеки в Петербурге, а рукопись «попису» 1567 г. хранилась в Несвижском архиве Радзивиллов³⁰⁴. Редактор оговорил, что при изучении помещенных в томе материалов «необходимо иметь в виду постановления сеймов Берестейского 1566 г. и Городенского 1567», указав, что эти акты напечатаны в «Документах московского архива министерства юстиции». Для читателя, однако, было бы гораздо удобнее, если бы эти материалы были перепечатаны в РИБ, тем более что они вместе занимают три страницы. «Пописы» представляют собой источник, необычайно богатый по содержанию, освещающий обстановку в Великом княжестве Литовском с самых различных точек зрения, но значимость их неодинаковая.

О числе конных и пеших воинов, которые должны были явиться на сборные пункты (или которые уже были на этих пунктах), сообщают все «пописы», что же касается других сведений, то с каждым «пописом» они делались богаче. В «пописе» 1528 г. говорится лишь относительно общего количества вооруженных людей, которых должен был выставить владелец имения или же явиться только самолично (если владение было невелико). Князь Ян, виленский бискуп, был обязан выставить со своих только светских имений 236 коней, виленский воевода Гаштольд — 466 коней, в то время как ошмянский шляхтич Миколай Фелькович ехал на службу «сам», а Лавриновая Станковича обязывалась выставить одного всадника (стб. 7, 8, 26). «Сами» должны были выходить на войну бояре, «которые ничего не мають», а также и те, «которые людей не мають». Татарские князья и уланы обязывались выставлять людей (не говоря о том, что должны были явиться и самолично), а те татары, «што на огородах седят, а пашни не мають», выходили на войну «сами». Отдельные разделы в «пописе» 1528 г. представляют собой «реестры» бояр пинских, клецких, городецких, рогачевских, кобринских, земель Полоцкой и Витебской и Мстиславского замка (стб. 188—200); в «пописах» учтены и лица, не принадлежавшие к феодальному сословию, но тем не менее обязанные выходить на войну; слуги путные (стб. 48), сокольники, садовники, кухари (стб. 37). Записаны в 1528 г. и те «бояре, которые заложилися за пана Юрья Завишича и не далися писать» (стр. 68).

Перепись 1528 г. не содержит данных, с каким оружием являлись на сбор войны, а в «пописе» 1565 и 1567 гг. такие дан-

ским, державцю могилевским; через мене службника его милости Стефана Якимовича списано» (РИБ, т. XXXIII, стб. 431, 432).

³⁰⁴ РИБ, т. XXXIII, стр. 1.

ные есть. Судя по ним, армия Великого княжества в середине XVI в. была вооружена главным образом холодным оружием и луками, хотя часть бойцов (в основном пешие драбы) имела огнестрельное.

Маршалок королевский князь Ярослав Матвеевич в 1565 г. посылал 100 всадников, из них 50 были вооружены по-гусарски, а 50 — по-казацки, и, кроме того, 50 пеших драбов «з ручницами и з секирами» (стб. 239). Однако так вооружены были немногие, и, например, «пани Миколаева Остыковая... пани Ганна» выслала 30 всадников с луками и копыями, а у драбов были только копыя (стб. 241). Три всадника пана Станислава Зеновича имели копыя, а из двух драбов у одного была «ручница», а у другого — меч (стб. 249). Пахолок Маруши Дворанской выехал «на клячы, з гаркабузом и ощепом» (стб. 272). Шляхтич Андрей Шимкович ушел в поход в панцире и шлеме «з гаркабузом» (стб. 271), а Юрий Ширийко — «з сагайдаком, з шаблею, з секерою» (стб. 274), но вообще шляхтичи часто выходили на войну с одним «ощепом» (копьем).

По «уставе» 1528 г. всякий, кто имел «людей своих в ыменьях своих, тот повинен с кождых осми служб людей ставити пахолка на добром кони во зброи з дровом, с прапором, на котром был бы панцер, прылбица, меч або корд, сукня цветная, павеза и остроги две» (стб. 7), т. е. феодал с кождых восьми служб обявлялся выставить всадника на добром коне, в панцире и шлеме, с копьем и мечом, одетого в цветное платье и со шпорами. Имея данные о числе людей, выставлявшихся феодалами, легко определить количество служб, которыми они владели, даже установить степень концентрации землевладения. Однако эти данные могут быть лишь очень приблизительными, поскольку количество земли, приходившейся на «службу», было неопределенным, да и охват «служб» переписью едва ли отличался полнотой.

Сведений о том, какими конкретно поместьями владели магнаты и шляхта, не содержит и перепись 1565 г., но в «пописе» 1567-го они есть, хотя не всегда достаточно точные. Наиболее полные данные приведены о владениях магнатов. Например, «пан виленский, гетьман наивышшии Великого князьства Литовского» Григорий Александрович Ходкевич ставил воинов со своих владений: Заблудова, Хорощи, Каракуля, Супрасля и Берестовицы, находившихся в Городенском повете; Белавич и Песков — в Волковийском повете; Быхова и Добосны — в Оршанском; Муравицы, Кнегинина и Берега — на Волыни. Со всех этих владений Ходкевич выставлял 300 всадников, вооруженных по-гусарски, — в панцирях, шлемах (прылбицах), с копыями, сверх того еще 150 пеших драбов «з ручницами, з рогатинами» (стб. 431—433). В то же время о Ярониме Свиниче, выходившем на войну на кляче с рогатиной, сообщено только, что он «с под Гольшан» (стб. 593), а о части шляхты из Браславского повета нет и

таких данных. Например, о Михайле Нагишко сообщается, что он «з братом Дмитром кони 2, панцыр, прылбица, рогатина, сагайдак... Федор Скорка сам хор (больной.— *Н. У.*), оказывался перед его милостью паном гетманом, ставил слуг, кони 2 збройно, панцыр, прылбица, тарч, рогатина» (стб. 635), т. е. без указания, какими именами они владели.

Сведения о наличии имений (и, очевидно, о количестве в них служб) давали сами владельцы. Во всяком случае Ян Еронимович Ходкевич, староста жомоитский и маршалок земский, который выставил 360 всадников и 240 драбов «з ручницами в барве, а некоторые и ве зброях...», «реестру именей своих списанья не дал» (стб. 444, 445).

Учитывая такую формулировку, можно думать, что подобное явление было редким, т. е. что обычно «реестры» поступали. В ряде случаев, когда у феодала было по несколько владений, в «пописе» говорится, сколько воинов он ставил с каждого из них.

В огромном большинстве случаев источник говорит об имениях вообще, не разделяя поселений на деревни, местечки или города, но в тех случаях, когда отмечено, что это местечко, то следует, что оно давало только пеших драбов. При перечислении владений пана Юрия Ильинича, графа на Мире, отмечено, что с местечка Мир он ставил драбов «одинадцать и пол», с местечка Зельвы — «сем и пол», с местечка Чернавицны — 12, с местечка Белое — три (стб. 504, 505). Из «пописа» также видно, что в отрядах феодалов были не только их «подданные», но и наемники: Амброжей Станиславович, руководитель отряда бискупа виленского, сообщал, что «некоторые жолнеры, взявши пенязи еще не стягнулися», т. е. что это были наемники (стб. 439). В отрядах крупных феодалов кроме солдат было немало обслуживающего персонала, имелись и свои музыканты: берестейский воевода Юрий Тышкевич имел в своем отряде «машталеров (коныхов.— *Н. У.*) с коньми поводными, з бубеницею и сурмачем» (стб. 434—435).

При сравнении трех «пописов» видно, что наиболее полные данные содержатся в последнем, однако в переписи 1567 г. (как и 1565 г.) имеется очень крупный недостаток: в них отсутствуют данные относительно всей Северной Белоруссии — о воеводствах Полоцком, Витебском (есть лишь краткие данные об Оршанском повете, входившем в состав Витебского воеводства), Мстиславском и Браславском поветах (северо-запад Белоруссии). Сомнительна также полнота данных по поветам Речицкому и Мозырскому (они очень кратки, занимают всего шесть столбцов), тогда как весь «попис» 1567 г. растянулся по 948 столбцов. Что касается «пописа» 1528 г., то он охватывает все Великое княжество и, в частности, всю Белоруссию.

На т. XXXIII публикация книг Метрики Археографической комиссией прекратилась.

Кроме названных серийных изданий Археографическая комиссия в 1865 г. выпустила еще один сборник документов, целью которого было доказать, что «Западно-Русский край» был русским, а не польским. Издание подобного рода потребовалось для читателя иностранного и вышло в связи с восстанием 1863—1864 гг., охватившим кроме Польши еще Литву, Белоруссию и частично Украину. Восстание показало, что в этих районах было значительное число лиц, которые пытались путем вооруженной борьбы присоединить их к Польше, не говоря о том, что притязания на этот район заявляла шляхта самой Польши. Руководители восстания развернули как в районе восстания, так и за границей энергичную пропаганду с доказательством, что Польша, Литва и Русь (под последней понималась Белоруссия и Правобережная Украина) представляют собой одно целое и как таковое должны быть объединены в одном (Польском) государстве. Русское правительство через посредство Археографической комиссии постаралось ответить на это контринформацией, для чего и был издан сборник, все документы которого, а также и предисловие напечатаны параллельно на языке оригинала и в переводе на французский. Редактором и автором предисловия тома был М. О. Коялович, о котором уже не раз упоминалось.

Естественно, что в своем предисловии Коялович прежде всего постарался изложить свою точку зрения на то, что собой представлял «Западно-Русский край», и прежде всего очертить его территориальные рамки. По мнению Кояловича, этот край состоял из «Малороссии или Украины, Белоруссии и Литвы». Малороссию составляли губернии Киевская, Подольская и Волынская; Белоруссию — Минская, Витебская и Могилевская и Литву — Виленская, Гродненская и Ковенская. В примечании к этому месту автор поясняет, что такое деление не соответствует этнографическому составу населения, так как в Городненской губ. литовцы заселяют только несколько деревень, а основное же население составляют белорусы и украинцы (малороссы), а в восточной части Виленской губ. (уезды Опшмянский, Вилейский и Дисненский) живут белорусы (стр. X).

Как видно из сказанного, территория Западно-Русского края по сравнению с тем, как его определял Коялович ранее (см. стр. 8), значительно сократилась, однако противоречие, имевшееся в этом определении, сохранилось полностью: почему в русский (Западно-Русский) край включается нерусская Литва, а в то же время «русская» Левобережная и Южная Украина выпадают. Ясно, что Кояловичу следовало доказать несостоятель-

³⁰⁵ «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношение к России и к Польше». СПб., 1865, стр. ССIII + 658.

ность их притязаний на тот район, который был охвачен в недавнее время восстанием, вместе с тем в изложении своих взглядов автор старался не задевать и интересов австрийского правительства.

В предисловии Коялович постарался изложить историю Западной России с древнейших времен, причем упор им делался на отношения религиозные, поскольку православие автоматически означало русское. Говоря о православии, верноподданнейший Коялович не мог удержаться, чтобы не упрекнуть русское правительство за то, что оно в свое время (после первого раздела Речи Посполитой) «по политическим видам сочло нужным сдерживать народ в этом деле и затрудняло обращением униатов в православие» (ст. CLIV).

Публикация начинается с привилея короля Ягайло, выданного в 1387 г. виленскому епископу. Большинство помещенных в сборнике материалов было издано ранее (в работах И. Крашевского, в «*Volumina legum*» и др.), но некоторая часть документов издана по рукописям. Среди них едва ли не важнейшими являются отрывки из дневника Люблинского сейма. Впрочем значимость этой публикации в настоящее время обесценена в связи с тем, что в 1869 г. тот же Коялович издал дневник сейма в полном объеме. Немало источников было заимствовано из архива униатских митрополитов. В конце тома помещены выдержки из Литовского статута — тех мест, которые ограничивали права иностранцев (следует понимать поляков) на приобретение земель и урядов в Великом княжестве Литовском.

Изданные со специальной целью, документы в настоящее время представляют скорее интерес для истории русской дипломатии и для уяснения развития взглядов Кояловича на историю Белоруссии, Украины и Литвы, чем как сборник документов.

«СБОРНИКИ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»³⁰⁶

В 1867 г. Русское историческое общество в Петербурге начало издавать Сборники документов; всего в течение 1867—1916 гг. было выпущено 148 томов. Внутри этой серии как бы в виде особой небольшой внутренней серии (со своим особым названием и собственной нумерацией томов) было помещено пять выпусков, озаглавленных: «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским». Редактором трех пер-

³⁰⁶ «Сборник императорского Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», т. 35. СПб., 1882, стр. XXII + 869 + 88 стб. указ.; т. 59. СПб., 1887, стр. XV + 629 + 97 стб. указ. + IV; т. 71. СПб., 1892, стр. V + 807 + 234 стб. указ.; т. 137. М., 1912, стр. XIX + 808; т. 142. М., 1913, стр. XXII + 770.

вых выпусков Памятников был Г. А. Карпов, двух остальных — С. А. Белокуров. Несмотря на то что между выходом выпуска первого (по общей нумерации 35-го) и пятого (142-го) прошло свыше 30 лет, они укомплектованы так, что начиная со второго каждый последующий является продолжением предыдущего: в первом находятся документы за 1487—1533 гг., во втором — за 1534—1559, в третьем — за 1560—1571, в четвертом — за 1598—1608 и в пятом — за 1609—1615 гг. Таким образом, в этой серии помещены материалы, отражающие (с некоторыми перерывами) дипломатические отношения между Великим княжеством Литовским, Польшей, а позже — Речью Посполитой, с одной стороны, и Русским государством — с другой, на протяжении 128 лет. Как известно, период этот был заполнен напряженнейшей борьбой между названными государствами. Особенно драматичными являются 1563 г. (поход Ивана Грозного на Полоцк и взятие им этого города) и начало XVII в. (период интервенции в Русское государство).

Документы для всех томов заимствованы издателями из посольских книг Русского государства, написаны они на русском языке и отражают точку зрения русского правительства. В тех же (очень редких) случаях, когда материалы представлены со стороны Великого княжества Литовского, среди них есть написанные по-белорусски, но их язык при переписке московскими писцами значительно приближен к русскому.

Редактор называет публикуемые документы актами Литовской метрики. Это явилось следствием того, что несколько русских посольских книг в начале XVII в. было увезено в Польшу и там в конце XVIII в. при упорядочении государственного архива их включили в состав Метрики. Естественно, что это обстоятельство не дает оснований относить посольские книги к материалам Метрики.

В т. 35 (вып. I Памятников) помещены главным образом три посольские книги: за 1487—1500, 1500—1503 и 1517—1533 гг. За 1504—1514 гг. документы подобраны из других архивов, а в 1514—1517 гг. дипломатических сношений между Русским государством и Великим княжеством Литовским не было.

Все помещенные в томах документы действительно касаются дипломатических сношений, но под этим подразумевается целый комплекс вопросов: взаимные жалобы сторон на нападения и грабежи, жалобы правительства Великого княжества Литовского на то, что русская сторона приняла ушедших из княжества князей Воротынского, Одоевского, Бельского. Сватовство великого князя Александра к Елене Ивановне, требования Ивана III Васильевича, чтобы его дочь великая княгиня Елена «извещала отца о литовских делах», и пр. В том же томе находятся материалы, показывающие попытку императора Карла V и папы Климента VII защитить при переговорах между Русским и Литовским государствами интересы Литовского.

Том 59 (вып. II Памятников), по сообщению редактора, печатался «по подлинной московской посольской книге, которая, как и предшествующая (т. 35, стр. 500—869), была в плену в Польше» и поэтому к моменту издания тома находилась в составе Литовской метрики. Далее Карпов отмечает, что часть помещенных в томе документов была издана в «Актах Западной России», при публикации которых И. И. Григорович «иногда для ясности исправлял слог» (стр. 1), чего Карпов не делал.

Основная часть документов т. 59 касается переговоров о перемириях между обоими государствами, но есть сообщение (с московской стороны) о взятии русскими Астрахани, об отношениях Великого княжества Литовского с Крымом, о событиях в Чехии и Венгрии. Последние годы, освещенные в томе, относятся ко времени, когда шла Ливонская война и когда отношения между двумя государствами обострились все более.

В т. 71 (вып. III Памятников) помещены документы, почти целиком относящиеся к Ливонской войне. Редактор тома, отмечая богатство помещенных в сборнике материалов, писал, что они «имеют большую важность не для истории только наших дипломатических сношений» с Польско-Литовским государством, но «и вообще для русской истории XVI в.» (стр. II).

Том 71 начинается с документа, касающегося сватовства Ивана IV к сестре Сигизмунда-Августа, но так как сестер было две, то послам было предоставлено право выбрать ту, которая покажется им лучше. Переговоры не дали результата.

В центре внимания тех лет находился поход Ивана IV на Полоцк и завоевание этого города. Последующие переговоры о мире или хотя бы перемирии на несколько лет в большой мере связаны с притязаниями обеих сторон на Полоцк. Наконец, в 1570 г. перемирие было подписано и окончательно утверждено в 1571 г. Та часть тома, в которой содержатся материалы о границе, установленной во время перемирия, содержит богатейшие данные по исторической географии и топонимике Белорусского Полесья.

Естественно, что в огромном томе имеется и еще масса данных, касающихся самых разных сторон жизни. К таким, например, относится сообщение русских послов Канборова и Мещерского относительно условий службы нагайских татар, живших в Великом княжестве Литовском.

«А нагайские татарове, — пишут послы, — ...жили все близко Инфлянт в жемотцкого старосты Яна Еронимова именье, а служили на грошех без именьей, а гроши им даваны тогда, коли староста жемотцкой в Вифлянты поидет, тогда и они с ним пойдут и гроши берут — на три месяца по четыре копы на коня, а коли на службе не живут, тогда им грошей не дают, и мало не з год и цевязи от короля не видали, волочились за собаки место, наги, босы и голодны. А сее весны они из Литвы побежали на поле к Белугороду, нанял был их князь Василей Острож-

ской воевода киевской против Лаского на битву, не хотел за свою племянницею, за княжьиною дочерью Острожского, в приданные вотчины дати Ласкому, и они найм заслужили и вперед учали найму просити, и князь Василей им найму не дал, а им поманил, чтобы еще у него побыли», но они ушли на Вольнь (т. 71, стр. 807).

В документах, помещенных в этом издании, нередко переделывались фамилии: Хоткев вместо Хоткевич или Ходкевич, Халабурда вместо Гарабурда, Забережский вместо Заберезинский. Вместе с тем очень хорошо составлен указатель имен и географические названия искажены редко.

Выпуски IV (137) и V (142) были изданы в связи с 300-летием освобождения Москвы от интервентов и избранием на престол Михаила Романова. По словам редактора Белокурова, в т. 137 «напечатаны все памятники дипломатических сношений между Польшей и Россией, хранящиеся в московском Главном архиве министерства иностранных дел, как из архива Посольского приказа, так и из архива Царства Польского, с начала царствования Бориса Годунова и кончая перемирной грамотой» 20 июля 1608 г. В томе помещены также трактаты, заключенные между Речью Посполитой и Русским государством (стр. XI).

Среди прочих документов, находящихся в т. 137, имеются записи о посольстве Салтыкова-Морозова, Плещеева и дьяка Власьева, ехавших в 1609 г. через всю Белоруссию к королю (стр. 75—169). Пространнейший этот документ заполнен в основном записями о претензиях послов к представителям власти Речи Посполитой, и лишь в отдельных случаях они дают картину настроений населения Белоруссии.

В том же томе содержатся данные о состоянии архивного дела в Москве и краткие записи о том, в каких ящиках хранились документы, касающиеся Великого княжества Литовского, и частично о хранившихся в них документах («Грамота опасная на послов на Станислава Витовского, войского Парцовского с товарищи, цела вся, у ней 4 печати в ковчежах деревяных» и т. д., стр. 11).

В т. 142 находятся документы о самом драматическом периоде борьбы между двумя государствами — изгнанием из Москвы интервентов и реакции правительства Речи Посполитой на избрание на престол Михаила Федоровича Романова.

Кроме названных пяти выпусков непосредственное отношение к Белоруссии имеют еще два тома (128 и 139), в которых помещены материалы о войне 1812 г.³⁰⁷

Из подзаголовка т. 128 («Литва и Западные губернии».

³⁰⁷ Вообще событиям 1812 г. Общество посвятило три тома, выделив их в отдельную небольшую серию под заглавием: «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г.» Серия эта вышла под редакцией К. Военского.

СПб., 1909) следует, что там помещены материалы, касающиеся Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, но в действительности в нем имеются (хотя и очень мало) документы и о Польше («Акты Варшавской конфедерации»). Среди источников, относящихся к Белоруссии, находятся акты конфедераций губерний Минской и Гродненской, уездов Гродненского, Пинского, Брестского, а также Великого княжества Литовского, воззвание Временного правительства Великого княжества Литовского к жителям Белоруссии и др. В конце тома находятся «Исторические записки» гражданских губернаторов губерний Минской и Гродненской, в которых изложены события, происходившие в этих губерниях во время оккупации края французами, и содержатся данные относительно убытков, принесенных краю войной³⁰⁸.

Выше упоминалось, что событиям 1812 г. в Белоруссии и Литве посвящено несколько изданий, но в т. 128 Сборника есть такого рода данные, которые нигде больше не встречаются. К ним, например, относятся статьи и отрывки из статей, помещенные в периодической печати Вильно и Минска в 1812 г.³⁰⁹, дневник преподавателя Борисовского училища (Борисов — уездный город Минской губ.) о происшествии в этом городе в 1812 г. При наличии подобного материала в томе отсутствуют данные об антифеодальных выступлениях крестьян.

Том 139 имеет подзаголовок: «Белоруссия в 1812 г.» (СПб., 1912). Если судить по подзаголовку, то этот том должен содержать материалы исключительно о Белоруссии, на самом же деле почти половина его занята данными об иностранцах, проживавших в 1812 г. в России. Но и та часть, в которой действительно находятся материалы о Белоруссии, касается одной Могилевской губ., а в ней всего больше места занимает переписка по поводу присяги, принесенной могилевским архиепископом Варлаамом Наполеону, и о поведении губернского прокурора Вакара. В общем том этот несравнимо беднее данными, чем 128-й. Название же его объясняется привычкой называть Белоруссией лишь ее восточную часть³¹⁰.

Материалы о Белоруссии заимствованы из архивов Военно-учетного, Сената и Синода. Значительная часть документов из фондов Военно-учетного архива была собрана в 1837 г. Они представляют собой записки предводителей дворянства (губернского и некоторых уездных), а также коменданта Могилева и ряда других лиц о событиях 1812 г. в губернии. Все это было напи-

³⁰⁸ Наиболее полный цифровой материал о потерях, понесенных населением губерний Виленской и Гродненской, помещен в издании: Ю. В. Тагищев. Вильна и литовские губернии в 1812—1813 гг. Вильна, 1913, стр. 318, 319, приложение.

³⁰⁹ «Kurjer Litewski» (Wilno, 1812); «Tymczasowa gazeta Mińska» (Mińsk, 1812).

³¹⁰ Том II Актов озаглавлен «Балтийская окраина» и к Белоруссии отношения не имеет.

сано по памяти и поэтому не могло гарантировать сколько-нибудь точного изображения, тем более что пропольски настроенные предводители были кровно заинтересованы в том, чтобы картина была неверной, так как едва ли не все они являлись сторонниками Наполеона и после его поражения старались изобразить свою деятельность иначе, чем это было на самом деле.

Несравнимо большее значение имеют сводки о «пожертвованиях», а реально — о поставках, которые выполняла губерния и отдельные уезды в 1812 и начале 1813 г. (стр. 97—132). В этих сводках указано, какое количество продуктов и фуража, сколько скота и подвод, тулупов и сапог и т. д. поставила в то время губерния, причем все это дано и с денежной оценкой.

Кроме названных к Белоруссии имеет отношение часть документов, помещенных в т. 16 Сборника, в котором находятся бумаги Н. В. Репнина за тот период, когда он был генерал-губернатором Литвы и Западной Белоруссии (1794—1796 гг.). В этом томе напечатаны документы, касающиеся различных экономических и политических вопросов: рескрипт Екатерины II и манифест Репнина об устройстве судебных учреждений в Литве и Западной Белоруссии, переписка о поставке хлеба из Восточной Белоруссии в Западную, список офицеров литовских войск, «бывших первейшими» во время восстания под руководством Костюшко, переписка о землях, пожалованных Екатериной II и Павлом I Румянцеву и разным лицам, и пр. В общем материалы этого тома касаются Белоруссии лишь отчасти, и притом только Западной.

ИЗДАНИЯ ЧАСТНЫХ ЛИЦ

В конце XIX — начале XX в. было издано немало публикаций, подготовленных отдельными лицами; почти все они занимались историей и историей права или всех народов, населяющих Великое княжество Литовское, или же одного из них³¹¹. Отбор документов для публикации производился ими обычно в связи с разысканиями материалов для своих работ.

Публикации А. Энгеля

Среди сборников документов, изданных частными лицами после 1861 г., первое (по времени) место принадлежит публикации А. Энгеля. Александр Михайлович Энгель (1818—1871) после окончания Петербургского университета стал консулом в Копенгагене, а в 1868 г. был назначен цензором в Вильно. Пробыв там три года, Энгель успел опубликовать три части своего изда-

³¹¹ Из всех перечисленных в этом разделе лиц исследовательской работой не занимался один Энгель.

ния³¹². После подавления восстания 1863—1864 гг. русское правительство стремилось к тому, чтобы выпустить как можно больше изданий, в которых доказывалось бы, что Западный край является чисто русским. Весьма своеобразно ту же цель преследовал своим изданием и А. Энгель.

В предисловии к своей публикации Энгель отметил, что она представляет собой ответ на «многочисленные памфлетические сочинения польской плодovitой литературы», на которую «с русской стороны не отвечали» (т. I, ч. 1, стр. 1). Ответ Энгеля, очевидно, представлялся ему очень эффективным, так как он подчеркивал огромную значимость документов, хранившихся в архиве генерал-губернатора. Энгель писал, что этот архив «важен не только для истории края, но и для России и отчасти даже Европы» (т. I, ч. 1, стр. IV). Понимали это и виленские генерал-губернаторы, и один из них (Э. Т. Баранов) даже создал Комиссию для разбора дел архива, которая, однако, просуществовав немногим больше трех месяцев, исчезла без следа, и Энгелю пришлось все делать с самого начала самому. Готовя издание, редактор должен был выработать какую-то систему — что и как издавать из той огромной массы бумаг, которая находилась в архиве. По принятому правилу Энгель публиковал документы на языке оригинала, давая под строкой переводы, если бумаги были на немецком, французском или польском языках (один универсал, представляющий перевод с польского, напечатан на литовском). Издавал он, строго придерживаясь оригинала, со всеми несообразностями, которые имелись в письмах малограмотных генералов³¹³. Из массы разнообразных по содержанию бумаг Энгель отбирал, компоновал и публиковал их так, что они касались какого-либо одного лица или одного события. Такой прием можно признать в тех условиях удачным, но отбор сделан таким образом, что в Описание попала значительная часть документов, которыми не было смысла загружать сборник, содержащий материалы архива виленского генерал-губернатора, т. е. не имеющими к этому краю отношения, а также и актами государственного значения, которым место в Полном собрании законов. В Описании, например, помещены такие документы, как «Обряд службы для равенственного отправления в армии ее импер. велич. Екатеринославской», «Новое в расписании импер. Украинской армии» или манифест о мире со Швецией.

³¹² А. Энгель. Описание дел, хранящихся в архиве виленского генерал-губернатора, т. I, ч. 1, 2. Вильна, 1869, стр. VI + 982 стб. + XXX стр.; т. II. Архив виленского генерал-губернаторства. Вильна, 1870, стб. 404.

³¹³ Из письма генерала Н. И. Салтыкова Решнину: «генер. порут. дерфельта I загражского в ващу ж каманду» и т. д. (т. I, ч. 2, стб. 711). В предисловии к т. I сказано, что издатель более не будет придерживаться «старинного правописания». Исключение делается лишь «для лиц, особенно замечательных, как, напр., Н. И. Салтыкова (коего орфография особенно оригинальна), А. В. Суворова, М. И. Туголмина» и др. (стб. 1).

Наибольшую ценность этого издания представляют документы, помещенные в части 2-й т. I, начиная со столбца 643, и в т. II, где находятся «Письма и бумаги, относящиеся до польского восстания 1794 г. и до кампании против Костюшко».

Из белорусских областей восстание 1794 г. охватило почти исключительно западные районы, примерно по линии советско-польской границы 1920—1939 гг., но русские власти все время сильно беспокоились, чтобы движение не перебросилось к востоку, тем более что там почти совсем не было войск. Среди источников, имеющих непосредственное отношение к Белоруссии, есть ряд рапортов о стычках и сражениях, происходивших между повстанцами и русскими отрядами (всего больше в районе Ошмян), затем масса сообщений русских генералов о продвижении по Белоруссии их отрядов, о снабжении войск продуктами и боеприпасами, о состоянии продовольствия, о положении крестьян, о составе повстанческих отрядов и об участии в них крестьян. Имеются также разного рода документы, исходившие от повстанческих властей, издававшиеся в Вильно; среди них такие, как «Универсал в воеводстве и поветы провинции Литовской и в вольные города», в котором сообщалось о победоносном восстании в Вильно и о создании там повстанческого правительства (т. I, ч. 1, стб. 886). В воззвании «Найвысшей Рады Литовского народа к земледельцам и сельскому люду» (крестьянам.— *Н. У.*) сообщалось, что конституция 3 мая 1791 г. «постановила возвратить вам вольность и свободу» (т. II, стб. 124). Среди прочих документов имеется сообщение генерала Ферзена от 24 апреля 1794 г., что «польским попам предписано проповедовать в церквах всем мужикам о вольности и равенстве» (т. I, ч. 1, стб. 720). Сообщение это едва ли явилось отзвуком на Поланецкий универсал (которым крестьянам предоставлялась личная свобода при условии расчета с помещиком и уплаты государственных податей), так как универсал был издан 7 мая, т. е. позже подачи рапорта Ферзеном, даже если учесть, что тот пользовался старым стилем, а предписание «попам» датировалось по новому³¹⁴. В некоторых источниках сообщалось о массовом участии крестьян в повстанческих отрядах, но имеется сообщение и о том, что делалось это «по тиранству своих помещиков» (т. II, стб. 63), т. е. по принуждению владельца.

При всем примитивизме издания в нем содержатся документы такого рода, которых нет ни в одном другом издании.

³¹⁴ 24 апреля по старому стилю означает 5 мая по новому. За два дня универсал из лагеря Костюшко до места расположения отряда Ферзена в Литве дойти, а тем более получить распространение, никак не мог.

Одним из публикаторов документов по истории Белоруссии, Литвы и Украины (Великого княжества Литовского) был профессор истории права Петербургского университета Сергей Александрович Бершадский (1850—1896). Основной специальностью Бершадского была история евреев в Великом княжестве Литовском, но он много занимался также историей права, в частности Литовскими статутами. Изучая многие годы Литовскую метрику, а также архивы Вильно, Киева и материалы Рукописного отдела Виленской публичной библиотеки, Бершадский собрал огромную массу самых разнообразных источников, часть которых была им опубликована в 1882 г. в двухтомном издании «Русско-еврейский архив». Подзаголовок этого издания гласит, что редактор поместил в нем «документы и регесты литовских евреев» с 1388 по 1569 г., т. е. что в одном случае им опубликованы сами документы полностью, а в другом — дано лишь их изложение. Редактор в предисловии пояснил, что регесты даются в том случае, если документы были ранее опубликованы в других изданиях или если они «менее интересны и слишком объемисты» (стр. III). Том I почти целиком заполнен материалами Метрики, но во II имеется значительное число актов из Киевского и Виленского центральных архивов:

Бершадский издавал документы только на языках оригинала (белорусском, польском, латинском), нигде не давая переводов, причем белорусские тексты в какой-то мере изменялись редактором, тогда как польские и латинские переданы в полном соответствии с оригиналом. Относительно этого Бершадский писал, что, поскольку «все акты книги метрики Литовской XV в. и большая часть XVI в. переписаны между 1596—1598 гг. без соблюдения старинного правописания, я, по примеру СПб Археографической комиссии, напечатал с новейшим правописанием все документы XV и XVI вв., заимствованные мною из Литовской метрики». Далее редактор поясняет, что он расставил знаки препинания, дал кавычки, вставил прописные буквы, заменил (где это было нужно по правилам русской грамматики) букву «е» на букву «ять», а «и» на «і» и в конце слов поставил «ъ» (стр. III).

В обоих томах легенды даны перед текстом, ниже которых следуют заголовки. В ряде случаев заголовки переходят в изложение, однако они нигде не принимают тех размеров, какие имеются в «Актах Виленской комиссии», т. е. не растянуты на две страницы, а ограничиваются несколькими строчками.

Относительно попытки С. А. Бершадского организовать в ши-

³¹⁵ С. А. Бершадский. Русско-еврейский архив. Документы и материалы по истории евреев в России, т. I. Документы и регесты к истории литовских евреев (1388—1550). СПб., 1882, стр. 6 + XII + 337 + XIII; т. II (1550—1569). СПб., 1882, стр. II + 259 + XIII.

роком масштабе издание книг Судных дел Метрики и о подготовке им к изданию материалов, вышедших в т. XX РИБ, уже сообщалось.

*«Метрика» Ф. И. Леонтовича*³¹⁶

Два тома актов Литовской метрики издал в 1896—1897 гг. Федор Иванович Леонтович (1833—1911). Леонтович окончил юридический факультет Киевского университета и с 1867 г. был профессором по истории русского права в Новороссийском, а затем Варшавском университетах. Автор многочисленных работ по истории права различных славянских и неславянских народов и учебников по истории русского права, Леонтович, переехав в Варшаву, стал заниматься актами Метрики (копиями), хранившимися в Варшавском архиве. Одним из результатов этих занятий и был выпуск двух сборников документов.

Для своего издания Леонтович отобрал из разных книг Метрики 750 актов за период с 1413 по 1507 г. При публикации редактор не объяснил, какую сторону жизни Великого княжества Литовского он намеревался отобразить, однако по составу его сборников видно, что всего больше внимания было уделено тем документам, которые касались вопросов землевладения. К таким видам источников относятся привилеи, т. е. пожалования на владения земель, судебные «выроки», «судовые листы», документы на вольную продажу имений и т. д. В Белорусском Подвижье длительное время населенными имениями владели (кроме шляхты) мещане, в связи с чем они были обязаны выполнять военную службу. В сборнике приведены документы, отражающие и эту сторону жизни.

Кроме названных видов источников в сборнике помещен ряд привилеев городам на магдебургское право, привилеи областные и общеземские (для всего государства), грамоты князей Кобринских, Мстиславских и пр. При всем разнообразии находящихся в сборниках документов они в общем касаются одного вопроса: истории права Великого княжества Литовского.

Все документы Леонтович издавал на языке оригинала без перевода на русский и без их изложения (документы написаны на белорусском и в очень небольшой мере на латинском языках). Относительно заглавий редактор отметил, что они «в отдельных актах... помещаются в таком виде, как они изложены в Метрике» (стр. 1). На самом деле это касается не «отдельных актов», так как свои заголовки редактор давал в виде очень редкого исключения, оставляя обычно те, которые имелись в оригинале.

При публикации Леонтович называл помер книги Метрики и листы оригинала и копии. Язык публикаций «правленный», т. е.

³¹⁶ Ф. И. Леонтович. Акты Литовской метрики. т. I, вып. I, 1413—1498. Варшава, 1896, стр. 169; т. I, вып. II, 1499—1507. Варшава, 1897, стр. 200 + LV указателей.

переделая по нормам русской грамматики. Вообще это издание, вышедшее в конце XIX в. и подготовленное к печати крупным специалистом по истории права, — низкое по качеству. Основным его изъяном является то, что Леонтович при наличии в Москве оригиналов (или гораздо более исправных копий) издал свои Акты по копиям. Не на высоте находится и корректура (в заголовках такие ошибки, как «Лыда», вместо «Лида», «дьянники» вместо «данники», стр. 19, 56 и пр.).

Предисловие к изданию, занявшее меньше одной страницы, не говорит ничего ни о методах издания, ни о целевых установках редактора.

«Витебская старина»

Среди лиц, занимавшихся публикацией источников по истории Белоруссии индивидуально, одно из первых (по времени и масштабу проделанной работы) мест принадлежит А. П. Сапунову. Уроженец местечка Усвят Витебской губ. Алексей Парфенович Сапунов (1852—1924) окончил Витебскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета, после чего вернулся в Витебск, где с некоторыми перерывами прожил всю остальную жизнь³¹⁷ (одно время он находился в Москве, а затем, будучи депутатом III Думы, — в Петербурге). В Витебске Сапунов занимался преподаванием в средних школах города и длительное время был секретарем губернского статистического комитета.

Автор многочисленных трудов по истории, исторической географии, археологии, архивному делу, составитель и издатель серии сборников документов, переводчик и комментатор отдельных источников³¹⁸, Сапунов всю жизнь занимался только Витебщиной (в границах бывшей Витебской губ.), а если в своих изысканиях и выходил за пределы этой губернии (как это случилось в его монографии «Река Западная Двина»), то лишь потому, что Двина не вмещалась в одну губернию.

Особенностью публикаций Сапунова является то, что в издаваемых им сборниках помещены не только документы, но и исторические исследования составителя, тематически связанные с опубликованными материалами. Достоинство внимания и то обстоятельство, что, будучи верноподанным монархистом (в Думе он принадлежал к октябристам) и непоколебимо верующим в догматы православной церкви, он поместил в своей «Старине» документы, рисующие действия царской администрации и войск на

³¹⁷ В. К. Стукалич, А. П. Сапунов. К 25-летию его ученой и литературной деятельности. Витебск, 1905, стр. 1.

³¹⁸ В третьем выпуске «Полоцко-Витебской старины» (Витебск, 1916) Сапунов поместил работу «Сказания исландских, или скандинавских, саг о Полоцке, князьях Полоцких и р. Западной Двине», содержащую перевод саг и комментарии к ним.

Витебщине в самом непривлекательном виде. С внешней стороны его издания отличаются от остальных тем, что в «Старине» Сапунова находится огромная масса карт, портретов, факсимиле как в тексте, так и на отдельных вкладных листах или на узких полосках бумаги. Все это очень удорожало издания, а между тем Сапунов был единственным, кто почти целиком печатал сборники за собственный счет, т. е. за жалованье учителя, терпя при этом значительные убытки³¹⁹.

Основное археографическое издание Сапунова называется «Витебская старина». Задумано оно было в шести томах, но вышло лишь три (I, IV и V)³²⁰; работа над томами II и III велась, но не была закончена.

В т. I «Старины» помещены материалы, отражающие историю Витебщины с 1021 г. (первое летописное упоминание о Витебске) и до 1883 г. Значительная часть находящихся в этом томе источников представляет собой перепечатку из других изданий, но многое заимствовано из Витебского архива непосредственно. В предисловии к т. I издатель кратко изложил историю того фонда Витебского архива, который был им широко использован при издании «Старины». Са-

*Обложка издания
«Витебская старина»*

³¹⁹ Для издания т. I «Витебской старины» средства (отчасти) доставила В. П. Волкович («Витебская старина», т. I, стр. XXII); для издания т. IV — попечитель Виленского учебного округа Н. А. Сергиевский отпустил 200 руб. («Витебская старина», т. IV, стр. IV); для т. V тот же Сергиевский ассигновал 300 руб. («Витебская старина», т. V, стр. 2). Очевидно, суммы, выделенные попечителем, покрывали расходы на издание не более чем на 10—15%, так как Сапунов пишет, что если бы даже весь тираж (500 экз.) был распродан по назначенной цене (3 руб., а на хорошей бумаге 4 руб.), то и в таком случае расходы на издание не окупились бы («Витебская старина», т. IV, стр. IV); тем более издание должно быть убыточным, так как расходилась только небольшая часть тиража.

³²⁰ «Витебская старина». Составил и издал А. Сапунов, т. I. Витебск, 1883, стр. XXII + 668; т. IV. Витебск, 1885, стр. IV + 76 + 273 + 394 + XII; т. V. «Материалы для истории Полоцкой епархии». Витебск, 1888, стр. 3 + CLXVII + 650 + XX.

пунов пишет, что подлинники основных актов Витебской магдебургии в 1803 г. были отосланы в Петербург (Министерство юстиции) с просьбой утвердить за городом права, данные Витебску королями польскими и великими князьями литовскими («всепре-светлейшими королями, государями милостивыми витебским мещанам и потомкам их»). Документы эти в Петербурге исчезли, затерялись, однако жители Витебска при отсылке сняли с них копии (списки) и книга с этими копиями во времена Сапунова называлась «Книгой привилегий». Снимая копии с документов Книги, переписчики передали кирилловские тексты латиницей. Вот эта «Книга привилегий» и витебская хроника (летопись) Аверки и были главнейшими источниками, откуда Сапунов заимствовал большую часть документов, помещенных в т. I «Старины»³²¹. Поскольку все публикуемое Сапуновым напечатано кириллицей, то отсюда следует, что при издании он еще раз изменил шрифт (на кирилловский).

Помещенные в т. I материалы разбиты на 11 разделов, в каждом из которых находятся документы, посвященные какому-либо одному вопросу или имеющие одинаковый характер. В разделе первом находятся летописные известия, касающиеся Витебска, за 1021—1499 гг. Данные эти заимствованы из летописей Ипатьевской, Густынской, Софийской первой, Патриаршей, Быховца и др., в общем выписано было все, что только издатель смог найти о Витебске. В разделе втором, озаглавленном «Грамоты, привилегии и проч.», находятся: договор смоленского князя Мстислава с Ригой и Готским берегом; договор князя Гердена с ливонским гроссмейстером; грамота полоцкого князя Изяслава о свободе торговли и масса других. За крайне редким исключением документы этого раздела являются перепечатками (из «Актов Западной России», «Вестника Южной и Западной России» и других изданий), но если имелся оригинал, то Сапунов отмечал его наличие и указывал местонахождение, хотя ни разу не оговорил — пользовался ли он при публикации оригиналом или просто перепечатывал по изданному. Ряд документов, помещенных в «Старине», печатался по несколько раз. Отмечая это, Сапунов нигде не сказал — с какого издания он перепечатывает (и почему именно с этого) и в какой мере оригинал расходится с напечатанным ранее текстом (в «Вестнике Южной и Западной России» документы публиковались самым примитивным образом, если их просто не переделывали). Все эти вопросы перед Сапуновым как будто и вообще никогда не возникали.

Последним во втором разделе помещен рескрипт 1858 г. Александра II витебскому дворянству об открытии комитета по устройству быта крестьян. Из не издававшихся ранее всего больше документов в этом разделе напечатано из «Книги привилегий».

³²¹ «Витебская старина», т. I, стр. XXI, XXII.

Раздел третий посвящен витебскому униатскому архиепископу Кунцевичу (помещены и источники, касающиеся его убийства в Витебске). Ряд документов этого раздела взят из архива Полоцкой духовной консистории. В разделе четвертом находятся материалы о витебском Свято-Троицком Марковском монастыре (в большинстве — перепечатки из «Актов Виленской комиссии» и других изданий). Раздел пятый касается еврейского населения Витебска (частично — по материалам хроники Аверки и документам, находившимся в Богоявленской церкви Витебска). В разделе шестом помещены материалы о войне 1812 г. в Витебске и на Витебщине; почти все они изданы по неопубликованным рукописям. В разделе седьмом находятся записи о таможенных сборах, взимавшихся в Витебске в 1605 г. Раздел восьмой содержит инвентари, среди них — опись имущества полоцкого архиепископа за 1618 г.; инвентарь Витебска за 1641 г.; передаточный инвентарь (при передаче города властям Речи Посполитой) 1667 г.; ведомость о дворовых участках Витебска 1797 г.; статистические данные о населении губернии за 1808 г.; результаты однодневной переписи жителей Витебска в 1863 г. и др. Раздел девятый занимает летопись Аверки. В десятом — помещены правительственные указы, касающиеся Витебска и Витебщины (из Полного собрания законов Российской империи), но дан не текст указов, а названы лишь номера Собрания и приведены заголовки указов. Раздел одиннадцатый озаглавлен «Списки». В нем находятся родословные витебских князей и списки: православных и униатских епископов и архиепископов Северо-Восточной Белоруссии, настоятелей витебского Свято-Троицкого монастыря и других православных монастырей Витебской губ., витебских воевод и каштелянов, белорусских генерал-губернаторов с 1772 по 1856 г., начальников Витебской губ. (губернаторов). В самом конце книги помещен «Историко-статистический очерк» Витебской губ., представляющий собой сводку (перечисление) событий политического характера, происходивших в этой губернии. Очерк доведен до 1875 г., но за 1866—1875 гг. имеются лишь самые краткие справки: об открытии движения по железной дороге, введении городского положения и т. д. Очень кратко в Очерке говорится и о восстаниях 1830—1831 и 1863—1864 гг., но зато много внимания уделено событиям, связанным с войной 1812 г.

Самый конец тома занимают карты района Полоцка времен Ливонской войны и Витебской губ. конца XIX в., рисунки древнейших витебских церквей, факсимиле редких рукописных книг, имевшихся в то время в Витебске, и портреты 15 епископов и архиепископов. В тексте имеется ряд портретов великих князей литовских, русских царей и других лиц.

Том II не вышел в свет; по плану в нем предполагалось поместить документы, касающиеся Полоцка. В т. III предполагалось дать источники по истории городов Велижа, Невеля, Динабурга и некоторых других, позже входивших в состав Витеб-

ской губ. В т. VI Сапунов намеревался «представить исторические судьбы Витебской губ. на основании документов, которые будут собраны в первых пяти томах»; в том же томе предполагалось дать указатели ко всей серии ³²².

В т. IV находятся материалы, собранные Сапуновым «случайно» и касающиеся тех лет, когда Белорусское Подвинье во времена Ивана Грозного и царя Алексея Михайловича находилось во владении России. «Не желая разрознивать» однородный материал, Сапунов укомплектовал этими документами отдельный том ³²³.

В связи с тем, что материалы тома касаются разных эпох, издатель разделил его на две части.

Большая часть материалов т. IV представляет собой неизданные акты, извлеченные из архива министерства иностранных дел. Начинается часть первая этого тома с выписок из летописей и русских посольских книг о взаимоотношениях Великого княжества Литовского и Польши с Русским государством. Далее следуют выписки из московских разрядных книг за 1563, 1564—1585 гг., затем разнообразные по характеру документы (у Сапунова все они называются грамотами и отписками), относящиеся к подготовке Ливонской войны и событиям, связанным с этой войной. Почти все названные материалы перепечатаны из «Актов Западной России». Следующий раздел озаглавлен «Сказания иностранцев-современников». Здесь помещены выписки из «сказания» Курце ³²⁴, хроник Бельского ³²⁵, Стрыйковского ³²⁶, Гейденштейна ³²⁷, Гваньини ³²⁸, Соликовского ³²⁹, Русова ³³⁰, а также из писем гетмана Радзивилла и папских нунциев.

Начало второй части представляет собой выписки из разрядных книг и книги сеунчей за 1654 г. Далее следуют разного рода грамоты, адресованные русскому правительству витебскими и полоцкими воеводами, и от правительства — воеводам, письма жителей подвинских городов к царю и ответы на них. Среди прочих документов имеются: грамота царя Алексея Михайловича к полоцким мещанам; оберегательные грамоты православным монастырям; порицание стрельцам и солдатам, стоявшим в Витеб-

³²² «Витебская старина», т. IV, стр. I, II.

³²³ Там же, стр. II.

³²⁴ *Kurtze*. Abschrift und werzeichnis des grossen und gwaltigen Feldzug so der Moskowiter für Polotzko den 31 jan. 1563 gebracht nat, 1563.

³²⁵ «Kronika Polska. Marcina Bielskiego», novo pr. Joach, Bielskiego, syna jego, wydana. W Krakowie, 1597.

³²⁶ *M. Strykowski*. Kronika polska, litewska, zmódzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846.

³²⁷ «Reinholdi Heidensteinii Secr. regu, de bello Moscovitico Commentariorum Libri sex». 1586.

³²⁸ *A. Gwagnin*. Kronika sarmacyey Europskiey. Kraków, 1611.

³²⁹ «Jana Dymitra Solikowskiego Kratki pamiętnik Rzeczy polskich od Zgonu Zygmunta Augusta, zmarłego w Knyszynie, 1572, r. do r. 1590».

³³⁰ Отрывок из хроники Русова перепечатан из «Прибалтийского сборника», т. III.

ске, за буйство; челобитная шляхты Полоцкого повета и ответ на нее правительства; сыскное дело по жалобе витебских жителей на воеводу князя Волконского; сообщения о военных столкновениях между войсками Речи Посполитой и русскими и масса других.

В части второй тоже имеется раздел под названием «Сказания иностранцев», но он гораздо беднее, чем в первой. Как «сказания» здесь часто идут письма официальных лиц — гетмана, подканцлера и пр. Выписки из летописи Самовидца, Иоахима Ерлича и Каховского чрезвычайно кратки.

Последний раздел тома озаглавлен «Книги сметные». В действительности здесь помещен ряд инвентарей, очень разнообразных по содержанию, и различные приходо-расходные книги Полоцка за 1654—1655 гг. В «Сметной книге» Полоцка за 1654 г. перечислены пушечные запасы и дано описание церковей города. В Книге Витебска за 1655—1656 гг. содержится список наличных витебских мещан-мужчин и дано описание городских укреплений. В «Переписных книгах» перечислены жившие в городе шляхта, бурмистры, райцы, лавники, сотники и др. При описи Софийской церкви в Полоцке было обнаружено «пять сундуков с русскими, и с литовскими, и с латынскими с разными книгами» (стр. 292). К сожалению, из такого описания уяснить, что представляли собой книги, невозможно.

Начинается т. IV пространной статьей, называющейся «Краткий очерк борьбы Московского государства с Литвой и Польшей в XVI—XVII вв.». По выражению автора, Очерк представляет собой «не более как перечень главнейших событий, касающихся главным образом нашего края» (стр. III). Написан он на основании работ Карамзина («История государства Российского»), Соловьева («История России»), Бестужева-Рюмина («Русская история»), Устрялова («Русская история»), Кояловича («Чтения по истории Западной России» и «Исторические исследования о Западной России»), Антоновича («Монографии по истории Западной и Юго-Западной России»), Карпова («История борьбы Московского государства с Польско-Литовским»), Трачевского («Польское бескоролье») и т. д. Из авторов, писавших на польском языке, ссылки только на Нарбута³³¹.

Том V «Старины» подготовлен и издан Сапуновым в связи с 50-летием уничтожения церковной унии, «воссоединением» униатов с православием (юбилей происходил в 1889 г.). Юбилей с большой помпой был организован высшими церковными и правительственными кругами государства и праздновался во всей стране (ранее упоминалось, что это событие было отмечено и Виленской археографической комиссией). Свое отношение к «воссоединению» Сапунов высказал не только изданием специального сборника, но также предисловием и пространной вступительной

³³¹ T. Narbutt. Dziej starożytne narodu litewskiego, t. I—IX. Wilna, 1835—1841.

статьей («Краткий очерк исторических судеб Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в.», занявшей 167 страниц).

В предисловии Сапунов написал, что «воссоединение» имеет значение не только для одной Белоруссии, но что это — «величайшее событие вселенской церкви в последнее время», а вместе с тем дело «гражданское и государственное». «Много-много еще пройдет времени, — писал дальше Сапунов, — прежде чем можно будет коснуться какой бы то ни было стороны жизни нашего края, не затрагивая вопроса религиозного»³³².

В том же предисловии содержится краткий очерк истории архива Полоцкой духовной консистории, откуда Сапунов в очень большой мере заимствовал материалы для т. V. По данным Сапунова, архив этот состоял из двух отделов (архивов): древнего (дела с 1598 по 1810 г.), находившегося в крайнем беспорядке, «так как он имеет только исторический интерес» (автор в данном случае, очевидно, хотел сказать, что из этого архива уже никто не требовал копий с документов, подтверждающих права на различного рода имущество), и нового. В новом находились дела с 1796 г. Древний архив «образовался из массы документов, поступивших в Полоцкую консисторию из бывших униатских монастырей и церквей; в нем заключается более 5 тысяч документов (на языках западнорусском, польском, латинском и итальянском)»³³³. Архив этот был приведен в порядок М. Л. Веревкиным. Для своего издания Сапунов отбирал материалы как из этого, так и из архива губернского правления, в котором находились материалы витебского генерал-губернатора³³⁴. Всего в томе помещено 476 документов, из них 89 напечатаны полностью, остальные — в выдержках или же приведены одни только заголовки.

Очевидно, чтобы распространить свою точку зрения на церковную историю Белоруссии (поскольку «Старину» мало кто читал), Сапунов часть документов еще до издания в сборнике напечатал в «Полоцких епархиальных ведомостях», а Очерк — в «Витебских губернских ведомостях»³³⁵.

Издавая т. I «Старины», Сапунов уделил в нем очень много внимания вопросам церковной истории, а поэтому, публикуя т. V, ему пришлось во многом повториться. Чтобы не перепечатывать лишний раз документы (многие из которых были опубликованы и еще в ряде изданий), Сапунов приводил только заглавия и давал справку, где они напечатаны (см. документы № 8—10, 18—21 и др.). Еще больше в этом томе документов, в которых в нескольких строках излагается их содержание и сказано, на

³³² «Витебская старина», т. V, стр. 1.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же, стр. 2.

³³⁵ Там же.

каком языке (или языках) они написаны. В тех же случаях, когда документы приведены полностью, они в очень большой мере касаются различного рода дарений церквям и монастырям, споров о земле, посвящениям в епископы, борьбе униатов с православными. Есть (хотя и очень немного) папских индульгенций, специально изданных для Северной Белоруссии (папа Бенедикт XIV в 1750 г. отпускал все грехи тем, кто будет посещать Полоцкую кафедральную церковь и другие местные церкви, № 245). Документов такого рода папы издали немало, но в огромном собрании напечатанных источников они встречаются редко. Сравнивая т. V с предыдущими, видим, что с археографической стороны он подготовлен всего хуже.

После основной части тома следует «прибавление», в котором вопреки общему правилу Сапунова давать все иностранные тексты только в переводах они напечатаны на языках польском и латинском.

Помещенный в начале книги «Краткий очерк исторических судеб Полоцкой епархии» содержит не только церковную историю — в нем много внимания уделено и политической. Для определения общественно-политических взглядов Сапунова, а также для уяснения его отношения к источникам характерна первая фраза из этого Очерка, в которой легенда об апостоле Андрее, будто бы крестившем Русь, воспринималась автором как реальность (стр. 1).

В общем в изданиях Сапунова очень большое место занимают перепечатки, но вместе с тем им опубликована масса источников из архивов Витебска, Полоцка и из Литовской метрики.

Знакомясь с опубликованными работами Сапунова (а у него осталось немало и неизданных трудов), можно удивляться его энергии, видя, сколько может сделать человек в свободное от преподавательской работы время. Вместе с тем также отчетливо видно, что «коэффициент полезного действия» его работы был низок: публикации сделаны на таком уровне, что пользоваться ими можно лишь в том случае, если нет ничего другого, вернее, если нет изданий более качественных.

Работа в одиночку означала, что издатель не только проводил самостоятельно розыски в совершенно неупорядоченных архивах, где дела лежали навалом, но также сам писал заголовки и легенды, сам разыскивал необходимую литературу для примечаний и статей, сам делал все переводы с латинского и польского. Желание подать документы в таком виде, чтобы они были понятны лицам, не знавшим иностранных языков, т. е. в переводах, привели к тому, что Сапунов напечатал массу источников без оригиналов. Однако перевод никогда не заменит оригинала, а у Сапунова при всей его эрудиции в переводах встречаются очень неприятные ляпсусы. Например, переводя с польского летопись Аверки, Сапунов слово «Подлясье» перевел словом «Полесье» (т. I, стр. 471), а между тем Подлясье пред-

ставляет собой северо-восточный угол современной Польши, район Белостока—Бельска, тогда как Полесьем называется юг Белоруссии—север Украины, примерно от Бреста до Гомеля. Кстати, самую работу Аверки, которую автор назвал «История города Витебска» («Dzieje miasta Witebska»), Сапунов перевел как «Летопись Витебска» (по характеру, правда, это гораздо больше «летопись», чем «история»). Слова «do Birż» даны слитно (dobirż) и переведены не «в Биржи», а «в Биржу» (т. I, стр. 462). Фамилия «Глебович» переведена как «Хлебович» (т. I, стр. 500) и т. д.

Источники, писанные в свое время по-белорусски кириллицей, а затем переписанные латиницей (в польской транскрипции), Сапунов передавал кириллицей, даже не находя нужным сообщить об этом, настолько естественным казалось ему такое обращение с источником. Всего большую ценность в изданиях Сапунова представляют те источники, которые опубликованы в архивным материалам и которые Сапунову не приходилось ни переводить, ни передавать другим шрифтом. Значение этих публикаций увеличивается тем, что они никогда и никем не были переизданы, но, читая их, знаешь, что текст документов был основательно «исправлен» издателем. Слабым местом издания являются легенды хотя и пространные, но часто не содержащие самых необходимых сведений. Например: «Списан с подлинника, находящегося в архиве Полоцкой духовной консистории. См. «Витебские губернские ведомости», 1858, № 23» (т. I, стр. 118). В других случаях сообщается, что документ хранится в архиве той же консистории и напечатан в журнале «Вестник Юго-Западной и Западной России» за 1863 г. и губернских «Ведомостях» (т. I, стр. 137). Во всех этих случаях сообщается местонахождение оригинала, но не сказано, напечатан ли документ по рукописи или перепечатан и по каким правилам был напечатан ранее (редактор «Вестника» Говорский обращался с публикуемыми им документами до крайности бесцеремонно, «исправляя» и переделывая их. То же делали и в «Ведомостях») ³³⁶.

³³⁶ В 60-е годы XIX в. Ксенофонт Антонович Говорский издавал в Киеве, а затем в Вильно журнал крайне монархического русификаторского направления (в Киеве он назывался «Вестник Юго-Западной и Западной России», а в Вильно — «Вестник Западной России»), в котором печаталась масса документов, касающаяся главным образом состояния православной церкви в Белоруссии и на Украине. В 1865—1866 гг. Говорский, отобрав часть этих публикаций, выпустил их отдельным изданием в двух частях («Сборник документов, уясняющих отношение латино-польской пропаганды к русской вере и народности. Из исторических материалов, помещенных в «Вестнике Западной России», вып. 1. Вильна, 1865, стр. 133; вып. 2. Вильна, 1866, стр. 281 + VIII). Публикация сделана предельно примитивно — по каким-то рукописям, которые неизвестно где находились ранее (до публикации) и где были позже. Касаются они главным образом гонений на православных в Речи Посполитой, жалоб православного духовенства русскому правительству на притеснения, деятельности в Белоруссии иезуитов и пр. Вполне естественно, что Го-

Вообще Сапунов в своих предисловиях нигде не говорит, каких правил он придерживался, публикуя огромную массу разнообразных документов.

При таком положении издания Сапунова представляют в настоящее время своего рода справочник по истории Северной Белоруссии, откуда исследователь может узнать, что имеется об этом районе в летописях и других источниках, но будет пользоваться самими летописями, а не выдержками из «Старины»; то же и с другими источниками, если они не были изданы лучше. Сохраняют свое значение «Книги привилегий», хорошая подборка материалов дана относительно епископов и архиепископов; значение справочного характера имеют списки генерал-губернаторов и губернаторов. Большой интерес представляет собой разнообразный иллюстративный материал: портреты, карты, планы, рисунки, факсимиле, часть которых перепечатана из таких редких изданий, как работа Гваньини.

Из литературных работ Сапунова до сего времени не потеряли значения его труды по архивному делу³³⁷ и в особенности монография о Западной Двине, в которой затронуты самые разнообразные стороны жизни, связанные с этой большой рекой.

Публикации М. В. Довнар-Запольского

Виднейшее место в деле публикации источников по истории Белоруссии и Великого княжества Литовского в целом принадлежит Митрофану Викторовичу Довнар-Запольскому (1867—1934). Сын мелкого чиновника из Речицы, уездного города Минской губернии, он в 1894 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета и был оставлен там для подготовки к профессорской деятельности. С 1901 г. Довнар-Запольский — профессор Киевского университета, с 1909 г. — директор Киевского коммерческого института, позже — профессор ряда высших учебных заведений Баку, Минска, Москвы. Печатал свои работы Довнар-Запольский с 16 лет. До начала XX в. они были посвящены главным образом этнографии и в меньшей мере — истории Белоруссии и Великого княжества Литовского, с 1905 по 20-е годы он занимался преимущественно вопросами истории России, а в конце жизни возвратился опять к белорусской тематике³³⁸.

ворскийезде «исправлял» язык рукописей и вообще переделывал их по своему усмотрению.

³³⁷ А. П. Сапунов. Архив Полоцкой духовной консистории («Труды Археографической комиссии Московского археографического общества», т. 1. М., 1898); *он же*. Архивы в городах Могилевской губернии. Минск, 1902.

³³⁸ Список работ М. В. Довнар-Запольского до 1928 г. дал Д. И. Довгялло (см.: «Літаратурныя працы доктара рускай гісторыі Мітрафана Доунар-Запольскага у хронологічным парадку за 45 год (1883—1928)». «Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускае акадэміі навук. Працы класы гісторыі», т. III. Менск, 1928, стар. 566—570).

Очень разнообразна была деятельность Довнар-Запольского и в качестве публикатора источников. Еще находясь в звании «оставленного при университете», т. е., выражаясь современным языком, будучи аспирантом, он подготовил к печати три тома источников по истории Великого княжества Литовского³³⁹, в «Киевских университетских известиях» опубликовал Барколабовскую летопись³⁴⁰, которую в 1908 г. выпустил еще отдельным изданием³⁴¹, и в 1906 г. — материалы о декабристах³⁴².

Судя по выходным данным первых публикаций Довнар-Запольского, Документы вышли на два года раньше, чем Акты, однако из предисловия к Актам (стр. XI) видно, что печатание этого издания началось осенью 1895 г., из чего следует, что Акты были сданы в типографию раньше Документов. Все это не меняет, однако, того положения, что Документы вышли раньше. Все материалы, помещенные в Документах, Актах и Упоминках, заимствованы из книг Литовской метрики, но целевые установки, которые преследовал редактор, комплектуя эти сборники, были различны, и поэтому содержание каждого тома неодинаково. Общим для всех них является то, что в них помещены не книги Метрики целиком, а выборки из них.

Во введении к Документам редактор писал, что в это издание он поместил «наиболее важные документы, характеризующие строй или всего государства, или крупных частей его»³⁴³. Уже из этого следует, что сборник не объединен ни в тематическом, ни в архивном отношении. В общем же материалы Документов делятся на три резко различающиеся друг от друга части, в первой из которых помещена так называемая «Книга Данин» или, как она называется в сборнике, «Записи земельных дач короля и великого князя Казимира» (стр. 1—62; позже ее переиздал И. И. Лаппо в т. XXVII РИБ). Второй вид документов, помещенных в сборнике, представляют собой инвентари (их 12). Правда, самый пространственный из них редактор озаглавил «Описание Берестейского старства в 1566 г.», вследствие чего он стоит особняком от документов, названных инвентарями, но по существу Описание — это тот же инвентарь, только очень большого размера, поскольку содержит описание

³³⁹ «Документы Московского архива министерства юстиции» (далее: ДМАМЮ). М., 1897, стр. XXIII + 570; «Литовские упоминки татарским ордам». «Известия Таврической ученой архивной комиссии». Симферополь, 1898, стр. 91; «Акты Литовско-Русского государства», вып. I (1390—1529). М., 1899, стр. XII + 258.

³⁴⁰ «Барколабовская летопись». «Киевские университетские известия», 1897, № 12.

³⁴¹ М. В. Довнар-Запольский. Барколабовская летопись. Киев, 1908.

³⁴² «Мемуары декабристов (записки, письма, показания, проекты конституций, извлечение из следственного дела с вводной статьей)», вып. 1. Киев, 1906.

³⁴³ ДМАМЮ, стр. V.

огромной государственной экономии. Этот вид источников занимает страницы 68—159, 205—448. Третья группа, которую редактор считал важнейшей, относится к деятельности сеймов (стр. 145—155, 160—204, 449—505). Кроме того, несколько документов помещено в Дополнениях. Поскольку редактор, комплектуя сборник, придерживался хронологического принципа, тематически названные материалы по группам не объединены, и лишь инвентари следуют друг за другом, но это потому, что они занимают свои места в хронологическом порядке.

Материалы, представленные в Документах, относятся ко времени с 30-х годов XV в. до 1569 г. включительно. Все они публиковались впервые (стр. VI).

Публикации предшествует вводная статья редактора, в которой он изложил результаты своих наблюдений над материалами сборника и сообщил о принципах издания их. Наиболее трудным вопросом, который Довнар-Запольский хотел решить в своем введении, можно считать тот, который касается «Книги Данин». В этой части редактор издания пытался установить принципы, согласно которым составлялась эта Книга, и датировать хотя бы часть публикуемых записей.

Что касается правил публикации, то редактор изложил их в таком виде: «Правописание памятников тщательно соблюдалось. Раскрыты только надстрочные сокращения; «ъ» и «ь» в конце слов поставлены, если их не было в оригинале, только в случаях, не составляющих сомнения в том, какой из них должен стоять; в сомнительных случаях, когда в западнорусском языке того времени можно встретить и «ъ» и «ь» (например, в 3-м лице настоящего и будущего времен) — знаки опущены. Для соблюдения точной передачи подлинника удержаны без исправления в самом тексте написания ошибочные или неясные, также повторения». Неразборчивые и искаженные слова отмечены словами «sic», слова повторенные взяты в прямые скобки, а совсем непонятные отмечены вопросительным знаком. В общем правила, принятые редактором, оказались очень сложными, тем более что во многих случаях он прочитал текст неверно (стр. XXII).

Буквы ѿ, ѹ, а (о, у, я) сохранены лишь в небольшой части публикаций («Книга Данин» и несколько актов). Сделано это для того, чтобы отразить как можно более полно одну из немногих книг Метрики, сохранившейся не в копии, а в оригинале. В конце книги приложены указатели географической и именной. Оба они почти не раскрывают содержания приводимых географических названий и фамилий (Билуново, урочище; Биржи, село; Билая, дворец и т. д.), т. е. не указывают, где они находились. За исключением нескольких документов, написанных по-польски, весь текст сборника написан по-белорусски.

Материалы «Книги Данин» касаются всего государства, во многих же случаях вообще невозможно определить, где находится то имение или где жили те люди (крестьяне), которые раз-

давались феодалам, настолько кратки и неопределенны записи. Что касается инвентарей, то все они составлены во владениях, расположенных или в Белоруссии, или же на белорусско-литовском пограничье. Из всех инвентарей, помещенных в сборнике, как по размерам, так и по богатству содержания выделяется «Описание Берестейского староства, составленное в 1566 г.», т. е. после проведения волочной померы.

Подобные же описания Кобринской экономии, Пинского староства, Пинского и Клецкого княжеств, Гродненской экономии были изданы несколько ранее Виленской археографической комиссией. Описание содержит исключительно богатый материал о городе Бресте и шести других небольших городах, находившихся на территории староства, а также обо всех селах и вообще населенных пунктах экономии. Этот источник содержит сведения — сколько было в городах улиц и сколько на них имелось домов, какими земельными участками пользовались владельцы этих домов и какие платили за них подати. По деревням перечислены поименно все лица, державшие участки (волоки) земли, и названа выполняемая за это повинность. В конце подсчитан итог: сколько государство должно получить со всего староства дохода в год.

Остальные инвентари — небольшие по размерам и очень индивидуальные по содержанию, что в большой мере зависело от того, что представляло собой описываемое поселение. Например, инвентари Радошкович и Орши содержат (кроме прочего) описание замков, тогда как в других этого нет, поскольку в них замков не было. Данные инвентарей содержат сведения о количестве посевов и сборов зерновых на середину XVI в., они же показывают, как велики были в отдельных случаях запасы немолоченного хлеба. В Радошковичах, например, имелось 377 коп немолоченной ржи, что должно было составить свыше 4 тыс. пудов зерна (обмолотив 120 коп, получили 80 бочек ржи, или около 1440 пудов; см. стр. 93). Кроме того, инвентарь содержит сведения о количестве населения в имениях, о том, чем они занимались, о количестве скота, а также о разного рода лицах, живших в имениях вне господарских дворов, и об их повинностях.

Материалы о сеймах в сборнике приведены за 1563 и 1565 гг. (вальные сеймы в Вильно); 1566 г. (Берестейский); 1567 и 1568 гг. (вальные Городенские) и вальный Люблинский 1569 г. (сейм, составленный депутатами от Великого княжества Литовского, отдельного от общего Люблинского, принявшего унию 1959 г.).

В Актах редактор намеревался издать материалы, относящиеся к истории государственного хозяйства Великого княжества Литовского в эпоху Ягеллонов (стр. III). Намерение это, всего вероятнее, связано с тем, что в тот период Довнар-Запольский работал над своей магистерской диссертацией, вышедшей в свет

в 1901 г. под заглавием: «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, ч. I» (Киев). Однако, задавшись целью издать тематический сборник, редактор выполнил свое намерение недостаточно четко, т. е. в него включено немало материалов, не имеющих прямого отношения к теме (редактор и сам оговорил это, ссылаясь на бедность источников).

Издание начинается с привилея 1390 г. г. Берестью (Бресту) на магдебургское право. Кроме этого, в сборнике есть еще привилеи тому же городу, данные в 1408 и 1440 гг. Такие же привилеи (на магдебургское право) помещены в Актах и городам: Литовижу, Дорогичину, Мельнику, Высокому, Милейчицам, Воиню. Но привилеи на магдебургское право, как бы интересны они ни были, имеют лишь косвенное отношение к теме сборника. Гораздо ближе, вернее непосредственно относящимися к теме, являются контракты на аренду мыт (таможен) и корчем, документы о чеканке монеты, приходо-расходные книги господарских писарей. Непосредственно к теме сборника относятся и разного рода «личбы» и «квитации», представляющие собой расписки, выданные королем лицам, арендовавшим таможи и корчмы, а также и вообще все расчеты между скарбом и этими лицами.

Весьма существенными представляются данные о размерах серебщины, собираемой в разные годы. О размерах повинностей и вообще о положении в государственных владениях дают представление различные уставы и выроки, издававшиеся большей частью в XVI в.

В Актах есть немало документов, написанных на латинском языке. Все они даны без перевода на русский. Публикуя Акты, редактор оговорил, что «при издании документов имелось в виду воспроизвести вполне точно не только текст, но и особенности правописания» (стр. IX). Далее он уточняет правила, в частности оговаривает, что все сомнительные места (если редактор считал, что он мог прочесть это место неверно) отмечены или особым шрифтом, или же словом «sic». Нужно сказать, что таких мест в издании набралось очень много и что правила вообще оказались очень сложными.

В Актах не раскрыты титулы, должности и фамилии пановрады, присутствовавших при утверждении публикуемых документов. Это обещано было сделать во втором выпуске и там же дать (к двум выпускам сразу) указатели, но обещание осталось невыполненным.

Последняя публикация Довнар-Запольским книг Метрики называется «Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга». Сам редактор характеризовал содержание публикуемой им книги следующим образом: «Скарбовая Метрика заключала в себе приходо-расходные книги, отчеты подскарбиев земских, поборовые реестры, инвентари поземельных владений, подлежащих обложению, наконец, текущую административную переписку». В об-

шем в Упомянутых содержатся записи о том, что посылались правительством Великого княжества татарским ханам, их сыновьям, женам и другим властью имущим лицам в виде шуб, сукон, серебряной посуды, денег и пр., а также записей, что получал великий князь литовский в подарок от татар: коней, оседланных и без седел, верблюдов, оружие, «голов цукру» (сахару) и пр.

«Сборник документов о панах-раде»³⁴⁴

В 1901 г. в Томске вышел сборник документов, касающихся панов-рады Великого княжества Литовского, составителем и редактором которого был профессор Томского университета И. А. Малиновский. Свое исследование о панах-раде он начал в Киеве, где в конце XIX в. был приват-доцентом университета³⁴⁵. Сборник Малиновского укомплектован актами Литовской метрики и в очень небольшом количестве — материалами из фондов Киевского центрального архива. Из Метрики Малиновский всего больше отобрал актов книг из Записей, в частности из книги V (25 док.), XXXVII (17 док.) и VII (16 док.). Несравненно меньше включено им в Сборник материалов из книг Судных дел и еще меньше — из книг Публичных дел.

Редактор разделил Сборник на четыре части, в первой из них помещены главным образом привилеи, согласно которым за разными лицами утверждались урады (посты); привилеи эти, как правило, касаются тех, кто был членом панов-рады. Кроме того, в первой части находятся различного рода документы, при утверждении которых присутствовали паны-рада. В части второй помещены послания панов-рады к великому князю, и наоборот — от князя к панам-раде; в третьей — выроки (решения) панов-рады, а также совместные решения великого князя и панов-рады. В последней — документы, отражающие положение высшей прослойки феодалов Великого княжества Литовского, из которой обычно выходили члены панов-рады. Такое деление имело в значительной мере условный характер, поскольку в одном и том же документе могли находиться данные, касающиеся всех четырех вопросов.

Помещенные в Сборнике акты относятся к 1486—1576 гг., но за время после 1569 г. (года принятия Люблинской унии) их во всем томе имеется лишь несколько. Очень немного материалов дано также за XV и за первое десятилетие XVI в.

³⁴⁴ И. Малиновский. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901, стр. XX + 508 + CLX.

³⁴⁵ И. Малиновский. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России, ч. II. Рада Великого княжества Литовского, вып. I. Томск, 1904, стр. 1.

Таким образом, Малиновский в Сборнике поместил почти исключительно документы со второго десятилетия XVI в. по 1569 г., т. е. за время, когда магнаты, занимавшие руководящее положение в стране (а также и среди панов-рады), должны были поступиться значительной частью своих прав в пользу шляхты.

Материалы Сборника касаются всех частей Великого княжества Литовского, причем очень многие из них относятся к Украине. Однако исследователю важно получить данные не о той или иной местности государства, а о сосредоточении высших урядов в руках отдельных фамилий. В этом отношении Сборник дает очень много и в особенности часть первая, в которой с самого начала идут такие документы, как «Привилей пану Федору Янушевичу на старство Луцкое и маршалковство Волынской земли до живота его», привилей тому же Янушевичу на старство Владимирское, привилей пану Миколаю Миколаевичу Радивилевичу на воеводство Виленское и канцлерство Великого княжества Литовского и т. д. Здесь все время мелькают фамилии, игравшие значительнейшую роль в истории государства: Ходкевичи, Глебовичи, Гаштольды, Горностаи, Илинчи, Острожские и пр.

Основную часть документов части второй составляют разного рода дипломатические акты: «посельства» от панов-рады «до панов Коруны Польской», а также к крымскому хану, «царю» перекопскому, собственному великому князю и т. д.

За исключением очень немногих, писанных по-польски, документы Сборника даны на белорусском языке. Публикуя их, редактор старался передать тексты как можно ближе к оригиналу, т. е. давал их со всеми сокращениями, без замены «е» на «ѣ», «и» на «і» (перед гласными), но в то же время заменяя буквы ъ, ѿ на «у» и «о», ставя знаки препинания и прописные буквы. Малиновский везде оставил заголовки оригинала, причем держался этого правила настолько основательно, что даже в оглавлении, где другие редакторы обычно давали свои заголовки, сохранил заголовки оригинала.

Указатели (именной, географический и урядов и предметный) сделаны с такой полнотой, как ни в каком другом издании. В именном указателе, например, если говорится о Селищом, то добавляется, что это был боярин Виленского повета и что у него имелось имение Домославское. О Сапегах сказано, какие посты занимали представители этой фамилии. В указателе географическом и урядов, когда говорится о Гродно, приведены сообщения о Гродненском войтовстве, городничих, ключнике, коныхих и т. д.

В 1912 г. Малиновский издал и «Добавление»³⁴⁶ к Сборнику. Новое издание значительно меньше по объему, чем основное

³⁴⁶ И. Малиновский. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Польского (!). Добавление. Томск, 1912, стр. VII + 139 + LXXI.

(в нем помещено 90 документов за период с 1496 по 1581 г.). Как и в Сборнике, в Добавлении помещены материалы из книг Метрики и фондов Киевского центрального архива, но здесь акты Киевского архива занимают господствующее положение.

Принципы издания в Добавлениях те же, что и в основной части, т. е. опубликованный текст предельно близок к оригиналу, но буквы ъ, ѿ заменены «у» и «о» и т. д., расставлены знаки препинания и надстрочные буквы внесены в строку. Указатели сделаны с той же полнотой, что и ранее. Помещенные здесь документы касаются всех областей Великого княжества, но большая часть относится к Украине.

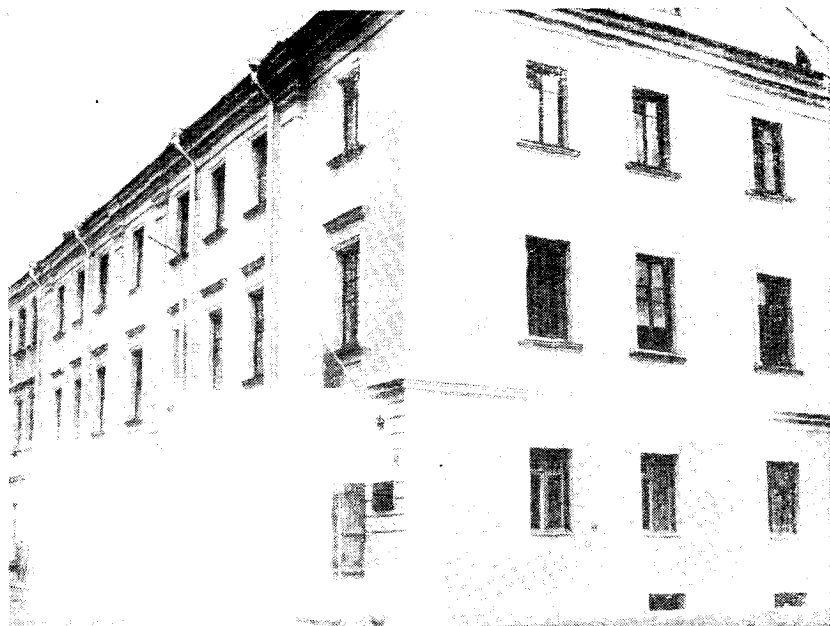
ИЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

ОРГАНИЗАЦИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

После революции публикация источников по истории Белоруссии сосредоточилась в Минске и делом этим занялись Институт белорусской культуры (Инбелкульт), а позже — Академия наук БССР. Первые издания, вышедшие в конце 20-х — начале 30-х годов, почти не отличались от дореволюционных, но в дальнейшем комплектование сборников стало производиться так, чтобы показать ход исторических событий в Белоруссии с марксистско-ленинских позиций, в частности, много уделялось внимания документам, отражающим классовую борьбу в деревне и городе в разные периоды.

Особенностью советских археографических изданий является то, что часть их прямо предназначается для семинарских занятий и вообще для учебных целей, поскольку в этом появилась настоятельная нужда в связи с созданием сети высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, занимающихся изучением истории Белоруссии. Другой их особенностью является то, что в советских изданиях основное внимание сосредоточено на публикации документов советской эпохи.

Первая мировая война, а затем оккупация немецкими войсками в 1915 г. значительной части страны прервали и ту незначительную работу по истории Белоруссии, которая велась ранее. Архивы частично были эвакуированы на восток, но большая часть их осталась в оккупированной зоне. Не прошло и года после изгнания немецких оккупантов (конец 1918 г.), как началась война с белополяками, со времен которой войска Пилсудского дошли до Березины. Однако, как только осенью 1920 г. военные действия прекратились, страна принялась за восстановление хозяйства. Советское правительство нашло средства, чтобы создать и высшие учебные заведения, и научно-исследовательский центр. Осенью 1921 г. в Минске был открыт университет, первым ректором которого стал Владимир Иванович Пичета (1878—1947; ректор — с 1921 по 1929 г.). В начале 1922 г. в Минске создается центральное научно-исследовательское учреждение — Институт белорусской культуры. Реорганизованный в 1924 и 1926 гг., Инбелкульт стал базой для создания в 1929 г. белорусской Академии наук (сейчас — Академия наук Белорус-

Здание Института Белорусской культуры в Минске

ской ССР). В реорганизованном Инбелкульте была создана Историко-археологическая секция; Инбелкульт, а позже Академия наук и стали центрами археографической работы республики.

Университет, как и Инбелкульт, создавались буквально на пустом месте. В городе не было ни специальных зданий, в которых могли бы разместиться научные учреждения, ни кадров, которые могли бы вести научную работу, ни научных библиотек; плохо подготовлена была к занятиям в университете и молодежь, пришедшая в это высшее учебное заведение. Но с первых дней деятельности университета в нем начали работать такие специалисты-историки, как В. И. Пичета, Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, Д. Н. Жаринов¹, позже — А. Н. Ясинский, М. В. Довнар-Запольский. Университет с первого выпуска (1925 г.) стал давать кадры, принявшие вскоре участие и в археографической работе.

Основным деятелем в области археографии Белоруссии в 20—30-х годах стал Д. И. Довгялло (бывший председатель Виленской археографической комиссии).

¹ В «Исторической энциклопедии» (т. 2, стр. 270, 271) Д. Н. Жаринов отнесен к молодым белорусским историкам вместе с Бурдейко, Забелло, Кернажицким и др. На самом деле, названные лица были учениками Жаринова по университету.

В октябре 1925 г. Историко-археологическая секция Инбелкульта вынесла решение начать публикацию серии томов документов под названием «Беларускі архіў» (Белорусский архив); это решение в начале 1926 г. было утверждено руководством Института². Практически в течение ряда лет публикация документов производилась Археографической комиссией, созданной в системе Инбелкульта. Комиссия эта не была учреждением в полном смысле этого слова, так как в ней числилось только два человека — председатель и секретарь. Комиссия всегда была чем-то вроде отдела при более крупной организации. История Комиссии следующая.

*Владимир Иванович
Пичета*

Первоначально руководство археографической работой в республике (Белорусской ССР.— *Н. У.*) было возложено на Историко-археологическую секцию Инбелкульта, созданную 24 января 1925 г.³ 1 октября того же года Секция образовала в своем составе Археографическую комиссию, которой и была поручена археографическая работа⁴. Первым председателем Комиссии был М. В. Довнар-Запольский, секретарем — Д. И. Довгялло. Спустя неделю после своего создания, т. е. 8 октября 1925 г., Комиссия подала в президиум Инбелкульта доклад, в котором настаивала на необходимости продолжения издания актов Литовской метрики и представляла список основных архивных фондов, вывезенных из Белоруссии⁵.

В то же время 19 ноября 1925 г. Историко-археологическая секция Инбелкульта обратилась в Наркомпрос Белоруссии с предложением издать серию небольших сборников источников по истории Белоруссии для занятий со студентами в университете⁶. Предполагалось документы на латинском языке давать с переводом на белорусский, а все остальные — печатать на языке оригинала. Однако из намеченных 14 сборников в свет не вышел

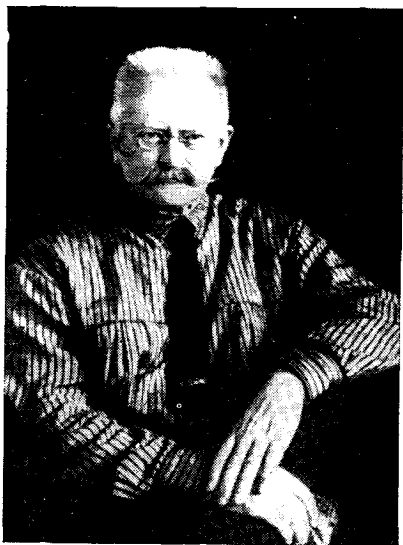
² «Беларускі архіў», т. I. Менск, 1927, стр. XIII.

³ Архив Академии наук БССР, ф. 18, д. 9, л. 58.

⁴ Там же, д. 33, л. 82.

⁵ Там же, д. 9, л. 268.

⁶ Там же, д. 6, л. 81.

*Дмитрий Иванович
Довгялло*

ни один, и фактически вся работа сосредоточилась в Археографической комиссии.

Осенью 1926 г. М. В. Довнар-Запольский уехал в Москву и руководство Комиссией перешло к В. И. Пичете, сама же Комиссия была причислена к кафедре истории белорусского права (которую возглавил В. И. Пичета) ⁷.

В отчете за 1928/29 г. (год начинался с октября) было отмечено, что Комиссия работала в составе секретаря — научного сотрудника, в 1928 г. переименованного в ученого специалиста. На издательскую деятельность Комиссии в 1928/29 г. было выделено 6300 руб. ⁸ К этому времени Комиссия издала два тома «Белорусского архива» и приготовила к печати том третий, в котором находились документы, относящиеся к истории

Минска ⁹. В перспективном плане Комиссии было намечено издавать каждый год по тому, и таким образом предполагалось, что в 1932/33 г. выйдет том 7-й Архива ¹⁰.

Кроме публикаторской в Инбелкульте велась источниковедческая работа. Так, руководитель кафедры всемирной истории в связи с историей Белоруссии А. Н. Ясинский опубликовал статью «Опыт критического изучения «Книги Данин» великого князя Казимира» и подготовил к печати статью «Начало образования Литовской метрики» ¹¹, а Д. И. Довгялло подготовил к печати том филиграней, составленный им по материалам Литовской метрики ¹².

«БЕЛАРУСКИ АРХІУ» ¹³

Том первый Архива — первого советского белорусского археографического издания — вышел в 1927 г. Большую часть его занимают материалы, заимствованные из могилевских архивохра-

⁷ Архив Академии наук БССР, ф. 18, д. 33, л. 16.

⁸ Там же, л. 58.

⁹ Там же, л. 83.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 20.

¹² Там же, лл. 16, 17.

¹³ Заглавия книг, издававшихся Инбелкультом, обычно очень сложные.

чилиц, переписанных под руководством Д. И. Довгялло, поэтому можно предположить, что подготовительные работы были сделаны во время пребывания (после переезда из Вильно в Могилев в 1915 г.) Довгялло в Могилеве. Вторую (значительно меньшую) часть этого тома занимают документы, доставленные М. В. Довнар-Запольским, жившим в Минске с августа 1925 по осень 1926 г. Материалы эти были собраны Довнар-Запольским до революции в хранилищах Кракова (архив Чарторыйских), Варшавы, Москвы и Петербурга. Составителем и редактором всех трех томов Архива был Д. И. Довгялло; он же сделал заголовки и примечания и составил указатели.

*Мітрафан Віктаровіч
Довнар-Запольскі*

Принцип комплектования тома первого Архива напоминает «Акты Виленской комиссии» или «Материалы Витебского архива, т. е. в нем помещены очень разнообразные по содержанию документы (в первом разделе — документы панов-рады и сейма Великого княжества Литовского, во втором — дела «местных учреждений», говоря точнее — документы, относящиеся к истории Могилева, и в третьем — материалы о торговле и финансах Великого княжества Литовского). Хронологически эти материалы охватывали конец XVI — начало XVII в.

Карл Божемский, рецензент первого тома Архива, вообще не покупившийся на замечания критического свойства, упрекнул

В частности, тома Архива имеют следующие заголовки. Том первый: «Інстытут Беларускае культуры. Гістарычна-археалягічная камісія. Працы і матэрыялы да гісторыі і археалёгіі Беларусі. Беларускі архіў». Том першы (XVI—XVII ст.). Менск, 1927, стр. XXXII + 267, 600 экз. На титульном листе тома второго значится: «Інстытут Беларускае культуры. Аддзяленне гуманітарных навук. Археаграфічная камісія. Беларускі архіў». Том другі (XV—XVI ст.). Менск, 1928, стр. L + 342, 600 экз. На титульном листе тома третьего: «Беларуская акадэмія навук. Беларускі архіў». Том трэці (XV—XVIII ст.). Менск, 1930, стр. XXXV + 413 + +[3], 600 экз. В то же время на обложке этого тома название иное: «Беларуская Акадэмія навук. Менскія акты. Выпуск першы (XV—XVIII ст.). Дакументы сабраны і згуртаваны Археаграфічнай камісіяй Беларускае Акадэміі навук». На верху обложки: «На правах рукапісу». Последнее отмечено и на контртитule книги.

БЕЛАРУСКІ АРХІЎ

ТОМ I

(XVI-XVII ст.)

ARCHIVUM ALBORUTHENICUM

TOMUS PRIMUS

КОШТАМ ІНСТЫТУТУ БЕЛАРУСКАЕ КУЛЬТУРЫ
У МЕНСКУ—1927—MENSIS

*Обложка издания
«Беларускі архіў», т. I*

ных архивов и музеев Белоруссии и где они находились в 1926 г. Кроме того, съезд заслушал доклады М. В. Довнар-Запольского о белорусских материалах в хранилищах РСФСР и Польши и Д. И. Довгялло — о Литовской метрике. Доклад Довнар-Запольского, основанный на его дореволюционных записях, не отличался полнотой, вернее содержал отрывочные данные. Доклад Довгялло о Литовской метрике в основном был посвящен истории образования этого архива. Съезд поднял вопрос о перевозе Метрики в Белоруссию (в Могилев.— *Н. У.*), на что в то время имелось принципиальное согласие правительства РСФСР.

Материалы, представленные Д. И. Довгялло, заимствованы им из двух хранилищ Могилева — Отдела рукописей Могилевского

редактора, что тот ведет работу по канонам Виленской комиссии¹⁴, что в общем так и было.

Начало работ в области археологии в Белоруссии в советский период совпало с Первым (и единственным пока) съездом исследователей белорусской археологии и археологии, труды которого были затем опубликованы¹⁵. В работе съезда участвовало около 20 человек (упоминаются по фамилиям 15, но, кроме того, на заседаниях присутствовали К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский и некоторые другие). «Работы» съезда не отличаются ни объемом, ни особым богатством содержания, и тем не менее съезд подытожил результаты археологических работ, проводившихся в последние годы в Белоруссии и на Смоленщине (А. Д. Лявданский), определил наличие архивных фондов в том же районе, установил (недостаточно полно), куда были вывезены во время войны материалы различ-

¹⁴ К. Borzemski. Ateneum Wileńskie. Wilna, 1930, zeszyt 1—2, str. 355—365.

¹⁵ «Работы первого съезда исследователей белорусской археологии и археологии». 17—18 студзеня 1926 г. Менск, 1926, 300 экз. Полное название этого издания сложное: «Інстытут беларускае культуры. Гістарычна-археалагічная камісія. Працы і матар'ялы да гісторыі і археалогіі Беларусу» (далее: «Работы»).

государственного музея (книга № 78) и Могилевского окружного отделения Центрархива (книги № 1 п 2); впрочем из архива заимствованы лишь два документа. В связи с этим легенды тома предельно кратки: в документах из музейной рукописи местонахождение и номер книги названы лишь в первом и последнем акте, а в остальных — только листы рукописи, в архивных — дана ссылка на архив и номера книг.

Все представленные Довгялло материалы происходят из Могилева, поэтому непонятным является то место из его предисловия, в котором он говорит, что «ценность этого материала увеличивается тем, что он происходит из бывшей канцелярии Великого княжества Литовского, так называемой Литовской метрики»¹⁶.

Все документы напечатаны только на языке оригинала без перевода (на белорусском, польском и латинском языках), однако правила публикации в различных разделах неодинаковы: к документам, писанным по-польски и помещенным в разделе первом, редактор дал изложение содержания на белорусском языке, тогда как ко всем остальным актам на польском или латинском языках подобного изложения нет.

Редактор издания стремился к буквальной передаче текста, т. е. давал некоторые слова в сокращении («мца», «млтвого», что значит «месяца», «милостивого»), часто оставлял слова слитно с предлогом или вообще давал вместе два отдельных слова (вцелости, передомною и т. д.). Однако в издании расставлены знаки препинания (о чем в предисловии не сказано), а в связи с этим заменены, где это было необходимо, строчные буквы на прописные. По правилу, не оговоренному редактором, он нигде не ставил в конце слов «ъ», сохранив его, однако, в середине слова (моцью, здоровье), но в некоторых случаях знак «ъ» заменялся апострофом (з'ехавшы) (стр. 80, 81).

В конце тома приведены указатели именной, географический и предметный на языке оригинала, но все слова в них расположены по русскому алфавиту, и поэтому, например, после названия «Великая Струга» идет «Wielino». В географическом указателе обычно есть лишь название реки или населенного пункта без указания, в каком воеводстве или повете они находились (Верцелишки, озеро; Дубница Великая, деревня и т. д.).

В предметном указателе имеются названия предметов без пояснения, что это такое (гаковница, выдзер, бровар и т. д., стр. 254, 255).

Недочетом издания является то, что, публикуя документы, уже не раз издававшиеся (например, о волнениях в Могилеве в 1606—1610 гг.), редактор не давал справки, где они были ранее напечатаны.

¹⁶ «Беларускі архіў», т. I, стр. XIII.

Публикации предпослано предисловие. Рецензент «Атенеума» отметил, что оно очень похоже на те, которые писались редакторами Виленской археографической комиссии. В этом он, однако, неправ, так как ни по своим размерам (20 страниц), ни по содержанию оно не напоминает тех гигантских предисловий, автором которых был, например, Ю. Ф. Крачковский. Предисловие к тому первому имеет характер исследовательский и посвящено главным образом датировке и значению документа № 1, доставленному М. В. Довнар-Запольским из архива Чарторыйских в Кракове. Однако упрек, брошенный Божемским относительно неправильного определения положения ряда имений, подаренных панями-радой Сигизмунду-Августу, верен: Гераноны и Шерешево, которые Довгялло отнес к Жемайтии, в действительности находились в Западной Белоруссии, Пуни — не в Жемайтии, а в Восточной Литве, Кнышин и Тыкотин — не на Украине, а в Подляшье (т. е. в теперешней Польше) и т. д. (стр. 358 рецензии). В общем же первый советский том публикаций был сделан на высоком уровне и дал для исследователей ряд интересных документов, неизвестных ранее ученым.

Второй том является вершиной редакторской и источниковедческой деятельности Д. И. Довгялло. В нем помещены материалы шестнадцатой книги записей Литовской метрики, содержащей акты Витебского и Полоцкого гродских судов за 1530—1539 гг. (хотя на самом деле среди них оказалось 11 актов за более ранний период).

Предисловие к тому краткое, но оно содержит обстоятельное палеографическое описание книги и тщательный источниковедческий анализ ее содержания. По своему содержанию книга, в которой находились акты провинциальных судов, никак не походила на другие книги Метрики, поскольку в них помещены только документы, исходившие из государственной канцелярии или же поступавшие туда.

Проанализировав материалы книги, Довгялло выдвинул такую гипотезу о ее происхождении: когда Ян Глебович был витебским воеводой (1530—1532 гг.), воеводский писец вел «для памяти» записи о различных делах, а также «выроки» и «декреты» (решения) воеводы, его заместителя и судей. В 1533 г. Глебович стал воеводой полоцким и при переезде на новое место перевез с собой и дела Витебской канцелярии. В Полоцке (1533—1539) все делалось, как и в Витебске, и таким образом архив увеличивался. При переезде Глебовича в Вильно воеводский архив попал туда же, где и был внесен в дела Метрики. Подсчитав количество актов за разные годы (за 1533 г., например, — 149 актов, за 1535 г. — 14 и за 1537 г. — всего 2), Довгялло пришел к выводу, что это только «фрагменты созданных когда-то книг судебных и вечстных записей воеводской канцелярии»¹⁷. То обстоя-

¹⁷ «Беларускі архіў», т. II, стр. XLII, XLIII.

тельство, что вся книга Метрики переписана одной рукой и на одинаковой бумаге, дало основание Довгялло заключить, что книга является копией и что переписчик, готовясь переписывать разрозненные акты в книгу, не сумел разложить документы в хронологическом порядке, а в некоторых случаях не сумел вообще определить дату создания акта и поэтому переписал их недостаточно последовательно¹⁸.

Во втором томе все акты идут в том порядке, в каком они находились в книге, и поэтому в ряде случаев последовательность хода документов нарушается.

Публикуя этот том, редактор руководствовался правилами, выработанными до революции Археографической комиссией для издания документов, иначе говоря, правилами, которые применял в своих публикациях И. И. Лапшо, хотя и не всегда последовательно. Так, в тексте сохранены «ia» и «la» (вместо «я», «Я»), но вместо малого юса применяется тоже «я». Сохранено ѿ, но Ѻ заменено «у», так как в типографии не оказалось знака «У» встречается ѳ, раскрыты все титла; буквы, находившиеся над строкой, внесены в текст, сокращенно написанные слова переданы полностью, причем вставленные редактором буквы взяты в квадратные скобки, предлоги даны вместе со словом. Стремясь передать текст как можно ближе к оригиналу, Довгялло во всех случаях, когда слово заканчивается твердой гласной, ставил «ъ», а поскольку этого знака во многих случаях не было, то издание пестрит буквой «ъ», поставленной в конце слов в квадратных скобках.

В общем том был издан на таком уровне, что Рышард Меницкий, гораздо более склонный замечать в советских изданиях недочеты, чем достоинства, высоко оценил это издание, отметив лишь как наиболее существенные недочеты недостаток примечаний под строкой и критических замечаний, а также отсутствие единообразия при передаче текста¹⁹. Понятно, что Меницкий не был бы Меницким, если бы не сказал, что Витебское и Полоцкое воеводства — это пограничные восточные окраины (kresy) Речи Посполитой²⁰.

Гродские суды вели почти исключительно дела о владении землей. Естественно, что в опубликованном томе всего больше актов относится именно к этому вопросу, причем они касаются самых разных слоев населения: крестьян, мещан, всякого рода замковых слуг — панцирных, путных, конюхов, псарей и пр. Гораздо меньше в томе документов, относящихся к наследству, завещаниям, актов о разводах, воровстве, убийствах.

Том третий носит отчетливые следы резких изменений в деле публикации источников, происходивших в то время. Обложка и

¹⁸ Там же, стр. XLII.

¹⁹ R. Mienicki. Ateneum Wileńskie. Wilna, 1930, zeszyt 1—2, str. 367, 368.

²⁰ Там же, стр. 367.

титульный лист расходятся как в дате, так и в названии (на титульном листе год издания 1930-й и название «Беларускі архіў. Том трэці», а на обложке — год 1931-й и название: «Менскія акты. Выпуск першы»). Явно, что вместо серии «Беларускі архіў» было задумано издание новой, относящейся к истории г. Минска, а на самом деле, на Актах публикация подобного рода вообще прекратилась. В самом конце тома третьего написано, что его укомплектовал, датировал документы, написал примечания и сделал указатели «научный специалист по археологии Белорусской Академии наук Д. И. Довгялло».

Как показывает название, том этот посвящен Минску, но не в самом узком значении этого понятия, потому что в судебных актах упоминаются также и довольно отдаленные окрестности города. Все документы напечатаны на языках оригинала (белорусском, русском, польском и латинском). Перевода или изложения содержания документов на латинском и польском языках нет. Издан том третий по сравнению со вторым упрощенно — нет букв *o*, *8*, *θ*, нет скобок, в которые были заключены в томе втором пропущенные буквы, в ряде случаев слова даны в сокращении («млти», «гдря», т. е. «милости», «господаря»; стр. 58, 59), нет примечаний, хотя без них некоторые места остаются неясными²¹. Заголовки сохранены те, которые были в оригинале, если же там их не было, то редактор писал сам, но в оглавлении имеются еще пространные заголовки, причем они нигде не совпадают с заголовками текста, даже в том случае, когда заголовок текста тоже написан редактором.

Основная масса документов, помещенных в томе третьем, заимствована из фондов Литовской метрики (книги Записей и Судных дел, ЦГАДА) и Минского истпарта, а также из дел Разрядного стола (ЦГАДА), фонда министерства земледелия (очевидно, из ЦГИА в Ленинграде) и Минского исторического архива. Часть документов (очень небольшая) ранее была опубликована, о чем сообщается лишь в заголовках, помещенных в оглавлении. Однако список изданий, откуда были заимствованы материалы для тома третьего, не всегда полный. Например, публикуя привилей, выданный Минску в 1499 г. на магдебургское право, редактор отметил, что привилей ранее был напечатан в «Актах Западной России» и «Русской исторической библиотеке», тогда как он был напечатан еще и в некоторых других изданиях.

²¹ В документах середины XVII в., написанных по-русски (когда Белоруссия была занята русскими войсками), упоминается Борисовский уезд (стр. 185). Для читателя следовало бы оговорить, были ли созданы русским командованием новые уезды (поветы), поскольку в Речи Посполитой Борисовского уезда не было, или же выражение «уезд» (повет) применялось в том же неопределенном смысле, как это делалось в Белоруссии до 1566 г.

Всего в томе помещено 245 актов²² за период с 1494 по 1791 г., из которых 122 относятся к XVII в., 65 — к XVIII, 51 — к XVI и 7 — к концу XV. По числу актов (70) на первом месте материалы, касающиеся цехового строя Минска. Здесь находятся уставы различных цехов, протесты и судебные дела цеховых против деятельности ремесленников нецеховых, «реестры» о приходах и расходах цехов, договоры мастеров с челядниками, жалобы членов цехов друг на друга и на посторонних, решения цехов по этим жалобам, а в самом конце тома (стр. 357—392) находятся фрагменты из «книги вечистых дел» сапожников за 1666—1780 гг. Содержание книги — самого пространного документа, помещенного в томе, очень однообразно. Книга состоит из кратких записей цеха о том, кто из учеников закончил обучение у мастеров, в связи с чем устраивал для членов цеха (об этом далеко не во всех записях) «коляцкую» (ужин), вносил в цеховую «скрынку» (кассу) определенную сумму денег и т. д.; в других же случаях определялись условия, на которых бывший ученик проработает еще у своего хозяина²³.

Другую компактную группу (№ 116—152) составляют документы, писанные на русском языке и исходившие от командующих русскими отрядами, находившимися в Минске, а также царские указы, челобитные минских мещан и шляхты и пр. за 1655—1660 гг. Документы эти показывают, в каком состоянии находились укрепления Минского замка, как разорен был в то время весь край, какие происходили выступления крестьян Минщины против шляхты и пр.

Значительное место занимают разного рода привилегии, данные великими князьями литовскими и королями польскими городу в целом (привилегии на магдебургское право, на открытие ярмарок и т. д.). Ряд привилегий и другого рода документов был выдан частным лицам, а также церквям и монастырям.

При чтении оглавления тома третьего вызывает недоумение нумерация актов. Между № 20 и 21 находится 47, между 32 и 33 — 45, между 74 и 75 — 88 и т. д. Очевидно, все это было объяснено в предисловии, но так как предисловия нет, то читателю предоставляется разобраться в этом самому. Чтобы было яснее, добавим, что в тексте документы идут своим порядком в хронологической последовательности. При проверке нумерации актов в оглавлении видно, что в ряде случаев один и тот же

²² В сборнике, согласно нумерации, должно находиться 247 документов, но № 71 и 177 в тексте нет, не упоминается о них и в оглавлении.

²³ В записи от 12 ноября 1690 г. сказано (опускаем начало документа), что Андрей Пенко отпустил своего хлопча (ученика) по имени Иван Комарович, который сделал достаточно хорошо свой «куншт» (вещь; очевидно, сапоги), а после освобождения у того же мастера должен проработать год, мастер же обязан платить ему в зависимости от работы (стр. 369). В других случаях говорится, что был устроен ужин и было уплачено в «скрынку» 14 злотых (стр. 392).

номер повторяется дважды, а № 198 встречается четыре раза, тогда как на самом деле под таким номером напечатан лишь один акт. Почему же редактору понадобилось вносить такую путаницу?

Дело в том, что во многих случаях при подборе материалов попадались не сами оригиналы привилеев или других видов источников, а их списки, занесенные в актыевые книги, или же подтверждающие грамоты на акты, выданные иногда десятки лет назад. При выдаче подтверждающего акта, или занесении акта, который подтверждался, в книги он переписывался слово в слово, с указанием даты, когда был выдан первоначально, а затем лицо, переписывавшее его, ставило свою дату. Таким образом, в документе, если он подтверждался (конфирмировался) один раз, было две даты, если же происходили последующие конфирмации, то каждый раз добавлялась новая. Учитывая это, редактор решил дать в оглавлении ссылки на все даты документа, т. е. сначала дается первоначальное заглавие документа и ставится дата его выдачи, затем даты конфирмации (или конфирмаций) с соответственным изменением заглавия²⁴ и, наконец, последний подтверждающий акт с последней датой (содержащий, однако, и первоначальный текст документа). При таком положении становится понятно, почему ряд актов был вставлен в документы, порядковые номера которых были значительно меньшими, и почему при наличии одного документа номер его повторялся по нескольку раз²⁵. Впрочем, из этого правила есть исключения (возможно, это просто результат недосмотра). Документ № 26 был написан в Полоцке 9 сентября 1579 г., а «до книг канцелярии вписан» 5 марта 1625 г. Вопреки принятому правилу он помещен в сборнике не под 1625, а под 1579 г.

²⁴ О том, как производилось подтверждение, можно показать на примере документа, помещенного в книге Судовых справ Литовской метрики от 13 марта 1597 г. («Беларускі архіў», т. III, стр. 73): «Постановившыся очевисто у книг господарских канцлярейских мещане места его королевское милости Менского: Сергей Матеевич писар меский, а Иван Михайлович Шишка, именем бурмистров, радец, лавников и всего послодства мещан менских, покладали уставу подводную, которую дей тому месту дано за панования славное памети короля его милости Жигмонта-Августа от секретара его королевское милости державцы Скирстомонского и Росенского Венцлава Миколаевича, за печатью его и просили, абы для всякое певности до книг господарских канцлярейских уписана была, которая устава слово от слова так в себе мает». Далее следует текст устава и ставится дата ее выдачи, а затем приписано: «На той выпис сей под печатью мою дан там у Менску, року тисеча пятьсот пятьдесят осмого, генвара четвертого» (там же, стр. 73—75).

²⁵ Документ № 78 помещен между номерами 66 и 67. Первоначально выдан 16 января 1616 г. Озаглавлен: «Письмо великого князя Сигизмунда III на имя минского войта и магистрата с закреплением прав евреев, которые живут в Минске, имеют лавки в собственных домах и занимаются торговлей». Тот же документ, конфирмированный 20 марта 1620 г., озаглавлен: «Письмо великого князя Сигизмунда III о вписании в книги метрики Литовской привилея минским евреям на право торговли в лавках, который был дан великим князем Стефаном Баторием».

При всех недочетах и даже странностях издания «Менские акты» представляют очень большую ценность. Это единственное для Советской Белоруссии издание, в котором составитель попытался путем подборки документов за определенный отрезок времени дать материалы для истории города, столицы республики.

«МАТЕРЬЯЛЫ ДА ГІСТОРЫІ МАНУФАКТУРЫ»

Очевидно, когда еще печатался том третий «Беларускага архіва», было решено начать издание новой серии, содержание которой не имело ничего общего со всем изданным ранее. Задуманная серия была целиком посвящена истории промышленного развития Белоруссии в феодальную эпоху, а поскольку в тот период фабрик было очень немного и наиболее типическим видом промышленного предприятия являлась мануфактура, то серия и получила название «Материалы к истории мануфактуры в Белоруссии в эпоху разложения феодализма». Издание это было осуществлено в двух томах (первый вышел в 1934, второй — в 1935 г.)²⁶. Это была одна из первых попыток публикации материалов, посвященных истории промышленного развития определенного района страны²⁷.

Документы для новой серии были отобраны главным образом в архивах²⁸. Основным хранилищем, откуда издатели почерпнули документы, были архивы Ленинграда. Так, для тома первого они отбирались в фондах генерал-прокурора Сената, Главного управления мануфактур, Департамента мануфактур и внешней торговли, II Департамента министерства государственных имуществ, Мануфактур-коллегии, Первой экспедиции Сената. Кроме того, были использованы материалы из Архива Академии наук СССР, Витебского и Могилевского отделений Центрального архива Белоруссии (фонды канцелярии губернаторов).

Архивы Вильно и Гродно, а также архив Радзивиллов (возможно, содержащий самые богатые данные о белорусских мануфактурах XVIII в.) были в то время недоступны.

²⁶ «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры на Беларусі ў часы распаду феудалізму», № 1 (1796—1840). Менск, стр. 1934, X + 300; «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры на Беларусі ў часы распаду феудалізму», № 2, I «Статыстыка 1841—1864»; II Урадавыя мерапрыемствы. 3 прадмовой В. К. Шчарбакова. Менск, 1935, стр. XXIII + 380. В обоих случаях на титульных листах стоят номера. Для удобства будем ссылаться не на номер издания, а на том.

²⁷ С. Н. Валк. Советская археография. М., 1948, стр. 163—166.

²⁸ В обоих томах «Матэрыялаў» помещены почти исключительно документы, ранее не печатавшиеся. Немногочисленные перепечатки сделаны главным образом из «Журнала мануфактур и торговли» и некоторых других изданий (П. Крюков. Очерки мануфактурно-промышленных сил Европейской России. СПб., 1853; Сборник сведений и материалов по ведомству финансов, т. I—III. СПб., 1865) и др.

МАТЭРЫЯЛЫ

ДА ГІСТОРЫІ МАНУФАКТУРЫ
БЕЛАРУСІ
Ў ЧАСЫ РАСПАДА
ФЕЎДАЛІЗМА

№ 1

1796—1840

ВЫДАВАННЯ
БЕЛАРУСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МЕНСК, 1994

Обложка издания:

*«Матэрыялы да гісторыі мануфактуры
Беларусі ў часы
распада феўдалізма»*

второго тома почти не превышает объем первого, то очевидно, что в двух томах опубликована примерно половина подготовленных к печати сводок.

Для тома второго материалы отбирались в тех же фондах, что и для первого, но небольшая часть документов получена из Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР и из Днепропетровского архива (фонд Екатеринославского наместничества; документы о переводе мануфактур из Белоруссии в Южную Украину).

Документы размещены в хронологическом порядке, и поэтому они не сгруппированы ни по губерниям, ни по видам производства. Но вместе с тем не совсем выдержан и хронологический принцип, так как под одним номером обычно идет целая группа документов, датированных разными, хотя и близкими годами. Так, например, док. № 1 первого тома озаглавлен: «Мануфактуры Минской губернии 1796—1802 гг.», а в этой группе есть семь документов:

- 1) рапорт Минского губернского правления от 19.III 1797 г.;

Публикуя свои издания, редакция не обольщалась относительно полноты собранных в них документов. В предисловии или, говоря точнее, во «вводных пояснениях» (именно так называл автор свое краткое предисловие), сказано, что, хотя устав фабрично-заводской промышленности и требовал, чтобы владельцы предприятий каждый год доставляли подробные сведения о своих «фабриках» (в какой губернии и уезде находится; фамилия владельца, вид изделий, вид двигателя, число рабочих, своих и иностранных, места сбыта и пр.), однако в Архиве министерства финансов подобных данных нет. Остались лишь черновые отпуски в канцеляриях губернаторов, да и то не все (стр. IX). При таких обстоятельствах редакция все же подобрала довольно значительное количество материалов. Во «вводном пояснении» сообщается, что в том первый вошло лишь около четверти собранного материала. Так как объем

- 2) ведомость о мануфактурах за 1796 г.;
- 3) заявка Мостоцкой;
- 4) отношение минского губернатора Корнеева от 16.XI 1800 г.;
- 5) рапорт Минского губернского правления от 29.VII 1802 г.;
- 6) рапорт Минского губернского правления от 15.I 1802 г.;
- 7) справка Мануфактур-коллегии от 3.XII 1803 г. Есть группа, содержащая 29 различных документов.

Основную часть материалов, помещенных в томе первом, составляют разнообразные сводки и документы (письма, отношения), касающиеся мануфактур и мелких ремесленных предприятий. Среди них всего больше об отдельных мануфактурах (например, о стекольной «фабрике» в Уречье, о полотняной в Гомеле), есть также сводки (ведомости) о мануфактурах в отдельных городах (в Слониме, например), есть сводки о наличии мануфактур в уездах (Волковысском), есть, наконец, по целым губерниям (Минской, Могилевской и т. д.), есть сводная ведомость о наличии суконных мануфактур во всей Белоруссии и список владельцев мануфактур по отдельным губерниям Белоруссии.

Сведения, содержащиеся в ведомостях, очень различны. Например, в «Ведомости по Минской губернии о фабриках и мануфактурах 1796 г.» есть данные о том, кому принадлежат предприятия, сколько и какого товара там вырабатывается, на какую сумму и где продаются эти изделия. Так, шляпы, выделываемые в Минске, сбывались на месте, тогда как поташ шел едва ли не весь за границу — в Кенигсберг²⁹. В ведомости о Могилевской губернии содержатся данные о времени основания предприятий и характере изделий. О золотошвейной фабрике Зорича в Шклове сообщается, что там «вышиваются в пальцах камзольные штуки золотом, серебром и разными шелками, кои составляют каждый дамские платья и поясы... Цена самой хорошей и нежнейшей доброты по 9, 10 и 12 руб. одна штука. Употребляется на домашние надобности»³⁰.

Среди документов о суконной мануфактуре в Шклове есть письма Г. Р. Державина (который был главным попечителем Шкловского имения) за 1801 г. Шкловское графство императрица после присоединения Белоруссии к России отдала Зоричу, который создал в Шклове ряд мануфактур. Живя роскошно и безалаберно, Зорич наделал массу долгов и разорил крестьян. Его наследник генерал Д. Г. Неронич назначил управляющим имением Горденина, который обещал поднять доходность и выплатить долги. Через полгода другой администратор, Лаппо, писал, что Горденин, «наблюдая больше свою пользу, нежели исполнение инвентаря, от судебного места опекуном выданного, по единственной своей воле распоряжается крестьянами и доводит оных до крайнего разорения в противность контрактам и инвентаря». Горденин даже выловил рыбу в озере и истребил дичь в пуще³¹.

²⁹ «Матэрьялы», № 1, стр. 1—3.

³⁰ Там же, стр. 9.

³¹ Там же, стр. 52.

И хотя Державин обвинил Лаппо в ябедничестве, но, безусловно, большая доля правды в «записке» Лаппо была.

В т. I помещен ряд ведомостей о состоянии винокуренного производства в уездах Могилевской губ. на начало 20-х годов XIX в. Ввиду того, что в статистические таблицы сведения о винокуренном производстве обычно не попадали, такие данные представляют большой интерес, тем более что винокурение в экономике Белоруссии в XVIII—XIX вв. играло очень большую роль. В ведомости о винокурении в Рогачевском уезде за 1826 г. есть даже данные о числе душ в каждом имении, где была винокурня, затем показатели о выходе продукции и сведения, сколько водки потребляется в губернии и сколько вывозится за ее границы³².

Кроме ведомостей и разного рода писем и «записок», в «Матерьялах» помещены сводки о числе жителей в Минской губ. на 1797 г. (по пятой ревизии) и ведомости о числе жителей в пяти губерниях (Минской, Могилевской, Витебской, Виленской и Гродненской) за 1812 и 1816 гг. (по шестой и седьмой ревизиям), а в т. II — по девятой (1851 г.).

Сводка за 1797 г. содержит данные о числе жителей по всем уездам (тогда в Минской губ. их было 10) и по относительно крупным группам — в разрезе социальном. Начинается сводка с наиболее обеспеченной части дворян — владельцев дедичных (наследственных) имений, арендаторов и владеющих имениями по закладам. Затем идут купцы, христиане и евреи; мещане, христиане и евреи; крестьяне государственных, помещичьих, иезуитских, старостинских, духовных имений; лица духовные (православные, католики, униаты). После них следует группа, названная «Пользующаяся правом дворянства шляхта: во дворах служащая, живущая на владельческой земле и околичная, живущая на собственной земле, крестьян не имеющая». И в конце — «разных наций вольные люди», находящиеся в богадельнях, сироты и татары.

Эта весьма полная и достоверная ведомость ценна тем, что содержит данные раздельно о дворянах, владеющих землями и крепостными (или по крайней мере арендовавших такие имения) и шляхтой, не имевшей крепостных, а в большей части и земли.

Сводки за 1812 и 1816 гг. были очень неточны³³, так как при шестой и седьмой ревизиях население Белоруссии и Литвы было учтено очень плохо. Достаточно сказать, что к 1830 г., когда укрупнились при седьмой ревизии были в основном выявлены, то оказалось, что в 1816 г. (год проведения седьмой ревизии) по Виленской губернии (включавшей в то время почти всю Литву и некоторую часть Белоруссии) не было зарегистрировано в свое время 128 612 душ мужского пола (не говоря о тех, кто с 1816

³² «Матерьялы», № 1, стр. 147—149, 162—165.

³³ Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965, стр. 32—36.

по 1830 г. умер), что составило почти четвертую часть всего населения губернии. Поэтому, чтобы иметь относительно верные данные о числе жителей в Белоруссии и Литве по седьмой ревизии, следует пользоваться не теми данными, которые помещены в «Матэрыялах» и которые представляют собой данные, собранные в 1816 г., а взять сводку 1830 г., содержащую наиболее проверенные данные о количестве жителей на 1816 г. Что касается данных шестой ревизии, которая производилась накануне войны 1812 г. и не была закончена, то они для Белоруссии и Литвы вообще непригодны, так как учет в то время был сделан неполно.

Кроме сводок о населении в т. I помещена ведомость о городах, говоря точнее — о количестве жителей в городах на 1825 г., а на 1833 г. — в городах и местечках Белоруссии. К этим данным тоже необходимо отнестись весьма критически, уясняя — кого при этих переписях относили к городским жителям, а кого — нет (в 40-е годы, например, к мещанам уездных городов приписывали крестьян, освободившихся от крепостной зависимости и никогда, ни раньше, ни позже не живших в городах).

Как ведомости, так и различные канцелярские отношения, напечатанные в т. I, представляют собой документы, довольно случайные, что не должно, однако, вызывать удивления, поскольку изучение вопроса о промышленности в то время еще только начиналось и многим вообще казалось, что никакой промышленности в Белоруссии перед крестьянской реформой 1861 г. не существовало. Подобрать подобный материал было трудно, так как архивы Литвы, Западной Белоруссии и Польши оставались недоступными.

Материалы в серии помещались о пяти губерниях, а позже 1843 г., когда была образована Ковенская губ., составители нередко включали в свои сборники данные и по этой губернии, хотя Ковенская губерния к Белоруссии не имеет почти никакого отношения (небольшое количество белорусского населения жило в северо-восточной части Ковенской губернии).

Почти все документы т. I написаны на русском языке, но есть на польском, немецком и французском, один же документ написан польскими буквами, но на языке, состоящем из смеси польского, белорусского и русского, хотя официально, видимо, числилось, что он написан по-русски польскими буквами (если переписать эти тексты кириллицей, получим следующее: «чвартого сорту; майстров тепер для несбыта сукна; работники усякие» и т. д.).

Корректурa обоих томов плохая, постоянно встречаются грубые опечатки. Например, в сводке о числе жителей в Минской губ. (стр. 6) вместо «Вилейский уезд» напечатано «Виленский». В томе находятся и материалы, не имеющие отношения к теме как территориально, так и тематически. Например, док. № 45 представляет собой годовой баланс доходов и расходов по государственному Горы-Горецкому имению за время с 1 июня 1828 по 1 июня 1829 г. В нем подробно перечислены статьи дохода

и расхода за год, но к истории мануфактур он не имеет отношения. В обоих томах масса материала, относящегося к Литве.

Как отмечалось, развернутого предисловия к т. I нет, есть лишь «вводные пояснения» на двух страницах. Автором их, очевидно, был Д. И. Довгялло, так как почти весь текст «Пояснений» касается археографической стороны издания, а поскольку в издании тома участвовали только В. К. Щербаков и Д. И. Довгялло, то можно считать как достоверное, что об археографической стороне написал Д. И. Довгялло. В «Пояснениях» сообщается, что «разыскание материалов, их компановка и подготовка к печати, а затем корректура при печатании и составление указателей сделаны трудами ученого специалиста археографии Белорусской Академии наук Д. И. Довгялло».

Что составителем тома был Д. И. Довгялло, подтверждает и ответственный редактор обоих томов В. К. Щербаков в своем предисловии к т. II³⁴.

В предисловии к т. II В. К. Щербаков не только дает общую характеристику публикуемых материалов, определяет их значение, научное и политическое, но пытается как бы изложить историю белорусской мануфактуры. Естественно, что спустя много лет недочеты этой работы, написанной к тому же явно в большой спешке, видны очень отчетливо. Сейчас, когда вопрос о мануфактурах разрабатывается в специальных монографиях, указывать на изъяны не представляет труда, но нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство: ответственный редактор публикаций относился к своим источникам с доверием, граничащим с наивностью. В разделе, касающемся развития торговли в Белоруссии накануне войны 1812 г., Щербаков говорит о неравномерности развития торговли в разных губерниях, ссылаясь на сводку, согласно которой в Могилевской губ. числилось 1117 купцов, а в Гродненской — 16. Исходя из числа купцов, а также рассчитав по сумме сбора с них, какой это составляло процент капитала, он определил и то — какими капиталами располагали все купцы Белоруссии, сколько приходилось в среднем на одного. По этим расчетам выходило, что в среднем белорусский купец имел по 250 тыс. руб.³⁵ Очевидно, у Щербакова не возникло даже сомнения в достоверности публикуемых цифр, хотя огромная разница в числе купцов в двух губерниях должна была насторожить, а расчет о средних размерах капитала на купца в 1812 г. показаться неестественно большим даже специалисту, тем более что Белоруссия всегда была районом мелкого капитала при наличии огромного количества «капиталистов». Встречаются в томе и такие ошибки: владельцем Уречской мануфактуры назван Моджарский³⁶, тогда как она принадлежала Радзивиллам.

³⁴ «Матэрыялы», № 2, стр. XI.

³⁵ Там же, № 2, стр. XIV.

³⁶ Там же, стр. XI.

По сообщению редактора, т. I «Матэрыялов» уже ко времени выхода в свет второго стали широко пользоваться как историки-исследователи, так и преподаватели на семинарских записках. Этому вполне можно доверять, если учесть новизну материалов и значение, которое им придавалось в то время (когда все усилия страны были сосредоточены на индустриализацию).

В качестве важнейшего недочета т. I рецензент «Матэрыялов» указывал на то, что в издание была включена масса документов не о мануфактурах, а о ремесленных мастерских³⁷. Признав этот упрек, редактор поместил, однако, и во втором массу материалов о чисто ремесленных предприятиях. Можно думать, что это получилось не столько от неумения отличить ремесло от мануфактуры, сколько от состояния источников. Составители первичных источников называли заводами и фабриками не только мастерские, где работал один владелец, но и конские заводы. При таком положении, чтобы отобрать материал исключительно о мануфактурах, издателям пришлось бы кромсать имеющиеся отчеты и ведомости. Поэтому публикация полных по возможности сводок представляется гораздо более целесообразной, чем выборочная, при которой часть материалов, касающихся мануфактур, может не попасть в публикацию.

Т. II разделен на две части, первая из которых называется «Таблицы» (на самом же деле таблиц там очень немного, так как место в основном занято перепиской, относящейся к организации и состоянию ремесленного и мануфактурного производства). Как и в т. I, в т. II материал расположен группами или кустами, где под одним номером помещен ряд документов, относящихся к одному и тому же промышленному предприятию или к определенной территории.

Сводных таблиц, охватывающих все основные виды производства и всю территорию Белоруссии, в томе имеется четыре, из которых три (за 1846, 1852 и 1854 гг.) перепечатаны из «Журнала мануфактур и торговли», а за 1850 г.— из книги П. Крюкова³⁸. Графы в этих таблицах далеко не одинаковы, а, кроме того, в них не указано, какие из предприятий (вернее говоря, чьи) попали в эти сводки. Судя по размерам (сумме) выпускаемой продукции, это были самые крупные заведения, но и притом принцип отбора остается неясным, тем более что винокуренное производство ни в одну из этих таблиц не попало. В особенности неполна таблица за 1850 г., в которой по отдельным предприятиям или не указана сумма производства, или нет числа рабочих и т. д.

Наиболее полной и достоверной представляется таблица за 1857 г. (заимствованная из фонда Департамента мануфактур и

³⁷ Там же, стр. X.

³⁸ П. Крюков. Очерки мануфактурно-промышленных сил Европейской России. СПб., 1853.

торговли), где по каждому виду производства (шерстяное, полотняное, ковровое и т. д.) показано количество предприятий, число рабочих на них, количество выпущенной продукции и стоимость товаров. В эту таблицу и в самом деле включены главным образом мануфактуры, хотя есть и совсем маленькие ремесленные мастерские (шляпных «фабрик» в Минске 3, на них работало 8 человек, сумма производства 1927 руб., красильня 1, рабочих 3, сумма производства 145 руб. и т. д., стр. 102, 103). Однако таких мастерских в таблицу попало мало.

За исключением данных, помещенных в этих сводных таблицах, губерний Минская, Гродненская и Виленская больше ни разу не упоминаются, а так как названные таблицы занимают в книге очень немного места, то основная часть ее отведена материалам Восточной Белоруссии, говоря точнее — Могилевской губернии. Из 28 групп документов, находящихся в первой части, 16 касаются губерний Могилевской, 5 — Витебской, а на три остальные отведено 7 (из них одна сводка о числе жителей по девятой ревизии). Однако ведомостей, в которых находятся сведения о всех уездах Могилевской губернии, мало. Например, в док. № 62, который озаглавлен «Мануфактуры Могилевской губернии», на самом деле есть данные лишь по 6 уездам из 12, и часть помещенных там материалов касается ремесленных предприятий. Но чаще встречаются таблицы, в которых помещены сведения лишь по нескольким уездам (Рогачевском и Могилевском). Наиболее полные из сводок, помещенных в «Таблицах», т. е. содержащие данные по всей губернии, относятся к 1854, 1856, 1859 и 1861 гг. Все они заимствованы из архива канцелярии губернатора. В них находятся сведения о предприятиях, находящихся как в городах, так и в помещичьих имениях (за исключением винокуренных).

Содержащиеся в губернских сводках данные можно критически проверить, если не все, то хотя бы часть. Прежде всего это касается сведений о кожевенном производстве.

Могилев еще в XVI в. был известен как крупнейший в Белоруссии центр кожевенного и скоряжного производства. Специализация эта сохранилась и в XIX в., и поэтому в сводках о промышленности Могилевской губернии всегда участвуют показатели о кожевенном производстве. Эти данные представляют тем большую ценность, что везде называются имена и фамилии владельцев и поэтому у нас есть возможность посмотреть, какие изменения произошли в судьбе «заводчиков», хотя бы и за очень небольшой отрезок времени. По сводке 1854 г. в Могилеве находилось 70 кожевенных «заводов», в большинстве которых работало по одному человеку: владелец и мастер в одном лице. Почти половина этих «заводчиков» давали продукции менее чем на 100 руб. в год и лишь Роман Азаревич выработывал продукции на 2000 руб.³⁹

³⁹ «Матэрыялы», № 2, стр. 69—70.

В 1856 г. кожевенных предприятий числилось уже 76, 17 «заводчиков» вырабатывали продукции менее чем на 100 рублей; в 1859 г. мастерских было 96, причем продукция Романа Азаревича оценивалась в 3500, Кармазина — в 3100 и Черняка — в 2600 руб., и в то же время 27 предприятий давали продукции на сумму свыше 1000 руб.⁴⁰

Если принять эти цифры, то окажется, что в Могилеве за пять лет количество кожевенных предприятий увеличилось в полтора раза, а сумма выработки — еще больше, что весьма маловероятно, потому что подобных темпов не знала ни одна отрасль производства. Гораздо более вероятным кажется, что в 1854 г. учет мастерских был поставлен хуже, чем в 1859 г., а суммы производства владельцами предприятий сильно занижались.

Из сказанного следуют по крайней мере два вывода: во-первых, что включенные в сводку в качестве «заводов» предприятия, на которых в лучшем случае, кроме хозяина, работал еще один человек, никак под эту рубрику не подходят; а, во-вторых, что из имеющихся ведомостей всего больше доверия заслуживает сводка 1859 г.

В общем ряд предприятий и видов производств, помещенных в «Таблицах», при изучении положения мануфактуры придется исключить, что несколько, однако, не снижает ценности этих данных, показывающих размеры производства, но не мануфактурного типа.

Настоящие мануфактуры в губернии были, были даже и фабрики, на которых имелись паровые машины и работали сотни рабочих, но их было очень мало. В 1854 г. на бумажной мануфактуре помещика Гурко работал 261 человек и производство давало продукции на сумму свыше 27 тыс. руб. в год. Железодельный завод Бенкендорфа в Старинках давал в 1859 г. продукции на 240 тыс. и на нем работало около 700 человек; в 1852 г. сахарный завод помещика Цехановецкого, работавший в фольварке Чернявка, давал продукции на сумму 3—4,5 тыс. руб., в 1852 г. на поташе Любомирского в фольварке Сарматском вырабатывали поташа на 3,5 тыс. руб.⁴¹ Предприятия такого типа были очень немногочисленны. В общем же при отсутствии данных по Центральной Белоруссии и особенно Западной картина промышленного развития в предреформенный период, если пользоваться только данными «Матэриялов», будет до крайности неполной и неверной.

В части второй т. II должны находиться (согласно заголовку) документы по организации мануфактурного производства и сводка о состоянии промышленности за 1793—1861 гг., но фактически данные имеются и за 1864 г.

• В действительности, же здесь помещено несколько таблиц

⁴⁰ Там же, стр. 115.

⁴¹ Там же, стр. 61, 62, 64, 76, 139.

о судоходстве по Западной Двине и вообще имеется немало материалов, не имеющих отношения к мануфактурам.

Таблицы, помещенные в части ⁴², хотя и находятся не на месте, представляют очень большой интерес, так как показывают, на каких судах в течение 1810—1829 гг. перевозились по Западной Двине грузы и какими были эти грузы. Можно лишь пожалеть, что в эти сводки не попало число работавших на судах рабочих и что они (сводки) составлены не по одной форме. В «Генеральной ведомости о судоходстве в Витебской губернии» за 1810—1827 гг. показано, какое количество прошло в эти годы мимо Витебска барок, полубарок, шкутов и лодок, а также «количество знатнейшей клади» на них (зерна, муки, льна, льняного семени, пеньки, потапа и т. д.). В другой сводке под названием «знатнейшей клади» перечисляется гораздо больше различных товаров. Кроме того, есть сводки о том, сколько стругов и шкут в 1813—1828 гг. грузилось на Велижской дистанции и каким грузом, а также на Полоцкой с 1818 по 1827 г., Дисненской за 1819—1828 и Улььской дистанциях за 1813—1827 гг.

Начинается 2-я часть с переписки относительно перевода часовой, позументной и суконной мануфактур из Дубровно в Екатеринослав. Вообще мануфактуры в Восточной Белоруссии, созданные крупнейшими русскими помещиками, получившими там имения, просуществовали очень недолго и были или закрыты или же переведены на Украину. Основную часть рабочих отправили в Екатеринослав на телегах, оборудование же мануфактур и часть рабочих — на судах ⁴³.

Новый, неизвестный ранее материал представляют данные о Гродненских мануфактурах конца XVIII в. (написаны частично на французском языке) ⁴⁴.

Однако центральной темой 2-й части является вопрос о производстве в Белоруссии солдатских сукон; в особенности остро этот вопрос стоял в 1809 г. С начала XIX в. и до 1815 г. Россия почти непрерывно воевала с Францией и поэтому в западных ее районах находились крупные военные части, которые было необходимо одевать, обувать, снабжать продуктами и фуражом. Можно не сомневаться, что весь фураж и большая часть необходимых продуктов добывалось на месте, но правительство чрезвычайно настойчиво требовало от белорусских помещиков, чтобы они организовали у себя выделку сукон. Ввиду того, что помещики в числе прочих причин, препятствующих развитию мануфактур, называли недостаток рабочей силы, министр внутренних дел Куракин указывал белорусским губернаторам, чтобы для работы на суконных мануфактурах привлекались нищие и «праздношатающиеся», а также и вольнонаемные специалисты. Несмотря на

⁴² «Матэрыялы», ч. 2, стр. 284—292.

⁴³ Там же, стр. 206—209.

⁴⁴ Там же, стр. 210—217.

весь нажим, помещики, ссылаясь на отсутствие шерсти, нехватку рабочих рук вообще и специалистов в частности, отказывались от этого; даже те, у кого были мануфактуры, не хотели выделывать сукно для армии, уверяя, что их производство создано для удовлетворения собственных потребностей. При таком положении начали создавать мануфактуры по ведомству приказов общественного призрения, где основной рабочей силой должны были стать «призреваемые». Эта страница истории белорусской мануфактуры еще никем не затронута. Мануфактуры в Минске и Могилеве были открыты, но сукна, производимые там, были плохие и дорогие, Гродненский губернатор, несмотря на весь нажим сверху, мануфактур приказа общественного призрения в Гродно не создал.

Чрезвычайно интересными и никем пока не проанализированными, являются документы второго раздела, касающиеся причин упадка хозяйства Восточной Белоруссии и предлагаемых мер к его восстановлению. В 1819—1822 гг. во всей Белоруссии был неурожай, за которым последовал голод. Правительство не только не могло собирать подати, но еще было вынуждено оказывать помощь. Естественно, что такое положение вызвало тревогу и была предпринята попытка уяснить причины упадка.

Как правило, во всех «записках» как администраторов (губернаторов), так и частных лиц, основной причиной называли разорение в 1812 г. и последующих лет, когда Белоруссия была разорена не только неприятельским нашествием, но также усиленными рекрутскими наборами, подводной повинностью, ремонтом дорог и др. Возможно, самым разорительным для населения была подводная повинность, поскольку при огромной массе передвигающихся войск давать подводы было необходимо очень часто, и лошади и волы, изнуренные в непрерывных походах, массой погибали. В результате этого хозяйство крестьян, оставшись без рабочего скота, неизбежно приходило в упадок⁴⁵.

Не менее интересны документы о меропрятиях, которые предлагали деятели Восточной Белоруссии для восстановления хозяйства. В «Матэрыялах» помещены две «Записки», одна из которых подписана губернским и некоторыми из уездных предводителей дворянства, а другая отдельно помещиком Войнич-Сенженцким. Первым пунктом в обеих «записках» выдвигается требование сократить наполовину подушную и другие подати, а затем перенести на счет государства все расходы по постройке мостов, починке дорог, устройству перевозов. Все это опять-таки было связано с массовыми передвижениями военных частей.

Казна требовала, чтобы мосты были построены не только прочно, но и красиво, чтобы дороги были не только исправны, но и обсажены деревьями, что выполнялось за счет дополнительных повинностей с населения.

⁴⁵ Там же, стр. 279—282, 300—330.

Характерно то, что ни в одном из проектов нет ничего о крепостном праве.

Несмотря на промахи, допущенные при издании Матэрьялов они сыграли большую роль в развитии белорусской историографии. Данными из этого издания пользовались не только на семинарских занятиях и при написании работ, но и очень много перепечатывали (см. ниже), что представляется совершенно нерациональным, поскольку перепечатки производились только через несколько лет после выхода в свет «Матэрьялов».

Хотя редакция как будто бы предназначала свое издание прежде всего для массового пользования, в действительности оно носит научный, а не хрестоматийный характер. Больше всего, пожалуй, его портят бесчисленные корректорские ошибки.

«ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО»

В 1936 г. одновременно в Минске и Ленинграде вышли почти одинаковые по характеру археографические сборники.

Археографический сборник, вышедший в Ленинграде, озаглавлен: «Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв.». Издал этот сборник в серии «Документы и материалы по истории народов СССР» Ленинградский государственный университет. Сборник составил Иннокентий Иванович Яковкин (1881—1949), занимавшийся в Ленинградском университете историей русского права, заместитель директора Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а позже (и до самой смерти) директор библиотеки Академии наук СССР⁴⁶. Очевидно, Яковкин, написавший предисловие, сделал также и переводы текстов с польского на русский.

Название (Законодательные акты) не очень удачно для сборника, потому что в нем, кроме документов, имеющих действительно характер государственных законодательных актов, есть и другие, например выписки из Книги данин великого князя Казимира (№ 3) или жалоба земянина М. Лабунского на наезды и грабежи кн. Н. А. Збаражского (№ 14).

Сборник Яковкина имел по мысли составителя «исключительно учебные цели» и в нем помещено очень немного актов в полном объеме, в большинстве же даны отрывки из крупных документов, по которым предполагалось ознакомить студентов на семинарских занятиях в самых общих чертах с основными видами актового материала Великого княжества Литовского. Значительное внимание составитель обратил на те акты, где говорится о сопротивлении крестьян феодальному гнету. В своем предисло-

⁴⁶ Биографические данные о И. И. Яковкине сообщил мне С. Н. Валк, которому выражаю за это глубокую благодарность.

вии И. И. Яковкин дал характеристику помещенных в сборнике документов и вообще обстановки в Великом княжестве за период 1457—1588 г. Яковкин не оговорил, почему он выбрал именно эти рамки, но судя по характеру материалов можно предположить, что они отобраны, чтобы характеризовать положение феодального класса в этом государстве (за 1457 г.— первый общеземский привилей великого князя Казимира феодалам Великого княжества Литовского, а за 1588 г.— выдержки из Литовского статута, по которому феодалы были окончательно оформлены в качестве замкнутого, изолированного от прочего населения сословия).

В кратком предисловии Яковкин дал не только оценку помещенных в сборнике документов и охарактеризовал обстановку, в какой они были созданы, но и поместил список литературы, относящейся к затронутым в документах вопросам. Нужно, однако, сказать, что список не полон, а оценка значения Литовского статута 1588 г. устарела даже для того времени, когда книга вышла в свет.

Так, говоря о Книге данин вел. кн. Казимира и перечисляя работы, посвященные критическому разбору этого важнейшего источника, Яковкин не упоминает работы А. Ясинского, вышедшей в 1928 г.⁴⁷ (стр. IV). При перечислении работ, касающихся вольной померы, не называет самого крупного исследования, посвященного этому вопросу, т. е. монографии В. И. Пичеты⁴⁸. Говоря о Литовских статутах, не упомянул опять-таки самого крупного исследования о статуте 1588 г.— И. И. Лаппо⁴⁹. Впрочем, возможно, что работа И. И. Лаппо, вышедшая в 1934 г. в Каунасе, не успела попасть к 1936 г. в Ленинград.

Незнание работы И. И. Лаппо, возможно, отразилось и на выводах Яковкина относительно значения статута 1588 г. в истории Великого княжества. И. И. Яковкин писал, что Люблинская уния 1569 г. прекратила «существование Великого княжества, присоединенного с тех пор к Польше», что потребовало новых «поправ» к статуту 1566 г. (стр. XI).

«Объединение шляхты (!) Великого княжества и Польши,— пишет он далее,— вызывало необходимость исключения из второго статута всего того, что могло напоминать о прошлой самостоятельности Великого княжества, о бывшей обособленности родственных по интересам шляхетских групп»⁵⁰. В этом смысле выводы Яковкина о значении статута прямо противоположны действительности, так как статут 1588 г. в очень большой мере

⁴⁷ А. Ясинскі. Спроба крытычнага вывучэння кнігі данін вялікага князя Казіміра. «Адбітак з гістарычна-археалагічнага зборніку Інстытуту беларускае культуры», т. II. Менск, 1928.

⁴⁸ В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве, ч. I, II. М., 1917.

⁴⁹ И. И. Лаппо. Литовский статут 1588 г., т. 1. Исследования, ч. 1. Каунас, 1934 (часть вторая вышла там же в 1936 г.).

⁵⁰ «Законодательные акты», стр. XI.

отменил статьи унии 1569 г., лишавшие Великое княжество Литовское самостоятельности, иначе говоря, превращал его не в провинцию Польши, а в союзное с Польшей государство. Неизвестно, как воспринял бы Яковкин эти выводы Лаппо, если бы он получил вовремя работу, касающуюся статута, во всяком случае обойти её молчанием было бы невозможно.

Основную (по размерам) часть сборника составляют материалы, касающиеся Великого княжества Литовского. К ним относятся привилеи великого князя Казимира, выданный феодалам духовным и светским боярам и местичам Великого княжества от 2 мая 1457 г., затем Судебник того же вел. кн. Казимира, выдержки из устава 1529 г. и Устава на волоки 1557 г. и выдержки из всех трех Литовских статутов (1529, 1566 и 1588 гг.).

Что касается остальных, то среди них важнейшими являются привилеи Полоцку на магдебургское право, устава о похожих людях, принятая феодалами Полоцкого и Витебского воеводств в 1551 г., по которой феодалы этого района устанавливали минимальные нормы крестьянских повинностей (запрещение требовать меньше, чем условлено в уставе) и некоторые другие, касающиеся больше интересов частных лиц.

Все документы даны на языке оригинала, но так как один из них написан на латинском, а другой — на польском, то составитель сборника поместил параллельно перевод их на русский, причем привилеи Казимира 1457 г. был переведен раньше. Относительно устава 1551 г. в легенде отмечено, что этот памятник был издан в Кисве «без перевода». Из этого можно сделать вывод, что переводил его или сам Яковкин или кто-либо по его поручению. Некоторые места перевода нуждаются в объяснениях. В польских текстах XVI в. над буквой z не ставили точки (с точкой буква читается как ж, без нее как з). Не отметив этого, переводчик перевел фамилию «Жилинский» как «Зилинский» (стр. 38). На стр. 39 среди различных работ, исполняемых крестьянами летом, числятся и два дня рубки льда. Сообщается, что привилеям 1499 г. князю Везескому был пожалован город Любча. Однако, как в заголовке документа, так и в оглавлении этот город назван Любечем. При наличии широко известного города с таким же названием, расположенного на Днепре, это неизбежно ведет к путанице. Необходимо было бы оговорить в примечании, что это не Любеч, а Любча (на Немане в Белоруссии).

В конце сборника помещен «объяснительный словарь», в котором дается толкование ряда слов из старого белорусского языка, часть которых вышла из употребления, часть же используется и сейчас. В некоторых случаях автор при этом ошибается (слово «дубец» переведено как «палка», тогда как это означает «прут»), но это редкие случаи, в целом же термины переведены правильно.

Сборник «Гісторыя Беларусі у дакументах і матэрыялах» п'явіўся в рэзултытае пастановлення Совнаркома і ЦК РКП(б) 1934 г. адносна прэподавання в школах грамадскай історыі⁵¹. Учытваючы трыбавання, выражаныя в гэтым пастановленні, Інстытут історыі Акадэміі навук Беларускай ССР рэшыў іздаты два тома дакументаў, адін із якіх вышэў в 1936, а другой (с нескілька ізмэненным названнем) — в 1940 г.⁵² Том першы саставлялі акадэмік Васіль Карповіч Шэркаў (1898—1939), дацэнт Канстанцін Івановіч Кернажыцкі (1902—1942) і учэны археограф Д. І. Довгялло. Учытваючы многалетні опыт рабаты паследняга в абласці археаграфіі і знанне ім языкаў, можна прэдаполагаты, што асновная частка рабаты (падборка матэрыяла, перавод тэкстаў с польскага і латынскага на беларускі, саставленне указателёў і камментарыяў) была прэделана іменна Довгялло. Он же прэдаставіў для сборніка абработаныя ім табліцы па Свіслочскай волості. Очевідна, менее значытэльным было участые в гэтым дэле К. І. Кернажыцкага, ранее не занімаўшагося публікатарскай дэятэльнасцю. Із яго рабаты в сборніке напэчатаны прастранныя табліцы о Бобруйскаму старостве і Брожскаму клуче (стр. 584—595). І воего менее должно быты участые в дэле В. К. Шэркава.

Сборнікі очэны папулярны па своему характэру. Чытобы сдэлаты іх как мажно балее доступнымы, рэдактары прэдэльно упростылі графіку (без «ѣ» і «ѧ», не атмечалося налічыя в рукопсы ттыл і т. д.). Дакументы напэчатаны лышь на языхах беларускым і рускым (современным і старым). Пространныя указателы (іменной, геаграфічэскы і прэдетны), а такжэ словарь «непоянтных слов» (в основном — беларускыя тэрмыны, прымэняшыяся в XVI в.) должны былы ещэ балее аблэгчыты пользаванне гэтым ізданнем.

Пытаюсы отразыты в своем сборніке все важнышыя стораны жытны страны почти за тысячу лет (от «Повесты времённых лет» і до конца XVIII в.), рэдактары першого тома раздэлылі сборнік на 12 глаў, прымерно равных по аб'ёму. Хотя в основу распрэделенія матэрыяла по раздэлам был положен прынцып тематычэскы, рэдактары прыдержывалысь ввутры глаў і хронолгычэскаго. Так, в главі I («Зарождэніе феодализма в Беларусі») находятыся матэрыялы, характэрызуючыя абстаноўку от образования Киевского государства і до конца XIII в. В главі II («Образование Великого княжества Литовского на территории

⁵¹ «О преподавании истории в школе». М., 1936.

⁵² «Гісторыя Беларусі у дакументах і матэрыялах», т. I. Менск, 1936, стр. XVI + 678; «Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II (1772—1903 г.). Менск, 1940, стр. 938 + [3].

Литвы и Белоруссии») помещены документы за 1301 — середину XVI в. В III («Феодальное хозяйство и рост крупного землевладения») — материалы с 1396 до конца XVI в. и т. д.

В зависимости от характера раздела и его хронологических рамок раздел комплектовался различными видами источников. В главе I, например, находятся отрывки из летописей, главным образом те, которые имели прямое отношение к Белоруссии, затем отрывки из Русской правды, договоры Витебска, Полоцка и Смоленска с Ригой и пр. В главе II, где освещаются политические события, находятся отрывки из летописей, а также из хроник Яна Длугоша, Германа Вартберга и Балтазара Русова (особенно много из Длугоша). В главе третьей всего больше места отведено актам на разного рода пожалования и инвентарям. В четвертой («Положение крестьянства и массовое его закрепощение») находятся акты о захватах земли и различного рода протесты крестьян и мещан против их угнетения феодалами, а также пространные выдержки из Устава на волоки 1557 г. и других устав, регулирующих положение населения в разных волостях государства. Кроме того, там помещен ряд таблиц, составленных из инвентарей, характеризующих положение крестьян в разных местностях Белоруссии. В главе V («Господствующий класс и его привилегии») помещены документы начиная от 1387 г.: привилей Ягайлы литовской шляхте и ряд других, укрепляющих положение феодалов в Великом княжестве Литовском.

Глава VI («Феодальные войны и групповая борьба феодалов») содержит материалы с 1393 до 1595 г. В ней напечатаны выдержки из хроник Длугоша, Гейденштейна и других, «пописы» войск Великого княжества Литовского, разного рода материалы о борьбе за великокняжеский трон в XV в.

Самая большая по размерам глава VII (1330—1672 гг.). В ней находятся выдержки из летописей, касающиеся положения городов, привилей городам на магдебургское право, акты о борьбе мещан с владельцами городов и представителями государственной администрации (среди них материалы о движении могилевских мещан в начале XVII в.), выдержки из таможенных книг, уставы цехов различных городов.

В VIII («Феодальное государство в Литве и Белоруссии в конце XV—XVI в.») помещен Судебник вел. кн. Казимира, материалы, касающиеся введения в действие литовских статут, пространные выдержки из статута 1588 г., уставные грамоты (привилей) различным волостям и пр.

Глава IX («Внешняя политика феодального государства») охватывает период с 1387 до конца XVI в. В ней находятся договоры великих князей литовских со Смоленском, Тверью, Новгородом, материалы о переговорах с великими князьями московскими и крымскими ханами, но всего больше — об отношениях Великого княжества Литовского с Русским государством.

В главе X («Крестьянское и казацкое движение в Белоруссии в XVI—XVII вв.») наибольшее внимание уделено обстановке в течение 1648—1656 гг.

Всего беднее по размерам и содержанию глава XV («Феодальная культура и религия»), в которой находятся преимущественно материалы о разного рода пожалованиях церквям и монастырям, о Брестской унии; один документ посвящен суду над колдунами. Материалов, имеющих прямое отношение к культуре (текстов литературных произведений, данных об архитектурных памятниках, живописи, о бытовых условиях жизни народа), нет совсем.

Последняя глава называется «Белоруссия в составе Речи Посполитой». В этой главе материал, прямо касающийся Белоруссии или всего Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, помещен только в самом начале и занимает несколько страниц. Все остальные документы ничем не отличаются, например, от помещенных в главе IV, т. е. касаются положения крестьян или обрисовывают состояние экономики в стране, но хронологически доходят до конца XVIII в. В этой главе помещены выдержки из таможенных книг, а также из инвентарей; последние характеризуют хозяйство и положение крестьян в Восточной Белоруссии; несколько документов посвящено Кричевскому восстанию 1740—1744 гг.

В «Гісторыі» помещено много документов, относящихся к этнографической Литве, преимущественно Западной. Среди них такие, как № 29 в главе IV (борьба населения Жемайтских волостей против грабительской политики Радзивиллов); док. № 3 в главе X (восстание крестьян в Жемайтских волостях) и др. Помещая эти документы, редакция следовала давней традиции, когда Белоруссия и Литва считались нераздельным целым.

Вообще говоря, сборник укомплектован умело, в нем помещены документы самого разнообразного характера и происхождения (отрывки из летописей, хроник, мемуаров, инвентарей, статутов и пр.), и, надо полагать, он был очень полезен на семинарских занятиях, а вместе с тем являлся начальным этапом при ознакомлении молодых исследователей с источниками. Однако предельная упрощенность этого издания совершенно не готовит исследователя к тем трудностям, которые его встретят, когда он переходит от хрестоматийного сборника к самим источникам.

Как уже отмечалось, весь сборник дан на языках белорусском и русском (современном и древнем); на этих двух языках напечатаны не только оригинальные документы, но и переводы с латинского и польского. Редакторы сборника при наличии переводов на русский язык произведений, написанных на иностранном, пользовались переводами, а в том случае, если их не было,—переводили на белорусский. Однако последовательности в этом деле нет. Например, в сборнике помещены пространные переводы

на белорусский из «Записок» Гейденштейна, а перевод на русский язык «Записок» этого автора вышел в 1889 г.⁵³

Поскольку в сборнике помещен едва ли не единственный неопубликованный ранее документ, то редакция свела систему сносок до минимума: поместив в конце книги пронумерованный список всех изданий, из которых заимствованы отрывки, редакция в тексте приводит ссылки только на номер этого списка и страницу. Вместе с тем в сборнике отсутствует оглавление помещенных в нем документов. Очевидно, это было сделано в целях экономии места, но стало большим недочетом издания.

Указатели сделаны тщательно, причем как названия имен и фамилий, так и географические даны только на языке оригинала. Большим недостатком географического указателя (тем более что редакция всемерно старалась сделать издание популярным) является отсутствие справок, где находятся упоминаемые населенные пункты, реки и т. д. Например: Погост, деревня и фольварк (раскрываем сокращения, принятые в издании). Но ведь селений с таким названием в Белоруссии если не сотни, то десятки. В некоторых случаях при переводе текста с латинского переводчик назвал населенный пункт не в белорусском произношении, а в польском и в таком же виде поместил это название в указатель (Лукьяновщизна; должно быть Лукьяновщина).

Гораздо полнее в этом отношении сделан именной указатель, в котором по возможности приведены краткие сведения об упоминаемых лицах (Андрей, внук кн. Дмитрия Донского, убит в 1399 г. на Ворскле; Андрей Ольгердович, кн. Полоцкий (1342—1399); Бекеш Каспер, командир венгерской конницы под Полоцком в 1579 г. и т. д.).

Еще более существенным для читателя сборника является «Словарь непонятных слов», содержащий в себе объяснение слов, вышедших давно из употребления⁵⁴.

Второй том «Гісторыі» был подготовлен, видимо, одновременно с первым и должен был выйти в свет под таким же названием, но во время печатания тома состав редакции был изменен, в связи с чем не только было дано другое заглавие, но и получилась значительная задержка в сроках выхода книги⁵⁵.

⁵³ Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне. СПб., 1889.

⁵⁴ Например, слово «ванчос» автор словаря объясняет так: это «остро окантованный чистый брус, в котором четвертая грань остается неотесанной. Преимущественно дуб. Экспортный сорт, облагавшийся таможенным сбором, как и прочие: «васильки», «клепки» (длиной в 2 метра), пиловки, торчицы, колоды» (стр. 667); «борть — пчелиный улей; бортное дерево — стоящее дерево (преимущественно сосновое, иногда липовое), выдолбленное на определенной высоте для осадки пчел. Это «борть дятая». Дерево с прикрепленным к нему ульем имело название «борть недетая» (стр. 667) и т. д.

⁵⁵ На стр. 914 «Документов» помещен список архивных фондов и печатных изданий, из которых заимствованы помещенные в томе материалы,

Новая редакция (академик Н. М. Никольский и старший научный сотрудник Института истории И. Ф. Лочмель) считала, что лучше было бы перестроить весь том по принципу тематическому, но так как для этого пришлось бы заново перепечатать весь материал, то ограничились лишь небольшими изменениями⁵⁶. Впрочем, поскольку документы расположены в хронологическом порядке лишь в пределах каждой главы, главы же объединяют материалы по тематическому принципу, то намерения новой редакции (по крайней мере так, как они изложены в предисловии) не совсем понятны: как можно было документы расположить исключительно по тематическому принципу, если они касаются периода с 1770 по 1903 г. Вообще том второй является органическим продолжением первого. Основным отличием является лишь то, что в первом почти все документы перепечатаны из опубликованных ранее, а во втором — большинство заимствовано из архивов и ранее не только не были опубликованы, но и вообще шире не использовались в научных работах.

Документы для т. II отбирались в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве и Центральном государственном историческом архиве Ленинграда (фонды министерства внутренних дел, Сената, министерства юстиции и др.), а также в областных архивах Минска, Гомеля, Могилева и Витебска. Когда происходило комплектование тома, архивы Литвы и Западной Белоруссии, в частности Вильно и Гродно, были недоступны, и поэтому все неопубликованные ранее материалы, относящиеся к Западной Белоруссии, заимствованы из хранилищ Москвы и Ленинграда.

При составлении сборников всего более было заимствовано документов из следующих изданий: «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры на Беларусі», «Полное собрание законов Российской империи», «Сборник документов, касающихся административного

озаглавленные: «Паказнік архіўных фондаў і друкаваных матэрыялаў, якія скарыстаны пры складанні «Гісторыі Беларусі ў дакументах, т. II». Из чего следует, что первоначально это издание тоже называлось «Гісторыя Беларусі...». После этого следует только список помещенных в томе документов. Следовательно, переделки в томе были минимальными, если только они вообще делались. В предисловии к тому сказано, что в составлении его принимали участие академик Н. М. Никольский, научные сотрудники Института истории Д. А. Дудков, И. Ф. Лочмель, Н. О. Богданович, М. Ф. Лебович и другие (фамилии которых не указаны). Поскольку Д. А. Дудков и И. Ф. Лочмель были авторами монографий по истории Белоруссии (см.: Д. А. Дудков. Аб развіцці капіталізму ў Беларусі. Менск, 1932; И. Ф. Лочмель. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940), то не вызывает сомнения, что они участвовали в подборе материалов, но также несомненно, что такую же работу проводил и Д. И. Довгялло; им же всего вероятнее была проделана и археографическая обработка документов, а также составлены указатели.

⁵⁶ «Дакументы і матэрыялы», т. II, стр. III.

устройства Северо-Западного края», «Сборник Императорского русского исторического общества» и некоторых других.

Хронологически документы в т. II даны с 1770 по 1903 г., т. е. с начала разложения феодально-крепостнической системы до периода империализма. Однако начиная публикацию этого тома с 1770 г. издатели имели в виду не смену социально-экономической формации, а события политические: подготовку к разделу Речи Посполитой, в результате чего Белоруссия вошла в состав Российской империи. Конечная дата, очевидно, должна подводить к обстановке, сложившейся перед революцией 1905—1907 гг., что, впрочем, в предисловии не оговорено.

Считая крестьянскую реформу 1861 г. гранью, отделяющей в России эпоху феодализма от эпохи капитализма, сейчас публикации хронологически разделяют исходя именно из этого принципа. К 1940 г. периодизация истории СССР еще не была твердо установлена, и поэтому совмещение в одной книге источников периода начала разложения феодально-крепостнической системы и капитализма не было исключением.

Названные сборники долго служили источниками, на основании которых велись исследования и которые были едва ли не основным пособием при изучении истории Белоруссии на семинарских занятиях. Лишь в последние десятилетия исследователи далеко перешагнули за рамки «Исторыи» и «Дакументов» и стали привлекать к своим изысканиям тысячи новых архивных дел, широко пользуясь при этом материалами из архивов Вильнюса.

В предисловии к т. II наряду со сведениями о содержании каждой из 12 глав, на которые разделен том, изложены взгляды на некоторые очень важные моменты в жизни Белоруссии. Так, например, на стр. V автор обращал внимание читателя на то место из «Наказа» Екатерины II губернаторам белорусских губерний, где говорилось относительно управления подчиненного им края. В частности в предисловии упоминается место «Наказа», в котором сказано, чтобы в крае «пресекались всякие угнетения, притеснения, несправедливости, разбои, смертоубийства, а в исследовании дел мерзкие пытки, обвиняющие невинного как виноватого».

Прочитав это место, автор предисловия попытался разъяснить, что требования императрицы не были полностью реализованы. Это объяснение никак не вскрывает сущности обстановки того времени в Белоруссии. «На деле же эта политика, — пишет автор предисловия, — не могла быть проведена целиком (курсив мой. — Н. У.) вследствие значительного сохранения старых обычаев и законов в судах и поддержки царским правительством польских землевладельцев-дворян»⁵⁷. Здесь автор не учел, что дело не в обычаях и судах, а в том, что было сохранено в полной силе крепостное право, что на дворян Белоруссии не-

⁵⁷ «Дакументы», т. II, стр. V.

зависимо от их национальности и религиозной принадлежности были распространены все права, которыми пользовались дворяне русские, и даже сохранено право свободного производства и продажи спиртных напитков (с уплатой небольшой подати с каждой «души»), т. е. оставлены права, которыми русское дворянство никогда не пользовалось и которое давало дворянству Белоруссии очень высокий процент их доходов. Белоруссия вошла в состав России в ту эпоху, когда крестьянам под страхом жестоких наказаний было запрещено жаловаться на своих помещиков и когда крепостные очень мало чем отличались от рабов. Крепостной рассматривался как имущество своего помещика. Авторы же предисловия как-то не заметили, что «угнетения, притеснения и несправедливости», с которыми должны были бороться губернаторы, касались только дворян и что попытки крестьян освободиться от крепостной зависимости или просто от чрезмерных повинностей, налагаемых на них помещиками, и будут рассматриваться правительством как «угнетения, притеснения и несправедливость» в отношении дворян.

Говоря о массовом участии белорусских крестьян в войне 1812 г., автор предисловия утверждает, что это было движение как против захватчиков (т. е. французов — *Н. У.*), так и тех помещиков, которые примкнули к французам, а весь материал, помещенный в книге и касающийся этого вопроса, говорит, что это было широчайшее антифеодальное движение вообще, независимо от того, какой ориентации был помещик⁵⁸.

Глава II т. II «Разложение барщинного хозяйства в конце XVIII — первой половине XIX в.» почти целиком укомплектована архивными материалами, а также заимствованными из «Матэрыялау да гісторыі мануфактуры». И вообще из «Матэрыялов» в т. II помещено такое количество источников, что это составит едва ли не целую книгу. Если учесть, что между выходом в свет «Документов» и «Материалов» прошло всего 4 года, такое широкое заимствование не может не вызвать удивления, тем более что в архивах находится огромная масса дел, которых исследователи вообще никогда не касались.

Из архивных материалов в этой главе всего шире использованы данные отчетов губернаторов. Этот вид источников стал изучаться в большом объеме лишь после войны, когда появилось и

⁵⁸ В сборнике помещен отрывок из книги Краснянского («Город Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1912 г.», Гродно, 1913), в котором есть такое место: «Крестьяне деревень Староселье, Можаны, Клевка и Есьмоны, удалившись в леса, составили несколько отрядов и устраивали правильные нападения на хлебные магазины, амбары, овины и кладовые окрестных помещиков, а затем стали грабить, жечь помещичьи дома и фольварки... Подобные же возмущения происходили почти во всех кантонах Борисовской подпрефектуры» (стр. 46). И вообще все сообщения о выступлениях крестьян в 1812 г., помещенные в «Документах», говорят о том, что они громили помещиков, независимо от их политической ориентации (стр. 48, 52, 54).

несколько источниковедческих работ, в которых авторы пытались проверить достоверность содержащихся в «отчетах» данных⁵⁹. Кроме выборок из отчетов губернаторов, в томе помещено очень много документов из архива Паскевича, владельца (с 1834 г.; ранее этим городом владели Румянцевы) Гомеля. Длительное время вообще материалы архива Паскевича были основным фондом, на основании которого изучалось хозяйство крупного помещика Белоруссии в эпоху разложения и кризиса крепостного хозяйства⁶⁰. Кроме перепечаток из изданных ранее материалов, в главе II помещена масса документов архивных (преимущественно из хранилищ Ленинграда и Минского исторического архива). Акты этой главы должны дать представление читателю об обстановке накануне отмены крепостного права.

Фактором (кроме «силы экономического развития»), ускорившим ликвидацию крепостного права, было крестьянское движение. В 30-х годах нашего столетия много внимания было уделено только борьбе, происходившей в Белоруссии в середине XVII в., и почти не изучалось более позднее время, в частности после 1812 г.

Составители т. II сборника уделили крестьянскому движению достаточно внимания, осветив этот вопрос в главе III. В начале этой главы следуют акты о продаже помещиками крестьян без земли, о закладе крепостных, о их нищете, а затем идут документы, отражающие разные формы протеста. Для этого составители собрали самый разнообразный материал — из отчетов губернаторов, из дел полиции, мемуаров (например, воспоминания жандармского ротмистра Ломачевского) и из исследований (статья Слуцкого о массовом выступлении витебских крестьян в 1847 г.)⁶¹.

В главе IV помещены данные о состоянии промышленности и торговли. За некоторым исключением, эта глава содержит данные, перепечатанные из «Матэрыялау да гісторыі мануфактуры», а все, что касалось этого издания, изложено ранее.

Документы, помещенные в главе V, касаются ряда вопросов. В частности, в это время определялась политика правительства в отношении тех дворян, которые принимали участие в восстании 1830—1831 гг. Для решения всех вопросов, связанных с вос-

⁵⁹ Н. Н. Улащик. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник. «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961; Н. П. Дятлова. Отчеты губернаторов как исторический источник. «Проблемы архивоведения и источниковедения». Л., 1964; А. С. Нифонтов. Статистика урожаев в России (по материалам губернаторских отчетов). «Исторические записки», т. 81. М., 1968.

⁶⁰ См.: К. I. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. Менск, 1935; В. В. Чепко. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в. Минск, 1966.

⁶¹ Ф. Слуцкий. О волнениях помещичьих крестьян Витебской губернии в 1847 г. «Памятная книжка Витебской губернии на 1866 г.». Витебск, 1865, стр. 99—117.

станием, был создан Западный комитет, в который вошли высшие сановники (ввиду того, что в начале 60-х годов XIX в. был вновь создан Западный комитет, существовавший в начале 30-х годов называется Первым Западным). В Документах бумаги из дел Первого Западного комитета стали издаваться вообще впервые. Из-за высокой активности М. Н. Муравьева, в 1830 г. могилевского, позже гродненского губернатора, а в 1863—1864 гг. — диктатора в Белоруссии и Литве, Первый Западный комитет уделил много внимания «Запискам» этого деятеля, уже тогда выступившего с требованием применения крайних мер в отношении всех оппозиционных элементов.

В целях русификации населения Муравьев требовал направления в Белоруссию русских чиновников и попов, замены польского языка, до того употреблявшегося в учреждениях Белоруссии, русским, отмены действия Литовского статута и замены его общерусскими законами, воспрещения католическим духовным лицам обучать детей у себя дома, с тем чтобы поставить под контроль правительства все дело образования. В числе прочего Муравьев требовал, чтобы закон 1808 г., по которому провинившиеся православные попы отдавались в рекруты, на Белоруссию не распространялся. В общем меры, предлагавшиеся Муравьевым, были такого характера, что даже Первый Западный комитет, никогда не отличавшийся либерализмом, иногда признавал, что они слишком круты и «могут раздражить умы»⁶².

Особенно существенным был вопрос о дальнейшей судьбе имений, конфискованных у повстанцев. Припоминая практику прошлого, Комитет 5 марта 1832 г. высказался за то, чтобы эти имения были розданы в собственность русским помещикам. Вполне допустимо, что сами члены Комитета надеялись получить такие имения в первую очередь. Однако Николай I на это не согласился.

Говоря о крайне тяжелом положении крестьян в Белоруссии, члены Комитета всю вину за это сваливали на помещиков-поляков, утверждая при этом, что православное дворянство относится к православным же крепостным несравнимо лучше. Однако император прекрасно знал, что в Белоруссии православные помещики относятся к своим крепостным ничуть не лучше, чем все остальные, тем более что, получив эти имения, они старались в кратчайший срок сбывать их опять в руки тем же полякам и католикам. Опасаясь скомпрометировать легенду, Николай I отказался от новой раздачи земель русским дворянам. Получив отказ, Западный комитет пошел на значительные уступки. В своем журнале Комитет записал: «Впрочем, раздачу таковых имений Комитет полагал учредить не на праве крепостном в том пространстве, как ныне оно у нас существует, но на праве совершенно особенном, то есть с точным определением посредством

⁶² «Документы», т. II, стр. 329.

люстраций повинностей крестьян и взаимных обязанностей помещиков с воспрещением продажи крестьян и раздробления их семейств свозом и переселением и установлением особого порядка наследства в таковых имениях и другими ограничениями в праве собственности, долженствующими совершенно оградить участь и личную свободу поселян»⁶³.

Что касается отражения самого восстания 1830—1831 гг., то помещенные в томе материалы почти целиком относятся к Литве, где движение было несравнимо сильнее, чем в Белоруссии.

Глава VI (материалы по реформе 1861 г.) является последней, в которой помещены документы, относящиеся к периоду феодализма, однако этих документов немного. Правда, в главе помещены основные документы или пространные выдержки из них, касающиеся подготовки и проведения реформы в Белоруссии, среди них отношение виленского генерал-губернатора Назимова в министерство внутренних дел от 25 сентября 1857 г., царский рескрипт от 20 ноября того же года на имя Назимова, означавший начало работ над реформой. Проекты реформы, выдвинутые белорусскими и литовскими помещиками, затем сообщения губернаторов о захвате помещиками земли у своих крестьян (присоединение к фольваркам земель, бывших ранее в пользовании у крестьян), пространные выдержки из «Положений 19 февраля». Далее следуют документы, касающиеся проведения реформы и последствий этого.

Весь остальной материал тома касается периода капитализма, и рассмотрение его в план данной работы не входит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение 1824—1862 гг. публикацией источников по истории Белоруссии занимались главным образом частные лица, а такое крупное учреждение, как Археографическая комиссия в Петербурге, дала меньше половины изданий. Ряд публикаций, притом самых качественных, за этот период связан с именем И. И. Григоровича. Кроме Петербурга, всего больше источников было напечатано в Вильно, но в виленских изданиях удельный вес документов, имеющих прямое отношение к Белоруссии, невелик.

По богатству собранного материала среди изданий того времени выделяются «Акты Западной России». Вообще содержательные документы имеются во всех изданиях, однако случайность отбора, предпочтение при отборе материала тем актам, в которых упоминалось бы о наличии православных церквей или монастырей, и низкая квалификация составителей сборников привели к тому, что ценных документов в них оказалось немного. Беднее всех по содержанию представляется сборник, изданный в 1848 г. в Минске.

Среди источников, опубликованных в 1824—1862 гг., первое место принадлежит документам политического характера, а среди них — различного рода актам, отражающим дипломатические отношения между Великим княжеством Литовским, с одной стороны, Россией, Польшей, Крымом, Молдавией, Турцией — с другой. Поэтому, несмотря на свой весьма солидный возраст, «Акты Западной России» пользуются у исследователей значительной популярностью до сего времени.

Вопросы социально-экономического развития интересовали публикаторов того времени несравнимо меньше, чем политические. Документов, касающихся экономики, было издано мало, те же, которые имеются, в очень большой мере издавались потому, что они представляют собой фундуши, т. е. разного рода дарения церквям и монастырям.

Перечисляя, что передается новому владельцу и какие повинности должны будут нести его крестьяне, дарственные документы содержали массу очень существенных сведений о социально-экономической и культурной сторонах жизни.

Документы, отражающие борьбу народных масс (в «Актах Западной России»), помещены потому, что редакторы рассматри-

вали восстание на Украине, а затем и в Белоруссии в 1648 г. как борьбу русского элемента с польским, борьбу православия с католицизмом.

Издатели того периода не выработали твердых правил публикации. Правила эти имела лишь Археографическая комиссия, но ее авторитет не был таким, чтобы заставить остальных издателей следовать этим правилам. Впрочем, и в самой Комиссии не все редакторы придерживались одинаковых правил даже при издании летоисей, не говоря об актах.

При всем том немногочисленные публикации, вышедшие до 1863 г., дали много не только исследователям, но и публикаторам. Возможно, наиболее важным было то, что издания первой половины XIX в. раскрыли огромное значение Литовской метрики.

Переход к капитализму в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине совпал с восстанием 1863—1864 гг. Это очень сильно отразилось, в частности, как на организации археографического дела, так и на отборе издаваемого материала. Этот период характеризуется прежде всего огромным ростом публикаций. С 1864 по 1915 г. было издано свыше сотни томов, в которых помещены десятки тысяч разного рода документов по истории Белоруссии, Литвы и Украины, но огромное большинство их относится непосредственно к Белоруссии. Основным центром, где в этот период публиковались источники, стало Вильно (Вильнюс), но серия документов, которые относятся почти целиком только к Белоруссии, издавалась в Витебске. Петербургская Археографическая комиссия, хотя и издала во второй половине XIX в. «Акты Южной и Западной России», но энергично начала публиковать источники по истории Великого княжества Литовского (акты Литовской метрики) только с XX в. Серию томов, содержащих источники дипломатического характера, а также материалы о событиях 1812 г., в Белоруссии издало Русское историческое общество. При интенсивной издательской деятельности учреждений публикации, подготовленные частными лицами, кажутся немногочисленными, но на самом деле ими в течение 30 лет было издано 12 томов.

Главной задачей археографических учреждений, занимавшихся публикацией источников после подавления восстания 1863—1864 гг., было издание документов, утверждающих наличие в Белоруссии и Литве православных церквей и монастырей, что в конечном итоге должно было указывать на «искони русский» характер этого края. С наибольшим рвением деятельность в этом направлении развернула Виленская археографическая комиссия, однако публиковать много лет подряд исключительно документы, в которых только упоминалось бы о существовании православной церкви или монастыря, оказалось невозможным и для этой Комиссии. Поэтому борьбу против «латинства» сотрудники Комиссии стали проводить не столько путем подборки документов, сколько через посредство предисловий к Актам или другим из-

даниям, или же выступая со статьями в периодической печати и тематических сборниках.

Отступая постепенно от принятых обязательств, Виленская комиссия, как и Витебский центр, стали публиковать в первую очередь документы, отражающие ход социально-экономического развития. Среди публикаций такого рода виднейшее место занимают огромные инвентари (в оригинале они называются обычно «реестры»), которые Виленская комиссия издала под названием «Писцовые книги» или «Ревизии». Подобного же рода источник М. В. Довнар-Запольский назвал «Описание Берестейского староства». Составленные в середине XVI в. по одинаковой форме, они содержат данные о реальных размерах¹ примерно 10 тыс. крестьянских участков-волок в государственных имениях Западной Белоруссии, о качестве этих участков и следуемых с них повинностях, о количестве и качестве волок, нарезанных под государственные фольварки, и о тысячах самых разнообразных по размерам участков в государственных городах и на землях, принадлежащих этим городам.

Материалы «Писцовых книг», «Ревизий» и т. д. содержат очень точные данные и являются основными источниками при изучении размеров крестьянских участков и следуемых с них повинностей во время проведения волочной померы, состояния государственных городов, а вместе с тем представляют исходный материал при исследовании тех изменений, которые происходили в деревне в последующие столетия.

Того же типа источниками являются и собственно инвентари, т. е. описания имений. Среди опубликованных всего больше инвентарей помещичьих имений, но есть также государственных и духовенства. Кроме тех инвентарей, которыми полностью укомплектованы четыре тома «Актów Виленской комиссии», большое количество их находится в серии «Историко-юридические материалы» и других изданиях. Инвентари (имеющиеся с конца XV в.) эволюционировали с течением времени в сторону детализации, уточнения учета как размеров участка, так и членов крестьянского семейства, также и недвижимого крестьянского имущества, но в первую очередь они содержат описание построек, жилых и хозяйственных, и имущества самого феодала.

Недочетом публикаций этого вида источников является случайность в их подборе. Для исследователей очень важно получить инвентари за ряд лет по одному и тому же имению, чтобы изучить изменения, происходившие в конкретном хозяйстве. Таких инвентарей имеется немало, но редакторы «Актów», «Мате-

¹ При проведении волочной померы участки-волоки часто были разного размера, но так как обычно указывалось, какое количество в них содержалось моргов, а морг был мерой постоянной, то всегда можно определить реальный размер каждой волоки. Официально числится, что в волоке было 21, 36 га.

риалов» и т. д. печатали их из разных мест, и поэтому выводы исследователя относительно эволюции хозяйства при пользовании такого рода источниками становятся шаткими. Кроме писцовых книг и инвентарей, важнейшими видами источников по социально-экономической истории являются завещания, акты о разделе имущества, фондуши. Огромное количество подобного рода документов помещено в «Актах». Кроме названных, имеется ряд томов, укомплектованных актами о татарах, боярах, евреях, из дел Главного литовского трибунала и т. п.

Приходо-расходная книга Могилева и многочисленные акты из архивов других городов, а также материалы о цехах отражают самые разнообразные стороны жизни белорусского города в XVI—XVIII вв., в первую очередь сторону социально-экономическую.

Очень большое количество документов освещает политическую обстановку в Восточной Европе. Наибольшее количество их касается отношений Великого княжества Литовского с Россией, Польшей, Крымом, Турцией, Молдавией. Почти все источники дипломатического и политического характера заимствованы из Литовской метрики, и почти все они напечатаны в изданиях Петербургской археографической комиссии и Русского исторического общества. Публикации, основанные на материалах губернских архивов, даже таких богатых, как Виленский, актов о политической истории содержат очень мало.

По сравнению с названными материалами о культурной жизни в стране издано немного. К ним относятся хроники, дневники, мемуары, данные о распространении книг, данные об архивах и библиотеках. Инвентари часто, кроме чисто хозяйственных сведений, содержат богатые данные о гражданских и культовых постройках, внутреннем убранстве и планировке домов, о мебели, экипажах, одежде, украшениях, книгах.

Очень велико количество данных, содержащихся в изданных источниках по исторической географии и топонимике. Так как только в писцовых книгах и инвентарях находятся десятки тысяч разного рода названий селений, рек, озер, урочищ, уяснить себе географию страны за сколько-нибудь отдаленное время без данных инвентарей и подобных им источников невозможно. В опубликованных источниках встречаются десятки тысяч имен и фамилий, начиная от крупнейших феодалов и кончая сторожами, кухарями, дьячками и пр. Это делает издания неисчерпаемым источником материалов по антропонимии. Здесь, однако, придется еще раз сказать, что очень большое количество (возможно, большинство) географических названий дано в польской транскрипции и что в таком виде они, как и имена и фамилии, перешли в научную литературу.

Важнейшим вопросом, возникающим у исследователя, когда он начинает знакомиться с опубликованными источниками, является вопрос — насколько точно передан текст оригинала, а затем — в какой мере изданные документы отражают наличие подобных

материалов, имеющихя в рукописи, т. е. опубликованы ли по данному вопросу документы полностью или лишь частично, а если частично, то в какой мере.

Относительно преднамеренных изменений, в частности о замене одних букв другими, говорилось много раз. В этом смысле имеется очень мало публикаций, где не проводилась бы «правка», и так как, например, буква «ѣ» в белорусских текстах, хотя и редко, но встречается, то при систематической замене ею буквы «е» уяснить, как было в оригинале, сейчас невозможно. Но, кроме замены букв, встречаются преднамеренные или случайные искажения при передаче слов и целых выражений. Ришард Меницкий, сверявший в ряде случаев оригиналы с напечатанным текстом, приводит ряд примеров подобных расхождений². Судя по ним (а он проверял, надо полагать, придирчиво), это были ошибки непреднамеренные, явившиеся в результате небрежности при переписке или вследствие плохой работы корректоров. Ошибки эти легко просматриваются, и лишь в отдельных случаях изменяется смысл: вместо «с данью известной» (z danią wiadomą) напечатано «с данью медовой» (z danią miodomą). Поскольку сверка всех изданных документов с оригиналом представляется делом совершенно нереальным, то исследователям необходимо читать источники очень внимательно.

Что касается определения, какая часть имеющихся источников издана, а какая — нет, то этот вопрос возникает относительно почти всех публикаций (кроме содержащих наиболее древние тексты) и может быть решен только в результате специальных изысканий. Еще более существенным является вопрос о достоверности изданных источников, т. е. не являются ли они фальшивками. За исключением эпизода, когда члены Виленской комиссии поставили под сомнение достоверность представленных Бессоновым актов, больше этот вопрос, кажется, нигде не поднимался, и поэтому определять — действительные или фальшивые источники находятся в сборниках, предоставляется самим исследователям.

К недочетам изданий следует отнести и то, что масса одних и тех же документов (привилеи городам на магдебургское право, разные уставы и пр.) издавались по многу раз, тогда как огромное количество других, не менее ценных, не напечатаны ни разу. Бессодержательные, водянистые, растянутые до невозможных размеров предисловия, не давая читателю ничего, занимают то место, которое предназначалось для документов.

В общем количество претензий к издателям велико, и тем не менее они проделали работу огромной важности. Изданный самым примитивным способом источник остается жить, тогда как неизданные рукописи часто погибают без следа. Необходимость публикации источников в самых широких размерах совершенно очевидна.

² R. Mienicki. Wileńska komisja archeograficzna, str. 142, 169.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август II, король 160, 190
 Аверка, автор витебской хроники 232, 233, 237, 238
 Авраамка, летописец 150, 171
 Авунович Ждан 194
 Азаревич Роман, владелец кожевенного предприятия 266, 267
 Азарович Василий, бурмистр 160
 Александр I, русский император 118
 Александр II, русский император 232
 Александр Владимирович (Олелько), князь 40
 Александр Казимирович, вел. кн. литовский 37, 116, 221
 Александр Можайский, кн. 37
 Алексей Михайлович, русский царь 22, 206, 234
 Анастасевич В. Г., служащий сената 45
 Андрей, апостол 237
 Андрей, кн., внук Дмитрия Донского 276
 Андрей Ольгердович, кн. 276
 Антонович В. Б., историк, 108, 235
 Арсений, игумен 48
 Арцимович Андриан, поручик 189

 Базунов, книготорговец 145
 Бандтке Е., историк 83
 Бантыш-Каменский Н. Н., историк 23, 83
 Баранов Э. Т., виленский генерал-губернатор 226
 Батюшков П. Н., попечитель Виленского учебного округа 151, 152
 Бекеш Каспер, командир венгерской конницы 276
 Белозер, ревизор 65
 Белокуров С. А., археограф 221, 223
 Белоцерковец И. Е., историк 116
 Бельский Ф. И., кн. 221
 Бельский И., хронист 13
 Бельский М. (Bielskiego Marcina), автор хроники 234

 Бенедикт XIV, папа 237
 Бенкендорф А. Х., шеф жандармов 267
 Бередников Я. И., археограф 17, 32
 Бершадский С. А., историк 207—209, 228, 229
 Берында П., автор словаря 29, 31
 Бессонов П. А., этнограф-славист 21, 69, 81, 89—92, 94—97, 125, 127, 287
 Бестужев-Рюмин К. Н., историк 235
 Бецкий, смотритель училища 151
 Елбиков И. Г., виленский генерал-губернатор 72
 Бобинский, настоятель 198
 Боболинский Л., автор хронографа 29
 Богданов, подьячий 205
 Богданович Н. О., историк 277
 Богомаз Васька 191
 Божемский Карл (Borzemski Karol), историк 251, 254
 Болотников И. И. 118
 Бона, королева 101
 Боратынский, помещик 189
 Ботвинки, помещики 191
 Брафман Я. А., археограф 153
 Бродинский Антон 104
 Брокгауз Ф. А., издатель 30
 Брюховецкий И. М., украинский гетман 38
 Будный Семен, культурный деятель XVI в. 29, 165
 Бурдейко А., историк 248
 Бычков А. Ф., археограф 91
 Вядыш Артем 191

 Вакар, губернский прокурор 224
 Валк С. Н., историк 259, 270
 Валуев П. А., министр внутренних дел 174, 175
 Ваньковичи, магнаты 54
 Ваповский Бернард, автор хроники 13

- Варлаам, архиепископ могилевский 224
 Варнава, игумен 169
 Вартерберг Герман, автор хроники 274
 Василий II Васильевич, вел. кн. московский 43
 Василий III Иванович, вел. кн. московский 47
 Ватаци Н. Б., библиограф 30
 Веревкин М. Л., археограф 171, 173, 179, 180, 184, 202, 236
 Вerezский, князь 272
 Веремей 186
 Виктор, игумен Буйницкого м-ря 169
 Витовт, вел. кн. литовский 37, 56, 57, 203
 Витовский Станислав, посол 223
 Вишневский Иван, писатель-полемист 204
 Вишневецкие, магнаты 50
 Вишневецкий Михаил, король польский 135, 190
 Владимирский-Буданов М. Ф., историк 177, 183, 184
 Владислав IV, король польский 37, 135, 136
 Власьев Афанасий, дьяк 34, 223
 Военский К., редактор 223
 Война Константин, заместитель земского писаря 202
 Война Лаврин, ревизор 65
 Войнич-Сеноженцкий, помещик 269
 Волкович В. П., помещик 231
 Волконский, кн. воевода 235
 Волович Г. Б., староста пинский и кобринский 65
 Волович Ярош, подскарбий и писарь Великого княжества Литовского 197
 Володковичи, магнаты 54
 Вольдько, крестьянин 198
 Вольф Иван, коморник 201
 Вольчкович Юрий, помещик 137
 Воротынский, кн. 221
 Востоков А. X., археограф 20
 Вруевич А. С., археограф 103, 113, 122, 123
 Выговский Ивац, гетман 38, 164
 Вяжевич Петр, секретарь посольства 167
 Габрицкий 190
 Гайко Ян 198
 Галятковский И., писатель, культурный деятель 29
 Гапонович, войт 196
 Гаптольд, восвода виленский 216
 Гаптольды, магнаты 245
 Гваньини А. (Gwagnin Al.), автор хроники 234, 239
 Гедимин, вел. кн. литовский 118
 Гейденштейн Р. (Heidenstein Reinhold), автор «Записок» 171, 234, 274—276
 Геласпий, ректор духовной семинарии 51
 Гердень, кн. 232
 Геродот 61
 Герцен А. И. 76
 Гижевский И. Н. 149
 Гизель И., предполагаемый автор «Синописа» 29
 Гильдебрандт П. А., археограф 34, 85, 86, 123, 125, 148—150, 153, 157, 159, 161, 207—209
 Гильфердинг П., историк 108
 Гласко, чиновник 51
 Глебов И. А., археограф 81, 113, 120—122, 133, 137
 Глебович Иван, магнат 138
 Глебович Яп, воевода витебский 254
 Глебовичева Екатерина 91
 Глебовичи, магнаты 245
 Глинский М. Л., кн. 37
 Говорский К. А., археограф 174, 238
 Годунов Борис, царь 223
 Голицын В. В., кн. 120
 Голицын Д., кн. 164
 Головацкий Я. Ф., археограф 81, 85, 86, 97—99, 110, 111, 116, 123, 125, 126, 136
 Головин А. В., министр народного просвещения 74, 77
 Головкин, кн. 164
 Голуб В. К., археограф 67—69, 76, 111, 112
 Горбачевский Н. И., археограф 65—67, 76, 77, 79, 80, 84, 86—91, 99, 103, 123—126, 129, 150, 188
 Горват, магнат 54
 Горденин, управляющий именем 261
 Горностан, магнаты 245
 Горностан Иван 156
 Гортынский Н., переводчик хроники 167
 Григорович И. И., археограф 7, 8, 11, 16—26, 28—38, 40, 43, 54, 55, 204, 222, 283
 Григорович Н. И., историк 16, 18, 28—30
 Грицкевич А. П., историк 52
 Громько Рана 166
 Гурко, помещик-мануфактурист 267
 Гурка Лев, земский писарь 202
 Данилович И. Н., историк 21, 44, 59—62, 67, 71
 Дашков А. 164

- Дворанская Маруша, помещица 217
 Девлет Гирей, крымский хан 45
 Демьянович А. П., археограф 135, 136, 148, 152, 153, 166
 Державин Г. Р. 261, 262
 Дионисий Ареопагит 171
 Длугош Ян, автор хроники 13, 274
 Дмитрий Донской, кн. 276
 Дмитрий Ольгердович, кн. 58
 Добрянский Ф. Н., археограф 81, 113—115, 126, 128, 137, 148, 149
 Довгялло Д. И., историк-археограф 13, 14, 65, 81, 87, 115, 116, 126, 143, 148, 149, 156, 171, 173, 178, 179, 181, 182, 184, 195, 199, 239, 248—256, 264, 273, 277
 Довнар-Запольский М. В., историк 12, 120, 146, 239—243, 248—252, 254, 285
 Догель, археограф 35, 58
 Долгоруков Н. А., виленский генерал-губернатор 48, 72
 Дорошенко Петр, гетман 38, 164
 Дорошкевич, смотритель училищ 20, 34
 Дубенский Д., археограф 44
 Дубинский С. А., археолог 49, 252
 Дубинский П. (Dubiński P.), историк польский 11, 49
 Дубович Анна 160
 Дубровский, кол. сов. 45
 Дудков Д. А., историк 277
 Дятлова Н. П., историк 280

 Евгений, митрополит 16—18, 20
 Евгений IV, папа 57
 Екатерина II, императрица 65, 103, 113, 121, 122, 130, 225, 278
 Елена Ивановна, вел. кн., дочь Ивана III 221
 Елеонский Ф. Г., археограф 148, 153, 157
 Ерлич Иоахим, автор летописи 235

 Жарянов Д. Н., историк 248
 Жищевский Л., археограф 71
 Жолкевский Ст., гетман 42
 Жудро Ф. А., историк 116
 Жукович П., историк 76, 100, 101, 146
 Жуковский, директор гимназии 51
 Жуковский, управляющий имением 193
 Журавский А. И., филолог 36

 Забелло Ф. И., историк 248
 Завишич Юрий, пан 216
 Залесский, проф. 27
 Замысловский Е. Е., историк 208
 Заславские, князья 37

 Збаражский Н. А., кн. 270
 Зеленацкий Адам 192
 Зенович Станислав 217
 Зеновичи, магнаты 54
 Зессель, директор училищ Минской губ. 151
 Зизаний Л., педагог и культурный деятель 29
 Золотаренко Иван, наказной гетман 205, 206
 Зорич, владелец Шклова 261
 Зубрицкий Д. И., археограф 33, 204

 Иван III Васильевич, вел. кн. московский 221
 Иван IV Васильевич Грозный 34, 46, 47, 164, 221, 222, 234
 Иван Иванович, священник 204
 Ивановский А. Д., историк 42
 Ивановский М., археограф 71
 Игнатенко А. П., историк 14
 Изабелла, королева 43
 Изяслав, кн. полоцкий 232
 Иконников В. С., историк 21, 30
 Иллинич, магнаты 245
 Ильинич Юрий, граф 218
 Инцова Васаца 58
 Иоани Казимир см. Ян Казимир
 Иосиф Солтан, митрополит 166
 Исайковский, ревизор 65

 Казак, татарин 137
 Казакевич Малахий Гуторович, могилевский бурмистр 197
 Казанович, войт могилевский 196
 Казимир, вел. кн. литовский 13, 27, 37, 39, 43, 240, 250, 270—272, 274
 Казимир IV, король польский 38
 Казновская 137
 Калайдович К. Ф., археограф 16, 17, 21, 27, 28
 Каиборов, русский посол 222
 Капелли, проф., пизанец 60
 Карамзин Н. М., историк 50, 51, 61, 235
 Карл, герцог Зюдерманландский 34
 Карл V, император 221
 Карл XII, король шведский 185
 Кармазин, заводчик 267
 Карпов Г. А., 221, 222
 Карпов Г. В., археограф 40, 235
 Карпов Г. Ф., редактор 205
 Карский Е. Ф., филолог 105, 122, 146
 Катков М. Н. реакционный публицист 108
 Кауфман К. П., виленский генерал-губернатор 80
 Каханов, виленский генерал-губернатор 122

- Каховский, автор хроники 235
 Каховский, генерал-губернатор Мо-
 гилева 199
 Коченовский М. Т., историк 21
 Каширин Д. Ф., инспектор училищ
 148
 Кейзерлинг, русский посол в Речи
 Посполитой 164
 Кешен П. И., историк-статистик 28
 Кернажницкий К. И., историк 116,
 248, 273, 280
 Кирилл Терлецкий, епископ луцкий
 и острожский 154, 156
 Клейн Э. М., историк 116
 Климент VII, папа 21, 221
 Кмита Филон, оршанский староста
 156
 Кобринские, князья 229
 Коженевский, издатель 165
 Козлов Янка 193, 195
 Комарович Иван, ученик 257
 Конарский Шимон, польский рево-
 люционер 35, 60
 Конашевич Янко 194
 Конисский Георгий, архиепископ 23
 Константин, царь грузинский 43
 Копонович Дашко, рыбак 198
 Копыстенский, автор полемиче-
 ских произведений 29
 Корбут, архивариус 48
 Коркунов М., археограф 17
 Корнева И. И. 63
 Корнеев, минский губернатор 261
 Корнялов И. П., попечитель Вилен-
 ского учебного округа 69, 75, 77,
 78, 84, 89, 90, 92 — 95, 96, 103,
 105, 111, 113, 149—155, 164, 169,
 174, 175, 209
 Коробанко 194
 Корсакевич, священник 48
 Коссов 29
 Костомаров Н. И., историк 203, 205
 Костюшко Тадеуш, польский рево-
 люционер 225, 227
 Котовичи, пань 106
 Коханский Кондрат 160
 Коялович М. О., историк 7, 8, 40,
 67, 68, 74, 89, 97, 99, 108, 111, 148,
 150, 151, 158, 207, 219, 220, 235
 Краснянский В. Г., историк 279
 Крачковский Ю. Ф., археограф 69,
 76, 81, 110—114, 117, 126, 127, 131,
 133, 143, 144, 148—151, 156, 254
 Крашевский И. (Kraszewski J.), пи-
 сатель 71, 83, 220
 Кривза 29
 Кречетников, генерал 168
 Кринцкий, ректор униатской семи-
 нарии 97
 Крок Марк, лавник 186
 Кромер М., автор хроники 13
 Крупеница 161
 Крупович М., археограф 56, 58, 62,
 149
 Крюков П., экономист 259, 265
 Кудавич Роман, мещанин 58
 Кукольник Нестор Васильевич, пи-
 сатель 79, 82
 Кукольник Павел Васильевич, исто-
 рик 79, 82—84, 89, 94, 125
 Кукольники 69, 82
 Кулаковский, археограф 149
 Кульжинский, историк 108
 Кундевич Иосафат, архиепископ 233
 Кушцевич Максим, пан 185
 Куракин А. Б., министр внутренних
 дел 268
 Курце (Kurtze) 234
 Кутшеба Станислав, польский исто-
 рик 12, 13
 Лабунский М., землянин 270
 Лапо И. И., историк 100, 122, 146,
 207—213, 215, 240, 255, 261, 262,
 271, 272
 Лафарг Поль 5
 Лебович М. Ф. 277
 Лелевель Иоахим, польский историк
 60, 82, 83
 Леонтович Ф. И., историк 12, 120,
 229, 230
 Леошкевич, пан 189
 Леопкович Отрофим, пан 186
 Лех М. (Lech M.), польский историк
 198
 Лисицкий С. 149
 Лихоч Е., историк 35
 Лобанов, кн. 189
 Лобойко И. Н., историк 16, 17, 19—
 22, 27, 34
 Ломачевский, ротмистр 278
 Лоцицкий С. священник 155
 Лочмель И. Ф., историк 277
 Лука, владыка полоцкий 213
 Лукашевич Л. Ф., археограф 148
 Любавский М. К., историк 100, 101,
 120, 146
 Любомирский, помещик 267
 Любомирские, магнаты 35
 Лявданский А. Д., археолог
 252
 Лялин В., археограф 67, 173
 Ляхович 71
 Мазепа И., гетман 38
 Малафеев, чиновник 51
 Маланья 185
 Малевский Франциск, юрист 60
 Малиновский А. Ф., юрист 21

- Малиновский И. А., историк 244, 245
 Малиновский Н. 58
 Мамоничи, книгоиздатели 10
 Маркс К. 5
 Мартин V, папа 57
 Масальские, магнаты 58
 Масальский, чиновник 51
 Масальский, кн. 160
 Марцеловский, ксендз 27
 Марциновский, редактор газеты 48
 Матвеевич Сергей, писарь 258
 Матвеевич Ярослав, кн., маршалок королевский 217
 Медешко 204
 Менский 258
 Меницкий Рышард (Mienicki Ryszard), историк 67—72, 76, 82, 84, 86—88, 90, 98, 101, 105, 109, 114, 115, 117, 123, 127, 141, 173, 174, 178, 255, 287
 Меховский, автор хроники 13
 Мецкерский Н. Н. 171
 Мецкерский, русский посол 222
 Николаева Остыковая Ганна 217
 Николаевич Венцлав, администратор 258
 Миловидов А. А., историк 11, 12, 67, 69, 73, 77, 78, 149,
 Мироворцев А. Л., археограф 148, 150, 153, 157, 159
 Мнишки, магнаты 35
 Могила П., митрополит 29
 Моджарский 264
 Мокрый 193
 Мостоцкая 261
 Моцарский, ксендз-каноник 58
 Мстислав, кн. смоленский 232
 Мстиславские, кн. 25, 229
 Мстиславский, кн. 24, 204
 Музовский, протопресвитер 28, 29
 Муравьев М. Н. 68, 73, 77—81, 84—86, 92, 93, 96, 105, 111, 113, 118, 120, 121, 124, 169, 209, 281
 Муханов П. А., археограф 40—44
- Нагишко Дмитр 218
 Нагишко Михаил 218
 Назимов В. И., виленский генерал-губернатор 8, 73, 74, 76—78, 84, 94, 282
 Наполеон, император 123, 224, 225
 Нарбут Т. (Narbutt T.) 50, 71, 74, 79, 94, 97, 235
 Незабытовский, каштелян 198
 Нерончич Д. Г., генерал 261
 Николай I, император 28, 72, 96, 118, 121, 281
 Никотин И. А., чиновник 69, 79, 81, 84—86, 91, 92, 97, 98, 102, 123, 125, 136
 Никольский Н. М., историк 248, 277
 Нил, архиепископ ярославский 75, 92
 Нифонтов А. С., историк 280
 Новицкий И., историк 120
 Новосильские, князья 37
- Оболенский К., кн. 17
 Оболенский М. А., археограф 44
 Обухович Ф., комендант Смоленска 57
 Огинский М. К., кн. 168, 193
 Одоевские, кн. 37
 Одоевский, кн. 221
 Окулинович Андрей 194
 Олдаковский Игнатий, профессор 59, 60
 Олоңцов 151
 Ольгерд, вел. кн. литовский 40, 75, 118
 Онаевич Игнатий, историк 34, 35
 Онух Стаська 198
 Орест, игумен 158, 166, 167
 Оршанский, полковник 189
 Оссолинский, регент 189
 Острожские, магнаты 245
 Острожский Константин, кн. 155
 Острожской Васильи, кн., возвода 222, 223
 Остроумов, попечитель Виленского учебного округа 160
- Павел I, император 225
 Палацкий Ф., чешский историк 108
 Пантелей 186
 Пардовский, войсковой 223
 Паскевич, кн. 280
 Пеликан, ректор Виленского университета 34
 Пенко Андрей, ремесленник 257
 Перцев В. Н., историк 248
 Пестель П. И. 120
 Петкевич Андрей 156
 Петр I, император 22, 185
 Петух, полоцкий хорунжий 204
 Пилсудский Ю. 247
 Пичета В. И., историк 12, 247, 248, 250, 271
 Плагер, помещик 168
 Плещеев 223
 Плоцацкий В. М., археограф 81, 111, 116, 117
 Почобут, офицер белорусской дивизии 202
 Погодин М. П., историк 44, 47, 92, 93
 Подберезский Р. 71

- Поклонский Константин, полковник 205, 206
 Поликарпович К. М., археолог 13, 252
 Полоцкие, князья 230
 Попов В. А., попечитель Виленского учебного округа 152
 Потоцкие, магнаты 35
 Потапов, виленский генерал-губернатор 97
 Поульские 198
 Преображенский А. А., историк 25
 Прудон П. Ж. 108
 Прус-Ольшаница Теофил, архимандрит 198
 Пташицкий С. Л., историк-археолог 109, 213—215
 Пшолко А. И., священник 79, 80, 81, 86, 91, 98, 102, 125
 Пясецкий, ротмистр 189
 Радзивиллович Николай Николаевич, пан 245
 Радищев А. Н. 120
 Радзивилл Михаил, кн. 164
 Радзивилл Карл, кн. 164
 Радзивилл Варвара 42
 Радзивиллы, магнаты 10, 35, 42, 52, 150, 151, 154, 162, 164, 165, 216, 259, 264, 275
 Радкевич Николай 166
 Рачинский А. В., археолог 42, 149, 150, 153
 Решни А. И. 164, 225, 226
 Решни Н. В. 225, 226
 Решни, кн. 189
 Ржевский, дворянин 205
 Ригер Ф. 108
 Родя, сторож 185
 Романов Михаил Федорович, русский царь 223
 Романовы, русские цари, позже императоры 94
 Ротунда Августин, юрист 57
 Румянцев М. П. 104
 Румянцев Н. П., русский госуд. и культурн. деятель 16—22, 26, 27, 34, 225
 Румянцевы 280
 Руссов Балтазар, автор хроники 234, 274
 Рязанов, капитан 189
 Сазонов А. М., археолог 149, 171, 174—179, 183, 184
 Сапх Гирей, хан 46
 Салтыков Н. И., генерал 226
 Салтыков-Морозов 223
 Самарин Ю. Ф., историк и публицист 108
 Самовидец, летописец 235
 Самойлович И., гетман 38
 Сангушки, магнаты 35, 50
 Сапега, магнат 166
 Сапега Дмитрий, корол. ревизор 65
 Сапеги, магнаты 58, 68, 106, 245
 Сапунов А. П., историк 6, 12, 230, 231, 232, 234—239
 Свидзинский Константин 58
 Свидригайло, кн. 20
 Свищич Яроним 217
 Сегюр, историк 82
 Селницкий, боярин 245
 Семашко Иосиф, митрополит 76, 86, 97, 108, 111, 146
 Семенов А. В., виленский губернатор 48, 51, 58
 Сербов И. А., археолог, этнограф 116
 Сергиевский Н. А., попечитель Виленского учебн. округа 151, 152, 231
 Серно-Соловьевич Н. А. 149
 Сигизмунд-Август, король польский и великий князь литовский 42, 44—46, 65, 151, 164, 214, 222, 254
 Сигизмунд (Жигмонт) I, король польский и великий кн. литовский 57, 258
 Сигизмунд III, король польский 34, 37, 56, 204, 258
 Сидорович Ян, археолог 59
 Симановский И. Б., библиограф 13
 Скорина Франциско, гуманист 10, 57, 156, 165
 Скорка Федор 218
 Слупский Ф., историк 280
 Слудский Юрий Олелькович, кн. 143
 Слудские-Олельковичи, князья 52
 Смирнов Ф. 148, 153
 Смотрицкий М. Г., филолог, писатель 29
 Снитко К. И., археолог 101, 102, 109, 110, 128, 133, 134, 137, 138
 Соваха Павенок, старец 198
 Соколов Н. И., учитель гимназии 149, 150
 Соколов С. И. 155
 Соликовский (Solikowski Jan Dimitr) автор хроники 234
 Соловьев С. М., историк 33, 235
 Соловьев, книготорговец 145
 Сосновский, униатский ксендз 20, 27
 Спрогис И. Я., археолог 67, 69, 81, 92, 100, 102—106, 123, 125, 128, 133, 148, 160
 Ставрович, инспектор училищ 149, 151, 155
 Станислав-Август, король польский 23, 34, 35

- Станиславович Амброжей, руководи-
 тель отряда бискупа 218
 Станкович Лавриновая 216
 Стародубские, князья 37
 Стафанович Мацей 193
 Стефан Баторий, король 44, 47,
 164, 171, 201, 258
 Строев П. М., историк 17
 Стрыйковский (Strykowski M.), ав-
 тор хроники 13, 50, 51, 79, 83, 165,
 234
 Стукалич В. К., историк 230
 Стурдза В. 106
 Суворов А. В. 168, 226

 Тальман Е. М. 63
 Татищев Ю. В. 224
 Тетеря П., гетман 164
 Трачевский А. С., историк 235
 Трубецкой 199
 Трубицкий А., автор хроники 167
 Трубицкий Михаил, автор хроники
 167
 Турцевич А. О., археограф 9, 69, 72,
 74—80, 84, 86, 88, 89, 99, 113, 117—
 121, 143
 Турчинович В. О., историк 9, 96
 Тутолмин М. И., генерал-губерна-
 тор 226
 Тышкевич Евстафий (Tyszkiewicz E.),
 этнограф 51, 60, 72
 Тышкевич Иван 134
 Тышкевич Криштофор (Христофор),
 помещик 134
 Тышкевичова Нелида 178
 Тышкевич Юрий, воевода берестей-
 ский 218
 Тышкевичи, магнаты 54

 Уваров, гр., министр просвещения 34
 Улащик Н. Н., историк 262, 280
 Ульяна 193, 195
 Унеховские, помещики 54
 Уриил, монах 170
 Устрялов Н. Г., историк 32, 235

 Федькович Миколай, ошмянский
 шляхтич 216
 Ферзен, генерал 227
 Филарет, митрополит 76, 78

 Хвальчевский Станислав, староста
 65
 Хлебник Иван 191
 Хмельницкий Богдан, гетман 31, 38,
 118, 164, 205
 Хмельницкий Юрий 38
 Ходкевич 164, 194
 Ходкевич Григорий Александрович,
 гетман 156, 194, 215, 217

 Ходкевич Евроним 91
 Ходкевич Ян Еронимович, староста
 и маршалок 218, 222
 Ходкевичи 35, 245
 Хорошкевич А. Л., историк 35
 Хребтовичи, магнаты 35, 58, 134

 Цамблак Григорий, митрополит 39
 Цехановский, помещик 267

 Чапские, графы 154
 Чарторыйские, магнаты 50, 251, 254
 Чарторыйский 35
 Чарторыйский, кн. 20
 Чацкий Г., историк 35, 94
 Черкас А. 59
 Чернявский, администратор имения
 198
 Чернявский, офицер белорусской ди-
 визии 202
 Черняк, заводчик 267
 Чепко В. В., историк 280
 Четвериков, купец 93
 Четвертинские, магнаты 50
 Чехович Ю. С., археограф 148
 Чорны Иван 194

 Шафарик П., историк 33
 Швейковский Войтех 59
 Шверубович А. И., историк 69, 82,
 83
 Шимкович Андрей, шляхтич 217
 Ширийко Юрий 217
 Ширицкий-Шихматов П. А., поме-
 щик округа 74, 77, 92
 Шиска Иван Михайлович, бурго-
 мистр 258
 Шолкович С. В., археограф 81, 102,
 106—109, 122, 123, 128, 138, 142
 Шпилевский Юрий, судья 160
 Шулькевич, помещик 185
 Шутов Семен 193

 Щербаков В. К., историк 116, 259,
 264, 273
 Щербидский О. В., археограф 148,
 152, 153

 Энгель А. М., археограф 225, 226
 Эпштейн Д. М. 63
 Эфрон И. А., издатель 30

 Юдин Г. В., коллекционер 25
 Юркевич 149
 Юрко, мастер 186
 Юрьевич 24

 Ягайло (Владислав), кн. литовский,
 король польский 20, 37, 38, 51, 56,
 57, 220, 274

Яворский Стефан 22
Ягеллоны 242
Якимович Стефан 216
Яковкин И. И., историк 270—272
Яковлевич Гаврило 192
Ян III, король 160, 190
Ян II Казимир, король польский
135, 190
Ян, кн. виленский бискуп 216
Янович 91
Янучков 151
Янушевич Федор, пан 245

Ярослав Изяславич, полоцкий кн. 27
Ярослав Мудрый, князь 213
Яроцкий В., проф. Киевского ун-та
174
Ярошевич И. (Jaroszewicz J.), исто-
рик 71, 74, 79, 83, 94
Ясинский А. Н., историк 245, 250,
271
Ясинский М. Н., историк 81, 146, 147
Яхимович, секретарь Виленского
статистического комитета 48

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Австрийская Галиция 8
 Австрийская империя 8, 33
 Адамовщина (Адамовщина) 105, 106
 Андреевщина (Андреевщина) 105, 106
 Астраханское ханство 45
 Астрахань, г. 222
- Баку, г. 239
 Белавичи, им. в Волковыйском повете 217
 Белановщина, д. 141
 Белгород, г. 222
 Белев, г. 45
 Белз, г. 33
 Белое, им. в Полоцком воеводстве 202
 Белое, м. 218
 Белоруссия (Белая Россия) 4—16, 18, 19, 21, 24—26, 29—34, 38—41, 43, 49, 51, 52—55, 57, 61, 63, 64, 67—70, 73—75, 77—79, 84, 88, 90, 92, 93, 95, 96, 99, 100, 104, 107—109, 111, 113—116, 118—120, 122, 123, 129, 131, 134, 140—148, 150—152, 154, 161—163, 165, 168, 171, 172, 179, 182, 183, 188, 197—207, 210, 213, 218—220, 223—225, 227, 228, 230, 236, 238, 239, 242, 247, 249, 250, 259—266, 267, 268, 272, 274—276, 278—284
 Белоруссия Восточная 9, 31, 33, 40, 112, 120, 161, 162, 165, 167, 168, 170—173, 182, 183, 190, 194, 197, 201, 206, 225, 266, 268, 269, 275
 Белоруссия Западная 34, 57, 60, 142, 161, 162, 164, 172, 206, 210, 225, 254, 263, 277, 285
 Белоруссия Северная 218, 237, 239
 Белоруссия Северо-Восточная 168, 233
 Белоруссия Северо-Западная 164
 Белоруссия Центральная 60, 164, 172, 206, 267
 Белоруссия Южная 38
- Белорусская ССР (БССР) 7, 9, 10, 14, 70, 178, 249
 Белорусская губ. 272
 Белорусский край 174, 182
 Белорусское Подвинье 7, 29, 163, 222, 229, 234
 Белорусское Поднепровье 7, 29, 205, 206
 Белорусское Полесье 138, 237, 238
 Белорусское Посожье 205
 Белосток, г. 239
 Белостокская область 32
 Бельничичи, г. 193
 Бельск, г. 155, 188, 238
 Бельский у. Гродненской губ. 59
 Бельчица, р. 27
 Береза, дер. 188
 Березина, р. 96, 247
 Берег, им. на Вольни 217
 Берестейская экономия 64
 Берестейский повет 213
 Берестейское воеводство 107
 Берестейское староство 240, 242
 Берестовица, им. Гродненского повета 162, 217
 Берестье, см. Брест
 Бешенковичи, слобода 195
 Билуново, урочище 241
 Биржи, г. 241
 Бобруйск, г. 53, 56
 Бобруйский у. Минской губ. 52, 68
 Бобруйское староство 273
 Божки, д. 188
 Болхов, г. 45
 Борисов, г. 9, 116, 188, 203, 224
 Борисовский у. Минской губ. 51, 52, 68, 256
 Борколабово, д. 197
 Браславский повет 48, 49, 217, 218
 Брест, г. 35, 39, 57, 188, 213, 238, 242, 243
 Брестский у. Гродненской губ. 224
 Брестское воеводство 52, 125
 Брожский ключ 273

* Сокращения: г.—город; губ.—губерния; [д.—деревня; им.—имение; м.—местечко; пос.—поселок; р.—река; с.—село; у.—уезд

- Буг, р. 8
 Буйнич, м. 197
 Буслowo гнездо, урочище 142
 Бытень, д. в Западной Белоруссии 162
 Быхов, г. 106, 186, 217
 Быхов Новый, г. 205, 206
 Быхов Старый, г. 205, 206
- Валахия 45
 Варшава, г. 12, 33, 41, 42, 150, 168, 185, 188, 189, 229, 251
 Вашницы, им. 197
 Вежшское, им. 180
 Велиж, г. 195, 233
 Велижская дистанция на р. Двина 268
 Велижский повет 201
 Великая Струга, д. 253
 Великие Луки, г. 201
 Великое княжество Литовское 6, 7, 9, 10, 12, 13, 36—39, 41, 43—46, 48, 50, 52—54, 59, 60, 65—67, 71, 73, 74, 83, 87—89, 94, 100, 104, 105, 108, 114, 117, 118, 120, 130, 132, 138, 145—147, 150—152, 161, 164, 171, 173, 175, 189, 197, 201, 203, 204, 208, 210, 211, 213—218, 220—225, 228, 229, 234, 239, 240, 242, 244—246, 251, 253, 270—272, 274, 275, 283, 284, 286
 Венгрия 8, 222
 Венгров, г. 188
 Верховские княжества 36
 Верцелишки, оз. 253
 Вилейский у. Минской губ. 52
 Вилейский у. Виленской губ. 219, 263
 Виленская губ. 7, 33, 52, 66, 67, 68, 79, 87, 109, 111, 116, 149, 172, 219, 224, 262, 266
 Виленский повет 245
 Виленское воеводство 245
 Виленщина 65
 Вилия, р. 96
 Вильно, г. (Вильнюс) 8, 10, 11, 19—21, 27, 30, 32, 35, 47—50, 53, 56, 58—60, 64—69, 71—74, 76—78, 81, 83, 84, 87, 89, 90, 94—98, 103, 104, 107, 108, 111—115, 117, 120, 121, 123, 130, 135, 144, 146—151, 154, 162, 166, 168, 170—175, 177, 197, 205, 206, 209, 224, 225, 227, 228, 238, 242, 251, 254, 259, 277, 278, 283, 284
 Висла, р. 8
 Витебск, г. 12, 28, 32, 35, 39, 53, 67, 68, 115, 148, 170—175, 177, 180, 181, 200, 203, 213, 230—235, 237, 238, 254, 268, 274, 277, 284
 Витебская губ. 7, 32, 33, 67, 68, 104, 115, 116, 150, 170—173, 219, 230, 233, 234, 262, 266
 Витебская земля 7, 39, 214, 216
 Витебский повет 214
 Витебское воеводство 7, 171, 181, 195, 199, 202, 206, 218, 255, 272
 Витебское генерал-губернаторство 173
 Витебщина 230, 231, 233
 Владимир-Волынский, г. 35
 Владимирское старство 245
 Воишь, г. 243
 Волга, р. 96
 Волковыск, г. 39
 Волковыский повет 217
 Волковысский у. Гродненской губ. 261
 Волынская губ. 7, 67, 219
 Волынская земля 214
 Вольнь 7, 8, 33, 113, 197, 217, 223
 Ворскла, р. 276
 Восточная Галиция 8
 Восточная Европа 36, 61, 286
 Восточная Литва 162, 168, 254
 Восточная Русь 161
 Высокий, г. 243
 Галиция 8, 29, 30
 Галич, г. 33
 Гераноны, им. в Западной Белоруссии 254
 Глубокое, г. в Полоцком воеводстве 164
 Глусский замок 163
 Глусск, им. 157
 Головчин, им. 188, 193
 Гольшаны, им. 217
 Гомель, г. 16—20, 25, 26, 28, 29, 34, 37, 116, 198, 205, 238, 261, 277, 280
 Гомельская волость 38
 Городно — см. Гродно
 Городенский повет 217
 Городец, г. 188
 Горы-Горки, им. государственное 263
 Готский берег 232
 Гродиско, г. 188
 Гродненская губ. 7, 32, 52, 66—68, 74, 79, 87, 89, 149—151, 172, 219, 224, 262, 264, 266
 Гродненская экономя 65, 107, 109, 134, 145, 242
 Гродненский повет 124
 Гродненский у. 224
 Гродненщина 110
 Гродно, г. 35, 58, 124, 245, 259, 269, 277
 Гуска, р. 106
 Даревь, р. 58
 Двина, р. см. Западная Двина

- Деречин, д. 162
 Дивин (Дьвин), г. 141
 Динабург, г. 168, 201, 233
 Динабургский у. Витебской губ.
 (Двинский у.) 170
 Дисна, г. 203
 Дисненская дистанция 268
 Дисненский у. Минской губ. 52, 219
 Днепр, р. 8, 30, 183, 193, 206, 272
 Днестр, р. 8
 Добосы, им. Оршанского повета 217
 Домославское, им. Виленского по-
 вета 245
 Дорогичин Перевоз, м. 188
 Дорогичин, г. 35, 243
 Друцк, г. 9
 Друя, г. Виленской губ. 115, 116
 Дубница Великая, д. 253
 Дубровенская волость 162
 Дубровна, г. 9, 268

 Европа 226
 Екатеринослав, г. 268
 Екатеринославское наместничество
 260
 Еловец, ручей 24
 Емонец, им. 195
 Есьмоны, дер. 279

 Жемайтия (Жмудь), Жмудская зем-
 ля 7, 29, 104, 105, 158, 162, 214,
 254, 275
 Жемайтские волости 275
 Жировицы, м. 188
 Жодина Слобода, м. 188
 Жодино, м. 188
 Жолобово, урочище 106
 Жуков борок, м. 188
 Журавичи, м. 188

 Заблудов, г. 30
 Заблудов, им. Городенского повета
 217
 Заволочье, г. 201
 Закарпатье 29, 30
 Залесье, им. Полоцкого воеводства
 163, 164, 212
 Залесци, с. 212
 Залужье, им. 195
 Замостье, г. 82
 Западная Двина, р. 8, 183, 196, 201,
 230, 239, 268
 Западная Литва см. Жемайтия
 Западная Россия, Западная Русь 7—
 9, 32, 34, 37, 38, 72, 76, 117, 118,
 147, 150, 151, 207, 220
 Западная Украина 38, 97
 Западные губернии 7, 31, 33, 34, 35,
 60, 73
 Западно-Русский край 219

 Западный край 7, 9, 48, 54, 65, 72,
 74, 75, 81, 88, 92, 94, 124, 125,
 128—131, 226
 Зельва, м. Волковысского у. 218

 Игуменский у. Минской губ. 52
 Израиль 154
 Илемнице, им. 212
 Инфлянтское княжество 170, 171

 Кабацкий ключ Пружанского повета
 104
 Каверляны, фольварк в Минском
 воеводстве 104
 Кавказ 63
 Кавкокальна, им. в Ковенском по-
 вете 104
 Казанское ханство 45
 Каменец, г. (около Бреста) 188
 Каракуль, м. в Гродненском повете
 217
 Карачев, г. 37
 Карпатские горы 8, 76
 Кейданы, г. 151, 154
 Кеймино, им. 180, 196
 Кенигсберг, г. 27, 34, 261
 Киев, г. 30, 43, 60, 67, 166, 175, 228,
 238, 244, 272
 Киевская губ. 7, 32, 67, 219
 Киевское государство 273
 Киевщина 29, 30
 Клевка, д. 279
 Клецк, г. 58, 101, 102, 142
 Клецкое княжество 65, 101, 109, 134,
 137, 242
 Кнегинино, им. на Воляни 217
 Кныши, им. в Подляшье 254
 Кобрин, г. 29
 Кобринская экономия 64, 65, 103,
 107, 242
 Ковенская губ. 7, 66, 67, 74, 79, 87,
 172, 219, 263
 Ковенский повет 104
 Ковно, г. (Каунас) 47, 49, 50, 72, 149,
 210, 271
 Койданов, м. 188
 Козьянская волость 195
 Комаровичи, м. 193
 Коморово болото 56
 Копенгаген, г. 225
 Королевство польское 43
 Косов, г. 188
 Костянки, с. 106
 Краков, г. 160, 251, 254
 Краковская область 8
 Красное, с. 188, 215
 Красногородский повет 201
 Красноярск, г. 25
 Красноярский край 25
 Кричев, г. 172, 190, 202

- Кричевское староство 197
 Крупки, м. 188
 Крущы, р. 56
 Крым 36, 45, 222, 283, 286
- Латвийская ССР 170
 Латвия 6, 102
 Латгалия 161, 170, 195
 Лахва, р. 160
 Левобережная Украина (Левобережье) 30, 32, 219
 Ленинград, г. 33, 256, 259, 270, 271, 277, 280
 Лепель, г. Витебской губ. 115, 116
 Лепельский у. 204
 Ливония 37, 45, 47, 213
 Лидский повет 138
 Литва 6—12, 19, 20, 29, 30, 32, 33, 38, 40, 41, 44, 47, 49—51, 56—58, 60—64, 67—70, 73—79, 83, 84, 88—90, 92, 94, 95, 99, 100, 104, 106, 108, 109, 111, 114, 117—120, 123, 124, 129, 131, 134, 139, 142, 143, 145—148, 150—152, 161, 162, 168, 171, 172, 202, 210, 219, 220, 222—225, 227, 228, 235, 262—264, 274, 275, 277, 281, 282, 284
 Литовиж, г. 243
 Литовская губерния 52
 Литовская Русь 33, 70
 Литовско-Русское государство 7, 81
 Литовская ССР 7, 70
 Лифляндия 171
 Ломжа, г. 59
 Ломжинская губ. 135
 Лоша, д. 188
 Луцкое староство 245
 Лукьяновщина, д. 276
 Луцкое староство 245
 Львов, г. 30, 33, 204
 Любеч, г. 272
 Люблинская губ. 68
 Любча, г. 272
 Люцинский у. Витебской губ. 170
 Ляховицкое графство 58
 Ляховичи, м. (Западная Белоруссия) 57, 58
- Малая Польша 37, 67
 Малороссия (Украина) 8, 65, 96, 206, 207, 219
 Марковщина (Маркаушчына) 141
 Междуречье, м. 188
 Мельник, г. 243
 Менишцы, им. Полоцкого воеводства 139
 Милейшцы, м. 210, 243
 Мильковщина (Милькоушчына) 141
 Минск, г. 13, 14, 32, 39, 43, 51—53, 56, 58, 61, 67, 111, 116, 117, 188, 213, 224, 239, 247, 250, 251, 256—258, 261, 265, 269, 270, 277, 283
 Минская губ. 7, 51—55, 66—68, 74, 79, 87, 107, 117, 122, 150, 151, 154, 155, 172, 219, 224, 239, 261—263, 266
 Минская обл. 42, 111
 Минский повет 52, 138
 Минский у. Минской губ. 52, 68, 149
 Минское воеводство 52, 104
 Минщина 257
 Мир, м. 188, 218
 Михалово, г. 188
 Могилев, г. 17—19, 22, 29, 32, 39, 53, 61, 166, 167, 169, 172, 173, 175, 179, 181, 183—191, 193—195, 197, 198, 202, 205, 206, 213, 224, 251—253, 266, 267, 269, 277, 286
 Могилевская волость 162
 Могилевская губ. 7, 32, 67, 68, 87, 104, 150, 170—173, 219, 224, 239, 261, 262, 264, 266
 Могилевская королевская экономия 186
 Могилевская область 16
 Могилевский у. 266
 Могилевщина 31, 167
 Можаны, д. 279
 Мозырский повет Минского воеводства 52, 218
 Мозырский у. Минской губ. 52
 Мозырь, г. 52
 Молдавия 36, 283, 286
 Молодечно 111, 215
 Молодечно, районный центр Минской обл. 111
 Москалевщина (Москалеушчына) 141
 Москва, г. 12, 21, 25, 40, 44, 47, 89, 95, 96, 118, 145, 161, 167, 223, 230, 239, 250, 251, 277
 Московское государство 45, 96, 201, 220, 235
 Мстислов, г. 188
 Мстиславль, г. 18, 19, 40, 172, 199, 204, 213
 Мстиславский повет 218
 Мстиславское воеводство 7, 171
 Мстиславское княжество 18
 Муравицы, им. на Волях 217
 Мыш, м. 188
- Налешки (Налеске), д. 142
 Нарев, р. 135
 Невель, г. 47, 233
 Невельский повет 201
 Неман, р. 135, 272
 Неменчичи, м. Виленской губ. 116
 Немига, р. 130
 Несвиж, г. 30, 42, 52, 150, 154, 165, 188
 Нобель, г. 108

- Новгород, г. 36, 274
Новогрудок, г. 39, 52, 53, 55, 56, 213, 214
Новогрудский деканат 161, 164, 165
Новогрудский у. Минской губ. 52, 68
Новогрудское воеводство 52
- Одоев, г. 45
Озерище, г. 188
Окуневка, р. 188
Опочка, г. 201
Орша, г. 9, 116, 172, 242
Оршанский повет Витебского воеводства 196, 199 217, 218
Остров, м. 165
Островки, д. 165
Ошмянский у. Виленской губ. 219
Ошмяны, г. 227
- Пашковщина (Панкоушчына), д. 141
Перемышль, г. 33
Переспа, р. 56
Пескевичи, с. 202
Песков, им. Волковийского повета 217
Петербург, г. 18, 21, 28, 29, 31, 34, 43, 48, 60, 73, 74, 82, 89, 92, 94—96, 145, 150, 153, 173, 175, 202, 204, 207, 216, 220, 230, 232, 251, 283
Пинск, г. 52, 53
Пинский у. Минской губ. 52, 68, 224
Пинское княжество 65, 101, 109, 130, 134, 137, 242
Пинское староство 65, 103, 107, 108, 130, 134, 142, 242
Погост, д. 276
Подберезое, им. 196
Подвижье 180
Подлясье, северо-восточная часть современной Польши 237, 254
Поднепровье белорусское см. Белорусское Поднепровье
Подолія 8
Подольская губ. 7, 67, 219
Познань, г. 161
Покутье, область на пограничье Польши и Галиции 8, 29
Полесье 8
Полонка, д. 165, 188
Полоцк, г. 13, 20, 27, 32, 35, 37, 39, 43, 47, 61, 113, 150, 167, 168, 171, 172, 213, 221, 222, 230, 233, 235, 237, 254, 258, 272, 274, 276
Полоцкая губ. 171
Полоцкая земля 6, 39, 214, 216
Полоцкая дистанция 268
Полоцкий повет 235
Полоцкое воеводство 7, 139, 163, 164, 171, 202, 218, 255, 272
Полоцкое княжество 172
- Польско-Литовское государство 220, 222
Польское королевство 211
Польша 6—8, 10, 12, 13, 20, 29, 33, 35—38, 41, 42, 48, 50, 58—60, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 83, 84, 88, 94, 104, 107, 108, 114, 120, 123, 135, 147, 188, 198, 206, 211, 219, 221—224, 234, 235, 238, 252, 254, 263, 271, 272, 283, 286
- Правобережная Украина (Правобережье) 7, 10, 29, 32, 40, 41, 63, 73, 219, 224, 284
Правокля, с. (Покольнишки) 158
Пропойск, м. (ныне г. Славгород) 16
Пружанский повет 104
Пружаны, г. 188
Пруссия 8, 45, 59
Псков, г. 36, 43, 47
Псковская губ. 171
Пуни, им. в Восточной Литве 254
Путиловское, им. 197
- Радошковичи, г. Виленской губ. 116, 242
Радвилловичи (Радвиляны), с. 158
Раклишки (Ракляшское), им. Лидского повета 138
Режицкий у. Витебской губ. 170
Речица, г. 52, 239
Речицкий у. Минской губ. 52, 53
Речицкий повет Минского воеводства 52, 218
Речь Посполитая 7, 9, 34, 37—39, 46, 50, 52, 55, 58, 63, 66, 70, 73, 105, 106, 113, 118, 123, 134, 136, 161, 164, 167, 171, 173, 175, 188, 211, 220, 221, 223, 233, 235, 238, 255, 256, 275, 278
Рига, г. 13, 197, 232, 274
Рим, г. 34
Рогачевский у. 262, 266
Роское, им. 156
Росненский повет 49
Россия (Русь, Русское государство, Российская империя, Велико-русское государство) 6—10, 12, 22, 34, 36—38, 41, 42, 44, 45, 46, 50, 52, 70, 73, 76, 83, 85, 88, 97, 98, 100, 111, 112, 116—118, 120, 130, 136, 139, 152, 164, 166, 168, 171—174, 182, 183, 201, 206, 210, 219, 221, 223—225, 228, 233, 234, 237, 239, 252, 261, 268, 274, 278, 279 283, 286
Рось, д. 162
Русиново, им. 196
Рындинское графство 195
Рындинское староство 195
Рязанская губ. 123

Сарматский фольварк 267
Свислочская вол. Волковысского у.
273
Святополча дорога 130
Свислочь, м. Волковысского у. 116,
188
Свислочь, р. 56
Святополка, р. 130
Себежский повет 201
Северо-Западная Русь 147, 153, 154,
161
Северо-Западные губернии 99
Северо-Западный край 7, 11, 65, 67,
72, 73, 76, 77, 81, 85, 100, 101, 103,
108, 121, 131, 148, 152, 188, 206,
207
Северщина 36
Семятичи, м. 188
Славгород, г. (см. Пропойск, м.)
Слоним, г. 201, 261
Слонимская губ. 52
Слуцк, г. 52, 53, 55, 58, 121, 143,
169, 197
Слуцкий у. Минской губ. 52
Слуцорецкий повет 52
Смаляны, им. 189
Смолевичи, м. 155, 188
Смоленск, г. 9, 13, 57, 116, 204, 213,
274
Смоленская губ. 33, 67, 87
Смоленское генерал-губернатор-
ство 173
Смоленщина 36, 161, 252
Снов, м. 188
Старица, им. Гродненского у. 267
Старицево, г. 188
Староуб, г. 37
Староселье, д. 279
Стволовичи, д. 168, 188
Сульгастово, г. 58
Судилевичская волость 195
Супрасль, им. Городенского повета
217
Сураж, г. 195
Тарту, г. см. Юрьев
Ташкент, г. 112
Тверь, г. 274
Тверская губ. 84
Тетерин, им. 193
Тетеровка, им. 134
Титовская волость 139
Титовяны, им. 138, 139
Томск, г. 244
Тродевичи, им. 195
Троки, г. 47—50, 72
Троцкая экономика в Литве 162
Тульская губ. 111
Турец, м. 198
Туркестанский край 111

Туров, г. 150, 155
Турция 45, 283, 286
Тыкотин, г. в Подляшье 135, 136, 254

Узда, м. 188
Украина 6—8, 10, 12, 30, 31, 33, 38,
46, 61, 113, 114, 118, 119, 162,
203—205, 207, 210, 219, 220, 228,
238, 245, 246, 254, 268, 284
Украинская ССР 7
Украинское Полесье 138
Улла, им. 201, 203
Улла, р. 201
Ульская дистанция 268
Упитская волость 162
Уречье, м. 261
Усвят, м. Витебской губ. 230
Усвятское староство 196, 201

Франция 268

Хлевники, г. 188
Хмелевец, г. 188
Холмщина 117
Холм 106
Хорощи, им. Городенского повета
217
Хотевичи, им. 204

Царство Польское см. Польша
Циринский деканат 161, 164, 165
Цитва, пос. 139

Чаусы, г. 190
Чашникское графство 195
Чериков, г. 190
Черкасы, д. 188
Чернавчицы, м. 218
Чернигов, г. 37
Черниговская губ. 32
Черниговское наместничество 52
Чернявка, им. 267
Чехия 222
Чечерск, г. 205
Чечерское староство 181, 195

Шавли, г. 117
Швеция 33, 171, 226
Шерешеве, им. в Западной Белорус-
сии 254
Шилейковичи (Шилейканы), с. 158
Шклов, г. 193, 261
Шкловское графство 261

Южная Россия 37, 38, 203
Южная Украина 219, 260
Юрьев (Тарту), г. 47, 211, 213
Юстинианово, им. (Восточная Бело-
руссия) 168

Ячанка, д. 188

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
--------------------	---

Глава I

ПУБЛИКАЦИИ 1824—1862 ГГ.

«Белорусский архив древних грамот»	16
«Акты Западной России»	28
«Сборник Муханова»	40
«Книги посольские Литовской метрики»	44
«Собрание грамот и актов городов: Вильно, Ковно, Трок»	47
«Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии»	51
«Собрание государственных и частных актов»	56
«Сокровищница актов»	59

Глава II

ПУБЛИКАЦИИ,
ВЫШЕДШИЕ В СВЕТ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА
(1864—1915 гг.)

«Акты Виленской археографической комиссии»	64
Образование Виленской археографической комиссии	64
Окончательное оформление Комиссии	98
Личный состав Комиссии в конце XIX — начале XX в.	102
Организация труда в Комиссии	123
Археографическая обработка материалов	132
«Археографический сборник документов»	147
Историко-юридические материалы	170
Издания Петербургской археографической комиссии	202
«Акты Южной и Западной России»	203
«Русская Историческая библиотека»	206
Документы, объясняющие историю Западно-Русского края	219
«Сборники Русского исторического общества»	220
Издания частных лиц	225
Публикация А. Энгеля	225

«Архив» С. А. Бершадского	228
Литовская метрика Ф. И. Леонтовича	229
Витебская старина	230
Публикации М. В. Довнар-Запольского	239
Сборник документов о панах-раде	244

Глава III

ИЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Организация археографической работы в Советской Белоруссии	247
«Беларускі архіў»	250
«Матэрыялы да гісторыі мануфактуры»	259
«Законодательные акты Великого княжества Литовского»	270
«Гісторыя Беларусі у дакументах і матэрыялах»	273
Заклучение	283
Указатель имен	288
Указатель географических названий	296

Николай Николаевич Улащик

**ОЧЕРКИ ПО АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ
ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА**

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР Академии наук СССР*

Редакторы *Л. С. Кручина* и *Г. В. Моисеенко*
Художник *В. А. Соболев*

Художественный редактор *В. Н. Тихунов*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 11/VIII 1972 г. Подписано к печати 8/XII 1972 г.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 22,2.
Тираж 1650 экз. Тип. закл. 1050. Т-16984. Бумага № 1.

Цена 1 р. 61 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10